

7294

The image shows a page of aged paper that is severely damaged by water damage. The paper is covered in a complex, mottled pattern of greenish-grey and brownish-tan colors, with numerous dark, irregular spots and stains. The texture appears rough and uneven. In the top left corner, there is a small, rectangular white label with the handwritten number '7294' in black ink.

4485
Учительського Інституту
№ _____ Шифр _____

164 III
3056 I

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПЕДАГОГИИ

М. И. Семкова

д. члена Ньжинскаго ист.-филол. Общества при Институтъ
кн. Безбородко, д. чл. педагог. отд. Харьковскаго ист.-филол. Общества,
д. чл. Кіевскаго Общества Естествоиспытателей и чл.-корр.
Московскаго Психол. Общества.

4621

37

ЧАСТЬ I

Одесская Державная Библиотека
БИБЛИОТЕКА
3734
Н. К. О. Н. К. О. в. М. П. Е. Т. А.

ДРЕВНЕ-РУССКАЯ ПЕДАГОГИЯ

(X—XVII вв.)

4 НОР 1914

БИБЛИОТЕКА
1899 г.

ИЗДАНИЕ Ж. „ГИМНАЗИЯ“

НБ ПНУС
7294

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій».

1895.

Доволено цензурою. — Ревель, 7-го февраля 1895 года.

Предисловіе.

Предлагаемая «Исторія русской педагогіи» представляет первую попытку свести воедино разбросанные факты изъ исторіи нашего воспитанія и образованія. Какъ первый опытъ, она представляет существенные недостатки, зависящіе и отъ новости дѣла, и отъ недостаточности знаній автора и отъ того, что многіе отдѣльные вопросы, необходимыя для исторіи русской педагогіи, до сихъ еще не разработаны. Что недостатки эти хорошо сознаются авторомъ, видно изъ его доклада Педагогическому Отдѣлу Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества «О задачахъ серьезной педагогической литературы» *).

Трудъ задуманъ уже давно (19-го ноября 1887 г.), но оконченъ только теперь и то неполнѣ. Въ своемъ изслѣдованіи мы ставили въ тѣсную связь исторію русской педагогіи съ исторіей просвѣщенія Россіи, но этимъ мы нисколько не смѣшивали исторію педагогіи съ исторіей просвѣщенія; мы думаемъ только, что для лучшаго пониманія нашей исторіи педагогіи необходимо напомнить важнѣйшіе факты изъ исторіи просвѣщенія и привести ихъ въ тѣсную связь. Для поясненія этого воспользуемся нѣкоторыми изъ мыслей, высказанными въ Исторіи педагогіи Карла Шмидта (см. т. I, 1890 г.).

Законы исторіи педагогіи тѣ же, что и законы исторіи вообще. Педагогія съ практической стороны есть искусство

*) Труды Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, Харьковъ. 1894. Вып. II., стр. 49 — 59.

воспитанія, т. е. сознательное воздѣйствіе на тѣлесное и духовное развитіе человѣка. Развивая единичнаго человѣка, педагогія развиваетъ въ то же время и народъ, къ которому принадлежитъ этотъ человѣкъ, такъ какъ народъ можетъ занять и занимаетъ лишь ту ступень развитія, на которой находятся его члены, единичныя личности. Съ другой стороны, развитіе единичнаго человѣка зависитъ отъ степени развитія народа, среди котораго онъ живетъ. Научный и художественный, релігіозный и государственный строй и ступень, занимаемая его членами, условливаютъ равномѣрно и степень системы его воспитанія. Слѣдовательно, педагогія и развитіе ея стоятъ въ тѣсной связи съ просвѣщеніемъ народа вообще.

Воспитаніе идетъ впередъ заодно съ культурой народа, а потому народъ въ своемъ воспитаніи и при посредствѣ его обнаруживаетъ опять таки, до какой ступени культуры дошелъ и развился онъ самъ. Жизнь народа отражается въ его педагогическихъ принципахъ, идеяхъ и идеалахъ; педагогическія формы служатъ зеркаломъ его жизни. Но подобно тому, какъ гениальныя личности движутъ культурную исторію народа, вносятъ новыя идеи и идеалы въ народную жизнь, такъ и педагогія не есть только отраженіе культурнаго состоянія народа, но она можетъ быть и активной силою, внося нѣчто новое въ культурную жизнь и тѣмъ подымая ее на новую высшую ступень.

Въ развитіи воспитательныхъ идеаловъ видимъ мы важное значеніе педагогіи, и исторія педагогіи должна показать, какъ зачинались, росли и развивались эти воспитательные идеалы, какими средствами пользовалась педагогія для достиженія своихъ цѣлей, всегда ли стояла на высотѣ своихъ задачъ, или были времена упадка и потемнѣнія. Только развитіемъ нравственныхъ идеаловъ, твердымъ воспитаніемъ народъ упрочиваетъ свое существованіе, могущество и развитіе. Такимъ образомъ мы думаемъ, что не только воспитаніе зависитъ отъ жизни и ея развитія, но что дѣятельное воспитаніе создаетъ новыя уклады жизни, способствуетъ ея организаціи и развитію.

Такъ какъ исторія педагогіи должна прослѣдить развитіе воспитательныхъ идеаловъ съ древнѣйшаго до настоящаго времени, то и необходимо изучать ее въ связи съ общей исторіей народа, значить исторію русской педагогіи въ связи съ исторіей Россіи, особенно же въ связи съ исторіей ея просвѣщенія. Исторіку педагогіи предстоитъ изобразить, каково въ каждую эпоху было воспитаніе въ дѣйствительности и какимъ въ то же время ему слѣдовало бы быть по существу своему въ духѣ людей мыслящихъ и нравственныхъ, т. е. какъ и чему обучался русскій народъ и чему и какъ учили лучшіе люди того времени, которые всегда являются провозвѣстниками новаго, лучшаго будущаго. Кто убѣжденъ, что всякое современное состояніе есть результатъ прошедшаго, тотъ пойметъ, что только тогда можно получить вѣрное понятіе о задачахъ современнаго воспитанія и только тогда найдется ключъ къ разрѣшенію современныхъ насущныхъ педагогическихъ вопросовъ, когда мы изслѣдуемъ путь, пройденный исторіей русскаго воспитанія и образованія и прислушаемся къ ея поучительному и авторитетному голосу. Несомнѣнно, что человѣкъ, погружаясь въ купель исторіи, крѣпнеть духомъ и узнаетъ много важнаго и необходимаго. Недаромъ же говоритъ Карлъ Шмидтъ, что лишь тотъ въ состояніи понять истинную науку современной педагогіи и творчески подвизаться въ ней, кто самъ вжился въ исторію педагогіи. Оно научаетъ его быть скромнымъ къ современной дѣйствительности и съ вѣрной оцѣнкой относиться къ мнѣніямъ, циркулирующимъ въ текущей литературѣ, какъ общей, такъ и педагогической. Ему зачастую придется сознавать, что многое, принимаемое имъ или другими за свое новое, оригинальное произведеніе, давно уже существовало прежде, и выполнялось порой или намѣчалось еще вѣрнѣе и лучше, чѣмъ въ настоящее время или, наоборотъ, признанное невѣрнымъ, оно давно уже осуждено многолѣтнимъ опытомъ.

Наука педагогіи безъ ея исторіи то же, что зданіе безъ фундамента. Отсутствіемъ твердыхъ знаній по исторіи русской педагогіи можетъ быть объяснено немало ошибокъ въ нашей педагогической дѣятельности.

Что касается источниковъ и пособій, необходимыхъ для исторіи русской педагогіи, то къ прямымъ и важнымъ источникамъ слѣдуетъ отнести извѣстія о системѣ воспитанія и образованія въ то или другое время. Въ этомъ отношеніи наиболѣе достовѣрными источниками оказываются: данныя лѣтописей, дошедшіе до насъ уставы объ основаніи и устройствѣ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній. Къ этой категоріи относятся: уставы Луцкой школы (XVII в.), уставъ Кіевской Академіи, привиллегія на Московскую Академію, учебные планы и постановленія комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ при Екатеринѣ II, уставы университетовъ, гимназій, семинарій и т. п. Затѣмъ важны сообщенія очевидцевъ о подобныхъ заведеніяхъ и способахъ воспитанія и обученія въ нихъ и отчеты о школахъ, исторіи отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, академій, университетовъ, семинарій, гимназій. Въ этомъ отношеніи важны: Исторія Московской Словено-Греко-Латинской Академіи Смирнова, Исторія Кіевской Академіи Голубева, Аскаченскаго и Бумакова, Исторія Московскаго Университета С. Шевырева, Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи Чистовича, Исторія Университета Св. Владиміра проф. Владимірскаго-Буданова; изслѣдованіе Знаменскаго «Духовныя школы въ Россіи»; кромѣ того цѣлый рядъ трудовъ по исторіи духовныхъ семинарій и гимназій.

Человѣкъ воспитывается и обучается всегда согласно господствующему въ данную эпоху обычаю. А потому извѣстія о воспитаніи отдѣльныхъ лицъ составляютъ немаловажный источникъ, имѣющій для насъ тѣмъ большее значеніе, что этимъ путемъ мы, между прочимъ, можемъ составить себѣ понятіе о первоначальномъ воспитаніи въ семьѣ. Болѣе точныя свѣдѣнія мы получаемъ о воспитаніи отдѣльныхъ выдающихся личностей въ ихъ біографіяхъ, напр. Петра I, Александра I, А. С. Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, С. Т. Аксакова и др.

Особенное значеніе имѣютъ для историка біографіи выдающихся педагоговъ, напр. Св. Дмитрія Ростовскаго, Н. И.

Пирогова, К. Д. Ушинскаго, такъ какъ въ нихъ находимъ не мало матеріаловъ для пониманія ихъ педагогическихъ теорій и идеаловъ.

Помимо источниковъ, касающихся организаціи школьнаго дѣла, особенно важны для насъ сочиненія касающіяся теоріи воспитанія и излагающія цѣльныя педагогическія системы. Переходъ къ этой категоріи источниковъ составляютъ учебники, о сохраненіи которыхъ, къ сожалѣнію, мало заботятся. Въ нихъ не только отражается то, что преподавалось, но изъ нихъ также мы часто узнаемъ о томъ, какъ преподавалось. Теорію воспитанія исключительно излагаютъ такія сочиненія, которыя имѣютъ предметомъ лишь методъ воспитанія и обученія; но сюда слѣдуетъ причислить въ особенности тѣ источники, которые представляютъ общія основы воспитанія или создаютъ цѣльныя педагогическія системы.

Своеобразнымъ источникомъ являются мысли о воспитаніи, разбросанныя безъ системы въ обще-литературныхъ сочиненіяхъ: романахъ, повѣстяхъ и отдѣльныхъ статьяхъ, и отражающія мнѣнія, циркулировавшія въ извѣстное время. Въ особенности для исторіи древне-русской педагогіи интересны древне-русскіе рукописные сборники: Пчелы, Златоусты, Измарагды и Домострой.

Если изъ приведеннаго краткаго перечисленія видно, что количество прямыхъ источниковъ велико, то число косвенныхъ источниковъ и пособій является громаднымъ и рѣшительно неодолимымъ для одного лица. Всѣ факторы духовнаго и матеріальнаго свойства (религія, философія, наука, искусство, общественное и сословное положеніе), подъ вліяніемъ которыхъ находится жизнь отдѣльнаго лица и всего народа, дѣйствуютъ на его развитіе и воспитаніе. Трудно требовать отъ автора исторіи педагогіи, чтобы онъ былъ въ состояніи съ достаточной полнотой ихъ обследовать, а если бы онъ и захотѣлъ это сдѣлать — не хватило бы цѣлой жизни. Поэтому историку педагогіи волей неволей придется удовольствоваться тѣмъ, что предъявлено изслѣдованіями специалистовъ въ той области,

подъ вліяніемъ которой находится воспитаніе. Зная же, какой обильный матеріалъ для исторіи русской педагогіи хранится въ государственныхъ и частныхъ архивахъ, сколько драгоцѣннаго матеріала заключается не только въ неопубликованныхъ и неизданныхъ актахъ, памятникахъ, письмахъ и мемуарахъ выдающихся дѣятелей, но даже въ изданныхъ, но разбросанныхъ въ многочисленныхъ повременныхъ и научныхъ изданіяхъ, мы считаемъ свой трудъ только первымъ опытомъ, который долженъ дать толчекъ для новыхъ, болѣе полныхъ изслѣдованій и разысканій въ этомъ направленіи.

Нашею главною задачею было собрать важнѣйшіе печатные источники и пособія; сличивъ и свѣривъ ихъ, выбрать наиболѣе важное и существенное, въ той увѣренности, что даже такая, сравнительно несовершенная работа, потребовавшая, однако, времени болѣе семи лѣтъ, можетъ оказать пользу русской педагогіи, сведя отдѣльные, разбросанные факты воедино, и тѣмъ дать толчекъ для новыхъ работъ, изслѣдованій и разысканій.

Даже воспользоваться наличнымъ печатнымъ матеріаломъ, имѣющимъ значеніе для исторіи русской педагогіи, является дѣломъ довольно труднымъ. Изученіе же древне-русской литературы, имѣвшей несомнѣнное педагогическое значеніе, по рукописямъ, по первоисточникамъ, болышею частью неизданнымъ, сопряжено въ настоящее время съ чрезвычайными затрудненіями. Проф. Н. С. Тихонравовъ *) требовалъ отъ историка древне-русской литературы непремѣннаго знакомства съ рукописями: хронографами, палеями, златыми цѣпями, златоустами, измарагдами, житіями святыхъ, сочиненіями Симеона Полоцкаго, Епифанія Словинецкаго и св. Димитрія Ростовскаго. Такое знакомство съ древне-русской литературой по первоисточникамъ мы считаемъ весьма полезнымъ для историка русской педагогіи; но мы, къ сожалѣнію, имѣли

*) См. Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1878, стр. 57.

возможность ознакомиться съ нею только отчасти; для будущаго изслѣдователя судебъ древне-русской педагогіи остается многое сдѣлать. Приходилось иногда ограничиваться тѣми данными, которыя опубликованы и которыя помѣщены въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ. Кое-что мы заимствовали изъ курсовъ исторіи русской словесности. Въ этомъ отношеніи удовлетворительными пособіями (хотя во многомъ и недостаточными) являлись: Исторія русской словесности, преимущественно древней С. Шевырева, Исторія русской словесности И. Порфирьева и Исторія русской словесности древней и новой А. Галахова.

Бѣдность подготовительныхъ работъ по исторіи древней русской словесности такъ значительна, что преосв. Филаретъ высказалъ даже мысль, что для составленія подробной исторіи русской духовной литературы не настало пока время: «не достаетъ еще многихъ данныхъ». А между тѣмъ такая полная исторія могла бы быть цѣннымъ пособіемъ для историка русской педагогіи и освободила бы его отъ излишнихъ кропотливыхъ изысканій.

Въ виду того, что религіозный элементъ стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ древней Руси, сплетается со всѣми важнѣйшими явленіями политическими, общественными и семейными, весьма важнымъ пособіемъ является также исторія русской церкви. Въ этомъ отношеніи большую пользу можетъ оказать: Исторія русской церкви арх. Макарія, Исторія русской церкви арх. Филарета, Руководство по исторіи русской церкви А. Доброклонскаго и Исторія русской церкви проф. Голубинскаго; кромѣ того рядъ специальныхъ изслѣдованій, въ родѣ труда Н. А. Астафьева «Опытъ исторіи Библии въ Россіи».

Этимъ и закончимъ указанія на источники и пособія, такъ какъ въ самомъ текстѣ будутъ даны болѣе подробныя библиографическія данныя.

Затѣмъ считаемъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, такъ или иначе оказывавшимъ намъ

помощь въ нашемъ трудномъ предпріятіи; особенную же признательность считаемъ нужнымъ выразить глубокоуважаемому профессору В. С. Иконникову, доставившему намъ возможность воспользоваться пособиями Университетской Библіотеки и дорогому И. Н. Михайловскому, разрѣшившему пользоваться разнообразными рукописными древнерусскими сборниками, находящимися въ его библіотекѣ.

Глуховъ. 10-го января 1895 г.

Авторъ.

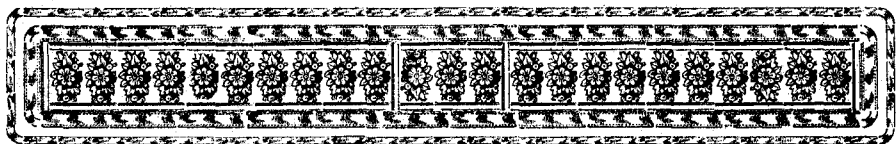
Оглавленіе ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Древне-русская педагогія.

Главы.

(X—XVII вв.)

- I. До-монгольскій періодъ. О древне-русскихъ школахъ и учителяхъ.
 - II. Просвѣдительное значеніе Византіи.
 - III. Воспитательное значеніе церкви. Значеніе Кіево-Печерской лавры.
 - IV. Значеніе книги. Грамотность и начетство.
 - V. Состояніе просвѣщенія и нравовъ въ XI и XII вв. Поученіе Владиміра Мономаха. Образованіе женщинъ.
 - VI. XIII—XIV вв. Монастырская педагогія. Монгольское иго. Воспитательное значеніе Троице-Сергіевой лавры и вообще монастырей. Состояніе образованія и просвѣщенія.
 - VII. XV вѣкъ. Педагогія учителей-мастеровъ. Частныя школы. Состояніе образованія и просвѣщенія.
 - VIII. XVI в. Максимъ Грекъ.
 - IX. XVI вѣкъ. Заботы Стоглава объ образованіи. Состояніе образованія и просвѣщенія въ XVI вѣкѣ. Идеаль женщины.
 - X. Педагогическое значеніе древне-русскихъ сборниковъ. Пчелы и Прологи.
 - XI. Златоустъ и «О воспитаніи дѣтей» Іоанна Златоустаго.
 - XII. Измарагдъ.
 - XIII. Домострой. Итогъ обобщенія древне-русскихъ сборниковъ.
 - XIV. Юго-западныя братства и школы (XVI и XVII вв.)
 - XV. Уставъ Луцкой школы.
 - XVI. Учебники братскихъ школъ и предметы обученія въ нихъ.
 - XVII. Кіевское братское училище и Кіево-Могилянская коллегія.
 - XVIII. Состояніе юго-западнаго просвѣщенія. Дѣятели юго-западнаго просвѣщенія XVII вѣка.
 - XIX. Стремленіе къ просвѣщенію въ сѣверо-восточной Россіи XVII вѣка. Греко-латинскія школы въ Москвѣ XVII вѣка.
 - XX. Кругъ школьнаго ученія. Школьные учебники. Буквари, прописи.
 - XXI. Азбуковники. Школьные азбуковники XVII в. Школьные порядки по азбуковникамъ. Руководство по ариметикѣ.
 - XXII. Епифаній Славинецкій.
 - XXIII. Симеонъ Полоцкій и его педагогическіе взгляды.
 - XXIV. Педагогическія сочиненія XVII вѣка.
 - XXV. Московская Елинно-Греческая Академія (1685—1700 г.) Дѣятельность братьевъ Лихудовъ.
 - XXVI. Состояніе просвѣщенія Московской Руси въ XVII вѣкѣ. Дѣятели просвѣщенія. Заключение.
-

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПЕДАГОГИИ.

Древне-русская педагогія.

Глава I.

До-монгольскій періодъ. О древне-русскихъ школахъ и учителяхъ.

Русская педагогія начинается со времени принятія христіанства (988 г.). Безъ сомнѣнія, и до этого событія древніе славяне воспитывали своихъ дѣтей, но то воспитаніе носило тотъ характеръ, какой оно носитъ у всѣхъ дикихъ народовъ, т. е. характеръ чувственности, которою исчерпывалась вся ихъ жизнь. Физическій уходъ былъ сплошь и рядомъ единственною заботою со стороны родителей. Намеки на духовное развитіе ограничивались стремленіемъ сдѣлать единичнаго человѣка нечувствительнымъ къ боли, хитрымъ и выносливымъ на войнѣ. Образование едва ли не сводилось къ приученію къ верховой ѣздѣ, на что указываетъ позднѣйшій обрядъ посаженія на коня при совершеннолѣтіи, и сообщенію умѣнья владѣть оружіемъ, какъ видно изъ свидѣтельства арабскихъ писателей о томъ, что у славянъ отецъ, при достиженіи сыномъ совершеннолѣтія, вручалъ ему лукъ и стрѣлы, говоря: «отнынѣ добывай себѣ пищу этими орудіями, какъ знаешь».

Только съ принятіемъ христіанства явилась насущная потребность въ иной педагогіи.

Христіанство, вслѣдствіе общаго правительственнаго распоряженія, распространилось въ значительныхъ размѣрахъ, и немедленно должна была почувствоваться нужда въ лицахъ, способныхъ вступить на служеніе церкви. Вотъ почему Владиміръ, вскорѣ послѣ крещенія кіевлянъ: посла, нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на учение книжное ¹⁾.

Лѣтопись не говоритъ намъ, на какое ученіе книжное розданы были дѣти боярь — на ученіе ли просто грамотѣ, умѣнью читать, или на ученіе настоящее, научное. Проф. Голубинскій ²⁾ склоняется къ послѣднему мнѣнію и полагаетъ, что такое научное ученіе было необходимо, вызывалось потребностью времени: надо было имѣть людей просвѣщенныхъ, способныхъ начать новый періодъ жизни; но если таковое научное ученіе и было, то продолжалось недолго.

Главнымъ совѣтникомъ и помощникомъ Владиміра въ заведеніи школъ и обученіи дѣтей былъ прибывшій изъ Греціи первый митрополитъ Кіевскій Михаилъ. По извѣстію Татищева ³⁾, Митрополитъ Михаилъ совѣтовалъ Владиміру устроить училища на утвержденіе вѣры и собрать дѣтей въ наученіе; итакъ, Владиміръ повелѣлъ собрать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное. Прежде бо невѣдуще закона, неслыхали словесъ книжныхъ ³⁾.

По примѣру равноапостольнаго Владиміра, который любилъ «слова книжная» и вел. кн. Ярославъ (1019—1054) до того былъ преданъ книгамъ, что часто самъ ихъ читалъ днемъ и ночью, и не менѣе отца своего заботился о просвѣщеніи своихъ подданныхъ. Съ этою цѣлью онъ поставлялъ по селамъ и городамъ священнослужителей, назначалъ самъ изъ имѣнія своего жалованье (урокъ), заботился, чтобы они чаще

¹⁾ Въ лѣтописи по Ипат. списку (изд. Археограф. комис. Спб. 1871) подъ 988 г. читаемъ: «И пославъ, нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти на учение книжное, а матери же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, и еще бо ся бажу не утвѣрдилъ вѣроу, но аки по мертвѣцѣ плакахуся».

²⁾ Исторія русской церкви. Т. I., 1880 г., стр. 588.

³⁾ Исторія Россіи. II. стр. 75 — 76.

собирали народъ въ церкви и ревностно учили его вѣрѣ, составилъ вокругъ себя цѣлое общество переводчиковъ, которые перевели, по его порученію, много книги съ греческаго языка на славянскій, и переписчиковъ, которые списали книги, прежде переведенныя въ Болгаріи. Собравъ много книгъ, положилъ ихъ при Киевскомъ Соборѣ и такимъ образомъ основалъ первую въ Россію бібліотеку¹⁾. Ярославъ, говоритъ Карамзинъ, хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла называться вторымъ Цареградомъ. Ярославъ любилъ искусства: художники греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею²⁾ донывѣ видимою въ Киевской Софійской церкви. Стараясь о благолѣпнн храмовъ пріятномъ для глазъ, Великій князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удовольствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы греческіе, научившіе російскихъ церковниковъ согласному демественному (уставному) пѣнію³⁾. Ревность его къ христіанству соединялась съ любовью къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей великій князь завелъ въ Новгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти пресвитеровъ и старѣйшинъ, пріобрѣтали свѣдѣнія,

1) Объ этомъ въ лѣтописи подъ 1037 г. (по Ипат. списку, изд. Археогр. К.) читаемъ: И при семь (Ярославѣ) нача вѣра крестыанская плодитися въ Руси и распиратися, и черноризци поча множитися, и монастыреве поча быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, и попы любяше повелику, являхъ же бѣ любяче черноризци, и книгамъ прилежа, почитая часто въ день и въ ноци; и собра писцѣ многы, и прѣкладаше отъ Грѣкъ на словенскый языкъ и писанья, и списаша многы книги, и списанья, ими же поучаются вѣрнии людье, и наслаждаются учение божественнаго гласа. Яко же бо нѣкто землю разореть, другый же насѣть, ищши же пожинають и ядятъ пищу безкудну, да и се, отецъ бо сего Володимиръ землю разора и умягчи, рекше крещениемъ просвѣтивъ; сий же Ярославъ, сынъ Володимеръ, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, учение приемлюще книжное... Ярославъ же съ, яко же рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и многы списавъ положи въ церкви святой Софьи, юже совда самъ... И ины церкви ставяше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имѣннн своего урокъ, и вела имъ учити люди и приходи часто къ церквамъ.

2) Мусія состоитъ изъ четырехугольныхъ камешковъ и изображаетъ по золотому полю лица и одежды святыхъ. Прим. Карамзина.

3) Истор. Гос. Рос. т. II.

нужныя для священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ¹⁾. Со словъ Карамзина и другіе, писавшіе послѣ него русскіе историки, кромѣ Соловьева, сообщая извѣстіе объ учрежденномъ Ярославомъ училищѣ, прибавляли, что цѣль ученія въ немъ была исключительно приготовленіе въ священники.

Древняя наша лѣтопись, говоритъ арх. Макарій, не упоминаетъ нигдѣ объ училищахъ при дѣтяхъ и внукахъ великаго князя Ярослава, но, вѣроятно, училища продолжали существовать у насъ въ томъ видѣ, какъ они заведены св. Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ. Если нельзя и отвергать рѣшительно свидѣтельства сводной лѣтописи Татищева, что великій князь Всеволодъ (1093) давалъ подаваніе на училища; что дочь его, извѣстная Янка основала училище при Киевскомъ Андреевскомъ монастырѣ для обученія дѣвицъ грамотѣ, письму, пѣнію и разнымъ рукодѣліямъ, и что нѣкто Василій, котораго разсказъ объ ослѣпленіи Василька вошелъ въ составъ лѣтописи Несторовой, былъ въ 1096 г. во Владимірѣ-Волынскомъ «смотрѣнія ради училищъ и поставленія учителей»²⁾, Смоленскій князь Романъ Ростиславовичъ, внукъ Мстислава Великаго, почти всѣ доходы свои употреблялъ на устройство училищъ и наемъ учителей³⁾, такъ что, когда онъ скончался, не на что было похоронить его прилично его званію, и жители Смоленска сдѣлали добровольный сборъ на погребеніе его. Галицкій князь Ярославъ Осмомысль († 1188) на свой счетъ заводилъ училища и заставлялъ монаховъ обучать дѣтей грамотѣ и удѣлять на училища часть монастырскихъ доходовъ⁴⁾. Еще болѣе замѣчательнымъ ревнителемъ просвѣщеніе былъ великій князь владимірскій Константинъ Всеволодовичъ. Наученный многимъ языкамъ, онъ не щадилъ ни-

¹⁾ Въ первой Софійской лѣтописи подъ 6539 г. (1030 г.) записано: приде (Ярославъ) въ Новгороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ (Полн. собр. рус. лѣт. I, 65).

²⁾ Арх. Макарій. Исторія русской церкви т. II стр. 104.

³⁾ Татищевъ говоритъ о Романѣ Ростиславичѣ, что онъ былъ «вельми ученъ всякихъ наукъ... и къ ученію многихъ людей понуждалъ, устроилъ на то училища и учителей» (Татищевъ III, 239).

⁴⁾ Арх. Макарій. Исторія рус. церкви т. III, стр. 123.

чего для приобрѣтенія книгъ, держалъ при себѣ ученыхъ людей, и заставлялъ ихъ переводить съ греческаго языка на славянскій; въ библіотекѣ его находилось до тысячи греческихъ книгъ. Предъ своего кончиною (1218 г.) онъ пожертвовалъ собственный домъ во Владимірѣ, всю свою библіотеку и разныя волости для училища, гдѣ иноки, русскіе и греки, обучали малолѣтнихъ дѣтей. Училище это продолжало существовать и по смерти князя, хотя въ 1227 г., во время страшнаго пожара владимірскаго, лишилось многихъ книгъ¹⁾.

Относительно распространенія школъ мы не имѣемъ точныхъ извѣстій. Н. А. Лавровскій говоритъ²⁾: «Одни свидѣтельства даютъ полное право заключать, что училища заведены были преимущественно въ мѣстахъ пребыванія епископовъ; другія поименно указываютъ на города, въ которыхъ существовали училища, какъ то на Кіевъ, Новгородъ, Курскъ, Смоленскъ, Владиміръ-Волинскій, Владиміръ на Клязьмѣ; иныя просто утверждаютъ существованіе совокупнаго обученія; иныя, наконецъ, указываютъ на распространеніе первоначальнаго обученія; всѣ вмѣстѣ утверждаютъ, что умственное образованіе со временъ христіанства успѣло получить довольно обширные размѣры; поэтому нельзя сомнѣваться въ справедливости словъ послѣдующихъ лѣтописцевъ, что въ то время у насъ было учреждено уже множество училищъ книжныхъ».

На основаніи, однако, позднѣйшихъ изслѣдованій и изысканій мнѣніе это нуждается въ значительной степени въ ограниченіи; число школъ было не такъ велико, да и школы эти были частныя, не правительственныя; школы эти были при церквахъ или на дому у частныхъ лицъ. «Въ письменныхъ памятникахъ до-монгольскаго періода нѣтъ ни одного прямого упоминанія о правительственныхъ школахъ. Если бы онѣ существовали, то были бы открываемы и новыя, и объ от-

¹⁾ Татищевъ. Ист. Рос. III, 238—280, 415—416, 446. О великомъ князѣ Константиѣ Всеволодовичѣ и Лаврентьевская лѣтопись замѣчаетъ: мужество и умъ въ немъ живше, правда же и истина съ нимъ ходяща, второй Саломонъ бывъ мудростью..., всѣхъ умудряя тѣлесными и духовными бесѣдами; часто бо чтяше книги съ прилежаньемъ (177, 188).

²⁾ О древне-русскихъ училищахъ.

крытіи хотя одной — двухъ изъ нихъ было бы записано въ лѣтописяхъ, но такихъ записей мы не встрѣчаемъ. За то въ памятникахъ письменности до-монгольскаго періода¹⁾ мы прямо имѣемъ извѣстія, въ которыхъ говорится объ ученіи дѣтей грамотѣ; если бы дѣти учились въ казенныхъ училищахъ, то, конечно, извѣстія и употребляли бы тотъ образъ выраженія, что они учились въ училищахъ; однако, мы находимъ въ нихъ не училища, а только учителей, т. е. не казенныя училища, а только частныхъ учителей. Въ Несторовомъ житіи преп. Θεодосія Печерскаго читаемъ, что онъ велѣлъ своимъ родителямъ дать себя на ученіе божественныхъ книгъ «единому отъ учитель»¹⁾).

Если это такъ, то является важнымъ вопросъ, кто были нашими первыми учителями? Проф. Голубинскій, Н. А. Лавровскій и др. высказываютъ правдоподобное предположеніе, что послѣ ученыхъ грековъ, привезенныхъ Владимиромъ и учившихъ только въ Кіевѣ, стали учить въ другихъ городахъ священники; они учили грамотѣ въ открываемыхъ ими при церквахъ школахъ не однихъ боярскихъ дѣтей, но и всѣхъ желающихъ «среднихъ и убогихъ», и такимъ образомъ образованіе было всеобщимъ. Такъ какъ никакого надзора надъ ученіемъ и учителями не было, то мало-по-малу стали учить и міряне. Одни открывали на домахъ у себя школы съ благотворительною цѣлью — обученіемъ другихъ способствовать распространенію почитанія божественныхъ книгъ, другіе сдѣлали себѣ изъ того занятія ремесло, отчего вполнѣдствіи ихъ стали называть «мастерами». Изъ свидѣтельства самого лѣтописца Нестора извѣстно, что въ первой половинѣ XI в. въ Курскѣ существовало нѣсколько учителей, изъ которыхъ каждый принималъ къ себѣ дѣтей на ученіе, и что къ одному изъ нихъ отданъ былъ отрокъ Θεодосій, вполнѣдствіи знаменитый игумень Кіево-Печерскій²⁾. Изъ житія же Θεодосія

¹⁾ Голубинскій. Ист. рус. церкви; т. I, ст. 598.

²⁾ Къ сямъ же и сотвори, и въ скорѣ извече вся грамотица, яко же всѣмъ чудитися о премудрости и о разумѣ дѣтища, и о скоромъ его ученіи. (Житіе преп. Θεодосія въ Чтен. Моск. Общ. Ист. 1858, отд. III. л. 2-ой).

можно судить до нѣкоторой степени, чему учили въ нашихъ древне-русскихъ школахъ XI вѣка, такъ какъ въ житіи сказано, что преп. Θεодосій, когда въ дѣтствѣ своемъ былъ отданъ родителями «на ученіе божественныхъ книгъ», вскорѣ «извыче вся граматикія». Значить, несомнѣнно, что славянская грамота и письмо были первыми предметами обученія.

Такъ какъ несомнѣнно, что одной изъ главныхъ цѣлей заведенія школъ было приготовленіе священниковъ и причетниковъ, то не трудно допустить, что въ нѣкоторыхъ школахъ обучали церковному пѣнію; а можетъ быть даже и греческому языку, такъ какъ онъ былъ крайне необходимъ для служителей вновь устроваемой церкви.

По мнѣнію Н. А. Лавровскаго, классическое мѣсто опредѣленія предметовъ первоначальнаго обученія въ древне-русскихъ школахъ находится въ соборномъ дѣяніи 1551 г. «А прежде сего, говорили отцы Собора, въ Россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ многія училища бывали, грамотѣ и писать и пѣть и читать учили»¹⁾. Отсюда не трудно сдѣлать выводъ, что предметы первоначальнаго обученія въ древне-русскихъ школахъ были: чтеніе, письмо и пѣніе. Эти предметы были главными и въ позднѣйшее время, въ XV—XVI вв. При чтеніи памятниковъ древнѣйшей нашей письменности, нельзя не замѣтить особенной любви нашихъ предковъ къ церковному пѣнію. Можно съ увѣренностью полагать, что не только приготовлявшіеся къ духовному званію, но и лица свѣтскія, даже самые князья, обучались церковному пѣнію; по крайней мѣрѣ, лѣтописи очень часто говорятъ о пѣніи князей.

Объ обученіи ариметикѣ ничего навѣрное неизвѣстно²⁾.

Весьма мало сохранилось извѣстій о дисциплинѣ, господствовавшей въ древне-русскихъ школахъ. Почти все, что

¹⁾ Проф. Соболевскій относитъ это мѣсто къ XV вѣку (см. Образованность и грамотность Московской Руси въ XV—XVII вв.), и это справедливѣе.

²⁾ Н. А. Лавровскій въ доказательство того, что у насъ еще въ древности было извѣстно искусство численія, и можетъ быть и первыя ариметическія дѣйствія, указываетъ на Кириково ученіе, «симже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ».

намъ извѣстно въ этомъ отношеніи, заключается въ извѣстномъ наставленіи, данномъ митрополитомъ Михаиломъ наставникамъ первоустроенныхъ школъ. Приведемъ это наставленіе, какъ оно выражено въ Степенной книгѣ: «Богодухновенный же учитель, преосвященный митрополитъ Михаилъ призываше всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правдѣ и благочинію учить юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонравію, и въ правдѣ и любви, и зачялу премудрости; учить же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостновиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и слаткимъ проученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня; отъ безумныхъ же и не подобныхъ словесъ всячески ошаятся»¹⁾.

Изъ приведеннаго мѣста Степенной книги видно, замѣчаетъ г. Лавровскій, что первоначальныя наши училища, а по всей вѣроятности и возникшія впоследствии, не имѣли исключительно цѣлью образованіе умственныхъ способностей, обученіе одной грамотѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовали и цѣли воспитательныя, внушеніе и установленіе началъ нравственности на основаніи ученія вѣры. Вся училищная дисциплина была основана на Евангельской кротости и любви, съ положительнымъ запрещеніемъ дѣйствовать строгими мѣрами, яростію. Это обстоятельство имѣетъ для насъ важность не только потому, что показываетъ духъ, господствовавшій въ древне-русскихъ школахъ, но и потому, что онъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ школъ монастырскихъ, существовавшихъ въ то же время на западѣ, гдѣ *virga* и *scutica* были непремѣннымъ условіемъ обученія.

Митрополитъ Михаилъ въ своихъ наставленіяхъ учителямъ всѣми силами старается облегчить учащихъся, велитъ учить ихъ съ ослабленіемъ, и два раза повторяетъ, чтобы они не унывали. Вотъ почему епископъ ростовскій Леонтій также кротко обращался съ дѣтьми: «младенцы ко церкви призываше и сладостно кутіею кормляще»²⁾.

¹⁾ Степен. Книга I ст. 143 у Лавровскаго, О древне-рус. учил. стр. 102.

²⁾ Степ. книга, ст. 153.

Изъ всего сказаннаго сдѣлаемъ выводъ.

Древне-русская педагогія начинается со временъ Владимира Святого и Ярослава Мудраго, которые первые изъ князей позаботились объ открытіи школъ. Школы эти устраивались при церквахъ или на дому у частныхъ лицъ; правительство не вмѣшивалось въ ихъ организацію, а только способствовало ихъ открытію. Ближайшее завѣдываніе школами принимало всегда духовенство: священники и причетники, а впоследствии явились въ качествѣ учителей и «міряне», которыхъ называли «мастерами». Однако, кто бы въ ней ни училъ, древне-русская школа XI и XII вв. носила церковный характеръ, ученіе въ ней было поставлено въ тѣсную связь съ церковью; школа являлась для малыхъ дѣтей преддверіемъ храма Божія. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она носила узко-спеціальныи характеръ, что цѣлью ея было приготовленіе лишь лицъ духовныхъ: напротивъ, въ ней учились дѣти лицъ всѣхъ сословій, многіе изъ нихъ не принимали потомъ духовнаго званія; такимъ образомъ древне-русская школа является общесословною школою грамотности. Предметами обученія въ ней были: чтеніе, письмо, пѣніе; дисциплина носила учебно-воспитательный характеръ и отличалась кротостью.

Источники и пособія. Источникомъ служила Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. Археографической комиссіи. Спб. 1871. — Пособіями служили: Н. А. Лавровскій. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ 1854 г. — Арх. Макарій. Исторія русской церкви. — Проф. Голубинскій. Исторія русской церкви. Москва, т. I, 1880.

Глава II.

До-монгольскій періодъ. Просвѣтительное значеніе Византіи.

Объ общемъ значеніи византійскаго просвѣщенія и византійской литературы существуетъ два противоположныхъ мнѣ-

нія. Большинство западныхъ историковъ относится къ нему строго. Такъ одинъ изъ нихъ (Bernhardy) не находитъ въ греческой литературѣ византійскаго періода ни творческаго начала, ни новыхъ идей, ни своеобразныхъ формъ. Онъ называетъ ее литературой упадка и безсилія, литературой компиляторства, составленія сборниковъ, т. е. выборки изъ сочиненій древняго міра и первыхъ вѣковъ христіанства. Единственную, хотя и немаловажную услугу, ею оказанную, онъ видитъ въ томъ, что она въ эпоху средневѣкового варварства поддерживала образованность и посредствомъ упомянутыхъ сборниковъ сохраняла плоды древней науки и литературы.

Но къ этому мнѣнію надо относиться съ большою осторожностью, такъ какъ едва ли оно основано на глубокомъ пониманіи историческаго значенія и роли Византіи. Поэтому мы лично на сторонѣ тѣхъ, которые признаютъ высокое и весьма важное культурное значеніе Византіи и особенно въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Проф. О. Успенскій говоритъ*): «По преимуществу на долю Византіи выпала воспитательная роль новоевропейскихъ народовъ. Признавая ея заслуги, оказанныя человѣчеству тѣмъ, что она имѣла благодѣтельное вліяніе на дикія орды варваровъ, воспитанныя ею въ историческіе народы, мы не должны забывать и понесенныхъ ею великихъ жертвъ на пользу всей Европы. Слѣдуетъ ли перечислять послѣдовательный рядъ варварскихъ вторженій въ Европу, которымъ Византія ставила преграды и полагала предѣлы? Мало того, что устоявъ противъ враговъ, она долгое время оставалась очагомъ и свѣточью просвѣщенія: она старалась частію убѣжденіемъ, частію проповѣдью христіанства и цивилизующимъ вліяніемъ укротить и облагородить дикарей, приучивъ ихъ къ выгодамъ гражданской жизни. Подъ ея вліяніемъ разрозненные славянскія колѣна и племена, равно какъ болгарская и мадьярская орда — выросли въ историческіе народы. Словомъ, она сослужила для восточно-европейскаго міра ту же благодѣтельную миссію, какую Римъ для галловъ

*) Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса 1888. Стр. 33.

и германцевъ. Восточные народы обязаны ей вѣрой, литературой и гражданственностью. Намъ не идетъ повторять безъ оглядки фразу, которая въ сущности исторически не вѣрна, что мы приняли изъ Византіи не настоящее просвѣщеніе и, не разобравъ хорошаго отъ дурного, стали слишкомъ рабски воспроизводить испорченные идеалы византизма. Прежде всего, иныхъ организующихъ началъ намъ не откуда было принять; кромѣ того, западная Европа того времени была ниже Византіи и сама пользовалась плодами эллинской культуры. Одинъ изъ германскихъ императоровъ X в. совершенно добродушно старается счистить грубость саксонской природы и раздуть въ себѣ искорку любви къ греческой наукѣ. Одинъ славянскій князь ищетъ, откуда бы позаимствовать лучшія учрежденія для своего народа, и находитъ ихъ въ Византіи, такъ какъ «отсюда на все страны распространялся добрый законъ». Византія исполняла свою миссію съ полнымъ самоотверженіемъ, — и въ этомъ величайшій успѣхъ греческаго духовенства и разнообразныхъ вліяній Византіи между восточно-европейскими народами. Она не налагала тяжелаго и неудобноносимаго ярма на новопросвѣщенныхъ, отличалась значительною терпимостью въ дѣлахъ вѣры: припомнимъ хоть то, что греческое духовенство на Руси не имѣло политическаго значенія и не стремилось къ организаціи, ограничивающей свѣтскую власть. Какая разница въ средствахъ дѣйствія латинской и греческой церкви: одна съ мечемъ идетъ на помощь имперіи и при помощи оружія распространяетъ свою паству, другая достигаетъ не менѣе широкаго распространенія своихъ предѣловъ нравственнымъ вліяніемъ и проповѣдью. Гдѣ господствуетъ латинская церковь въ IX и X в., тамъ раздается шумъ оружія; не то на востокѣ: греческіе проповѣдники не подчиняютъ новопросвѣщенныхъ византійскому царю, а служатъ религіозной идеѣ. Въ этомъ, на мой взглядъ, сказались народныя и психологическія черты, отличающія систему римскихъ завоеваній отъ процесса эллинской колонизаціи.

Такимъ образомъ, въ томъ обстоятельствѣ, что Россія приведена была въ ближайшія сношенія съ Византіей,

я не могу не усматривать глубокой важности для нашего просвѣщенія и культурнаго развитія. Что мы весьма медленно усвоили себѣ заимствованную культуру, въ этомъ нельзя слагать отвѣтственность на грековъ. Не оружіемъ, не воинскими доблестями одержала Византію побѣду надъ Русью, а своимъ моральнымъ воздѣйствіемъ на нее и удовлетвореніемъ ея духовныхъ потребностей.

Только въ послѣднее время сдѣланы весьма важныя попытки для оцѣнки просвѣтительнаго вліянія Византіи, но для полной картины недостаетъ еще значительнаго количества фактическихъ данныхъ. Слѣдовало бы, для того, чтобы составить себѣ точное понятіе о количествѣ и качествѣ византійскихъ вліяній на Россію, предпринять рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ: о вліяніи Византіи на древнюю русскую литературу, о заимствованіи изъ Византіи религіозно-нравственныхъ и художественныхъ идеаловъ, объ обмѣнѣ въ области юридическихъ понятій, въ устройствѣ государственности, въ домашнемъ быту и т. п. Но и теперь уже, на основаніи имѣющагося матеріала, можно сказать, что просвѣтительное вліяніе Византіи шло двумя путями: при помощи церкви и при помощи литературы; храмъ и книга явились важными факторами византійскаго вліянія.

Еще до Владиміра были у насъ сношенія съ Греціей; со введеніемъ же христіанства они сдѣлались постоянными. Русская земля составила особую епархію, подвѣдомственную въ церковномъ управленіи патриарху константинопольскому. Большую часть митрополитовъ, до половины XV вѣка, получали мы изъ Греціи. «Въ періодъ до-монгольскій, когда русскіе митрополиты жили въ Кіевѣ, въ лѣтописяхъ упоминается 23 митрополита, изъ которыхъ три русскіе, три неизвѣстнаго происхожденія и 17 несомнѣнно греки»^{*)}; нѣкоторые изъ митрополитовъ до того оставались греками, что даже не выучивались по-русски. Епископы, въ большинствѣ случаевъ, были

^{*)} Вл. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи. Ч. II. 1870 г.

русскіе, но и между ними было не мало грековъ, въ главнѣйшихъ городахъ, какъ Новгородъ, Ростовъ, Смоленскъ, Черниговъ и пр. Въ первое время приходили даже греческіе священники и клирики, церковные пѣвцы; церкви строились греческими мастерами, напр. знаменитѣйшія древнія церкви: Десятинная, Софійская, Успенія въ Печерскомъ монастырѣ,—онѣ украшались привознымъ мраморомъ, всѣмъ искусствомъ греческой архитектуры, живописи, «мусіи» (мозаики) и т. д.

Греческая церковь при самомъ началѣ стала передавать русской свои отличительныя особенности—строгое храненіе православія, соборныхъ постановленій и преданія, враждебное отношеніе къ западной церкви и ея догматическимъ и инымъ нововведеніямъ, свое церковно-гражданское законодательство. Въ житіяхъ святыхъ съ самаго начала устанавливается условный стиль, перенятый у грековъ и отличавшій потомъ наши произведенія этого рода (Пыпинъ).

Школою русскаго иночества постоянно служилъ востокъ. Высшимъ же образцомъ духовной жизни была Аѳонская гора. Въ началѣ XI в. Антоній обошелъ аѳонскіе монастыри и сталъ начинателемъ русскаго монашества. На Аѳонѣ приобрѣтался тотъ подвижническій закалъ, который такъ рельефно выразился въ стремленіи къ пустынножительству въ сѣверо-восточной Россіи; отсюда русскіе иноки постоянно стремились на Аѳонъ и приносили оттуда правила полного отрѣшенія отъ міра.

Въ Константинополѣ и на Аѳонѣ сосредоточилась обширная книжная дѣятельность: тамъ одни переводили на славянскій языкъ греческіе книги, а другіе списывали ихъ. Съ XI в. до 1169 г. русскіе иноки жили въ аѳонскомъ Ксилурійскомъ монастырѣ, а съ 1169 г. до конца XV в. они жили въ аѳонскомъ монастырѣ св. Пантелеймона и здѣсь между ними были иноки просвѣщенные, «искусные сказаемымъ, свѣтло во умѣ воспріимшіи закона Господня достохвальное ученіе». Эти русскіе иноки, живя между греческими, болгарскими и сербскими иноками, безъ сомнѣнія, многое заимствовали отъ нихъ для просвѣщенія своихъ соотечественниковъ; брали изъ аѳонскихъ монастырей книги, переводили и переписывали.

Такъ, напр., въ 1295 г. Кіево-печерскій архимандритъ Досиѳей получилъ съ Аѳона при посланіи «чинъ, како пѣти 12 псалмовъ особъ». Въ 1386 г. съ Аѳона вывезены были богородичные дневные каноны¹⁾.

Въ Студійскомъ монастырѣ, по словамъ Стефана новгородца (1350 г.), жили русскіе, искусные въ списываніи книгъ и посылали оттуда въ Россію много книгъ: уставы, тріоди и инныя книги.

Въ Студійскомъ же монастырѣ жилъ митрополитъ Кипріанъ, который особенно трудился въ переводѣ на славянскій языкъ сочиненій отцовъ церкви. Такъ, онъ перевелъ Лѣствицу, съ толкованіями, а въ Степенной книгѣ говорится вообще, что онъ переложилъ много святыхъ книгъ съ греческаго на русскій языкъ.

Въ XIV в. въ монастырѣ св. Предтечи, въ Константинополѣ, по волѣ Аѳанасія, игумена висоцкаго, написанъ сборникъ святоотеческихъ сочиненій. Слѣдовательно, въ Константинополѣ переводная дѣятельность шла довольно правильно. На Аѳонѣ, гдѣ она была шире, этому содѣйствовало раннее появленіе славянскихъ монастырей.

Въ XI вѣкѣ тамъ упоминается русскій монастырь, въ XII сербскій, въ XIII болгарскій. Уже въ XII вѣкѣ, въ списокѣ имущества русскаго монастыря Кеилургу, упоминаются русскія книги, именно: апостолы, ирмологіи, синаксори, пареміаки, минологи, творенія Ефрема Сирина и номоканоны²⁾. На Аѳонѣ занимались списываньемъ книгъ русскіе монахи: Савва, игумень тверской, Досиѳей, игумень печерскій, Нитрофонъ Бывальцевъ, Іона, игумень угрѣмскій, и особенно Ниль Сорскій. Изъ древнѣйшихъ рукописей получены съ Аѳона: толкованія словъ Григорія Богослова и лѣтопись Георгія инока, писанная на хлопчатой бумагѣ; въ XIII в. — прологъ, писанный въ 1397 г. Тахтиконъ Никона Черногорца, списанный въ Новгородѣ. Онъ имѣлъ большое значеніе для русскихъ догма-

¹⁾ Описание рукописей Толстого, стр. 587—590. Описан. рук. Рум. муз. стр. 277.

²⁾ Рус. иноки на Аѳонѣ. «Христіан. Чт.» 1853 окт. у В. Иконникова. Опытъ изслѣдованія о культурѣ Византіи.

тиковъ того времени, потому что заключаетъ въ себѣ много отрывковъ, весьма значительныхъ по объему, изъ отцовъ церкви. Отсюда почерпали свои богословскіе доводы Іосифъ Волоколамскій и Нилъ Сорскій, не указывая источника тѣхъ обширныхъ цитатъ, какія встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ *). Афонская гора постоянно сохраняла для Россіи значеніе книжнаго источника. Въ XVI вѣкѣ оттуда принесъ съ собою въ Россію греческія книги Максимъ Грекъ. Съ его именемъ встрѣчается у насъ и сочиненіе Іоанна Дамаскина: Ихнилатъ и Стефанитъ. При патріархѣ Никонѣ, по поводу исправленія книгъ, послался на Афонъ, для пріобрѣтенія греческихъ рукописей, Арсеній Сухановъ; тамошніе монастыри, а въ томъ числѣ и русскій, прислали съ нимъ 500 книгъ, весьма древнихъ.

Результатомъ переводной дѣятельности у южныхъ славянъ въ Византіи и отчасти въ Россіи было значительное количество переводовъ отцовъ церкви, религіозно-нравственныхъ сочиненій и византійскихъ сборниковъ, которые сообщили русской жизни извѣстное религіозное направленіе, сохранившееся во все время древняго періода.

Изъ Греціи къ намъ постоянно приходили ученые греки, которые и вводили у насъ просвѣщеніе въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно существовало въ Греціи. Если это просвѣщеніе распространялось не при помощи правильно организованныхъ школъ, то, во всякомъ случаѣ, при помощи «учительства», личнаго вліянія, при помощи обученія отдѣльныхъ лицъ. Слѣды этого византійскаго научнаго вліянія сохранились въ нашей литературѣ. Такъ, напр., слово митрополита Иллариона «о законѣ и благодати» носитъ на себѣ явные признаки знакомства автора съ греческой риторикой, какъ наукой, которая и дала самому слову блестящую внѣшнюю отдѣлку; слова Кирилла Туровскаго обличаютъ въ авторѣ человѣка, изучившаго церковное краснорѣчіе подъ руководствомъ греческаго учителя, который передалъ ему и общеораторскіе приемы и недостатки тогдашняго византійскаго проповѣдничества; краткое

*) Прав. Собес. 1859 дек. 384.

«ученіе» Кирика «имъ же вѣдати челоуѣку числа всѣхъ лѣтъ» говоритъ о знакомствѣ нѣкоторыхъ русскихъ до-монгольскаго періода съ пасхалией, какъ наукой. Наибольшая часть словесныхъ произведеній, существовавшихъ у насъ въ XI и XII вв., служившихъ умственною пищею народа, были произведенія, переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ. Разумѣемъ книги Св. Писанія, ветхаго и новаго завѣта, житія святыхъ, творенія св. отцовъ и учителей церкви и другихъ церковныхъ писателей. Такъ у насъ была вся Библия. Самымъ древнимъ считается Остромирово Евангеліе, написанное дьякомъ Григоріемъ для Новгородскаго Посадника Остромира въ 1056—1057 гг. Между догматическими сочиненіями первое мѣсто принадлежитъ «Точному начертанію православной вѣры» Іоанна Дамаскина (у насъ называлось Увѣріемъ). Къ нравоучительнымъ произведеніямъ относятся Патерики или отечники, представлявшіе сборники нравоучительныхъ повѣстей о знаменитыхъ подвижникахъ и нравоучительныхъ словъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, Пандектъ Антіоха Іерусалимскаго, собраніе нравоучительныхъ статей, лѣствица Іоанна Лѣствичника, трактующая о степеняхъ и путяхъ нравственнаго совершенствованія, нѣсколько нравоучительныхъ разсужденій Меодія Патарскаго и очень много церковныхъ словъ Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина и Ѳедора Студита, съ нравственнымъ содержаніемъ.

Но кромѣ духовныхъ произведеній, много произведеній свѣтскаго характера переданы намъ Византіей; сюда относятся повѣсти, легенды, апокрифы. Византійская словесность оставила глубокой слѣдъ не только въ письменныхъ памятникахъ древней Руси, но и въ памятникахъ словесныхъ: въ народной словесности, въ духовныхъ стихахъ, легендахъ, народныхъ книгахъ.

Изъ Византіи же къ намъ проникли любовь и уваженіе къ книгѣ, какимъ были проникнуты лучшіе люди того времени. Св. Іоаннъ Златоустъ говорилъ: «Святыя книги въ руцѣ примите и пользу, въ нихъ сущую, съ великимъ прилѣжаніемъ приѣмлите; оттуда бо раждается корысть многа: первѣе языкъ чтеніемъ (въ доброрѣчіе) управляется, та же

душа пріемлетъ духовныя крылѣ и возносится горѣ, и сіяніемъ солнца правды просвѣщается; къ сему же яко же чувственный хлѣбъ умножаетъ силы тѣла, сице чтеніе подаетъ душѣ силу; пища бо есть духовная, и крѣпку творитъ душу и постояннѣйшу и любомудрственнѣйшу, не попуская ей отъ страстей грѣховныхъ ятой быти, но легку и крылату творя ю, въ небо преноситъ»¹⁾.

«Всякое писаніе богодухновенно и, слѣдовательно, полезно есть», разсуждаетъ І. Дамаскинъ. «Поэтому изслѣдовать божественныя писанія есть дѣло самое доброе и душеполезное. Ибо душа, наповаемая божественнымъ писаніемъ, какъ древо, посаженное при потокахъ водъ, утучняется, приноситъ зрѣлый плодъ — православную вѣру, и украшается всегда зеленѣющими листьями, т. е. богоугодными дѣлами. Святое Писаніе настраиваетъ насъ къ добродѣтельной жизни и чистому созерцанію. Ибо въ Писаніи находимъ увѣщаніе ко всякой добродѣтели и предотвращеніе отъ всякаго порока. Посему, если будемъ ревностны къ ученію, то приобрѣтемъ многую мудрость»²⁾.

Хотя время VIII, IX и X вв. въ Византіи было временемъ упадка, но книга не потеряла своего значенія. Ученые люди этой эпохи обращаютъ свои взоры къ прошлому, къ трудамъ отцовъ золотого вѣка христіанской письменности. Быть ученымъ для этой эпохи значило быть свѣдущимъ въ литературѣ прошлаго, многое прочитатъ, многое заучить. Свѣтскія науки обращаются на служеніе священнымъ; отсюда высокое уваженіе къ книгамъ Св. Писанія, переданное и древней Руси.

Изъ сказаннаго видимъ, что Византія сослужила просвѣтительную службу по отношенію къ Россіи: она дала намъ вѣру, гражданственность и литературу. Ея культурное воздѣйствіе на Русь шло, главнымъ образомъ, двумя путями: при помощи церкви и при помощи литературы; храмъ и книга явились важными факторами византійскаго вліянія. Вліяніе Византіи

¹⁾ См. Лѣтопись иже во святыхъ отца нашего Димитрія, митрополита Ростовскаго. Москва 1784 г.

²⁾ І. Дамаскинъ. Точное изложеніе правосл. вѣры кн. IV гл. 17 въ русск. пер. Москва 1844, стр. 270—271.

въ большинствѣ было благотворнымъ и необходимымъ, такъ какъ иныхъ организующихъ началъ намъ не откуда было принять. Западная Европа того времени была ниже Византіи и сама нерѣдко пользовалась плодами эллинской культуры.

Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго выбора съ критическою оцѣнкою всего годнаго для исторіи русскаго просвѣщенія въ сочиненіяхъ византійскихъ писателей, что было бы отличною задачею для нашихъ эллинистовъ.

Источники и пособія: О. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса 1888. — Вл. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи. Кіевъ 1870 г. — Другія пособія указаны въ текстѣ.

Глава III.

Воспитательное значеніе церкви. Значеніе Кіево-Печерской лавры.

Съ введеніемъ христіанства быстро обозначается вліяніе церкви. Успѣхъ ея былъ несомнѣнный и обширный; ея авторитетъ былъ неоспоримый; духовенство со времени Владиміра поставлено было въ извѣстное независимое — нравственно и матеріально — положеніе; князья строили по собственному усердію церкви и приказывали ихъ строить; искали поученія и руководства у игуменовъ и епископовъ. Книги Св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнное чтеніе нашихъ предковъ.

На Руси православіе, соотвѣтственно ея степени культуры, получило характеръ государственнаго и политическаго учрежденія, подъ покровомъ котораго окрѣпло и выработалось національное сознаніе. Не понимая этого, нельзя понять русской исторіи.

Наши предки прибѣгали къ инымъ средствамъ воспитанія, чѣмъ къ какимъ мы прибѣгаемъ въ настоящее время. Такъ какъ сущность и цѣль истиннаго образованія они видѣли въ приобрѣтеніи познаній истинъ православной христіанской вѣры

и благочестія, то они и получали это образованіе не столько въ училищахъ, сколько въ храмахъ Божіихъ, первыхъ училищахъ вѣры и благочестія, въ монастыряхъ, высшихъ школахъ нравственности, въ нравственно-религіозныхъ книгахъ, чтеніемъ которыхъ они занимались на дому. По словамъ проф. М. П. Погодина, всякая новая епархія дѣлалась, такъ сказать, новымъ учебнымъ ѱокрытомъ, новый монастырь — гимназіей, новая церковь — народнымъ училищемъ*).

Такимъ образомъ храмы издревле явились у насъ первыми разсадниками христіанскаго народнаго просвѣщенія, во времена же монгольскаго ига были, можно сказать, почти единственными хранилищами народнаго образованія.

Церковь русская имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на преобразованіе всего строя гражданской жизни и сообщала внутреннюю силу государству. Христіанство принесло готовые правила на всѣ частные случаи, прямые отвѣты на всѣ запросы и постепенно стало проводить ихъ въ глубину частнаго и семейнаго быта. Вѣра подчинила своему вліянію духовное развитіе русскаго человѣка, лишившагося слабой опоры язычества, и сдѣлалась основою народнаго взгляда и характера. И въ этомъ случаѣ церковь дѣйствовала на неразвитаго человѣка своей внѣшней дисциплиной и обрядовой стороною.

Храмъ являлся въ воззрѣніяхъ нашихъ предковъ, какъ живое лицо, исполненное благодатнаго духа. Вліянію храма приписывали часто побѣду надъ врагами; ему предоставляли выборъ епископовъ по жребію и такой выборъ считался священнымъ и угоднымъ Богу. Но кромѣ этого общаго значенія, храмъ имѣлъ въ древности особенное, воспитательное значеніе.

При отсутствіи способовъ просвѣщенія, онъ своимъ многознаменательнымъ богослуженіемъ и изяществомъ былъ, можно сказать, главною школою истины и добра для нашихъ предковъ. Въ храмѣ они получали уроки вѣры и нравственности, въ чтеніи, пѣніи и живомъ словѣ пастырей, на понятномъ

*) Образованность и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи. Ж. М. Н. П. Январь 1871, стр. 11.

языкъ. Не только благочестивые отцы семействъ, старцы, мужи и жены, но и юноши и отроки часто ходили въ церковь нарочно для того, чтобы поучаться въ Божественномъ Писаніи и съ особеннымъ вниманіемъ и любовью слушали церковное чтеніе и пѣніе. Потому то благочестивые предки нами и цѣнили такъ высоко значеніе храма и богослуженія: «Яко же бо дождь раститъ сѣмя, писалъ Симонъ, епископъ владимірскій, къ черноризцу Поликарпу, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла: все бо, елико твориши въ келліи ни во что же суть, еще и псалтирь чтеши, или обанадесять псалма поеши, ни единому Господи помилуй подобится соборному пѣнію».

Повелѣвая родителямъ посылать дѣтей въ храмъ, христіанство этимъ дѣлало уже обязательнымъ нравственное воспитаніе подрастающаго поколѣнія.

Въ русскомъ обществѣ, совершенно проникнутомъ началами вѣры, храмъ имѣлъ большое значеніе и въ гражданскомъ и въ житейскомъ быту. Во время преобладанія грубой силы и насилія, храмъ представлялъ спасительное убѣжище отъ буйной толпы мятежниковъ. При нападеніи внѣшнихъ враговъ, въ храмъ шли защищаться, и въ случаѣ опасности — считали счастьемъ принять тамъ смерть отъ руки невѣрныхъ. Въ храмахъ хранили важныя грамоты, заключавшія разнаго рода договоры, копіи съ заемныхъ писемъ и пр.; тамъ хранились законныя мѣры и вѣсы. При церквахъ устраивались богодѣльни, въ которыхъ жили больные и бѣдные. Что церковь являлась однимъ изъ органовъ попеченія о народномъ здравіи, объ этомъ говорятъ, какъ древнѣйшія свидѣтельства, такъ и обычаи, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нашихъ дней въ непрерывной преемственности отъ древнѣйшихъ временъ. Люди «церковные» суть люди «богодѣльные»; въ вѣдѣніи церкви состоялъ, какъ «лѣчець», такъ и прощенники (врачъ и исцѣленные) больницы, гостинницы, страннопріимницы (уставъ, приписываемый Св. Владимиру). Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ служить то, что въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, а иногда и теперь, принадлежностью каждой

приходской церкви считаются: богадѣльни, гошпитали и школы; люди богадѣльные и позже кормятся отъ церкви Божіей и суть люди церковные. Всѣ эти учрежденія такъ срослись съ церковью, что связь ихъ съ нею должна быть признана первоначальною *).

Неудивительно поэтому, что на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердца высокимъ чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ.

Простой народъ видѣлъ въ священникахъ своихъ руководителей и наставниковъ, съ уваженіемъ относился къ нимъ и въ затруднительныхъ случаяхъ обращался за совѣтомъ и помощью. Вліяніе духовенства простиралось на семейную жизнь народа, на его обычаи и привычки. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ дѣтей духовныхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали бѣднымъ и т. п. О нѣкоторыхъ пастыряхъ находимъ въ памятникахъ такіе отзывы: «Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогаль, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловаль. Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ.»

Чтобы доставить священникамъ больше способовъ къ поученію народа въ храмахъ, благочестивые князья и епископы снабжали церкви книгами, учреждали при нихъ книгохранилища.

Съ какимъ уваженіемъ относились наши предки къ пастырямъ духовнымъ можно видѣть изъ лѣтописей и изъ

*) М. Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія министерствъ. Ж. М. Н. П. 1873 СLXVII.

отдѣльныхъ наставленій, разбросанныхъ въ древнерусскихъ сборникахъ.

Въ Изборникѣ Святослава 1076 г. находимъ слово Іоанна Златоустаго: «Како подобаеть пона чѣстити». «Слышимъ Павла глаголюща. покаярѣтеся старѣйшиномъ вашимъ. ти бо бѣдѣть о душахъ вашихъ. изъ лиха чѣтѣте я. ты бо о своемъ ся-тѣчью печеши, аще устроиши добрѣ то о иномъ не брежешѣ. а иерѣи аще и устроить свою жизнь добрѣ а о тебѣ молиться. ти не добрѣ тебѣ управить то съ злыими осудитьсѣ. Аще ли законъ имать неправъ и благовѣстити иноко то не послушаи его аще и ангелъ есть. аще ли право учить. то не житиѣ ему съмотри нѣ словесъ» *).

Въ Измарагдѣ XVI вѣка находимъ Слово Іоанна Златоустаго: «еже чтити прозвитера», во многомъ сходное съ предыдущимъ: «Удивите вся колика ерейская власть и честь. крещеніемъ и покаяніемъ и причащеніемъ поновляютъ вѣрныя, и за вся молитвы к Богу творят. Тѣмъ не пререкайте их. но добро чтите. Божіи бо слугы. и предстатели тайны его. тѣмъ добрѣ чтите я. и потребная имъ даваите. аще бо слугы земныхъ князей чтите. колми паче небеснаго царя слугамъ достойную честь и дары воздаеть. Слышати апостола Павла глаголюща. покаярѣтеся старѣйшиномъ вашимъ. ти бо бѣдѣтъ за душа ваша. яко да слово отдати имъ в день судны о васъ. ты бо токмо о своей выи тѣшиши. а симъ велика есть скорбь. яко како бо порученыхъ имъ управити, а не научивше судъ волъ прияти... Господь Богъ глаголетъ слушаай вас мене слушаает. а отмѣтаай ся вас мене ся отменет. а иже хулитъ вы. мене хулит... То вся размыслившѣ любиміи всячьское и добрѣ надѣляите я. яко отца нищею и одежею. да безмятежно о васъ молбы приносятъ к Богу... Всякъ бо іерей от человекъкъ приѣмлетъ дары иже тебе. о грѣсѣхъ яко о себѣ тако и о людехъ молится Богу ден и ноц. того ради достоитъ зѣло чтити я» **).

*) Архангельскій. Твор. св. отцовъ, ст. 195—196 в. IV.

**) Приведено у Архангельскаго А. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, вып. IV., ст. 195—198.

Въ рукописномъ сборникѣ «Пчела», *) относящемся къ XVII вѣку, находимъ:

«Подобаеть всякому чтити отца духовнаго, слушати наказанія (наставленія) аще кто не послушаетъ то да будетъ проклятъ и чюждь есть вѣры христіанскія».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и на священниковъ налагаются обязанности заботиться о чадахъ духовныхъ: «аще понь и добро житіе свое проживеть и о дѣтехъ духовныхъ не попеclerosis ни учи не избыти ему мухи вѣчныя».

Въ одномъ изъ Цвѣтниковъ **) эти обязанности развиты подробнѣе: «Священницы убо блази должны суть быти, милосерди, братолюбивы, благосерди ко всѣмъ и милостивы. нищелюбивы, страннолюбивы. обращающа заблуждѣшая. посещающа немощныя. презирающе вдовиць и сорот и нищихъ. добрая мысляще всегда предъ Богомъ и чловѣки. укланяющесе от всякого гнѣва, и лицемѣрія и суда неправеднаго, и сребролюбія, не приѣмля скоро суетнаго слышанія».

Домострой ***) въ 6-й главѣ указываетъ: «како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ духовныхъ и повиноватися во всемъ»: «Подобаеть, говоритъ онъ, вѣдати и се, како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ духовныхъ. изыскати отца духовнаго добра, боголюбива, и благоразумна, и разсудительна, и утвержженна въ вѣрѣ, и учительна, а не потаковника, ни піяницу, ни сребролюбива, ни гнѣвлива. Таково убо подобаеть чтити и повиноватись ему во всемъ и каятись предъ нимъ со слезами, исповѣдати грѣхи своя безстыдно и безсрамно, и заповѣдѣхъ его храни... и наказаніе его съ любовью приимати, и послушати его во всемъ, и чтити его, и бити челомъ предъ нимъ ниско. онъ учитель нашъ и наставникъ. и совѣтовати съ нимъ часто о житіи полезномъ и возстязатись отъ

*) Изъ бібліотеки И. Н. Михайловскаго.

**) Книга цвѣтникъ письменной. Поученія избранная отъ Св. Евангелія іото многихъ Божественныхъ писаній поученіе въ недѣлю первую св. великаго поста (рукопис. сбор.). Изъ бібліотеки И. Н. Михайловскаго.

***) ст. 17, изд. 1882 г.

грѣхов своих. и како учити и любити мужъ жену свою и чяда и рабъ».

Домострой же совѣтуетъ почаще ходить въ церковь: «а въ церкви стояти на всякомъ пѣніи со страхомъ и съ молчаніемъ молитися, а дома всегда повечерница, и полунощница, и часы пѣти... А въ церкви ни съ кемъ не бесѣдовать, съ молчаніемъ стояти и со вниманіемъ слушати божественнаго пѣнія и чтенія».

Особеннымъ значеніемъ и вліяніемъ пользовался монастырь. «Монастырь былъ пристанищемъ душъ высокихъ, стремившихся къ вѣчнымъ законамъ добра и правды. Здѣсь приготовлялись лица для занятія высшихъ степеней церковной іерархіи; здѣсь воспитывались ревнители вѣры и благочестія, но особенно для насъ важно, что древне-русскіе монастыри, по духу своихъ строгихъ правилъ, по своимъ благоговѣйнымъ, ежедневнымъ службамъ и по образу жизни благочестивыхъ иноковъ, съ самаго начала своего существованія сдѣлались лучшими школами нравственнаго воспитанія народа. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ на первомъ планѣ стояли вопросы не о матеріальныхъ выгодахъ, а о высокой цѣли и назначеніи человѣческой жизни, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные, по своему времени, высоко, развитые болѣе другихъ; они всякому ищущему совѣта и утѣшенія могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненія въ извѣстныхъ случаяхъ. Тамъ древне-русскій человѣкъ на живыхъ образцахъ и примѣрахъ получалъ уроки нравственные. Въ мірѣ, большею частію, хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насиліе, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и без-

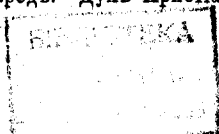
конечнымъ благомъ» *). Взглядъ на эту жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря и строгіе уроки нравственности на долго западали въ человѣческія души.

Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда собирались князья и вельможи и прочіе люди «за духовною пользою». Монастыри служили центрами правильного труда и разсадниками христіанскаго просвѣщенія. Монахъ уже самымъ своимъ положеніемъ и назначеніемъ, своимъ удаленіемъ отъ міра и мірскихъ удовольствій, призывался въ еще непросвѣщенномъ книжною мудростью къ усиленной книжной дѣятельности. Вотъ почему инокъ и грамотей въ понятіяхъ древне-русскихъ людей сдѣлались синонимами: «Яко же корабль безъ гвоздей не съставляется, такъ и инокъ безъ почитанія книжнаго», говорили и писали въ древней Руси.

Монастырь въ древней Руси былъ школою въ полномъ смыслѣ слова, и не будетъ ошибкой сказать, что школъ въ древней Руси было столько, сколько было церквей и монастырей. Монастыри появились у насъ очень рано, вслѣдъ за крещеніемъ земли русской, какъ свидѣтельствуемъ Илларионъ: «монастыреве на горахъ сташа, черноризцы явишася». По преданію, первый нашъ митрополитъ Михаилъ основалъ на одной изъ горъ кievскихъ монастырь и церковь во имя арх. Михаила, а иноки, прибывшіе съ этимъ митрополитомъ, основали монастырь Спасскій, близъ Вышгорода. Супрасельская лѣтопись свидѣтельствуемъ, будто самъ Владиміръ въ 996 г. создалъ вмѣстѣ съ Десятинною церковью и монастырь при ней во имя пресв. Богородицы.

Въ княженіе Ярослава, который любилъ черноризцевъ «до излиха», они еще болѣе начали умножаться, а съ ними и монастыри. Ярославъ создалъ самъ два монастыря въ Кіевѣ. Но между тѣмъ, какъ въ Кіевѣ и Новгородѣ монастыри были созидаемы то князьями, то іерархами, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ основателями обителей явились частныя

*) Вліаніе христіанства на русскій народъ. Духъ Христіанина, 1861, окт. и ноябрь.

лица, подвижники. «Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ*».) Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для христіанскаго просвѣщенія древне-русскаго общества, со временъ Ярослава и Изяслава, явился Кіево-Печерскій, основанный преп. Антоніемъ и Θεодосіемъ. Настоящимъ устройтеlemъ этого монастыря явился второй его игуменъ Θεодосій. Имѣя съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, приходилъ въ разные монастыри, но тамъ, видя простоту и худыя одежды юноши, не приняли его въ число иноковъ. Наконецъ, онъ явился въ пещеру св. Антонія и умолилъ его принять въ сподвижники.

Θеодосій былъ человекъ твердой воли и большого характера. Сдѣлавшись игуменомъ, онъ подавалъ братіи примѣръ неустанныхъ трудовъ, поста и изнуренія плоти. По свидѣтельству лѣтописца Нестора**), онъ ввелъ Студійскій уставъ, «отъ него же монастыря прияша вси монастырѣ уставъ по всемъ монастыремъ; тѣмъ же почтенъ есть монастырь Печерскыи старѣй всихъ и честию боле всихъ». Личность Θεодосія является предъ нами, какъ личность чрезвычайно энергичная, но вмѣстѣ съ тѣмъ кроткая и любвеобильная. Θεодосій любилъ часто бесѣдовать и поучать братію, наставлялъ ихъ «какъ проводить постное время въ молитвахъ ноцныхъ и дневныхъ... паче же всего имѣти любовь в себе к мѣньшимъ и старѣйшимъ покорение и послушание, къ старѣйшимъ же и къ мѣньшимъ любовь и наказаніе». Не удивительно, что личность Θεодосія обаятельно дѣйствовала на братію, она его любила, его слушала и ему подражала, черноризцы — его ученики «аки свѣтила въ Русьской земли сияху»***).

Отсюда и понятно высокое значеніе Кіево-Печерскаго

*) Мнози бо монастыри отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть тацци, кацци же суть поставлены слезами, и пощеніемъ, и молитвою, и бдѣніемъ. (Лѣтоп. по Ипот. спис. ст. 112).

**) Подъ 1051 г. по Ипатск. списку. ст. 112.

***) Лѣтоп. по Ипот. списку ст. 132.

монастыря въ древней Руси. Сюда стекались богомольцы изъ разныхъ удѣловъ и объединялись здѣсь, какъ члены одного русскаго государства, сюда шли любители строгаго подвижничества и находили миръ и успокоеніе отъ мірскихъ заботъ. Изъ Печерскаго монастыря разливалось просвѣщеніе и образованіе по областямъ русскимъ. Печерскій монастырь мало-помалу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей и получилъ огромное вліяніе на русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическое настроеніе распространялось и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ оно проявлялось здѣсь.

По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми другими монастырями; въ XII в. игумень Поликарпъ первый получилъ на Руси званіе архимандрита, по всей вѣроятности, въ это же время обитель получила названіе лавры и патріаршей ставропигіи. Изъ нея брали игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархій; болѣе 50 человекъ ея иноковъ занимали епископскія кафедръ, выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія ея подвижниковъ. Каждый ея пострижникъ, куда бы его ни заносила судьба, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался подъ старость воротиться въ ея стѣны и сложить въ ней свои кости. Симонъ, еп. Владимирскій, называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются на священной печерской землѣ. «Всю сію славу и власть за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть коломъ торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людми» *).

Вслѣдъ за Кіево-Печерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ городахъ русскихъ, преимущественно со второй половины XII в.

Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17, въ Переяславлѣ и Черниговѣ было по 4 монастыря, въ Галицкомъ княжествѣ 3, въ Полоцкѣ 3, въ Смоленскѣ 5, а въ Новгородѣ до 20 монастырей. Но не судилъ Богъ Кіево-Печерскому монастырю

*) Посланіе Симона къ Поликарпу.

вмѣстѣ съ рядомъ другимъ южно-русскихъ монастырей насѣять всю землю русскую «книжными словами». Нашествіе монголовъ, обогрившее русскую землю кровью, превратившее села, города, церкви и монастыри въ развалины, — разрушило и Кіево-Печерскій монастырь.

Источники и пособія: Лѣтопись по Ипатскому списку. Архангельскій—Творенія св. отцовъ въ древне-русской письменности. Казань 1889 — 1890 I—IV вып. Домострой 1882 г. Рукопис. «Пчела» и «Цвѣтникъ». Другія пособія указаны въ текстѣ.

Глава IV.

Значеніе книги. Грамотность и начертчество.

Въ тѣсной связи съ вліяніемъ церкви стоитъ вліяніе книги. Книги Св. Писанія это были тѣ книги, которыя наиболѣе любили и почитали наши предки.

«Нужно отрѣшиться, говорить г. Барсовъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о книгѣ. Книга въ то время была своего рода чудомъ, болѣе изумительнымъ, чѣмъ въ наши дни телеграфы и телефоны. Глядитъ человекъ въ книгу и знаетъ, что было въ минувшіе вѣка, какъ долженъ смотрѣть человекъ на самого себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать, и что послѣдуетъ за его гробомъ. Книга явилась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты неграмотный человекъ сталъ на Руси человекомъ темнымъ. Книга — это была мудрость, предъ которою казались ничтожными всѣ хитрости языческихъ волхвовъ и мудрецовъ. Книга — это были глаголы самого Бога, и кто ее читаетъ, тотъ бесѣдуетъ съ самимъ Господомъ. Если мы наглядно представимъ себѣ

эпическое сознание тогдашняго кievскаго общества, тогда для насъ станетъ ясно, почему христіанство въ тогдашнюю эпоху сказалось въ образѣ Софіи, въ образѣ мудрости. Безъ сомнѣнія, подъ воздѣйствіемъ этого образа, въ Кіевѣ и Новгородѣ созидаются соборные храмы въ честь св. Софіи. Эти храмы, какъ и святыя книги, давали язычникамъ видѣть, гдѣ является истинная мудрость.»

«Понятнымъ для насъ становится и то, почему самая Софія въ древнѣйшемъ ея образѣ писалась въ формѣ «книги», лежащей на престолѣ. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаниі. Въ этомъ то образѣ «книги» кроется первый возбудитель русскаго духа къ свѣту и образованію. Онъ — этотъ образъ — увлекалъ любознательную мысль къ списыванію и переписыванію святой и понятной для всякаго книги въ первые годы появленія христіанства на Руси.»

Неудивительно поэтому, что въ древне-русской письменности мы находимъ неоднократные панегирики книгѣ.

Въ «Изборникѣ Святослава» (1076 г.) помѣщена была статья о книжномъ почитаніи, которая даетъ образчикъ отношенія къ книгѣ, господствовавшаго во всемъ древне-русскомъ періодѣ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное. Паче всякому хрѣстьяну: блажени бо, рече, испытающіи съвѣдѣнія его, всѣмъ сердцьмъ възвѣстуютъ его»... И далѣе: «когда читаешь книги, то не спѣши переходить къ другой главѣ, а трижды повторяй прочитанное». Книга разумѣется исключительно только какъ книга церковная, поучительная, душеспасительная. Книга необходима для праведнаго житія: «какъ для коня правитель и воздержаніе есть узда, такъ и для праведника книга; какъ не составится корабль безъ гвоздей, такъ праведникъ безъ почитанья книжнаго; какъ плѣнникъ думаетъ о своихъ родителяхъ, такъ праведникъ о почитаньѣ книжномъ; красота воину — оружіе, а кораблю — паруса, такъ и праведнику почитанье книжное» и въ примѣръ указываются св. Василій, Іоаннъ Златоустъ и Кириллъ Философъ, которые «измлада прилежаху святыхъ книгъ, тоже и на добрыя дѣла подвигнушася». И

въ заключеніе говорится, что почитаніе святыхъ книгъ есть начатокъ добрыхъ дѣлъ (вижь, какъ ти начатѣкъ добрымъ дѣломъ поучение святыхъ книгъ!)

Пр. лѣтописецъ Несторъ, какъ мы видѣли раньше, высоко ставитъ Ярослава за то, что онъ любилъ церковные уставы и прилежалъ къ чтенію книгъ, и тутъ же говоритъ о высокомъ значеніи ихъ. «Вел (и) ка бо полза бываетъ человѣку отъ учения книжнаго; и книгами бо кажеми и учими есми тутъ покаянію, и мудрость бо обрѣтаемъ и вздержаніе отъ словехъ книжныхъ; се бо суть реки напаяюци вселенную всю, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина, сими бо есмы в печали утѣшаемы есмы, си суть узда въздержанію.»*)

Собраніемъ книгъ (при церкви св. Софіи) Ярославъ первый положилъ начало русскимъ бібліотекамъ и книгохранилищамъ. По его примѣру, то же стали дѣлать и другіе князья, бояре и духовныя лица. Святославъ Ярославовичъ (XI в.) «разными драгоценными священными книгами наполнилъ свои клѣти.**») Кириллъ I, епископъ ростовскій (XIII в.), «былъ богатъ книгами». Значительныя бібліотеки имѣли у себя Григорій Чудотворецъ и Никола Святосла (XII в.), постушившіе въ Киево-Печерскій монастырь. Извѣстно также нѣсколько случаевъ пожертвованія книгъ князьями и боярами въ церкви и монастыри; напр., великій князь Константинъ Всеволодовичъ (XIII в.) наполнялъ книгами церкви Божіи; волынскій князь Владимиръ Васильковичъ (XIII в.) самъ переписывалъ для церквей книги и жертвовалъ имъ готовые, найденныя въ бібліотекѣ отца.***)

Пожертвованіе той или другой книги въ какую-либо церковь считалось важнымъ вкладомъ. Лѣтописцы наши о многихъ князьяхъ говорятъ: «церковные уставы любилъ, церкви созидалъ и украшалъ ихъ святыми иконами и книгами наполнялъ».

Переписываніе служило единственнымъ способомъ распространенія книгъ. Рукопись автора переходила въ руки переписчиковъ. По словамъ лѣт. Нестора, въ Киево-Печерскомъ

*) Лѣтоп. по Ипатс. списку, ст. 107.

***) Полное собр. рус. лѣт. II, 79.

***) Полное собр. рус. лѣт. IX, 224.

монастырѣ «чернецъ Илларіонъ бѣше и книгамъ хитрѣ писати, ту по вся дни и ноци писаше книги въ келии у блаженнаго Ѳеодосія». Къ переписыванію книгъ приступалъ съ благоговѣніемъ: «Горе пишущимъ Святыя Божіи книги, а страха Божія и вѣры правы въ сердцѣ Богу не имуще. Таковымъ осужденъ есть муцѣ вѣчной и огню негасимому». Въ уединенной тиши монастырскихъ келій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и списывались славянскіе переводы отцевъ церкви. Иноки, принимаясь за переписку книги, обращались къ игумену за благословеніемъ.

Особенно былъ богатъ рукописными книгами Кіево-Печерскій монастырь. Неудивительно, что оттуда выходили такіе любители книгъ, какъ преп. Несторъ лѣтописецъ! «Аще поищеша въ книгахъ мудрости и прилежно, то обрящеша великую пользу души своей; иже и часто кто чтеть книги, то бесѣдуетъ с Богомъ, или святыми мужьми; почитая пророческая бесѣды, еуангельская учение и апостольская, и житія святыхъ отецъ, и въспремлетъ душа пользу велику.*)» По свидѣтельству Нестора, самъ Ѳеодосій пряхъ нити, нужныя для переплета книгъ, а Никонъ переплеталъ ихъ.

Перепискою книгъ занимались и монахи, и лица бѣлаго духовенства, и миряне, иногда даже и князья. Нѣкоторые посвящали этому занятію цѣлую жизнь.

Въ одномъ изъ списковъ «Пчелы» — весьма распространеннаго древне-русскаго сборника, — читаемъ о книгахъ: «Умъ безъ книгъ аки птица опѣшена, якожь она възлетѣти не можетъ, такоже и умъ не домыслится съвершена разума безъ книгъ — свѣтъ дневной есть слово книжное, егожь лишився безумный, акы въ тьмѣ ходитъ и погибнетъ въ вѣкы».

Въ «Измарагдѣ» перваго извода за стословомъ Геннадія идутъ четыре слова «о почитаніи книжномъ», «слово св. Ефрема, како достоитъ со всѣмъ прилежаніемъ чести св. книги, слово І. Златоуста, како съ разумомъ чести св. книги, и слово

*) Лѣтоп. по Илате. спис. ст. 107.

**) См. Яковлевъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. 1898.

Геннадія Іерусалимскаго. Одна изъ основныхъ мыслей, проводимая «Измарагдомъ», что ученіе книжное необходимо для душевнаго спасенія. Въ первомъ изъ этихъ словъ говорится о самомъ способѣ чтенія съ пользою для души «сѣдѣя ти на почитаніи и послушающу божественныхъ словесъ, то первѣе помолися Богу, да ти отверзеть очи сердечныя, не токмо написанное чести, но и творити я, и да не во грѣхъ себѣ ученія святыхъ прочитаемъ, не сотворяюще. Егда убо чтеши книги, то прилежно чти и всѣмъ сердцемъ внимай и двукраты прочитай словеса, а не тщися листы токмо обрацати, но безъ лѣности чти, да плодъ пріимеши спасенія и страхъ Божій вселится въ тя. Подобны бо суть книги глубинѣ морстѣй, въ ню же поныряюще износятъ бисеръ драгій».

Въ словѣ Геннадія Іерусалимскаго находимъ: «всѣ бо книги учать въ двѣ главизны. Главизна же еста: страхъ Божій его же нельзѣ преобидѣти, другая же иже всегда Бога имѣти предъ очима своими».

Въ 40-й главѣ того-же Измарагда сказано: «Добро бо книги почитати не словоохотія ради, но поучающисъ благая дѣяти и въ правдѣ жити.»

Мысли о важности чтенія книгъ нерѣдко встрѣчаются и въ Златоструѣ. «Велико зло есть — читаемъ здѣсь — еже книгъ не разумѣти. отъ нихъ же бы успѣхъ примати отъ тѣхъ же невидѣниемъ вредъ бываетъ... Поучайся присно божіимъ книгамъ. яко же бо вино пиемое оуставляетъ печали. и премѣняетъ сердце на веселіе. тако же и духовное вино премѣняетъ душу въ радость... Удручимъ убо тѣло и поработимъ е.. чистымъ поученіемъ отъ святыхъ книгъ. да не душа поработена будетъ диаволу... Велико благо възлюбленіи божественныхъ писаній разумъ. се душу любомудрену сѣдѣваетъ. се къ небеси прилагаетъ разума. се благодарственно творить человѣка. се сѣтворяй. ни къ единому жъ отъ сущихъ прилѣплятися. се же вину сотворяетъ протяжену помысла нашего и къ владычнимъ обѣтомъ взираемы. и вся сѣтворяй къ добродѣтельнымъ трудомъ съ многымъ рукоимѣти хотѣніемъ.. Тѣмъ многымъ потщаніемъ молю божественныхъ писаніемъ сѣтворяти. такъ бо разумъ пріимемъ. аще часто воспріимаемъ лежащая

въ святыхъ книгахъ... Сего ради крилѣ данѣ птицамъ да убѣжатъ сѣтій. сего ради человекѣу дане мысли да убѣжить отъ грѣха. *)

Въ рукоп. Измарагдѣ XVI в. библиотеки Тр. Серг. Лавры (№ 203, л. 9—10) находимъ «Слово св. Ефрема, како слушати книгъ»: «Егда брате лукавыи ти помысль мутить умъ, утѣшися почитаніемъ святыхъ книгъ. Богъ бо мѣнимъ прогонитъ бѣсы. идѣже святыя книги чтому сут. ту веселіе праведнымъ и спасеніе душамъ. Яко бо труба собираетъ вои. тако святаа словеса сказаема. Ангелы божіа съвокупляють. а идѣже соцѣли и гусли и пѣсни сътониньскіа. ту бѣсове собираются. ту омраченіе души и погуба. а неприязни веселіе діаволу. святыя бо книги почитаемы. собираютъ помыслы на страхъ божій, кацѣмъ образомъ труба въпиющи въ врѣмя рати. и невѣжественныя въставить на супротивныя. тако святыя книги наставятъ на истину. Тѣмъ братіе часто приходяще послушайте чтогоаго. да получимъ истинныи разум. писанія почитаніемъ. чръплюще отъ него воду живу. могущу остудити. рождженыя наша страсти. и наставити ны на волю Господню. Книги бо глубины морю подобни суть. въ нюже понираще бисерь износятъ драгій. тако и почитающей богодуховныя книги. приобрѣтають собѣ скровище. неимуще цѣны.»**)

Въ «Паренесисѣ» Ефрема Сирина, который проф. Архангельскій считаетъ одной изъ лучшихъ книгъ древней Руси, находимъ также нѣсколько наставленій касательно того, какъ нужно читать книги. Въ сл. 35 «Наказанье, како подобаетъ чтущему въ уши братыи прилежно пчести», находимъ: «читающій долженъ начать съ того мѣста, гдѣ кончилъ его предшественникъ, и не прерывать порядка чтенія — «чтобы чтеніе было подобно вязи, сотканной изъ золота». Нужно заботиться, чтобы чтеніемъ доставить пользу и себѣ и слушающимъ. Начни чтеніе. не радя и о словесѣ единомъ и прескачя стихи и таковыи ни повыкнути хочеть. яко же подобаетъ. ни научить

*) Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, в. IV ст. 102.

**) Архангельскій. Тв. о. ц. въ древ.-рус. письм. вып., 3. ст. 114.

внемлющихъ. токмо конецъ желеть словеси. и когда кончаеть чтение. Ты же любимиче мой трезвитель буду яко да себе ползуеши почитаньемъ. и слушающихъ ..

«Иже в ползахъ книжныхъ», читаемъ въ 82 словѣ, «не любьзно послушаа и сихъ любовью не чтеть. съ дубъ бесплодовитъ наречеться.» «Ты помысли», — обращается авторъ къ тому же предмету въ 96 словѣ, — «яко душа требуетъ своея пища. яко же и тѣло. аще не приметъ мертва есть. либо челоуѣкъ сугубъ есть. отъ душа и тѣла... ты убо яко добръ съмотрьливецъ дажь душевнаа брашнаа душаа .. а телеснаа телеси. не токмо тѣло питаа и душу же оставиши пугу. гладомъ мершу. ни убо не остави си душа мертва быти. но питаа ю словеса божии. в псалмѣхъ и пѣньныхъ и в пѣсняхъ духовныхъ. въ чтенныхъ божественныхъ книгъ. въ постѣхъ, бдѣньныхъ *)». Въ одномъ древне-рускомъ сборникѣ сказано: «Кто безъ книгъ мудрствуетъ, тотъ подобенъ оплоту безъ опоры, стоящему. пахнетъ на него грѣховный вѣтеръ и падеть онъ, не имѣя опоры въ словахъ книжныхъ».

Изъ всего сказаннаго видно, что въ древней Руси высоко ставилось чтеніе книгъ, но при чтеніи имѣлась только въ виду одна цѣль: польза души и ея спасеніе. Вотъ почему были распространены только книги религіозно-нравственныя, главнымъ образомъ, Св. Писаніе и творенія св. отцовъ церкви. Это былъ любимый и главный матеріалъ для нашихъ предковъ.

Въ древне-рускомъ обществѣ было въ обычаѣ читать Евангеліе всякій день. Псалтирь предки наши знали наизусть: онъ былъ ихъ настольною книгою. Притчи, премудрость еклезіаста Соломона и премудрость Іисуса сына Сирахова своимъ поучительнымъ и практическимъ характеромъ приходились особенно по вкусу народа и проникли въ его пословицы. Книги Св. Писанія любили читать наши предки съ толкованіями: таковы толковые евангеліе, апостоль, псалтирь, апокалипсисъ.

Послѣ душеспасительныхъ книгъ въ старинной русской библіотекѣ важное мѣсто занималъ хронографъ, имѣвшій весьма

*) Парен. № 7 л. 181, Арханг., ст. 43.

большое распространение. Хронографъ имѣлъ большой авторитетъ для древне-русскихъ грамотеевъ; составленіе его считалось дѣломъ важнымъ, и книжники наши сдѣлали изъ него цѣлую историческую энциклопедію. Начиная отъ сотворенія міра, хронографъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаніями апокрифическими, рассказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особенно грековъ и римлянъ до паденія Византіи,*) переходилъ затѣмъ къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣтописнымъ сборникамъ. Что хронографамъ придавали значеніе, видно напр. изъ того, что волынской лѣтописецъ совѣтуетъ читателю «да почтеть хронографа».

То научное просвѣщеніе, о которомъ, быть можетъ, думалъ Св. Владимиръ и лучшіе люди его времени, не привилось на Руси. Большинство «книжныхъ людей» того времени были лишь грамотеи и самоучки-начетчики. Грамотность и начитанность — вотъ что было достояніемъ нашимъ въ домонгольской періодъ.

«Единственный способъ приобрѣтать разныя знанія, извѣстный русскому человѣку въ теченіи цѣлыхъ столѣтій», говоритъ Н. Θ. Каптеревъ**), «состоялъ въ томъ, что онъ сначала обучался у какого-нибудь мастера чтенію и письму, а затѣмъ уже самостоятельно читалъ тѣ книги, какія тогда вращались въ обществѣ и были ему доступны. Это послѣднее — самостоятельное чтеніе книгъ дѣлало тогдашняго человѣка въ глазахъ общества лицомъ образованнымъ, ученымъ. О школахъ общественныхъ и правительственныхъ, въ которыхъ бы систематически преподавался извѣстный кругъ наукъ, о полученіи образованія внѣ начетства, русской человѣкъ не имѣлъ представленія, и потому начетство считалъ единственно правильною и возможною для него системою приобрѣтенія всякихъ

*) Хронографъ Георгія Амартола, кромѣ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, заключалъ гражданскую и церковную исторію до половины X в., а Иоанна Маламы Антиохійскаго содержалъ гражданскую исторію до временъ первыхъ римскихъ императоровъ.

**) Каптеревъ Н. «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія Славяно-греко-латинской Академіи». Твор. св. отцовъ въ русск. перев. прил. книжки IV. 1889 ст. 625—626.

научныхъ знаній». Когда значительно уже позже въ XVI и XVII в. в. возникли новые запросы и требованія на болѣе широкое и разностороннее образованіе, то съ трудомъ подходили къ мысли о необходимости устроить среднюю или высшую школу для развитія и укрѣпленія знаній; правительство старалось вызывать въ Москву ученыхъ людей, знающихъ греческій и латинскій языки, съ тѣмъ, чтобы они по преимуществу занимались переводами нужныхъ книгъ, и тѣмъ, такъ сказать, ввели бы въ русское общество нужныя ему новыя знанія и свѣдѣнія, обновили бы и расширили запасъ знаній, оказавшихся или недостаточными или устарѣвшими.

«Для достиженія этой цѣли», говоритъ г. Каптеревъ, «нужна была, по мнѣнію русскихъ, не средняя или высшая школа, значеніе которой они еще ясно не представляли себѣ, а нужны были новыя книги, изъ которыхъ каждый съ помощью простаго чтенія самъ бы могъ извлечь нужныя и потребныя ему свѣдѣнія, не прибѣгая къ обученію въ школахъ — самостоятельное чтеніе книгъ должно было замѣнить собою школьное обученіе».

Вотъ почему и въ до-монгольскій періодъ учителя, если и существовали, то съ большинствомъ учащихся занимались одной грамотой, и только немногіе любознательные юноши могли получить отъ нихъ начала научнаго образованія, которыя впослѣдствіи приходилось развить и дополнить самостоятельнымъ чтеніемъ.

Но не успѣвъ сдѣлать того, для чего были приглашены, учителя-греки подняли у насъ грамотность, такъ что она еще при жизни св. Владимира стала распространяться по мелкимъ городамъ; особенно же быстро стала распространяться со времени Ярослава, который позаботился дать русскимъ «четы» книгъ въ достаточномъ количествѣ и самъ приказывалъ набирать дѣтей для ученія. Грамотность проникла въ города, а можетъ быть, съ заведеніемъ новыхъ монастырей и храмовъ проникала и въ села. Насадителями ея несомнѣнно въ началѣ были учителя-греки и ихъ ближайшіе ученики, но впослѣдствіи дѣло это перешло исключительно въ руки русскаго духо-

В. И. Казанский

венства, которое по профессіи своей должно было знать грамоту. Вслѣдъ за грамотностью должна была явиться начитанность, какъ результатъ приложенія къ дѣлу умѣнья читать: безъ нея немыслимъ и интересъ къ грамотности. И такъ какъ въ то время самыми главными и важными были интересы религіозно-церковные, то естественно что и начитанность была въ сферѣ религіозно-церковной. Съ распространеніемъ книгъ явился вкусъ и интересъ къ чтенію; многіе изъ древне-русскихъ начетчиковъ обладали громадными знаніями въ области Св. Писанія и Свв. Отцовъ церкви. Это видно напр. хотя бы изъ посланія св. Симона къ Поликарпу (отн. къ 1225—1226 гг.), гдѣ видна у автора большая начитанность и обширныя знанія Св. Писанія.

Изъ сказаннаго видно, что книга явилась въ древне-русскомъ обществѣ важнымъ воспитательнымъ орудіемъ. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи древне-русскаго человѣка. Поэтому въ древне-русскихъ сборникахъ: Изборникъ Святослава, Пчелѣ, Измарагдахъ и Златоустахъ, мы находимъ неоднократные панегирики книги; но такъ какъ при чтеніи книгъ имѣлась въ виду одна только цѣль — польза души и ея спасенія, то были распространены только книги религіозно-нравственныя, главнымъ образомъ Св. Писаніе и творенія Св. Отцовъ церкви. Особенно предки наши любили Псалтырь — она была настольною у нихъ книгою. Самостоятельному чтенію книгъ, а не школѣ придавалось большое значеніе: школа дѣлала древне-русскаго человѣка только грамотнымъ, и была лишь ступеню къ его умственному развитію и совершенствованію, что по тогдашнимъ понятіямъ достигалось лишь самостоятельнымъ чтеніемъ книгъ. Отсюда широкое распространеніе начетчества, какъ условія быть ученымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ.

Источники и пособія: Лѣтопись по Ипатскому Списку. Изд. Арх. ком. 1871 г.—Шевыревъ, С. Исторія русской словесности, преимущественно древней. — Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія «Изма-

рагда». Одесса 1893 г. — Архангельскій А. С. Творенія Отцовъ церкви въ древне-русской письменности. 4 вып. Казань. 1889—1890 г.

Глава V.

Состояніе просвѣщенія и нравовъ въ XI—XII вв. Поученіе Владимира Мономаха. Образованіе женщинъ.

Обыкновенно бываетъ, что народъ, принимая новую религію, не отрѣшается отъ прежней, съ которой свыкъся и съ которой связываетъ его историческое прошлое, но такъ или иначе соединяетъ новыя религіозныя понятія съ старыми. То же самое явленіе произошло и съ русскимъ народомъ послѣ принятія христіанства. По мѣрѣ распространенія христіанства въ Россіи, замѣчалось и ослабленіе язычества, но процессъ этотъ шелъ довольно медленно. Сначала это язычество обнаруживается въ самомъ грубомъ видѣ: народъ рядомъ съ христіанскимъ Богомъ вѣритъ въ прежнихъ своихъ боговъ Перуна, Хорса и др., приноситъ имъ жертвы, сохраняетъ языческіе праздники и обряды. Такимъ образомъ на Руси было настоящее двоевѣріе. При такомъ состояніи религіозной жизни естественно, что въ до-монгольской періодъ въ состояніи нравовъ замѣчаются значительныя недочеты. Важнѣйшіе изъ нихъ: грубость и жестокость нравовъ, семейная распущенность и пьянство; среди князей существуютъ усобицы.

Но принявши въ соображеніе время, обстоятельства и состояніе нравственности другихъ европейско-христіанскихъ народовъ въ описываемое же время, историкъ не можетъ произнести очень строгаго приговора древне-русскому обществу до-монгольскаго періода. Уже важно и то, что князя постоянно толкуютъ, что они братья и потому обязаны жить дружно, а не враждовать; защищать Русскую землю отъ враговъ, а не проливать христіанскую кровь въ усобицахъ.*) Правда, слова

*) Подробности у С. Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. III глава I ст. 745—746. Изд. 2-е. 1898 г.

были въ разладѣ съ дѣломъ; но вѣдь и слова имѣють силу, когда безпрестанно повторяются съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ; а ихъ повторяли и князья, и духовенство, и народъ, отказывавшіеся по временамъ принимать участіе въ усобицахъ.

Карамзинъ *) отмѣчаетъ благотворное вліяніе христіанства: «Со времянь Владимира Святого», говоритъ онъ, «нравы должествовали измѣниться въ древней Россіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ христіанства, гражданскаго общежитія и торговли. Набожность распространялась: князья, вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри и не разъ сами укрывались въ нихъ отъ суеты міра. Достойные святители и пастыри церкви учили государей стыдиться злодѣяній, внушаемыхъ дикими, необузданными страстями, были ходатаями челоуѣчества и вступались за утѣвленныхъ. Такъ епископы убѣждали Святополка II не мучить Василька, а Долгорукаго освободить Берладника; такъ митрополитъ удерживалъ Новгородцевъ отъ войны междоусобной, такъ архіепископъ Митрофанъ примирилъ народъ съ княземъ». Были даже весьма поучительные примѣры широкаго вліянія христіанства на нравственность. Истинно благочестивыхъ людей можно было встрѣтить не только въ средѣ іерарховъ и монаховъ, но и между князьями. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны: Владимиръ Святой, сыновья его Борисъ и Глѣбъ, Изъяславъ Ярославовичъ, Владимиръ Мономахъ и Мстиславъ Великій.

Христіанскій идеалъ кротости и смиренія проникалъ мало по мала какъ въ высшіе такъ и низшіе слои древне-русскаго общества: Владимиръ Мономахъ былъ религіозенъ не на словахъ только, не въ наставленіяхъ только дѣтямъ; по словамъ лѣтописца, «онъ всею душою любилъ Бога и доказывалъ это на дѣлѣ, храня заповѣди Божіи, имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ, будучи милостивъ неимоуѣрно». Иноческіе подвиги Святослава Давыдовича Черниговскаго, религіозное направленіе Ростислава Мстиславича, христіанская кончина Ярослава Галицкаго достаточно извѣстны изъ исторіи.

*) Истор. Гос. Рос. т. III ст. 142. Изд. Евдокимова.

Преп. лѣтописецъ Несторъ подъ 1180 г. такъ характеризуетъ князя Романа: «Сий же благовѣрный князь Романъ бѣ въ возрастѣ высокъ, плечима великъ, лицомъ красенъ, и всею добродѣтелью украшенъ, смиренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣше ко всемъ и къ братьи своей истѣнную, нелицемѣрную, страха Божия наполненъ, нищая милуя, монастырѣ набдя».*)

Вліяніе христіанства видно и въ древнѣйшемъ памятникѣ русскаго законодательства, Русской Правдѣ. Въ древнѣйшихъ элементахъ, какіе она въ себѣ содержитъ, видны повсюду слѣды обычнаго права, олицетворяющаго на дѣлѣ ту мысль, которая встрѣчается въ памятникѣ государственнаго управленія, ей современномъ, въ «Мѣрилѣ Праведномъ»: «Твердый законъ — норовъ добръ». Письменно изложено это право въ первый разъ при Ярославѣ I въ Новгородѣ, затѣмъ сыновья его и внуки дополняютъ Русскую Правду. «Разсматривая постепенное развитіе русскаго законодательства, говоритъ Шевыревъ,**) въ этихъ трехъ поколѣніяхъ государей, мы видимъ, какъ вліяніемъ христіанской вѣры смягчается духъ Правды: какъ дѣти Ярослава отложили убіеніе за голову, учредивъ на мѣсто его выкупъ кунами; какъ сначала ограждена была только личность челоуѣка строгимъ закономъ и мало по малу ограждается при Владимирѣ Мономахѣ его собственность; устроятся отношенія семейныя посредствомъ законовъ о наслѣдствѣ; обезпечиваются права матери и вдовы; уравниваются подлы передъ судомъ; защищена жизнь самыхъ рабовъ и обезпечено цѣломудріе женское безчестною вирою».

Грамотность и начетчество начинаютъ распространяться въ народѣ. Нѣкоторые изъ князей для того времени были весьма образованными людьми.

Сыновья и внуки Ярослава I наслѣдовали его ревность къ распространенію книжнаго ученія.

Сынъ его, Святославъ, собиралъ книги, которыми на-

*) Лѣт. по Ипат. сп. ст. 418.

**) Исторія русской словесности т. I.

полнилъ свои клѣти; изъ этихъ книгъ дошло до насъ два сборника. Другой сынъ Ярослава I, Всеволодъ, говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, которые онъ изучалъ сидя дома, какъ выражается сынъ его Мономахъ, и этимъ даетъ знать, что Всеволодъ изучилъ языки не по необходимости во время странствованія по чужимъ землямъ, но единственно изъ любознательности. Мономахъ замѣчаетъ при этомъ, что знаніе языковъ доставляетъ почетъ отъ иностранцевъ. Религіозная начитанность Мономаха видна изъ его сочиненій.

Святославъ (Святоша) Давыдовичъ собиралъ книги, которыя подарилъ Кіево-печерскому монастырю; по его побужденію инокъ Θεодосій перевелъ съ греческаго посланіе Льва, папы Римскаго, къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому.

Въ сводѣ лѣтописей Татищева часто встрѣчаемъ извѣстія объ образованности князей: напр. о Святославѣ Ростиславичѣ говорится, что онъ зналъ греческій языкъ и книги охотно читалъ; о Святославѣ Юрьевичѣ, что онъ охотникъ былъ читать и милостиво принималъ ученыхъ людей, приходившихъ изъ Греціи и странъ западныхъ, часто съ ними разговаривалъ и спорилъ; о Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ (какъ мы объ этомъ говорили раньше), что онъ многихъ людей побуждалъ къ ученію, устроилъ училища, при которыхъ содержалъ учителей, греческихъ и латинскихъ, на свой счетъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ. Михаилъ Юрьевичъ, по словамъ того же свода лѣтописей, очень хорошо зналъ Св. Писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ языкахъ такъ же свободно, какъ по русски, но не любилъ спорить о вѣрѣ. О Ярославѣ Владимировичѣ Галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, такъ что могъ самъ наставлять правой вѣрѣ, понуждалъ духовенство учить мірянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями, и монастырскіе доходы назначалъ для содержанія училищъ.

О Константинѣ Всеволодовичѣ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ говорится, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами, потому что часто и прилежно читалъ книги, а въ

Татищевскомъ сводѣ лѣтописей*) говорится, что онъ былъ очень ученъ, держалъ при себѣ людей ученыхъ, покупалъ много старинныхъ книгъ греческихъ дорогою цѣною и велѣлъ переводить ихъ на русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ князей, самъ писалъ, и другіе съ нимъ трудились; однѣхъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, которыя частію самъ купилъ, частію получилъ въ даръ отъ патріарховъ**).

Вскорѣ послѣ начала у насъ письменности началась и наша литература. Образцами для самостоятельныхъ произведеній русскихъ писателей стали служить творенія Отцовъ церкви и затѣмъ произведенія византійской литературы. Писателями были образованнѣйшіе люди того времени, преимущественно монахи; въ монастыряхъ, какъ мы говорили, сосредоточивалось и развивалось просвѣщеніе. Литература получила характеръ духовный и была подъ сильнымъ вліяніемъ отеческой литературы и византійской; это продолжалось нѣсколько столѣтій, почти до XVII вѣка. Первые наши писатели, созерцаая жизнь съ духовной высоты, заботились главнымъ образомъ о выраженіи христіанской истины въ своихъ твореніяхъ и просвѣщеніи ею народа и не думали о своей личности, объ оригинальности идей, и потому рядомъ съ своими собственными мыслями приводили не стѣсняясь чужія, иногда цѣлыя выписки изъ твореній св. Отцовъ церкви. Древніе наши авторы иногда писали безискусственно и просто, иногда же и въ формѣ своихъ сочиненій слѣдовали византійской литературѣ, подражали ея искусственнымъ приемамъ; сочиняли они: проповѣди, поученія, посланія, описанія путешествій къ святымъ мѣстамъ; рано началась у насъ и лѣтопись. Наша лѣтопись также носитъ духовный характеръ; имъ отличаются и произведенія первыхъ свѣтскихъ писателей (напр. Владимира Мономаха, Данила Заточника).

Первымъ по времени нашимъ писателемъ считаютъ нов-

*) Упоминали объ этомъ въ первой главѣ «Нашей Исторіи русской педагогіи», ч. 1-я.

***) С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. III, глава I, ст. 746—747. Изд. 1893 г.

городскаго епископа Луку Жидяту (или Жиряту), отъ котораго дошло до насъ небольшое «поученіе братіи» въ которомъ онъ коротко и просто высказываетъ общія христіанскія наставленія о молитвѣ, о любви къ ближнимъ, о прощеніи обидъ, о почитаніи старшихъ и т. д.

Болѣе замѣчательнымъ писателемъ былъ митр. Иларіонъ, отличавшійся высокой нравственной жизнью и написавшій «О законѣ, Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ Иисусъ Христомъ бывшихъ»; сочиненіе это проникнуто глубоко религіознымъ и патріотическимъ чувствомъ и отличается прекрасной внѣшней отдѣлкой. Отъ преп. Θεодосія Печерскаго († 1074) дошло до насъ нѣсколько поученій братіи и два поученія мірянамъ. Въ своихъ поученіяхъ Θεодосій учитъ самоотверженной и дѣятельной любви къ Богу, терпѣнію и мужеству въ перенесеніи монашескихъ подвиговъ, въ отогнаніи злыхъ помысловъ; говоритъ, что монахи обязаны трудиться и кормиться плодами трудовъ своихъ, и отъ этихъ трудовъ и отъ подаенія боголюбивыхъ людей кормить убогихъ и страннхъ.

Особенно замѣчательны его поученія къ народу.

Во второй половинѣ XII в. мы встрѣчаемся съ церковнымъ проповѣдникомъ, слава о которомъ, какъ русскомъ Златоустѣ, гремѣла по Россіи: то былъ св. Кириллъ, епископъ Туровскій. Содержаніе словъ жидяты составляетъ краткое изложеніе правилъ христіанской нравственности; слова Кирилла Туровскаго большею частью представляютъ краснорѣчивыя представленія священнхъ событій, празднуемыхъ церковью, и расположенныя по праздникамъ. Въ словахъ Кирилла замѣчается особенная любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, сравненіямъ, сопоставленіямъ. Въ древній періодъ произведенія Кирилла Туровскаго, были явленіемъ выдающимся, живымъ, удовлетворявшимъ потребности читателей: вотъ почему въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ они читались съ интересомъ и переписывались весьма усердно, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя списки.

Изъ Отцовъ церкви, служившихъ образцомъ для Кирилла, ученя (Калайдовичъ, Каченовскій) указываютъ преимущественно на Іоанна Златоуста; другіе думаютъ, что называли

его Златоустомъ за то, что въ древній періодъ онъ былъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ.

Въ «Словѣ святыхъ Отець о наказаньи»*) находимъ: «Первѣе братіе всякая мудрости ищите кротости...» и далѣе: «Паче же всего того принимайте добрую кротость, еже есть всѣмъ добрымъ дѣломъ мати. А глава же есть всѣмъ нелицемѣрная любви. Аще ли главу отвержеши, излиха все опроче тѣла есть».

Въ словѣ св. Кирилла о томъ, «яко не забывать учителей своихъ»**) говорится: «Аще кто великъ стль или малых, рекше поповѣ, душеполезному разуму и хитрому свѣдѣнію навькъ, и въ разумъ истинныи приити и иныхъ научити, то аще будетъ научился и от мужа проста, рекше не от ереа, то держать ему его въ своемъ сердци и въ души и умѣ въ незабытную память, до исхода душа своя, имя его со своимъ именемъ въ молитвахъ и всякомъ стѣомъ поминати, не токмо въ дневныхъ но и въ ноцныхъ молбахъ. Добрыи бо человекъ отъ добраго сокровища износить добрая, а злыи отъ злаго злая...»

Кромѣ названныхъ писателей въ домонгольскомъ періодѣ мы встрѣчаемъ и другихъ, которые при меньшихъ достоинствахъ литературнаго исполненія обнаруживаютъ замѣчательныя для своего времени достоинства литературнаго замысла и національнаго чувства. Таковъ въ особенности трудъ начальнаго лѣтописца «Повѣсть временныхъ лѣтъ» (начало XII вѣка). Сочиненіе это есть сводъ различнаго рода произведеній: лѣтописныхъ замѣтокъ разныхъ временъ, отдѣльныхъ сказаній и повѣстей, житій святыхъ, поученій, народныхъ преданій. Составитель свода былъ, несомнѣнно, для того времени весьма образованный человекъ, книжный, начитанный, съ широкимъ взглядомъ на жизнь; онъ пользовался самыми разнообразными сочиненіями и по содержанію, и по характеру, и по возрѣніямъ, и все это объединилъ умѣлою рукою. Составителемъ

*) По рукоп. Румянц. Муз. № 186 л. 83—85 Измарагд. XIV в. Рукописи графа А. С. Уварова. Т. 2. 1858 гл. XVII.

**) Св. глава XXII ст. 130—181.

«Повѣсти временныхъ лѣтъ» долгое время считали прер. Нестора; въ настоящее время признается несомнѣннымъ лишь то, что лѣтописные труды прер. Нестора вошли въ составъ лѣтописнаго «свода». Продолжатели начальнаго лѣтописца нерѣдко возвышались среди однообразной погодной записи событій до живого картиннаго изложенія (какъ напр. въ волынской лѣтописи).

Отъ XII вѣка дошли до насъ замѣчательные памятники: «Хожденіе», или путешествіе, «Даніила въ Святую землю», положившее начало цѣлому ряду путешествій ко святымъ мѣстамъ; «Слово о Полку Игоревѣ» сохранившее истинные перлы старой поэзіи, «Слово» или моленіе Даніила Заточника. Всѣ эти памятники, которые несомнѣнно надо считать уцѣлѣвшимъ остаткомъ, а не единственнымъ содержаніемъ древне-русской письменности домонгольскаго періода, свидѣтельствуютъ о живомъ пробужденіи просвѣтительныхъ интересовъ, о высокомъ настроеніи чувства, о способности воспринимать высшіе идеалы и ученія болѣе высокой школы; но для развитія этихъ задатковъ и стремленій не нашлось достаточной пищи и опоры, вслѣдствіе сложившихся исторически неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Для историка русской педагогіи особенно важно уяснить, какими идеалами руководились въ древней Руси, и въ этомъ отношеніи надо обратить особенное вниманіе на драгоценный памятникъ древне-русской письменности «Поученіе князя Владимира Мономаха дѣтямъ». Оно находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1096 г. Жизнь и дѣяніе Владимира Мономаха (1042—1125 г.) на пользу Русской земли достаточно извѣстны изъ исторіи;*) для насъ же особенно важно превосходное его Поученіе.

Сочиняя свое «Поученіе», Владимиръ Мономахъ имѣлъ въ виду не только дѣтей своихъ, а также и «иныхъ» людей, кто прочтетъ и «приметь въ сердце свое» его «грамотицу».

Такъ какъ Владимиръ Мономахъ былъ человѣкъ образованный и начитанный, то неудивительно, что на его Поученіи

*) См. напр. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II, глава III, ст. 814—860. Изд. 2-е.

замѣтно вліяніе другихъ извѣстныхъ тогда произведеній: такъ весьма вѣроятно, что онъ зналъ «Поученіе дѣтямъ» Ксенофонта и Феодоры, находящееся въ Изборникѣ Святослава 1076 года; кромѣ того онъ пользовался Библіею и поученіемъ Василія Великаго къ юношеству. Отъ этихъ заимствованій въ цѣнности поученіе ничего не теряетъ. Оно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ рисуется идеаль челоуѣка, какъ его тогда понимали. Главныя свойства челоуѣка по этому идеалу — челоуѣколюбіе и трудолюбіе, основанныя на религіозности и благочестіи. Благочестіе и дѣятельность поставлены въ основаніи всего. На такой идеаль тѣмъ болѣе нужно обратить вниманіе, что онъ съ теченіемъ вѣковъ, распространяясь мало-по-малу, со временемъ составилъ идеаль почти у всего русскаго народа. Успѣхъ, значить, состоялъ въ томъ, что идеаль этотъ значительно выяснился, и изъ великокняжескихъ хоромъ перешелъ въ простые дома крестьянъ и сдѣлался идеаломъ всего народа.

Въ этомъ идеалѣ видно сильное вліяніе христіанства.

Напомнимъ нѣкоторыя важнѣйшія мѣста изъ этого замѣчательнаго Поученія. «Приближаясь къ гробу,*) пишеть Владимиръ Мономахъ,**) благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила, въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: «онъ говоритъ несправедливо».... «Страхъ Божій и любовь къ челоуѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла его! О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также челоуѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасеть васъ, но благодѣяніе. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно христіанству. Будьте отцами сиротъ; судите вдовиць сами; не давайте сильнымъ

*) Въ подлинникѣ сказано «на санехъ сѣдя»; правильнѣе понимать эти слова въ прямомъ смыслѣ, т. е. что Мономахъ пишетъ свое Поученіе, собираясь въ путь.

**) Переводъ Карамзина Ист. Гос. Рос. т. II, ст. 105. Изд. Евдокимова.

губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго: жизнь и душа христіанина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тлѣнны: нынѣ живы, а завтра во гробѣ. Бойтесь всякой лжи, пѣнства и любострастія, равно гибельнаго для тѣла и души. Читите старыхъ людей, какъ отцовъ, любите юныхъ, какъ братьевъ. Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти надъ собою. Все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ пятью языками: за что хвалятъ насъ чужестранцы. Лѣность — мать пороковъ: берегитесь ея. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей читайте наизусть молитвы, или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: «Господи помилуй». Не засыпайте никогда безъ земнаго поклона, а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю три раза. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку: на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя: не надѣялся на посадниковъ и бирючей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ, самъ назиралъ церковь и Божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, ястребовъ и соколовъ».

Въ этомъ замѣчательномъ поученіи какъ бы въ зародышѣ находятся тѣ педагогическія начала, которыя впоследствии предстояло развить, расширить и углубить русской педагогіи: страхъ Божій и любовь къ человѣчеству поставляются въ основаніи добродѣтели. Владимиръ Мономахъ твердо поставляетъ на видъ, что не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ людей, но добрыя дѣла. Въ этомъ же поученіи кромѣ важности религіозно-этического элемента въ жизни человѣческой впервые указывается на цѣнность знанія: «все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь». Трудъ поставляется въ обязанность всякому: «человѣкъ долженъ всегда заниматься гдѣ бы онъ ни находился въ пути, на конѣ».

По возможности всякій человѣкъ долженъ все самъ дѣ-

дать для себя и не затруднять другихъ излишними заботами о себѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ образованіи женщинъ въ до-монгольскій періодъ, имѣющихъ во все вѣка громадное вліяніе на семейную жизнь и состояніе просвѣщенія. Къ сожалѣнію, объ этомъ сохранилось весьма мало извѣстій.

Первое женское училище въ Россіи было основано, по свидѣтельству Татищева, въ 1086 г. въ Кіевѣ при Андреевскомъ монастырѣ княжною-инокинею Анной (Янкой) Всеволодвною.*) Хотя это извѣстіе и подвергается сомнѣнію, но несомнѣнно однако, что обученіе женщинъ, въ какой бы то ни было формѣ, существовало на Руси съ самаго начала нашей исторіи просвѣщенія, ибо несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было школъ для женщинъ, у насъ всегда, съ незапамятныхъ временъ, были грамотныя женщины, учившія и другихъ.

Въ «Житіи преподобныя Евфросиньи Полоцкой» (вторая половина XII в.) говорится, что Евфросинья, въ мірѣ Предслава, дочь полоцкаго князя Георгія Всеславича, очень рано выучилась читать и писать, и отказавшись отъ замужества, 12 лѣтъ, противъ воли родителей, ушла въ монастырь къ своей теткѣ — игуменьѣ, женѣ князя Романа Всеславича. Для этого она, съ разрѣшенія полоцкаго епископа, поселилась въ голубцѣ при соборной церкви и тамъ переписывала книги. По словамъ С. Соловьева,**) она ихъ продавала и выручаемыя деньги отдавала нищимъ. Открывъ свой монастырь, Евфросинья собрала вокругъ себя сестеръ, родственницъ и знакомыхъ, и стала учить ихъ грамотѣ, рукодѣлю, а также «воздержанію и терпѣнію, юные же душевной чистотѣ и безстрастію тѣлесному, говѣнію благообразну, ступанію кротку, гласу смиренну, слову благочинну, яденію и питію безмолвну, при старѣйшихъ мол-

*) Татищевъ. Исторія Россіи съ древн. временъ. Изд. 1773 г., кн. 2, ст. 139. У Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, ст. 1. 1890 г.

**) Исторія Рос., т. III, ст. 176.

чати, мудрѣйшимъ покореніе, мало вѣщати, а множайше разумѣти».*)

Изъ этого видно, что такой кодексъ воспитанія, носящій на себѣ несомнѣнные слѣды византійскаго вліянія, установился у насъ еще въ первые вѣка христіанства и долго передавался отъ поколѣнія въ поколѣніе.

Еще въ началѣ XIII в. въ Суздаль было, по показаніямъ Н. И. Костомарова, женское училище, основанное дочерью Черниговскаго князя Михаила Всеволодовича, Евфросиньею, которая сама учила въ немъ грамотѣ, письму и пѣнію.***) Рано обрекши себя Богу, она не пренебрегла и земными науками, какъ говорится о ней въ житіи: изучала грамматику, риторику, философію, науку числа и мѣры.***)

Такія обширныя познанія у русской женщины въ XIII в. справедливо навели сомнѣніе въ достовѣрности извѣстія сообщеннаго составителемъ «Житія».*****) Это сомнѣніе какъ бы оправдывается тѣмъ, что «Житіе» написано монахомъ Григоріемъ въ половинѣ, какъ думаетъ Филаретъ, XVI в., стало быть, три вѣка спустя послѣ смерти Евфросиньи. Проф. Ключевскій говоритъ, что біографы святыхъ рѣдко имѣли точныя и полныя свѣдѣнія описываемой имъ жизни святого.

Очень можетъ быть, что составитель «Житія» желая усилить въ умахъ читателей впечатлѣніе отъ подвиговъ св. Евфросиньи, приписалъ ей не только вдохновеніе и краснорѣчіе, но и довольно обширныя познанія.

Изъ сказаннаго видно, что хотя въ древне-русскомъ обществѣ до-монгольскаго періода замѣчались значительныя недостатки нравовъ, но въ общемъ надо отмѣтить благотворное вліяніе христіанства.

*) Степенная книга. 1775 г. ч. I, ст. 278, у Лихачев. Матеріалы, ст. 8.

**) Костомаровъ. Русская Истор. т. I, ст. 95.

****) Въ подлинникѣ объ этомъ такъ сказано: «Аще и не во Аенинѣхъ учися блаженная, но аенинейски премудрости изучи: философію же и риторию и всю грамматику, числа и кругомъ обхожденіе и вся премудрости».

*****) Вуслаевъ. Историческіе очерки русск. нар., слов. и искусства. т. II. 1861 Ст. 158.

Христіанскій идеаль кротости и смиренія мало по малу проникалъ въ народную массу. Это видно и изъ изученія древнѣйшихъ памятниковъ: Русской Правды, поученій Θεодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и Поученія Владимира Мономаха. По словамъ Кирилла Туровскаго «добрая кротость есть мать всѣхъ добрыхъ дѣлъ; глава же всему — неліцемерная любовь».

Въ Поученіи Владимира Мономаха, какъ уже сказано (стр. 47), какъ бы въ зародышѣ находятся тѣ педагогическія начала, которыя предстояло впоследствии развить русской педагогіи. Страхъ Божій и любовь къ челоуѣчеству поставляются въ основаніи добродѣтели. Владимиръ Мономахъ твердо поставляетъ на видъ, что не постъ, не монашество, не уединеніе спасетъ людей, но добрыя дѣла. Въ этомъ же Поученіи впервые указывается на цѣнность знанія: «все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь».

Что касается образованія женщинъ, то объ этомъ дошло до насъ мало извѣстій, да и тѣ подвергаются сомнѣнію. Надо, однако, думать, что образованіе женщинъ въ какой бы то ни было формѣ существовало въ древней Руси, такъ какъ у насъ всегда, съ незапамятныхъ временъ, существовали грамотныя женщины, учившія и другихъ.

Источники и пособія: Лѣтопись по Ипат. списку. — Соловьевъ. Исторія Россіи т. II и III. — Шевыревъ С. Исторія русской словесности. — Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. II. — Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Спб. 1890 г. — Буслаевъ. Историческіе очерки русск. народ. словесности и искусства. 1861 г.

Глава VI.

Монастырская педагогія. XIII—XIV вв.

(Монгольское иго. Воспитательное значеніе Троице-Сергіевой лавры и вообще монастырей. Состояніе образованія и просвѣщенія.)

Нашествіе монголовъ и ихъ слишкомъ двухъ-сотлѣтнее иго имѣло пагубное вліяніе на начинавшееся просвѣщеніе: оно остановилось въ своемъ развитіи, во многихъ мѣстахъ ослабѣло и совсѣмъ исчезло. Въ пламени сожигаемыхъ городовъ погибли драгоценныя книгохранилища. Священное Писаніе и вообще книги стали рѣдки. Школы сами собою закрывались въ сожженныхъ городахъ; учителя разбѣгались. Школы и книгохранилища сохранились лишь тамъ, куда не проникло монгольское разореніе, напр. въ Новгородѣ и въ Галичѣ съ Волянью.

Тверской князь Михаилъ Александровичъ († 1399) долженъ былъ ѣхать въ Новгородъ учиться грамотѣ и божественному писанію у архіепископа Василя.*)

Образованіе духовенства очень понизилось. Изучали вѣру (за немногими исключеніями) уже не изъ первоначальнаго живаго источника ея — Священнаго Писанія, но изъ книгъ богослужебныхъ и отеческихъ. Такъ, современные лѣтописцы приводятъ изреченія не изъ Св. Писанія, какъ Несторъ, а изъ книгъ богослужебныхъ. Много книгъ Св. Писанія погибло въ пожарахъ монгольскихъ и онѣ стали рѣдкостью. Напротивъ, стали приходять къ намъ изъ Болгаріи сочиненія апокрифическія, повѣсти, вымышленныя воображеніемъ дѣтскимъ или совсѣмъ нечистымъ.**)

Правда и въ продолженіе всего двухъ-сотлѣтняго монгольскаго ига въ Россіи были просвѣщенные архипастыри, охранявшіе русскую церковь отъ вреднаго вліянія суевѣрныхъ произведеній иноземнаго невѣжества, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по-

*) Въ 1341 г. пріѣха Михаилъ княжичъ съ Тфери въ Новгородъ къ владыкѣ грамотѣ учиться. Пол. Соб. Л. III, 81.

**) Филаретъ. Исторія русской церкви II, 46—47.

учавшіе народъ истинамъ вѣры и истинному благочестію. Таковы епископъ Владимирскій Серапіонъ, митрополитъ Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій Кирилль († 1280), Московскіе святители Алексѣй, Іона, св. Кирилль († 1427), основатель и игумень Бѣлозерскаго монастыря. Но труды этихъ свѣтлыхъ единичныхъ личностей не могли, конечно, восполнить недостатокъ въ священныхъ книгахъ, во множествѣ погибавшихъ въ пламени монгольскихъ пожаровъ. Кромѣ того, вслѣдствіе уничтоженія церквей и школъ, число грамотныхъ чрезвычайно уменьшилось. Въ прежнее время, какъ мы видѣли, князья не щадили средствъ для заведенія школъ и библіотекъ, способствовали устройенію храмовъ; теперь же, когда земля была разорена, опустошена, обременена тяжкою данью, когда всѣ постоянно ожидали новаго нашествія варваровъ, было не до того. Татарское иго остановило развитіе государственной жизни, еще не успѣвшей сложиться и окрѣпнуть. Князья должны были всѣ заботы употреблять только на защиту своихъ областей отъ татарскихъ хановъ и ихъ баскаковъ. Какъ они, такъ и епископы должны были ѣздить въ Орду, кланяться ханамъ и терпѣть униженія. Это рабство унизило духъ народный и развило грубый деспотизмъ въ высшихъ и рабскую покорность въ низшихъ сословіяхъ. Но особенно татарское иго надолго задержало христіанское просвѣщеніе Россіи, усилило невѣжество и укоренило грубыя суевѣрія и пороки. Въ то время, когда нужно было заботиться о сохраненіи жизни и имущества трудно было думать о просвѣщеніи. Пастыри церкви старались, по возможности, ослабить бѣдствія монгольскаго ига, исправляя разныя нестроенія въ церковной жизни и поучая народъ къ нравственному совершенству. Скорбь объ отечествѣ, покаяніе и молитва даютъ главное содержаніе и силу русскому слову XIII в., которое вообще необильно.

Пораженные внѣшними бѣдствіями, лучшіе русскіе люди все болѣе и болѣе уходили въ самихъ себя и оплакивая бѣдствія родины, воспитывали въ себѣ тѣ духовныя силы, которыя возрасли и окрѣпли уже въ XIV в. и способствовали сверженію ненавистнаго ига.

Но и во время монгольскаго ига существовали, хотя въ небольшомъ количествѣ, частныя школы. По крайней мѣрѣ о существованіи учебнаго сословія можно заключать изъ того, что въ ярлыкѣ хана Узбека, данномъ митр. Петру (1313 г.) ханъ обращается между прочими гражданскими лицами также къ «книжникамъ, уставодержальникамъ и учительнымъ людскимъ повѣстникамъ»^{*)}.

Въ тяжелую годину народныхъ бѣдствій выдвигается съ особенной силой важное воспитательное значеніе монастырей и въ особенности Троице-Сергіевскаго монастыря.

Троице-Сергіевскій монастырь былъ основанъ въ центрѣ Россіи и вскорѣ приобрѣлъ большую извѣстность и значеніе. Подобно Кіево-Печерской Лаврѣ и монастырь Троице-Сергіевскій питалъ такую же любовь къ книгамъ, былъ также дѣятеленъ въ распространеніи просвѣщенія по русской землѣ.

Уже основатель и первый его игумень, преп. Сергій, отличался любовью къ просвѣщенію и книгамъ, хотя и не могъ, по недостатку средствъ, вполне удовлетворять эту любовь. Православная церковь, ублажая его въ своихъ хвалебныхъ пѣснопѣніяхъ, справедливо говоритъ, что онъ «явился яко рѣка, обильно всю землю напоая словомъ ученія».

Трудно было жить русскимъ людямъ во времена татарщины. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и предприимчивость. Внѣшнее стихійное бѣдствіе грозило превратиться во внутренней хронической недугъ. Чтобы сбросить варварское иго, построить крѣпкое, независимое государство, ассимилировать дикихъ инородцевъ,—надо было русскому народу прежде всего приподнять и укрѣпить свои нравственныя силы, приниженыя вѣковымъ пораженіемъ и униженіемъ. Этому великому дѣлу нравственнаго воспитанія народа и посвятилъ свою жизнь преп. Сергій Радонежскій.

Пр. Сергій, въ міру Варооломей, былъ сынъ ростовскаго боярина Кирилла, родился въ 1313 г. По смерти родителей

^{*)} Н. Аристовъ. Христоматія по русской исторіи. Ст. 515—156.

онъ отдалъ все имѣніе младшему брату, а самъ съ старшимъ братомъ Стефаномъ удалился въ пустыню, верстахъ въ 10 отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь во имя Св. Троицы. Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя въ Московскій Богоявленскій монастырь. Оставшись одинъ пр. Сергій всею душою предался подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, и искушенія. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи поставлено было нѣсколько избышекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Преп. Сергій самъ служилъ для всѣхъ примѣромъ тѣлесной и духовной дѣятельности: самъ на братію рубилъ дрова, муку въ жерновахъ молотъ, пекъ хлѣба, варево варилъ, кроилъ и шилъ одежду, воду носилъ изъ источника, а по ночамъ молился за всѣхъ. Въ 1354 г. братія почти силой заставили его принять санъ пресвитера и игумена. Игуменство его было во многомъ сходно съ игуменствомъ преп. Феодосія: та же строгость въ жизни и неутомимость въ трудахъ. Патріархъ Филодей, узнавъ о пр. Сергій, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и митрополита Алексія общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно казалось тяжкимъ и возбудило ропоть, такъ что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ своей обители на Киржачъ, гдѣ основалъ новый монастырь. Онъ воротился, по повелѣнію митр. Алексія и по просьбѣ своей братіи, потому что безъ него въ монастырѣ были большіе безпорядки. Между тѣмъ средства обители значительно увеличились; возрасла и слава пр. Сергія. Митр. Алексій пользовался его совѣтами; не разъ посѣщалъ обитель и Димитрій Донской; какъ извѣстно, св. Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Странники, нищіе, больные, увѣчные устремились къ новому разсаднику любви христіанской. Народъ говоритъ, что пр. Сергій, подражая великому примѣру Спасителя, любилъ дѣтей и, когда родители приводили ихъ къ нему подѣ благословеніе, охотно разговаривалъ, игралъ съ ними и одѣлялъ ихъ игрушками, которыя самъ для нихъ готовилъ.

Любя самъ книжныя занятія, пр. Сергій стремился особенно любовью отличать хорошихъ книгописцевъ и любителей книжнаго дѣла. Составитель житія преп. Сергія, Епифаній Премудрый, свидѣтельствуешь, что одинъ изъ его учениковъ Аѳанасій, впоследствии игумень Серпуховскаго монастыря, «бѣ въ добродѣтеляхъ мужъ чудень и въ божественныхъ писаніяхъ зѣло разумень и доброписанія многа руки его и до нынѣ свидѣлствуютъ», и сего ради любимъ бѣ зѣло старцу (т. е. преп. Сергію). 25-го сентяря 1391 г. преп. Сергій почилъ на 78-мъ году своей жизни.

Въ чемъ же слѣдуетъ видѣть важное нравственно-воспитательное вліяніе преп. Сергія?

Разумѣется, говорить пр. Ключевскій*), и мы присоединяемся къ его къ мнѣнію, преп. Сергій могъ примѣнять къ дѣлу средства нравственной дисциплины, ему доступныя и понятныя тому вѣку, а въ числѣ такихъ средствъ самымъ сильнымъ былъ живой примѣръ, наглядное осуществленіе нравственнаго правила. Онъ началъ съ самого себя и продолжительнымъ уединеніемъ, исполненнымъ трудовъ и лишеній среди дремучаго лѣса, приготовился быть руководителемъ другихъ пустынно-жителей. Мы всѣ читали и перечитывали страницы древняго житія, повѣствующія о томъ, какъ Сергій, начавъ править собиравшейся къ нему братіей, былъ для нея поваромъ, пекаремъ, мельникомъ, дроворубомъ, портнымъ, плотникомъ, служилъ ей, какъ рабъ купленный, по выраженію житія, ни на одинъ часъ не складывалъ рукъ для отдыха; какъ потомъ, ставъ настоятелемъ обители и продолжая ту же черную работу, онъ принималъ искавшихъ у него постриженія, не спускалъ глазъ съ каждаго новичка, возводя его со степени на степень иноческаго искуса, указывалъ дѣло всякому по силамъ, ночью ходилъ дозоромъ мимо келій, легкимъ стукомъ въ дверь или окно напоминалъ празднословившимъ, что у монаха есть лучшіе способы проводить досужее

*) Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Богосл. Вѣстн. 1892 г. Ноябрь.

время». Читая эти рассказы, видишь предъ собою практическую школу благонравія, въ которой сверхъ религіозно-иноческаго воспитанія главными житейскими науками были умѣнье отдавать всего себя на общее дѣло, навѣкъ къ усиленному труду и привычка къ строгому порядку въ занятіяхъ, помыслахъ и чувствахъ. Наставникъ велъ ежедневную дробную терпѣливую работу надъ каждымъ отдѣльнымъ братомъ, надъ отдѣльными особенностями каждаго брата, приспособляя ихъ къ цѣлямъ всего братства. По послѣдующей самостоятельной дѣятельности учениковъ пр. Сергія видно, что подъ его воспитательнымъ руководствомъ лица не обезличивались, личныя свойства не стирались, и каждый, становясь на свое мѣсто, входилъ въ составъ сложнаго и стройнаго цѣлаго.

Міряне приходили въ монастырь помолиться и поучиться: «Мірѣ смотрѣлъ на чинъ жизни въ монастырѣ преп. Сергія и то, что онъ видѣлъ, быть и обстановка пустыннаго братства, поучали его самымъ простымъ правиламъ, которыми крѣпко христіанское общество. Хотя въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, но всё дружны между собою и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ слѣды порядка и размышленія, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой и всё молятся послѣ работы; во всѣхъ чуялся скрытый огонь, который безъ искръ и вспышекъ обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякаго, кто вступаетъ въ эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мірѣ видѣлъ все это и уходилъ ободренный и освѣженный. Надобно припомнить людей XIV вѣка, ихъ быть и обстановку, запасъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ, чтобы понять впечатлѣніе этого зрѣлища на набожныхъ наблюдателей».

«Пятьдесятъ лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло преп. Сергій въ Радонежской пустынѣ; цѣлые полвѣка приходившіе къ нему вмѣстѣ съ водой изъ его источника черпали въ его пустынѣ утѣшеніе и ободреніе и, воротясь въ свой кругъ, по каплямъ дѣлились съ другими.

Этими каплями нравственнаго вліянія и выращены были

два факта, которые легли среди другихъ основъ нашего государственнаго и общественнаго зданія и которые оба связаны съ именемъ преп. Сергія. Одинъ изъ этихъ фактовъ — великое событіе (Куликовская битва), совершившееся при жизни пр. Сергія, а другой — цѣлый сложный и продолжительный историческій процессъ, только начавшійся при его жизни.

Событіе состояло въ томъ, что народъ, сто лѣтъ привыкшій дрожать при одномъ имени татарина, собрался наконецъ съ духомъ, всталъ на поработителей и не только нашелъ въ себѣ мужество встать, но и пошелъ искать татарскихъ полчищъ въ открытой степи и тамъ повалился на враговъ несокрушимой стѣной, похоронивъ ихъ подъ своими многотысячными костями».

Мы знаемъ, что преп. Сергій благословилъ на этотъ подвигъ Дмитрія Донскаго (1380 г.).

Чувство нравственной бодрости, духовной крѣпости, которое преп. Сергій вдохнулъ въ русское общество, еще живѣе и полнѣе воспринялось русскимъ монашествомъ. Въ жизни русскихъ монастырей со времени Сергія начался замѣчательный переломъ: замѣтно оживилось стремленіе къ иночеству. Преп. Сергій съ своей обителью и своими учениками былъ образцомъ и начинателемъ въ этомъ оживленіи монастырской жизни. Изъ сказаннаго видно, что примѣромъ своей жизни, высотой своего духа, нравственнымъ авторитетомъ преп. Сергій поднялъ упавшій духъ русскаго народа, пробудилъ въ немъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, вдохнулъ вѣру въ свое будущее, отчего можетъ быть названъ истиннымъ просвѣтителемъ и воспитателемъ русскаго народа.

Обитель пр. Сергія продолжала расти и послѣ его смерти. Одни ученики Сергія оставались тамъ и поддерживали его завѣты, другіе избирались игуменами въ другіе монастыри, третьи расходились по разнымъ областямъ сѣверной Россіи, строили свои обители и всюду вводили тотъ же уставъ и тѣ же порядки, какіе были и у преп. Сергія. Монастырь пр. Сергія такимъ образомъ являлся какъ бы образцомъ для другихъ монастырей и въ этомъ его важная заслуга. Онъ былъ

для Сѣверо-Восточной Руси тѣмъ, чѣмъ Кіево-Печерская лавра для Руси юго-западной. Поэтому и пр. Сергій можетъ быть названъ первымъ организаторомъ и устройтелемъ монастырей въ сѣверо-восточной Россіи. Въ XIII ст. основано было 22 монастыря, въ XIV в. ихъ насчитываютъ до 80.

Какъ мы уже говорили, монастыри въ то время были настоящими школами т. е. и народными училищами и разсадниками книжнаго просвѣщенія. Молодежь тогдашняя свои стремленія къ знанію удовлетворяла въ монастыряхъ, какъ нынѣ въ университетахъ и академіяхъ. Родители посылали своихъ дѣтей въ монастырь для обученія грамотѣ. Люди, потерпѣвшіе отъ различныхъ бѣдъ и невзгодъ, искали здѣсь утѣшенія и отрады. Непрерывная молитва, богослуженіе, руководство въ строгомъ исполненіи устава и церковныхъ обрядовъ, постъ, воздержаніе, трудъ, терпѣніе и любовь братская — все оказывало могучее воспитательное вліяніе.

Лѣтописное дѣло по преимуществу велось въ монастыряхъ; монастыри и храмы болѣе другихъ мѣстъ были обезпечены отъ разныхъ случайностей, а потому въ нихъ постепенно стали возникать библіотеки.

Самая лѣтопись въ старину должна была удовлетворять не одной любознательности или книжному интересу, который поддерживался участіемъ авторовъ въ событіяхъ или религіозномъ настроеніи, но также и политическимъ цѣлямъ: въ нее князья заносили свои распоряженія и условія: въ нѣкоторыхъ монастыряхъ велись систематическія записи (новгород. лѣтоп.) существовали церковныя лѣтописи (какъ напр. 3-я новгород.). Понятно такимъ образомъ; почему впослѣдствіи, когда правительство стало заботиться о собираніи книгъ и рукописей, монастыри могли доставить самые цѣнные матеріалы. Наконецъ, монастыри имѣли больше возможности располагать опытными и искусными писцами. Нѣкоторые изъ русскихъ долго жили для списыванія книгъ въ Константинопольскихъ и афонскихъ монастыряхъ; новгородскій архіеп. Алексѣй (XIV в.) имѣлъ своихъ писцовъ, труды которыхъ признаются даже те-

перь лучшими по исполненію*). О другомъ новгородскомъ архіепископѣ (Моисей) извѣстно, что онъ собралъ много писцовъ и списалъ много книгъ. Вообще о тогдашнихъ монастыряхъ и ихъ основателяхъ мы имѣемъ не мало извѣстій, подтверждающихъ, что они занимались списываніемъ и собираніемъ книгъ.**)

Во главѣ особенныхъ любителей и ревнителей просвѣщенія здѣсь прежде всего долженъ быть поставленъ другъ и себе-сѣдникъ пр. Сергія, Св. Кирилль Бѣлоозерскій. Еще въ бытность простымъ инокомъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ онъ занимался перепискою книгъ по повелѣнію архимандрита Θεодора и на Бѣлѣ-озерѣ самъ ничего не держалъ въ своей келии и братіи совѣтовалъ ничего не держать въ келияхъ, кромѣ книгъ. До сихъ поръ въ его монастырѣ хранится 17 книгъ, писанныхъ его рукою.

Въ самой обители пр. Сергія его любовь къ книжнымъ занятіямъ унаслѣдовалъ ученикъ и преемникъ его по степени игуменства пр. Никонъ. Сдѣлавшись игуменомъ онъ ревностно заботился объ обогащеніи обители книгами. Особенно замѣчательна отъ его времени: «Псалтирь съ послѣдованіями», писанная около 1428 г., гдѣ изобрѣтательность писца въ почеркахъ и художественное выполненіе красками съ золотомъ разныхъ заставокъ достойны изумленія.

Почти при полномъ отсутствіи организованной книжной торговли, при дороговизнѣ книгъ, зависѣвшей отъ цѣнности матеріала и трудности списыванія, первый и главный путь приобрѣтенія книгъ былъ путь списыванія ихъ троїцеими «книгописцами». Св. Стефанъ Пермскій собственноручно списалъ много книгъ. Германъ Соловецкій, будучи самъ не книженъ, поручалъ списыванье другимъ и собиралъ книги.

Знаменитая и первая изъ монастырскихъ по своимъ книжнымъ богатствамъ Соловецкая библіотека обязана своимъ происхожденіемъ тамошнему монаху Досіею (конца XV в.), который на собираніе книгъ посвятилъ всю свою жизнь.

*) Срезневскій, Древн. книги, 19.

**) Иконниковъ, В. С. Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. 1-я, ст. 102. Кіевъ. 1891.

Живя случайно въ Новгородѣ, онъ пріискивалъ писцовъ и оттуда посылалъ книги въ Соловецкій монастырь. Безъ сомнѣнія, также заботились о развитіи книжнаго дѣла и пріобрѣтеніи книгъ и во всѣхъ остальныхъ монастыряхъ, заимствовавшихъ строй своей жизни изъ монастыря Сергіева. Виѣстѣ съ тѣмъ монастыри являлись лучшими хранилищами сокровищъ и книгъ. Самые акты считали за лучшее сберегать въ тѣхъ же церквахъ и монастыряхъ. Монастыри въ то время пользовались громаднымъ значеніемъ; они вели непосредственныя сношенія съ властями и получали отъ нихъ весьма широкія права. Такъ, постепенно образовались значительныя церковныя и монастырскія бібліотеки, какъ то: Софійская, при Новгородскомъ соборѣ, Троицко-Сергіевская, Чудовская, Кирилло-Бѣлозерская, Ростовская, Волоколамская, Соловецкая и мн. др. Изъ описей, дошедшихъ до насъ, видно, что въ нихъ были не только церковныя книги, но и лѣтописи, хронографы, сборники, повѣсти, географическія сочиненія, а позже являются переводы космографій и книгъ. Въ монастыряхъ составляются сборники жалованныхъ и другихъ грамотъ, послужившіе весьма важнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ изданій. Отсюда досталась масса актовъ историко-юридическаго содержанія и памятниковъ письменности, такъ что монастырскіе архивы и бібліотеки до сихъ поръ оказываются еще неполнѣ исчерпанными.*)

Изъ сказаннаго несомнѣнно, что монастыри сосредоточивъ въ своихъ рукахъ источники древне-русской образованности, естественно сдѣлались регулирующими центрами въ общественной жизни сѣверо-восточной Руси. Въ ихъ стѣнахъ заключалась почти вся книжная дѣятельность, и потому неудивительно, что и самой умственной жизни общества былъ данъ монастырскій колоритъ, что образовательное вліяніе монастырей давало преобладаніе въ обществѣ религиозному строю жизни. Такъ, полагая съ молитвою на устахъ и крестомъ въ рукахъ основаніе обителямъ въ темныхъ лѣсахъ и дебряхъ, среди фин-

*) Иконниковъ, В. С. Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. 1-я, ст. 108

ских поселеній, монахи своими подвигами стягивали разрозненное населеніе, своими порядками обучали ихъ правильнымъ формамъ гражданственности и своими книгами вносили въ нихъ свѣтъ христіанской истины. Тѣ же изъ монаховъ, которые чувствовали себя способными быть учителями, очень нерѣдко уже и въ то старо-давнее время посвящали себя дѣлу народнаго учительства въ прямомъ смыслѣ этого слова. Время отъ времени у насъ появлялись грамотные и начитанные монахи, исполненные усердія и ревности поучать. Еще и до настоящаго времени нерѣдко по монастырямъ русскимъ встрѣчаются типичные представители этихъ учительныхъ монаховъ: они даютъ возможность наглядно составить себѣ понятіе объ ихъ древнихъ и старыхъ предшественникахъ. Является въ какомъ-нибудь монастырѣ учительный благочестивый старецъ, распространяется о немъ слухъ, и народъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ начинаетъ стекаться къ нему толпами, а его келья превращается въ непрестанную полную аудиторію. Какъ есть въ настоящее время, такъ было и въ древнее. Способные къ учительству монахи смотрѣли на него, какъ на свою прямую обязанность и стремились упражняться въ немъ по мѣрѣ силъ со всѣмъ усердіемъ. Въ житіяхъ святыхъ подвижниковъ древней Руси можно найти многочисленные примѣры такого учительства*).

Главные черты монастырской педагогіи были: постъ, усердная молитва, братолюбіе, нищелюбіе, безропотное послушаніе, терпѣливое перенесеніе трудовъ, почитаніе книгъ, умѣнье отдавать себя всего на служеніе общему дѣлу.

Лучшія русскія женщины XIII и XIV вв., подобно мужчинамъ, стремились въ монастырь. И это не потому только, что въ обществѣ господствовалъ аскетическій взглядъ на жизнь, но потому, что только въ монастыряхъ женщины находили необходимую защиту, покой и удовлетвореніе высшихъ духовныхъ интересовъ. И не только въ XIII и XIV вв., во время

*) См. Н. Кедровъ. Просвѣтительная дѣятельность Троице-Сергіевой лавры. Москва. 1892 г., стр. 69.

владычества монголовъ, но и позже въ XV и XVI вѣкахъ монастыри имѣли привлекательную силу для лучшихъ людей, задававшихся высшими вопросами, и потому неудивительно, что въ нихъ стремились какъ мужчины, такъ и женщины. Не даромъ же такой осторожный историкъ какъ С. Соловьевъ *) говорить: «Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: что бы случилось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема?»

Правы, само общество, состояніе просвѣщенія, внѣшнія причины — все влекло лучшихъ людей отдалиться отъ міра. Однѣ женщины уходили въ монастырь, другія запирались въ теремъ. Въ это время всѣ женщины княжескаго и знатнаго рода жили если не въ монастыряхъ, то въ теремахъ. Въ монастырѣ, какъ и въ теремѣ, говоритъ Лихачевъ, **) женщины волей или неволей должны были наполнять свой день, кромѣ руководѣнія, и другими занятіями. Женскіе монастыри большею частію были монастырями общиножительными, а во всѣхъ такихъ монастыряхъ были одни и тѣ же или весьма сходные между собой уставы и правила; въ эти правила включалось и чтеніе книгъ въ келіяхъ. ***) Точно также и въ теремахъ «набожность, какъ говоритъ Забѣлинъ, наполняла день, ибо уставъ каждодневной жизни требовалъ чтенія какъ душевнаго подвига. Читались: житія святыхъ, поученія на каждый день и пр. Оттого знаніе священнои церковной исторіи въ тогдашнемъ грамотномъ обществѣ было распространено болѣе, чѣмъ всякое другое. Въ совокупности съ знаніемъ церковнаго догмата или устава, это была единственная наука того времени, то самое, что мы теперь понимаемъ подъ словомъ образованность. Въ особенности въ замкнутомъ теремѣ, лишеныя участія даже мыслью и словомъ въ дѣлахъ общественныхъ, управлялись въ нравственныхъ и умствен-

*) Соловьевъ С. Истор. Рос. Т. IV, ст. 341, изд. 1-е.

**) Матеріалы для истор. жен. обр. въ Россіи.

***) Въ женскихъ монастырскихъ школахъ, кромѣ книжнаго ученія, письма и пѣнія, обучали руководѣлю, швенію и инымъ полевымъ имъ ремесламъ. (Татищ. Ист. II, 138.)

ныхъ интересахъ». Изъ этого видно, что затворничество женщинъ, принесшее не мало зла и горя русской жизни, имѣло и свои хорошія стороны, сослужило нѣкоторую службу, не допустивъ женщинъ до полного отчужденія отъ просвѣщенія.

Что касается состоянія образованія, то объ этомъ мы имѣемъ слѣдующія извѣстія.

Въ грамотахъ XIV вѣка упоминается, говоритъ Н. А. Лавровскій*), о содержаніи при церквахъ сиротъ и дѣтей (обоого пола), которыхъ не только питали, но и учили грамотѣ. Но вообще надо замѣтить, что правильно организованныхъ училищъ не было, и внѣ монастырей образованіе стояло на низкой ступени. О знаменитомъ героѣ Куликовской битвы въ житіи его говорится, что онъ не былъ изученъ книгами, о Василии Темномъ извѣстно, что онъ былъ не книженъ и не грамотенъ.

Хотя въ житіяхъ и лѣтописяхъ о нѣкоторыхъ лицахъ попадаются такія замѣтки: «вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися» «времени же приспѣвшу вданъ бываетъ отъ родитель своихъ на ученіе божественнымъ книгамъ», но эти записи повидимому указываютъ только на существованіе частныхъ школъ, отдѣльныхъ учителей-мастеровъ, о которыхъ говорилъ впослѣдствіи и Стоглавъ. Къ XIII и XIV в. относится меньше литературныхъ произведеній, чѣмъ къ до-монгольскому періоду.

Въ XIII в. у насъ былъ замѣчательный проповѣдникъ Серапіонъ, епископъ владимирскій; въ своихъ поученіяхъ онъ призывалъ народъ, по случаю постигшаго бѣдствія (монгольскаго ига), къ покаянію и молитвѣ, скорбѣлъ о бѣдствіяхъ и грѣхахъ народныхъ, возставалъ противъ суевѣрій. Къ XIV вѣку относятся многія, дошедшія до насъ грамоты, въ которыхъ видна крѣпость семейнаго союза: «быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто». Старшій братъ держалъ напр. такую рѣчь къ младшимъ: «отецъ нашъ приказалъ намъ жити за одинъ,

*) О древне-русскихъ училищахъ.

также и язъ вамъ приказываю жити за одинъ...» Отецъ напр. говоритъ своимъ дѣтямъ: «а вы, дѣти мои, живите за одинъ», и безпрестанно повторяетъ: «а матери своей слушайте во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ».

Въ поученіи Кирилла, м—та Кіевскаго (до 1280 г.) сказано: «блюдите и чадъ вашихъ, иже родившихся отъ васъ... Челядь свою наказуйте страху Божію, и голодомъ не морите, ни наготою не томите, но любите ихъ яко своя уды, или яко Христосъ насъ всѣхъ, тако же творите; дѣти своя духовныя наказуйте (учите).»*)

Такимъ образомъ мы видимъ, что монгольское иго способствовало приостановкѣ просвѣщенія и унизило духъ народный. Въ пламени монгольскихъ пожаровъ много погибло храмовъ и книгъ.

Въ это время выдвигается важное воспитательное значеніе монастырей и особенно Троице-Сергіевскаго. Пр. Сергій Радонежскій вдохнулъ въ русское общество XIV вѣка духъ нравственной бодрости и крѣпости и положилъ начало цѣлому ряду монастырей въ Сѣверо-восточной Россіи, которые явились настоящими народными школами и разсадниками христіанскаго просвѣщенія. Родители посылали въ монастыри своихъ дѣтей для наученія грамотѣ, юноши искали въ нихъ удовлетворенія идеальныхъ запросовъ, а взрослые и старики искали въ нихъ успокоенія и ободренія. Монастыри первые положили начало русскимъ бібліотекамъ и книгохранилищамъ, въ нихъ постоянно занимались списываніемъ и собираніемъ книгъ.

Главные черты монастырской педагогіи были: постъ, усердная молитва, братолюбіе, нищелюбіе, безропотное послушаніе, терпѣливое перенесеніе трудовъ, почитаніе книгъ, умѣнье отдавать себя всего на служеніе общему дѣлу.

*) Аристовъ, Хрис. по рус. ист. Ст. 514.

Источники и пособія: еп. Филаретъ. Исторія русской церкви т. П. Н. Я. Аристовъ, Христоматія по русской исторіи. Варшава. 1870 г. Проф. Ключевскій. Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Богос. Вѣст. 1892. 11. Иконниковъ В. С. Опытъ русской исторіографіи. Кіевъ. Т. 1, вып. 1 и 2-й. 1891. Н. Кедровъ. Просвѣтительная дѣятельность Троице-Сергіевой лавры. Москва. 1892 г.

Глава VII.

Педагогія учителей «мастеровъ». XV вѣкъ.

(Частныя школы. Состояніе образованія и просвѣщенія.)

Уже съ XV вѣка у насъ начинаютъ развиваться частныя школы.

«Нѣтъ сомнѣнія, гороритъ г. А. Соболевскій, что Москва этого времени не имѣла никакихъ ни правительственныхъ, ни общественныхъ школъ. Но за то въ ней было много мелкихъ частныхъ училищъ*), такъ много, что желавшему обучить своего сына грамотѣ не нужно было ихъ разыскивать.

Въ XV вѣкѣ св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ новгородскій, научился грамотѣ, повидимому, въ своей родной деревнѣ близъ Москвы, для св. Александра Свирскаго нашлось училище въ родной деревнѣ въ Обонежѣ, для св. Зосимы Соловецкаго — въ родномъ селѣ тоже въ Обонежѣ, для св. Антонія Сійскаго — въ селѣ близъ Бѣлаго моря, для св. Александра Ошевенскаго — въ деревнѣ близъ Бѣлаго озера; св. Мартиніанъ Бѣлозерскій былъ отданъ въ училище, находившееся «близъ» Кириллова монастыря. Слѣдовательно, въ этомъ вѣкѣ не только подъ Москвою, но даже въ такихъ глу-

*) Названіе «училище» употреблено Геннадіемъ и отцами Стоглаваго собора; сверхъ того оно находится въ житіяхъ свв. Антонія Сійскаго (крестьянина) и Филиппа митрополита (боярскаго рода).

хих мѣстностяхъ, какъ поселенія нашего далекаго сѣвера, не было недостатка въ училищахъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно послѣ предписаній Стоглаваго собора, число училищъ должно было значительно увеличиться. Эти училища содержались «учителями» (житія) или «мастерами» (Геннадій) изъ среды духовенства. Стоглавъ, какъ увидимъ ниже, предписывалъ открывать въ городахъ училища священникамъ, дьяконамъ и дьячкамъ. Житія свв. Іоны, архіепископа новгородскаго (начало XV в.) и Никандра Псковскаго (XVII в.) говорятъ объ учителяхъ дьяконахъ; житіе св. Александра Ошевенскаго и царская грамота 1629 года говорятъ объ учителяхъ дьячкахъ.

Сверхъ учителей духовныхъ, кажется, были учителя и изъ свѣтскихъ людей. По крайней мѣрѣ дьякъ, учитель св. Мартиніана Бѣлозерскаго, въ житіи его называется «мірскимъ». Св. Мартиніанъ Бѣлозерскій (самое начало XV вѣка), поступившій въ Кирилловъ монастырь ребенкомъ, былъ отданъ игуменомъ для обученія грамотѣ «мірскому дьяку», котораго дѣло «бѣяше книги писати и учити ученики грамотныя хитрости»*) Св. Александръ Ошевенскій (XV вѣкъ), поступивъ въ тотъ же Кирилловъ монастырь уже грамотнымъ, былъ отданъ игуменомъ для лучшаго «наказанія» къ дьяку нѣкому разумну и искусну.**)

Число учениковъ въ училищахъ было, конечно, разнообразно. Житіе арх. Іоны (XV в.) упоминаетъ о «многихъ соученикахъ» святаго; житія преп. Іосифа Волоцкаго, Александра Свирскаго и Антонія Сійскаго о томъ, что вмѣстѣ со святыми учились ихъ «сверстники»; Лицевое (иллюстрированное) житіе преп. Сергія, написанное въ XVI вѣкѣ и, конечно, передающее дѣйствительность этого столѣтія, въ одной изъ своихъ миниатюръ изображаетъ намъ училище съ 11 учениками, таимъ образомъ: въ комнатѣ на одной лавкѣ сидятъ рядомъ 5

*) Погод. № 737. Лѣтоп. Занят. Археогр. Комиссіи вып. I. Соболевскій. Образован. Моск. Руси XV—XVII. Ст. 15.

**) Синод. № 413.

учениковъ съ книгами; сзади нихъ помѣщаются еще трое; на лѣво отъ нихъ — еще двое; на правой сторонѣ учитель объясняетъ урокъ преп. Сергію».

По возрасту главная часть учениковъ были дѣти. Цѣлый рядъ житій святыхъ указываетъ на семилѣтній возрастъ, какъ на обычный возрастъ начинающихъ учиться грамотѣ, безъ различія сословій. Такъ, въ житіи св. Іоасафа Каменскаго, княжескаго сына (первая половина XV вѣка) мы читаемъ: «достигшу седмаго лѣта, и вданъ бысть въ наученіе грамотѣ»; въ житіи Св. Іосифа Волоцкаго: «егда бысть... седми лѣтъ, родителие его даша на ученіе грамотѣ», въ житіи архіеп. Серапіона, крестьянскаго сына: «седмаго лѣта достигшу, вданъ бываетъ въ наученіе грамотѣ». Другія житія говорятъ о возрастѣ учениковъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ; но и они, и Стоглавъ, даютъ ясно понять, что онъ былъ дѣтскій. Время обученія грамотѣ въ массѣ случаевъ не могло быть продолжительнымъ. Способные мальчики, вѣроятно, выучивались ей скоро, приблизительно въ два года. Такъ, св. Александръ Ошевенскій «спѣшии нѣкоко» «изучился», Св. Игнатій Вологодскій «вскорѣ ученіе книжное извыче»; учитель св. Антонія Сійскаго дивился «скорому его наученію» св. Іосифъ Волоцкій, по словамъ его біографа Саввы, «учашеся разумно и всѣхъ сверстникъ превзыде: единымъ годомъ изучи псалмы Давыдовы и на другій годъ вся божественная писанія навыче». Малоспособные, какъ св. Александръ Свирскій, учились «косо и нескоро», къ огорченію своихъ родителей, и, повидимому, лишь послѣ долгихъ усилій усваивали книжную мудрость, да и то, конечно, не всѣ.

Какіе же были предметы обученія въ училищахъ?

Житія святыхъ XV вѣковъ говорятъ о нихъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: святой «научень бысть грамотѣ и всякому благочестивому обычаю» «извыче книжное ученіе», «извыче божественное писаніе». Несомнѣнно, значительное большинство училищъ были простыми школами грамотности, въ которыхъ учили только читать и писать. Въ нихъ сначала преподавалась азбука, потомъ читались часословъ и псалтырь,

а иногда, сверхъ того, апостоль. «Подобаетъ убо вамъ, учителяе, вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учить божественнымъ писменемъ. Первое убо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ, потомъ же часовники и псалтыри и прочія божественныя книги, и паче же убо всего — еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука»^{*)}). А въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (изд. 1721 года) говорится: «Издrevле російскимъ дѣтководцемъ и учителемъ обычай бѣ и есть учить дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтыри, та же писати; по сихъ же нѣцыи преподають и чтеніе апостола». Кромѣ училищъ грамотности, вѣроятно, всегда въ соединеніи съ ними московская Русь XV—XVII вѣковъ имѣла еще особыя училища, спеціальныя для тѣхъ подростковъ, которые предназначались въ священники и въ дьяконы. Ихъ имѣлъ въ виду арх. Геннадій, жалуясь на незнаціе учителями «силы въ божественномъ писаніи», на незнакомство учениковъ съ церковнымъ порядкомъ. Наши свѣдѣнія объ этихъ спеціальныхъ училищахъ крайне скудны и, вѣроятно, въ большинствѣ изъ нихъ не шли далѣе усовершенствованія въ грамотѣ и пѣніи и изученія богослужебнаго чина.

Данныя, приведенныя проф. Соболевскимъ, даютъ возможность признать, что въ московской Руси какъ въ XV в., такъ и въ послѣдующихъ XVI и XVII в. образованность для всѣхъ сословій во всѣхъ отношеніяхъ была одна та же. И княжескій сынъ, и поповскій и крестьянскій учились въ одни и тѣ же годы одному и тому же по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, и достигали въ школьномъ образованіи приблизительно одного и того же умѣнья читать и писать. Затѣмъ уже они сами самостоятельно, каждый отдѣльно, могли набираться учености, изучая книги.

Однако, такое состояніе просвѣщенія не удовлетворяло лучшихъ людей того времени; изъ нихъ св. Геннадій, архіеп. новгородскій (1485—1504) прославился своими заботами о просвѣщеніи. Геннадій въ посланіи своемъ къ тогдашнему

^{*)} Синод. № 850, XVII в. л. 527.

митр. Симону просить походатайствовать предъ вел. кн. Иоанномъ III о заведеніи школъ для образованія духовенства. «Приведутъ ко мнѣ мужика, писалъ онъ, и я ему велю Апостолъ дати чести, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю Псалтирь дати, а онъ и потому едва бредетъ; и я его отреку (откажу), а они извѣтъ творять: «земля, господине, такова: не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ», ино всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ челомъ бьютъ: «пожалуй, господине, вели учить»; и я прихожу учить ихъ эктении, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю имъ учить азбуку, а они поучатся мало азбукѣ, да просятся прочь и не хотятъ ее учить... а хотя и учатся, то не отъ усердія и живутъ долго; а на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія; а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. И я для того бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, государямъ нашимъ, а своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ учить въ училищахъ первое азбука граница истолкована совѣмъ, да и подтительныя слова, да Псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко; а какъ то изучать, могутъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги. А то мужики невѣжи учать робятъ да рѣчь ему испортить, да первое изучать ему вечерню, а за эту мастеру принести каши да гривну денегъ, за заутреню также да и больше того, а за часы особо, да поминки (подарки) кромѣ того, что рядилъ отъ него. А какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава ничего не знаетъ. А какъ государь укажетъ изучить Псалтирь съ слѣдованіемъ да и все то, что выше писано, и укажетъ, что брать отъ того, то учащимся будетъ легко, и не посмѣютъ отказываться. Да чтобы и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, занеже то нерадѣніе въ землю

вошло. И какъ услышать то учащіяся, то съ усердіемъ примутъ ученіе *).»

Изъ приведенныхъ словъ арх. Геннадія видно, что существовавшія въ XV в. частныя школы учителей - мастеровъ были на чрезвычайно низкой ступени «какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ» (т. е. еле читаетъ). Въмѣстѣ съ тѣмъ Геннадій указываетъ, чему слѣдуетъ учить въ школахъ: «а мой совѣтъ учить въ училищахъ первое азбука граница истолкована совѣмъ, да и подтительныя слова, да Псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко».

Вслѣдствіе низкой степени образованія въ народѣ мало по малу начало распространяться мнѣніе, что не дѣло мірянъ «чести книги», а въ XVI в. стали даже побаиваться чтенія книгъ: многіе боялись взять въ руки даже апостолъ и евангеліе; сребролюбивые и невѣжественные мастера, боясь, чтобы ихъ заработки не уменьшились, способствовали распространенію такого мнѣнія и говорили, что «грѣхъ простымъ (свѣтскимъ) чести апостолъ и евангеліе» и, когда находились любознательныя лица, которыя хотѣли «навыкати писанія», они отговаривали ихъ, замѣчая «не чтите книгъ многихъ, чтобы не сойти съ ума и не впасть въ ересь **). Поэтому лучшимъ людямъ, ревнителямъ просвѣщенія, приходилось писать въ защиту книгъ и доказывать ихъ пользу. Сохранилось и отъ XV вѣка не мало отдѣльныхъ наставленій и даже поученій о почитаніи книжномъ, которыя обыкновенно помѣщались въ предисловіи къ различнымъ сборникамъ. Въ нихъ говорилось, что «добро есть почитаніе книжное», что «книгами достоинъ искати пути спасенія», что онѣ «наведутъ на истинный путь и разрѣшатъ духовные соузы». Къ книжному чтенію приходилось даже побуждать и бѣлое духовенство.

Хотя почитаніе книжное, любовь и охота къ чтенію и списыванію книгъ процвѣтали только въ монастыряхъ, въ народѣ такъ привыкли къ развитію книжнаго чтенія въ мо-

*) Акт. истор. Т. 1, № 104.

**) Объ этомъ можно найти у Курбскаго и Артемія Преображенскаго.

настыряхъ, что считали это прямо и исключительно «чернечскимъ дѣломъ». И дѣйствительно, въ большихъ монастыряхъ иноки были истинными книжниками, обладавшими большою начитанностью. Такъ, напр., Іосифъ Волоцкій въ своемъ «Просвѣтителѣ» дѣлаетъ многочисленныя ссылки на отцовъ церкви; митр. Даніилъ, кромѣ отцовъ церкви, ссылается на многія книги богослужебныя, кормчія, прологи, патерики и приводитъ множество выдержекъ изъ житій Святыхъ.

Къ XV вѣку относятся сочиненія пр. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Пр. Іосифъ Санинъ, прозванный Волоцкимъ (1440—1515), представляетъ образецъ строгаго инока и древняго русскаго богослова. Какъ почти всѣ древне-русскіе люди, Іосифъ образовался самоучкой; при помощи одного чтенія книгъ онъ пріобрѣлъ обширныя богословскія свѣдѣнія. Во время борьбы съ ересью жидовствующихъ Іосифъ написалъ нѣсколько посланій къ разнымъ лицамъ, которыя потомъ вошли въ составъ его извѣстнаго сочиненія «Просвѣтителя», представляющаго первое обширное русское оригинальное богословское сочиненіе, въ которомъ разсматриваются всѣ истины христіанской вѣры и дѣятельности.

Пр. Ниль Сорскій (1433—1508) былъ постриженникъ Кириллова монастыря. Онъ долгое время прожилъ на Афонской горѣ и изучилъ писанія отцовъ пустынниковъ. По возвращеніи въ Россію, онъ положилъ начало скитской жизни, при чемъ особенное вниманіе обратилъ на внутренній смыслъ иноческой жизни. Ниль Сорскій предписывалъ инокамъ стремленіе къ внутреннему духовному совершенству.

Отъ XV в. дошло до насъ много посланій, которыя въ то время были главною формою сочиненій. Въ этихъ посланіяхъ выражаются заботы нашихъ пастырей и учителей о современныхъ дѣлахъ церкви и государства, о прекращеніи княжескихъ раздоровъ и утвержденіи власти московскаго царя, объ искорененіи народныхъ пороковъ, предразсудковъ и суевѣрій. Особенно замѣчательны посланіе къ вел. кн. Ивану III на Угру митрополита Геронтія съ духовенствомъ и ростов-

скаго архіеп. Вассіана, по случаю нашествія Ахмата. Своими авторитетными посланіями, смѣлымъ и властнымъ словомъ своимъ духовенство направляло нравственную и историческую жизнь Руси.

Источники и пособія: Акты историческіе. Т. I. — Соболевскій. Образованность Московской Руси въ XV—XVII вѣкахъ. СПб. 1892 г.

Глава VIII.

Максимъ Грекъ. XVI вѣкъ.

Уже въ XVI вѣкѣ начинаютъ сознавать недостатки простой грамотности. Упадокъ строгой монастырской жизни, нравственныя нестроенія въ обществѣ, размноженіе ересей, — все вызывало необходимость реформы въ дѣлѣ тогдашняго образованія.

Повсемѣстный упадокъ нравственности, ослабленіе истинной вѣры, остатки язычества, суевѣріе, возведеніе обрядовъ на степень догматовъ, смѣшеніе апокрифовъ съ истинными писаніями, ошибочные переводы и искаженные списки богослужебныхъ книгъ — всё эти нестроенія свидѣтельствовали о большихъ недостаткахъ образованія и просвѣщенія.

Нужны были люди съ широкимъ философскимъ, научнымъ и богословскимъ образованіемъ, способные поднять тяготу, накопившуюся вѣками, а такихъ-то людей въ современномъ обществѣ не было, такъ какъ доселѣ всё русскіе писатели, самыя даровитыя и просвѣщенные, много что обладали богословскими свѣдѣніями, но почти вовсе не были знакомы ни съ наукой, ни съ философіей.

Такимъ лицомъ, сыгравшимъ значительную роль въ исторіи нашего просвѣщенія XVI вѣка, былъ Максимъ Грекъ (род. 1480 г., ум. 1556 г.), аѳонскій инокъ (родомъ албанскій грекъ), приглашенный въ Россію для описи греческихъ рукописей, хранившихся въ бібліотекѣ вел. князя Василя Іоанновича и

для перевода нѣкоторыхъ изъ нихъ на церковно - славянскій языкъ. Время пребыванія его въ Россіи относится къ 1516—1556 гг.

Максимъ Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ свѣдѣній не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ, какія тогда существовали. Послѣ первоначальнаго ученія на своей родинѣ, онъ получилъ дальнѣйшее образованіе въ Италіи, бывшей тогда центромъ умственнаго движенія всей Западной Европы, долго жилъ тамъ въ своей ранней юности «у мужей, Премудростью много украшенныхъ», слушалъ въ разныхъ школахъ «нарочитыхъ учителей», основательно изучилъ языки греческій и латинскій, французскій и итальянскій, науки — грамматику, піитику, риторику, діалектику, древне-классическія литературы — греческую и римскую. Древне-греческихъ писателей называлъ онъ своими первыми наставниками. Арх. Макарій говоритъ, что Максимъ Грекъ основательно изучилъ системы древнихъ философовъ, особенно Платона и Аристотеля. Хорошее филологическое образованіе принесло пользу Максиму въ послѣдствіи при его многочисленныхъ переводахъ съ греческаго, отличающихся строгою отчетливостью, и при повѣркѣ чужихъ переводовъ. Оно дало ему возможность скоро усматривать характеристическія черты писателя и, познакомивъ его съ началами здоровой критики, помогало ему легко отличать подлинное отъ подложнаго въ писаніяхъ древнихъ.

Но не однимъ научнымъ образованіемъ обязанъ Максимъ Грекъ Италіи: въ лицѣ Геронима Савонаролы, знаменитаго доминиканскаго проповѣдника, она показала ему примѣръ дѣятельности, одушевленной религіознымъ рвеніемъ. Максимъ лично зналъ Савонаролу, слушалъ его проповѣди, удивлялся его твердости въ вѣрѣ. Рассказывая въ одномъ сочиненіи о сожженіи Савонаролы съ двумя его послѣдователями, онъ прибавляетъ: «я же съ радостью сравнилъ бы ихъ, если бы они не были латиняне вѣроу, съ древними защитниками благочестія». Видно, что личность Савонаролы произвела глубокое впечатлѣніе на Максима и, конечно, имѣла большое

вліяніе на образованіе его характера; и въ Максимѣ Грекѣ мы видимъ ту же ревность по вѣрѣ и ту же смѣлость въ обличеніи пороковъ, какимъ онъ удивлялся въ Савонаролѣ. Около 1507 г. Максимъ отправился на Аѳонскую гору и поступилъ въ Ватопедскую обитель. Монастырь Ватопедскій въ то время славился книжными сокровищами, особенно для ищущаго богословскаго образованія. Объ этомъ мы можемъ заключить по множеству рукописей, оттуда вывезенныхъ въ Москву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и составляющихъ донныя украшеніе московской синодальной бібліотеки. Ученые путешественники прошедшаго столѣтія и нынѣшняго отзываются о Ватопедской бібліотекѣ, какъ о лучшей на Аѳонѣ. Здѣсь то постригся Максимъ Грекъ и посвятилъ себя по преимуществу занятіямъ богословіемъ, читалъ и изучалъ творенія Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Іоанна Дамаскина. Въ трудахъ для обители, въ подвигахъ жизни иноческой и въ ученыхъ занятіяхъ Максимъ провелъ на Аѳонѣ около десяти лѣтъ, какъ въ это время получено было изъ Россіи неожиданное приглашеніе, на имя одного изъ старцевъ Ватопедскаго монастыря. Въ письмѣ къ игумену, начальствующему въ Кареѣ, Симону, вел. князь московскій, Василій Іоанновичъ, просилъ прислать къ нему на время переводчика, книжнаго старца Савву. Симеонъ, съ согласія братіи ватопедской, рѣшилъ послать вмѣсто престарѣлаго Саввы инока Максима. Игумень ватопедскій Анеимъ, въ посланіяхъ къ великому князю и къ митрополиту, свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ «свѣдущъ въ божественномъ Писаніи и способенъ къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ, и церковныхъ, и такъ называемыхъ эллинскихъ, т. е. языческихъ. «Правда, писалъ онъ, Максимъ не знаетъ языка русскаго, а только греческій и латинскій; но мы надѣемся, что онъ скоро научится и русскому языку». Великій князь принялъ Максима весьма радушно: назначилъ ему пребываніе въ Чудовомъ монастырѣ и содержаніе отъ своего двора. Митр. Варлаамомъ онъ былъ принятъ также весьма благосклонно.

Послѣ осмотра великокняжеской бібліотеки, Максиму

поручено было заняться переводомъ толкованія на Псалтырь. Псалтырь, какъ мы говорили, была любимую книгою древнерусскихъ людей. Съ нея начиналась грамота. Къ ней всего чаще обращались въ церковномъ богослуженіи. Она же служила и для домашняго благочестиваго упражненія и уединенному подвижнику и простому мірянину.

Такъ какъ Максимъ еще не былъ свѣдущъ въ русскомъ языкѣ и тѣмъ менѣе былъ знакомъ съ особенностями нашего церковнаго языка, то дали ему двухъ переводчиковъ, знающихъ латинскій. Они должны были передавать то на церковно-славянскомъ языкѣ, что слышали отъ него на латинскомъ. Оба они были изъ числа переводчиковъ, которыхъ правительство употребляло для сношеній съ иностранцами. То были: Димитрій Герасимовъ, бывший въ разныхъ посольствахъ при дворахъ, и Власій. Въ пособіе переводчикамъ назначены двое писцовъ: Михайло Медоварцевъ и инокъ Силуанъ.

Дм. Герасимовъ писалъ своему знакомому: «а нынѣ, господине, переводить Максимъ псалтырь съ греческаго толковую великому князю, а мы съ Власомъ у него сидимъ, перемѣняясь; онъ сказываетъ по латыньски, а мы сказываемъ по русски писаремъ».

Вотъ кто, справедливо замѣчаетъ арх. Макарій, были настоящіе переводчики этой псалтыри на нашъ языкъ.

Когда Псалтырь была переведена черезъ 15 мѣсяцевъ и Максимъ хотѣлъ возвратиться на Аѳонъ, князь Василій Иоанновичъ и митр. Варлаамъ упросили его заняться исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Максимъ началъ исправлять тріодъ, а потомъ перевелъ съ греческаго толкованіе на Дѣянія Апостольскія и Златоустовы бесѣды, на евангелія отъ Матѳея и отъ Иоанна.

Изъ оригинальныхъ сочиненій наибольшаго нашего вниманія заслуживаютъ нравоучительныя сочиненія Максима Грека. Въ нихъ онъ подвергаетъ самому строгому разбору и осужденію всѣ недостатки религіозно-нравственной жизни народа во всѣхъ его сословіяхъ: неправосудіе и мздоимство судей и на-

чальниковъ, грабежи, разбой и всякаго рода насилія, фари-сейство, лицемѣріе, отсутствіе истиннаго благочестія въ средѣ самаго духовенства. Сочиненія Максима представляютъ собою какъ бы зеркало, въ которомъ до нѣкоторой степени отрази-лась и современная ему Россія, съ нравственной стороны, и его собственная судьба. Въ Россіи въ то время жива еще была ересь жидовствующихъ, хотя уже осужденная и подверг-шаяся жестокому преслѣдованію. Максимъ подалъ свой голосъ противъ этой ереси и ея проповѣдниковъ. Русскихъ сильно беспокоили тогда происки придворнаго врача Николая Нѣмчина, старавшагося распространить между ними и латинство и астро-логію; въ обличеніе его Максимъ написалъ нѣсколько сочине-ній. Между грамотеями русскими были тогда въ большомъ ходу апокрифы, и число ихъ еще увеличивалось переводомъ новыхъ подобныхъ книгъ съ латинскаго языка. Максимъ, раз-бирая эти апокрифы, показывалъ ихъ нелѣпность и несостоятель-ность. Максимъ смѣло обличалъ всѣ эти недостатки и училъ всѣхъ, какъ жить и дѣйствовать по христіански. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ времени былъ вопросъ о монастырскихъ иму-ществахъ; Максимъ твердо и открыто высказался и по этому во-просу. Сочиненія Максима весьма многочисленны (ихъ насчиты-ваютъ до 134) и разнообразны, но не велики по объему; изложены они то въ формѣ размышленій и разсужденій, то въ видѣ посланій, разговоровъ, историческихъ разсказовъ, молитвъ и священныхъ пѣснопѣній. Слогъ въ сочиненіяхъ Максима нельзя назвать ни чистымъ, ни правильнымъ. Сначала, по пріѣздѣ къ намъ, Максимъ не зналъ русскаго языка; потомъ, хотя изучилъ его и писалъ на немъ, но не владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Самое видное мѣсто въ ряду его статей занимаютъ сочиненія догма-тико-полемическія, написанныя въ защиту вѣры православной христіанской противъ иновѣрцевъ и неправославныхъ: иудеевъ, язычниковъ, магометанъ, армянъ и латынянъ. Максимъ строго держится того самаго воззрѣнія на науку и философію, какое образовалось еще въ первые вѣка христіанства, когда отцами церкви греко-римская наука была принята въ пособіе при утвержденіи христіанскаго ученія. Наука должна быть слу-

жительницею Вѣрѣ, работою Евангелія и Богословія, какъ называлъ ее еще Іоаннъ Дамаскинъ. «Философія, говоритъ Максимъ, священна, потому что она говоритъ о Богѣ, Его правдѣ и промыслѣ, на все простирающемся и непостижимомъ. И хотя не во всемъ она успѣваетъ, потому что не имѣетъ вдохновенія, какимъ обладали св. пророки, но показываетъ достоинство кротости и мудрости, устанавливаетъ гражданственность («гражданство составляетъ») и вообще украшаетъ нравы добрыми правилами.» Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что хорошо знать словесныя науки («словесъ виѣшнихъ вѣдѣній») для того, чтобы правильно говорить, развивать и совершенствовать умъ («къ навиченію еже правѣ глаголати и очищенію»), а не для того, чтобы отрицать божественныя догматы и рассуждать о нихъ, потому что они выше помышленія и выше зрѣнія всякаго и «только познаются вѣрою.» Вслѣдствіе этого отъ философовъ Максимъ Грекъ совѣтовалъ заимствовать только то, что способствовало бы «утвержденію благочестія и христіанской вѣры», а философіею «вездѣ понужати и аки рабынею истины водити и непщевати».

Свой взглядъ на занятіе древними писателями Максимъ Грекъ выразилъ такъ: «Ученіе древнихъ мужей слѣдуетъ приобрѣтати, если оно содѣйствуетъ славѣ Божіей, возбуждаетъ насъ большою божественною любовью и не противорѣчитъ священному писанію.» По его понятію, самый разумъ есть порожденіе вѣры («отродъ бо вѣры разумъ есть») Съ религіозной же стороны смотритъ Максимъ и на событія міра: по его понятію, возвышеніе царей, побѣды, войны, паденіе царствъ и. т. п. бываетъ или выраженіемъ благодѣянія Божія или наказаніемъ за грѣхи людей. Онъ не допускаетъ даже разсужденій о природѣ, если только они противорѣчатъ «богдохновенному писанію», а потому совѣтуетъ «крѣпцѣ держатися Дамаскиновы книги» и «будещи, прибавляетъ онъ, великъ богословець и естествословець». Примѣняя философію къ религіи и считая ее только «работою» послѣдней, Максимъ Грекъ и свои возраженія противъ нея основываетъ на словахъ священнаго писанія и вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ называетъ

ее «тщетною прелестью, крадущею простыхъ разумы». Даже признавая «внѣшнія науки («окружная ученія») добрыми и нужными человѣческому житію», онъ прибавляетъ, «множайшая иѣкая вредна и пагубна въ нихъ крыются, яже аще по единому исчитати восхощемъ, книгу цѣлу счинити понудимся. Толика въ нихъ многа лжа и нечистота».

«Не подумайте однако, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что я укоряю внѣшнее ученіе, польза котораго засвидѣтельствована . . . , не такой я неблагодарный его ученикъ, но я осуждаю только чрезмѣрное испытаніе разума». Въ своихъ сочиненіяхъ Максимъ Грекъ нерѣдко приводитъ мѣста изъ греческихъ и римскихъ писателей и съ особенною похвалою отзывается о Платонѣ; объ Аристотелѣ онъ отзывается рѣзко, потому что западные ученые, преклоняясь предъ авторитетомъ Аристотеля, старались всякій догматъ вѣры согласить съ его ученіемъ и тѣмъ ризу церкви, истканную отъ вышняго богословія раздирали «лютѣ діалектическими софизмами». «Обратись мысленно», говоритъ Максимъ, «къ италіанскимъ училищамъ и ты увидишь тамъ, какъ Платонъ и Аристотель, подобно потокамъ потопляютъ всѣхъ. И никакой догматъ, ни божественный, ни человѣческой, не считается твердымъ, если не будетъ утвержденъ силлогизмами Аристотеля».

Великая заслуга Максима Грека предъ русскимъ просвѣщеніемъ заключается въ томъ, что онъ раскрывалъ истинныя начала христіанской вѣры и точныя научныя понятія. Онъ первый показалъ русскимъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, не достаточно простой грамотности, что для этого необходимы солидныя научныя познанія; Максимъ старался объяснить русскимъ, что лица, которыя пожелали бы приняться за исправленіе книгъ, должны имѣть познанія не только въ грамматикѣ, но и піитикѣ, риторикѣ и самой философіи, а переписчики книгъ должны знать, по крайней мѣрѣ, грамматику. Неудивительно, если нѣкоторые даже преувеличивали значеніе Максима Грека и считали его человѣкомъ выше своего вѣка по уму и образованію, а другіе, водясь иногда духомъ партіи, только одного Максима

и признавали человѣкомъ умнымъ и просвѣщеннымъ и безъ мѣры превозносили его переводы и исправленіе книгъ и его сочиненія.

Однажды въ разговорѣ Максимъ спрашивалъ Берсеня: «какой отъ меня пользы быти?», на что Берсень отвѣчалъ: «ты человѣкъ разумной и можешь насъ пользоваться и пригоже было намъ тебя выспрашивать, какъ устроить государю землю свою, и какъ людей жаловати, и какъ митрополиту жити *)». Такъ смотрѣли на Максима тѣ, которые хотѣли видѣть въ немъ общественнаго дѣятеля.

Но духовное поборничество навлекло Максиму много враговъ и способствовало его паденію. Явились люди, недовольные его трудами, говорившіе, что онъ посягаетъ на старыя книги и портитъ ихъ, вредитъ вѣрѣ; къ этому присоединилось недовольство многихъ духовныхъ лицъ на его обличенія недостатковъ современной монастырской жизни. Въ числѣ недовольныхъ были митр. Даміанъ и иноки Волоколамскаго монастыря. На соборѣ 1525 г. Максимъ былъ судимъ и осужденъ на заключеніе въ Волоколамскій монастырь; потомъ онъ былъ переведенъ въ Тверской Отрочъ монастырь. Нѣсколько разъ тщетно просилъ онъ освободить его и отпустить на Аѳонъ. Его освободили только въ 1553 году и перевели въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ онъ и скончался черезъ три года.

Но дѣло Максима Грека не погибло; сѣмена были брошены въ невоздѣланную русскую почву; нужно было время, чтобы взойти имъ и окрѣпнуть. Вотъ почему мы считаемъ Максима Грека однимъ изъ почтенныхъ и выдающихся дѣятелей въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ не только для насъ важенъ своими сочиненіями, но и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, тѣмъ учительствомъ, которымъ онъ способствовалъ образованію многихъ русскихъ людей. На допросахъ келейникъ Максима Грека показалъ, что къ Максиму приходили: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ и Юрій Тютинъ «и говаривали съ нимъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ.» Феодоръ Жареный бралъ у него для себя «тетрадки.» Къ Максиму же на бесѣды, ходилъ Петръ Шуйскій.

*) Акты экспед. № 172.

Самъ Максимъ образовалъ нѣсколько учениковъ: Сильвана, Савву, архимандрита новоспасскаго, Михаила Медоварцева, Нила Курметева, Димитрія Герасимова (переводчика), Зиновія Отенскаго, Германа, архіеп. Казанскаго и князя Курбскаго.

Источники и пособія: Арх. Макарій. Исторія русской церкви. — В. С. Иконниковъ. Максимъ Грекъ. Киевск. Унив. Изв. 1865—1866. — Порфирьевъ. Исторія русской словесности, т. I. Казань. 1886 г. — А. Галаховъ. Исторія русской словесности древней и новой.

Глава IX.

Заботы Стоглава объ образованіи. XVI вѣкъ.

(Состояніе образованія и просвѣщенія въ XVI в. Идеаль женщины).

Въ XV и XVI вѣкахъ, какъ извѣстно, шло медленное, но постоянное дѣло объединенія Сѣверо-Восточной Руси; во время этой упорной борьбы нѣкогда было думать о просвѣщеніи — «поиспатались обычаи и самовластіе учинилось по своимъ волямъ и предніе законы порушились» — и вотъ для исправленія этого, по приказанію царя Іоанна IV Васильевича, собираются соборы. Въ 1547 и 1549 гг. собирается соборъ съ цѣлью собрать и пересмотрѣть мѣстныя житія святыхъ, установить нарочитые дни чествованія святыхъ государства русскаго, а въ 1551 г. новый соборъ «во исправленія церковнаго благочинія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія». Этими соборами государственная власть соединялась съ церковной затѣмъ, чтобы соборнѣ уложить и утвердить обиходъ жизни по правиламъ св. апостоль и св. отецъ и по прежнимъ законамъ праотеческимъ. Памятникомъ дѣяній этого собора

есть книга Стоглавъ или соборныя постановленія, раздѣленныя на сто главъ. Стоглавъ обнимаетъ не всю жизнь человѣка XVI вѣка, но только тѣ стороны, которыя поисшатались, а поисшатались тогда, однако, чуть не важнѣйшія явленія общественной жизни; замѣчалось большое паденіе нравовъ, грубость и невѣжество. Недаромъ же на соборѣ твердо признана была мысль о необходимости образованія, объ учрежденіи училищъ. Несмотря на существовавшія школы грамотности, просвѣщеніе все-таки было въ печальномъ состояніи. Не только народъ былъ грубъ, невѣжественъ и необразованъ, но даже священники еле умѣли читать, и некого было ставить во священники.

Изъ посланія арх. Геннадія мы видѣли, что по малому числу грамотныхъ людей некого было ставить во священники; ставленники едва умѣли разбирать псалтырь. Но всѣ старанія и заботы Геннадія о заведеніи прочно организованныхъ училищъ не имѣли успѣха. Въ народѣ, напротивъ, распространились невѣжество и гибельныя суевѣрія; отъ невѣжества усилилась порча богослужебныхъ книгъ и произошелъ крайній упадокъ нравственности. Стоглавому собору предстояло на всѣ эти неурядки обратить вниманіе. Засѣданія собора происходили въ царскихъ палатахъ подъ предѣдательствомъ митрополита Макарія «пастыря мудраго и просвѣщеннаго» и открыты были рѣчью царя, гдѣ онъ особенно жаловался на небрежное ученіе, какъ причину крайней малограмотности ставленниковъ. Соборъ въ отвѣтахъ своихъ приводитъ свидѣтельство ставленниковъ, что они учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ затѣмъ, что имъ больше негдѣ учиться, но что родители ихъ и мастера сами мало знаютъ, тогда какъ прежде въ разныхъ городахъ существовали училища, въ которыхъ обучали чтенію, письму и церковному пѣнію. Въ главѣ 25 «о дьяцѣхъ хотящихъ въ діаконы и въ попы становитися» *) читаемъ: «иже есть діяки которіи хотящїи діаконства и священства, а грамотѣ мало умѣють... да и о томъ ихъ святители

*) Стоглавъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. 1868.

истязаютъ съ великимъ запрещеніемъ. Почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣты чинятъ: мы де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учитесь негдѣ. Колько отцы наши и мастера умѣютъ потому и насъ учать, а отцы ихъ и мастера сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да учится имъ негдѣ. А прежде сего училища бывали въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ, и по инымъ градомъ многіе грамотѣ, писати и пѣти, и чести учили. Потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много, но писцы, и пѣвцы, и четцы славны были во всей земли и до днесь». Обсудивъ вопросы и отвѣты, соборъ постановилъ учинить въ домахъ священниковъ и дьяковъ училища, гдѣ бы дѣти могли учиться грамотѣ, церковному пѣнію, чтенію божественныхъ книгъ.

Въ главѣ 26-й находится: «отвѣтъ соборной о училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ». «И мы о томъ соборнѣ уложили. по царскому совѣту. Въ царствующемъ градѣ Москвѣ. и по всѣмъ градомъ. тѣмъ протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ. со всѣми священники и дьяконы. коемуждо въ своемъ градѣ по благословенію своего святителя. избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ. и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ. имущихъ въ сердцяхъ страхъ Божій. могущихъ и иныхъ пользоваться и грамотѣ чести и пѣти и писати гораздивы. и у тѣхъ священниковъ и у дьяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища. чтобы священники и дьяконы и всѣ православные христіяне. въ коемуждо градѣ. давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго писма и церковного пѣнія и чтенія напойного. и тѣ бы священники. и дьяконы. и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати, и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, но и паче же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли бы отъ всякаго плотскаго разтлѣнія... но и паче же ото всякія нечистоты, чтобы имъ вашимъ береженіемъ и поученіемъ пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти

священническому чину, да учениковъ бы есте своихъ и во святыхъ божіихъ церквахъ наказывали и поучали страху Божию и всякому благочинію, псалмопѣнію, и чтенію и конарханію по церковному чину, и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, коль сами умѣете, и силы бы имъ писанія сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши всѣ книги учили».

Итакъ, для поднятія просвѣщенія соборъ считалъ нужнымъ завести училища въ каждомъ городѣ въ домахъ священниковъ и дьячковъ; причемъ поставлялъ на видъ, чтобы священники и дьячки учили бы дѣтей со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, болѣе же всего учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ.

Относительно иконописанія соборъ постановилъ: писать живописцамъ иконы съ древнихъ образцовъ, какъ греческіе живописцы писали, а отъ своего замышленія ничего не измѣнять, причемъ соборъ обращалъ особенное вниманіе на нравственныя качества живописца: «подобаетъ бо быти живописцу смирну и кротку. благоговѣину. не празднословцу. ни смѣхотворцу. ни сварливу. ни завистливу. ни пѣяницы. ни убійцы. но же всего хранить чистоту душевную и тѣлесную и съ превеликимъ тщаніемъ писати и воображать на иконѣхъ и на декахъ Господа нашего Ісуса Христа и пречистую его Богоматерь . . . и всѣхъ святыхъ по образу и по подобію и по существу смотря на образъ древнихъ живописцовъ и знаменити съ добрыхъ образцовъ».*)

Относительно богадѣльныхъ домовъ соборъ предлагалъ: «царь да повелитъ по всѣмъ городамъ переписать немощныхъ, престарѣлыхъ, кромѣ здравыхъ строевъ (молодыхъ, способныхъ къ работѣ людей); устроить въ каждомъ городѣ богадѣльни мужскія и женскія, и не имѣющихъ гдѣ главу подклонити помѣщать туда, и снабжать всѣмъ содержаніемъ, принимать для поддержанія сихъ богадѣленъ и доброхотную милостыню; приставить къ нимъ крѣпкихъ тѣломъ рабочихъ людей и жен-

*) Глава 43 «о живописцѣхъ и честныхъ иконахъ».

щинъ, для приготовленія пищи, сколько будетъ нужно; поручить надзоръ надъ богадѣльнями добрымъ священникамъ, цѣловальникамъ или и другимъ гражданамъ, чтобы они имѣли попеченіе о соблюденіи порядка въ богадѣльняхъ и спокойствіи призрѣнныхъ, а сверхъ того, священникамъ вмѣнить въ обязанность, чтобы они приходили въ богадѣльни и поучали живущихъ тамъ благочестію и доброй нравственности, исповѣдывали и приобщали больныхъ, погребали умершихъ, и поминали ихъ на церковныхъ службахъ».

Для исторіи народныхъ обычаевъ, вѣрованій и суевѣрій интересна глава 41, гдѣ указывается на обычай ѣздить въ церковь къ вѣнчанію съ арганниками, гусельками и пѣніемъ бѣсовскихъ пѣсень, на гаданія въ Аристотелевы врата и Рафли, по звѣздамъ и по планетамъ, на суевѣрное почитаніе среды и пятницы, на суевѣрные и гадательныя книги: Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Острономій, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочетъ, Аристотелевы врата, на языческіе обычаи и игры и пр. Причину всѣхъ нестроений, суевѣрій и пороковъ отцы собора видятъ въ упадкѣ древнихъ преданій, въ отступленіи отъ древнихъ уставовъ и правилъ благочестія, и потому средствомъ къ исправленію считаютъ возстановленіе упавшихъ уставовъ. «Соборъ стремится возстановить древніе церковныя правила и уставы, справедливо замѣчаетъ г. Порфирьевъ*), но въ немъ самомъ не видно твердаго знанія этихъ правилъ и уставовъ; онъ указываетъ на нихъ большею частью въ общихъ фраззахъ «по священнымъ правиламъ», «по преданію св. апостолъ и св. отецъ», «по уставу»; а если и приводятся самыя правила, то не полно и не ясно и часто въ искаженномъ видѣ». Соборъ предписываетъ пастырямъ церкви учить народъ, но это предписаніе, разумѣется, было мертвой буквой при той неграмотности пастырей, о которой засвидѣтельствовалъ самъ же соборъ. Послѣ этого неудивительно, что благія намѣренія Стоглава искоренить разившіеся въ русской жизни пороки и заблужденія остались безуспѣшными. Отцы собора мало

*) Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Казань. 1886 г. ст. 538. — Макарій. Ист. Рус. Ц. т. VI ст. 233—235.

обратили вниманія на внутренній источникъ всѣхъ суевѣрій и пороковъ, а остановились на вѣшнихъ безпорядкахъ. Эти внѣшніе безпорядки, разумѣется, больше всего поражали; но они были слѣдствіемъ внутреннихъ недостатковъ — слѣдствіемъ упадка въ русской жизни духа вѣры и благочестія, подавленнаго невѣжествомъ и мертвою обрядностью; а между тѣмъ на исправленіи этой обрядности отцы собора преимущественно и остановили свое вниманіе. Въ этомъ отношеніи Максимъ Грекъ стоялъ выше отцовъ собора; онъ лучше и глубже понималъ корень всѣхъ нестроений въ русской жизни и требовалъ не внѣшняго, но внутренняго, нравственнаго исправленія, разумнаго пониманія духа вѣры и благочестія и истиннаго христіанскаго просвѣщенія.

Что касается вообще произведеній словесности XVI в., то мы должны сказать, что въ нихъ выражается съ одной стороны стремленіе къ критическому разбору недостатковъ русской жизни, вмѣстѣ съ заботою объ ихъ исправленіи, а съ другой — стремленіе подвести итогъ подъ выработанныя издавна начала, правила и обычаи. Такъ Максимъ Грекъ сдѣлалъ строгій разборъ всѣхъ недостатковъ современной жизни, умственной, религіозной и нравственной. Такой же разборъ религіозно-церковной жизни произведенъ отцами Стоглаваго собора. Такой же кодексъ древнихъ правилъ, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни представляетъ въ себѣ Домострой (о чемъ ниже). Въ области литературной такое же значеніе итога или свода имѣетъ сборникъ митр. Макарія—Великія Четвы Минеи, въ которомъ собраны почти всѣ книги, находившіяся въ употребленіи у нашихъ предковъ, и въ которомъ слѣд. подведенъ итогъ къ богатствамъ древней письменности. Главное богатство въ ней составляли житія Святыхъ, которыя до сихъ поръ разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ; Москва, собравшая всѣ областныя силы русскаго государства, становится центромъ и всѣхъ мѣстныхъ Святыхъ, собирая сказанія о нихъ въ одинъ сборникъ.

Изъ жизни Святыхъ больше всего возбуждали интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, житія русскихъ Святыхъ. На нихъ

преимущественно и обратилъ вниманіе Макарій при составленіи своихъ Четій-Миней. Большую часть остальныхъ входящихъ въ ихъ составъ сочиненій Макарій находилъ готовыми, и ему нужно было только заняться исправленіемъ и перепиской ихъ, но не то было съ житіями русскихъ Святыхъ. Онъ долженъ былъ заботиться объ исправленіи старыхъ редакцій житій, составленіи новыхъ, и вообще дѣятельность его въ этомъ отношеніи столь важна, что цѣлый современный ему періодъ въ русской агіографіи можно назвать Макарьевскимъ. Трудъ Макарія имѣетъ громадное значеніе въ русской литературѣ, такъ какъ безъ него множество замѣчательныхъ русскихъ сочиненій остались бы намъ неизвѣстны. Но еще больше заслуги Макарія для русской литературы въ томъ, что онъ своими Четъими-Минейми представилъ намъ яркую картину тогдашней образованности. Въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго челоѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ ему наукъ. По нимъ можно судить, что не широкъ былъ умственный горизонтъ образованнаго челоѣка XVI вѣка. Библия, творенія отцовъ церкви, преимущественно Василія Великаго и Дамаскина, книги въ родѣ сочиненія Косьмы Индикоплова, множество отдѣльныхъ статей о великихъ и невѣроятныхъ явленіяхъ природы — вотъ и весь матеріалъ для знаній, которыя приобрѣталъ образованный тогдашній челоѣкъ объ окружающей его природѣ. Путевыя записки въ родѣ странника Даніила и т. п. давали ему свѣдѣнія по географіи, а съ исторіей онъ знакомился по библейскимъ рассказамъ, хронографамъ, хроникамъ и всякаго рода житіямъ Святыхъ. Эти послѣднія были болѣе всего распространены въ массѣ и для тогдашняго общества отчасти замѣняли и нынѣшнюю беллетристику.

Въ XVI вѣкѣ было положено начало типографскому искусству въ Россіи.

Какъ Максимъ Грекъ, такъ и Стоглавый соборъ обратили вниманіе на искаженіе богослужебныхъ книгъ невѣжественными переписчиками. Для пресѣченія этого зла, одной изъ лучшихъ мѣръ являлось однообразное ихъ изданіе, и потому

царь Іоаннъ, по совѣту митр. Макарія, рѣшилъ завести въ Москвѣ типографію.

Въ 1563 г. два мастера печатныхъ дѣлъ, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, начали заниматься книгопечатаніемъ, и въ мартѣ 1564 г. окончено было печатаніе «Дѣянія Апостольска и посланія соборная и Святаго Апостола Павла посланія», а въ 1566 г. былъ отпечатанъ Часословъ.

На первыхъ же порахъ книгопечатанія пришлось бороться съ предрасудками невѣжественныхъ людей. Кромѣ этого въ то время въ Москвѣ существовалъ обширный классъ «доброписцевъ», которые занимались перепискою книгъ. Книгопечатаніе отнимало у нихъ работу и лишало доходовъ. Все это было причиною, что первыхъ типографщиковъ обвинили въ ереси и волшебствѣ, въ связи съ нечистою силою. Ѳедоровъ и Тимоѳеевъ бѣжали изъ Москвы въ Литву. Однако устроенная ими въ Москвѣ типографія уцѣлѣла, книги печатались и мало по малу распространялись въ народѣ.

Для того, чтобы ознакомиться съ идеальными личностями древне-русской жизни, необходимо обратиться къ житіямъ Святыхъ. Здѣсь изображается тотъ высшій, нравственный міръ, къ которому тяготѣли наши предки.

Начиная свой разсказъ, авторъ житія тотчасъ же переносится своимъ восторженнымъ духомъ къ высокому идеалу нравственнаго совершенства въ лицѣ того угодника, о которомъ повѣствуетъ.

Въ началѣ XVII столѣтія сыновья любовь вдохновила нѣкоего Каллистрата Осорьина описать житіе своей матери Юліаніи Лазаревской. Особенный интересъ этого житія состоитъ въ томъ, что оно переноситъ насъ въ боярскую семью XVI вѣка, такъ мало намъ извѣстную, и вращается около особы, которая составляетъ ея средоточіе, около вѣрной жены и нѣжной матери. Мы приведемъ здѣсь главнѣйшія черты этого житія*).

*) См. Ѳ. Буслаевъ. Древне-русская народная литература и искусство, т. II, ст. 238. Идеальные женскіе характеры древней Руси.

«Въ г. Муромѣ отъ Густина Недюрева ключника родилась блаженная Юліанія. По смерти своей матери, она осталась шести лѣтъ; ее взяла бабка и воспитывала ее шесть лѣтъ во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ. Блаженная же отъ молодыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестеръ (у которыхъ потомъ жила) и во всемъ была имъ послушна, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежала. И за то тетка много ее бранила, а сестры надъ ней смѣялись. Отъ смѣха и всякой игры удалялась.. Только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла; сиротъ и вдовъ, и немощныхъ въ веси той всѣхъ обшивала, и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія, и всѣ дивились ея разуму и благовѣрїю. Не было въ той веси церкви, ни вблизи ея, а была версты за двѣ. И не случилось блаженной въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу быть въ церкви, ни слышать божественныхъ словесъ читаемыхъ, ни учителя, учащаго на спасеніе. Только смысломъ благимъ наставляема была нраву добродѣльному.

Когда ей минуло 16 лѣтъ, она отдана была замужъ въ г. Муромѣ мужу добродородну и богату, именемъ Георгію Осорьину. Вѣнчалъ ихъ іерей Пимень, который и научилъ ихъ страху Божію, по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ, какъ жить мужу съ своею женою, и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ. Она же внятно, со всѣмъ прилежаніемъ послушала божественнаго ученія... и дѣломъ все исполнить старалась. Свекоръ (богатый и добродородный) поручилъ ей править все домовое хозяйство. Она же со всѣмъ смиреніемъ послушаніе и повиновеніе имѣла къ нимъ (роднымъ мужа), ни въ чемъ не ослушивалась, не перечила, но много почитала ихъ, и все повелѣнное ими непрекословно совершала; такъ что и свекоръ и свекровь дивились, и всѣ родственники ихъ. И многіе испытывали ее въ рѣчахъ и отвѣтахъ; она же на всякій вопросъ давала благочестный и смысленный отвѣтъ; и всѣ дивились ея разуму и славили Бога. Ея мужъ, занятый царскою службою, хотя и зналъ грамотѣ, но до женитьбы своей мало упражнялся въ дѣлахъ

благочестія. Юліанія не только сама молилась, но и мужа своего учила прилежно молиться, такъ какъ видѣла въ этомъ свой святой долгъ. Она постоянно занималась дѣломъ, какъ говорить житіе, «прилежно локти свои на веретено утверждала и на пяличное дѣло». И продавая работу свою, деньги раздавала нищимъ. Была она хитра пяличному дѣлу. Многую милостыню тайно отъ свекра и свекрови творила. И все это дѣлала по ночамъ, чтобы никто не узнавалъ. А днемъ домовное хозяйство безъ лѣности правила. О вдовахъ и сиротахъ, какъ настоящая мать, заботилась; своими руками кормила и поила, обмывала и обшивала.

Всѣ въ домѣ ея были одѣты и насыщены, и каждому дѣло, по силѣ его, давала; а гордости и величанья не любила. Простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобы ей кто на руки воды подаль, или отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ, но все сама собою творила. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себѣ въ тяжесть вмѣняла, и всегда со смиреньемъ укоряя душу свою говорила: «кто же я сама убогая, что предстоять мнѣ такіе же человѣки, созданье Божіе?» Когда гнѣвъ Божій постигъ русскую землю, и наступилъ великій голодъ, отъ котораго много людей умирало, Юліанія многую милостыню творила тайно отъ всѣхъ. Брала у свекрови себѣ пищу, будто бы на утреннее и полуденное яденье, и отдавала нищимъ. Когда же кто изъ нищихъ умиралъ, она покупала умиральныя ризы и на погребенье посылала деньги. Вскорѣ послѣ голода, былъ на людей сильный моръ. Многіе помирали болѣзнію, прозванною пострѣломъ. И многіе неразумные, изъ боязни, въ домахъ своихъ запирались, и язвенныхъ пострѣломъ къ себѣ не пускали, и къ одеждѣ ихъ не прикасались. Блаженная же, тайно отъ свекра и свекрови, зараженныхъ многихъ, своими руками въ бани обмывая, исцѣляла и Бога молила объ исцѣленіи. . .

Было у нея десять сыновей и три дочери. Ненавидящій добро дьяволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить: и воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и

рабами: но она все смысленно и разумно разсуждала и усмирляла. И когда одного изъ сыновей убили рабъ, а другой умеръ на царской службѣ, то хотя и скорбѣла, но душевно, а не тѣлесно. Не кричала, не терзала на себѣ волосъ, какъ дѣлають другія женщины, но днемъ поминала дѣтей своихъ милостынею и кормлею нищихъ, а ночью молилась Богу. Бѣднымъ во всемъ помогала. Плакалась, видя человекѣ въ бѣдѣ, съ рабами же, какъ съ родными дѣтьми, обходилась. Провинившимся рабамъ и рабынямъ, вмѣсто грозы, милованье творила и отъ божественныхъ писаній поучала, а не бранью и побоями. Хотя и не умѣла она грамотѣ, но любила слушать чтеніе божественныхъ книгъ, и каждое слово слышала, внятно понимала. Предъ смертью, собравъ дѣтей, поучала ихъ о любви, и о молитвѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ».

И вчитавшись въ эти немногія строки житія, развѣ не тронетъ читателей идеальный образъ Юліаніи. Вы видите изъ житія, что кроткая и благочестивая Юліанія съ раннихъ лѣтъ отличалась нѣжностію и теплотою чувства, восторженною набожностію и преданностію своему долгу и обязанностямъ. Обо всѣхъ она заботилась въ домѣ; и всѣ были одѣты и насыщены, она ни отъ кого не требовала услугъ, но все сама старалась дѣлать. Будучи весьма любвеобильна, она умѣла сохранить твердость воли и безропотно встрѣчала невзгоды и бѣдствія, постигавшія ее въ жизни. Не рыдала, не рвала на головѣ волосъ, когда убили ее сына, но скорбѣла душой. Общественныя бѣдствія, пронесившіяся надъ нею, только изоцряли ее любящее, сострадательное сердце. Не только кормила она нищихъ и отдавала имъ послѣднюю копѣйку, но заботилась о нихъ и во время всеобщаго голода и моровой язвы. Послѣдній кусокъ хлѣба готова была отдать голоднымъ, а во время моровой язвы не боялась прикасаться къ зараженнымъ, она сама утѣшала ихъ, обмывала и исцѣляла, не гнушаясь язвъ, не страшась смерти. Конечно, все было кругомъ сѣро и мрачно, грубость и невѣжество господствовали повсюду; Юліаніи хотя и не могли вполне понять и оцѣнить окружающіе, но образъ ея могъ воспитывающимъ образомъ

дѣйствовать на дѣтей и подрастающее поколѣніе, показывалъ достойный примѣръ христіанской нравственности и любви къ людямъ. Что образъ этотъ западалъ въ сердца, видно хотя бы изъ почтеннаго стремленія сына оставить его въ назиданіе потомству и съ этою цѣлью описавшаго житіе своей матери.

Изъ сказаннаго видно, что въ XVI вѣкѣ начинаютъ яснѣе проявляться заботы о просвѣщеніи. Максимъ Грекъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и съ богатымъ запасомъ знаній и стремился распространить въ Россіи истинныя начала христіанской вѣры и точныя научныя понятія. Онъ важенъ для насъ не только своими сочиненіями, но и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, тѣмъ учительствомъ, которымъ способствовалъ образованію значительнаго числа русскихъ людей. Стоглавый Соборъ старался устранить безпорядки въ религіозно-церковной жизни поднятіемъ образованія, заведеніемъ училищъ, по крайней мѣрѣ, на дому у священниковъ и дьячковъ, съ тѣмъ чтобы въ этихъ училищахъ обучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, чтенію и конорханію. Митрополитъ Макарій своими Четьими —Минеями далъ намъ яркую картину образованности XVI вѣка; въ нихъ помѣщена вся сумма знаній тогдашняго образованнаго человѣка, энциклопедія всѣхъ извѣстныхъ въ то время знаній. Домострой далъ намъ кодексъ древнихъ правилъ, издавна сложившихся обычаевъ въ частной домашней жизни.

Несмотря на то, что образованіе и просвѣщеніе XVI вѣка стояло на небольшой высотѣ, нѣкоторыя отдѣльныя личности представляютъ большой интересъ для историка педагогіи. Такою высокою идеальною личностью для своего времени мы считаемъ Юліанію Лазаревскую. По своей самоотверженной любви, по преданности долгу и семейнымъ обязанностямъ, по твердой воли и умѣнью переносить несчастія она вызываетъ глубокія симпатіи и могла воспитывающимъ образомъ дѣйствовать не только на своихъ дѣтей, но и вообще на послѣдующее поколѣніе, которое поучалось ея жизнью.

Источники и пособія: Стоглавъ. Спб. 1863 г. Изд. Д. Е. Кожанчикова. — Порфирьевъ. Исторія рус. слов. т. I. — О. Буслаевъ. Древне-рус. народн. литература и искусство, т. II.

Глава X.

Педагогическое значеніе древне-русскихъ сборниковъ.

«Пчелы» и «Прологи».

Исслѣдователь древне-русской жизни приходитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что въ ней весьма важную роль играли древне-русскіе сборники. Историко-литературное значеніе Пчелъ, Златоуста, Измарагда и Домостроя достаточно признано; историку русской педагогичи и просвѣщенія предстоитъ собрать важнѣйшія педагогическія и нравственныя идеи, въ нихъ заключающіяся, для того чтобы показать, чѣмъ жило и руководилось древне-русское общество. Но такой трудъ въ полномъ объемѣ не подѣ силу въ настоящее время одному человѣку, такъ какъ многіе изъ сборниковъ вовсе не обслѣдованы и требуютъ многихъ лѣтъ кропотливыхъ изслѣдованій и изысканій въ нашихъ книгохранилищахъ. При своемъ изслѣдованіи мы будемъ пользоваться Пчелою В. Семенова, изслѣд. объ Измарагдахъ В. Яковлева, Домостроемъ И. Е. Забѣлина и нѣкоторыми рукописными сборниками *).

Основная цѣль почти всѣхъ древне-русскихъ сборниковъ — доставить назидательное чтеніе; они читались и многократно переписывались; мысли, проводимыя ими, нечувствительно входили въ воззрѣнія грамотныхъ людей того времени.

Пчела если и можетъ быть названа сборникомъ, то не въ томъ смыслѣ, въ какомъ называются этимъ словомъ Златоустъ или Измарагдъ: это антологія, составленная не изъ отдѣльныхъ статей, имѣющихъ самостоятельное значеніе, а изъ

*) Изъ бібліотеки И. Н. Михайловскаго.

афоризмовъ, краткихъ изреченій разныхъ писателей, изреченій, распределенныхъ по содержанию на отдѣльныя главы или рубрики.

Пчела, какъ извѣстно, была любимѣйшею книгою въ древней Руси, многократно переписывалась, дополнялась и измѣнялась. Она оказывала довольно значительное вліяніе не только на древне-русскую литературу, но и на нравственныя и педагогическія воззрѣнія древней Руси. Пчела существуетъ во множествѣ списковъ отъ XIV до XVIII вв. и заключаетъ въ себѣ изреченія, выбранныя изъ Св. Писанія, твореній Св. Отцовъ и классическихъ писателей: Платона, Сократа, Пинегора, Аристотеля и мн. др. Однѣ Пчелы переведены съ греческаго; другія русскаго состава.

Недавно, благодаря трудамъ В. Семенова, издана Древняя русская Пчела по пергаментному списку, относящемуся къ XIV—XV вв.*)

Извлечемъ изъ нея важнѣйшія нравственныя и педагогическія идеи:

На первыхъ страницахъ мы встрѣчаемъ ученіе о злобѣ: «не одолѣи злобою благодати, но одолѣи благодатию злобѣ» (апостоль ст. 1); «не твори зла и не постигнетъ тебе зло» (ib.); «подобаетъ писанье твердо имѣти, а дѣла свѣтла, и равенъ будеши Богу, аще не створиши ничтоже недостойно ему» (Демокритъ, ст. 12); «медля починаи дѣло, поченъ же въ борзѣ кончай» (ib.).

Въ словѣ 2 о мудрости находимъ: «не дѣти бывайте умомъ, но злобою млади будите, а умомъ же свершени» (отъ апост. ст. 16 и 357); «яко же солнце просвѣщаетъ очи всѣмъ имѣющимъ, такоже и мудръ мужъ просвѣщаетъ вся елико прикасаются словесному еству» (ст. 164). О значеніи философіи говорится: «дѣлатель землю мягчитъ а философъ душу».

Источникомъ и основаніемъ мудрости Пчела признаетъ добродѣтель: «источникъ и мать и корень мудрости добродѣтель е, а все лукавство отъ безумья починается» (Златоустъ

*) Спб. 1893. Пергаментный списокъ Пчелы хранится въ Император. Публичной Библиотекѣ, куда онъ поступилъ въ 1845 г. изъ собранія Фролова.

ст. 17); «мудрость же надъ всѣми добродѣтьми царствуетъ», однако «смѣшно есть, иже глаголетъ, яко мудрость безъ ученья есть: безъ нея бо нѣсть ползы, отъ инѣхъ ремесвъ, та бо есть владыко господство (?) и красота и чинъ съ подобиемъ коегождо исправливаетъ» (ст. 19).

Громадное значеніе любви не разъ отмѣчается: «аще языкомъ глаголю и англѣскимъ, любви же не имамъ, быхъ аки мѣдъ звенящи и акы кумвал звячая. аще раздаю имѣние свое или дамъ тѣло свое на съжъжение огню, любви же не имамъ, ничтоже есмь» (ст. 54), и далѣе: «вражды конецъ вѣдай, а любви не вѣдай» (ст. 56).

Пчела рекомендуетъ словесное воздержаніе: «Буди всякъ человекъ скоръ на послушаніе, а лѣнивъ на глаголаніе, и аще кто словомъ не согрѣшаетъ, то свершенъ есть, мога обуздати все тѣло свое» (ст. 147 и 191, апостоль), ибо «ни птицы упущены скоро можеши опять яти, ни слова изъ устъ вылетѣвъша възвратити можеши и яти» (ст. 195); но этимъ нисколько не отрицается значеніе и даже могущество слова, напротивъ: «якоже и коневи рзаніе, и псу бреханіе и волови рютѣ (мычанье) и лютому звѣрю риканье дано есть, да то ихъ знаменье есть, такоже и человекъу слово, да то его знаменье, то же его градъ, то же его сила, то же оружье, то же и стѣна, съ животень боголюбень кромѣ всѣхъ животь симъ почтенъ есть» (ст. 152), и далѣе «слово аки благы жител одѣваетъ душу образомъ» (Демокритъ ст. 154) и «уши свои не ко всѣмъ прикланяи словомъ, слово бо зло злу дѣлу наставникъ есть» (Менандръ ib.); «съ рече яко естество человекъ, такы и рѣчи» (Онопидъ ст. 156); «кротко слово разрушаетъ гнѣвъ» (187 ст.); «мѣра вѣсомъ, а истина мудрыми словесы исправиться» (Плутархъ ст. 283).

Труду приписывается большое значеніе, ему даже посвящена отдѣльная глава (32-я) о страдолюбіи: «съ тяжимъ трудомъ съ радостью приято есть и съхранено, а еже добыто безъ труда, скоро преобидаться» (Св. Василій ст. 269); «вездѣ лютостью и трудомъ къ человекъкомъ прібываютъ полезная» (Златоустъ ст. 270) и: «блудныи

есть мужь то иже чести ищетъ собѣ, а страды (труда) бѣгаеть, от неяже и честь ростеть» (Евагр. ib.); «естественное добродѣяние истлѣваетъ лѣность, а безумье исправляетъ ученье» (Плутархъ ст. 271); «присное (частое) веселие и сладость обыкшимъ пакостить зѣло и скоро сѣтваряеть и (ихъ) немощна, трудъ же и во инѣхъ пользуетъ (и силу подаваетъ)» (Златоустъ ст. 271). Поэтому рекомендуется научить тѣло трудиться, а душу съ твердостью переносить неприятности.

Что касается собственно ученія и воспитанія, то въ этомъ отношеніи въ Пчелѣ находимъ нѣсколько важныхъ мыслей; одну изъ такихъ прекрасныхъ мыслей мы находимъ на ст. 148: «Уча учи правомъ, а не словомъ иже словомъ мудръ, а дѣла его несвершена, то хромъ есть, а иже языкъ доброглаголивъ имѣеть, а душа его непоставъна и ненаказана, то неприятенъ есть; но то правыи, иже малы о добродѣяньи глаголетъ, а добродѣянья добрѣ являетъ и прилагаетъ вѣру къ своему учению житьемъ своимъ». И далѣе: «тогда учитель свершитъ и вѣренъ бываетъ уча, егда дѣяниемъ учить по апостольскому глаголу яже начать Иисусъ творити и учити» (ст. 150); «учитель правомъ да покорить ученика, а не словомъ» (эпихарии ст. 155).

О томъ, что ученье должно быть пріемлемо съ радостью, должно быть пріятно и интересно учащимся; видимъ изъ слѣд. словъ Св. Василия: «насилъно учение не можетъ твердо быти, съ радостію же и веселиемъ входя твердо прилежитъ къ душамъ внимающимъ» (ст. 157). «Со въпросимъ, что сладко въ всемъ житіи, и рече: учение и наказание и вѣданье первыя вещи» (ст. 171).

Въ рукописномъ сборникѣ «Пчелы» *) находимъ слѣдующія изреченія:

«А конецъ добродетели имѣти въ помышленіи покаяніе и любовь ко всѣмъ». «Узокъ бо есть путь терпѣніе и правда». «Не богатство рай отверзаетъ, ни широкаго путя сладость, но нищета». «Казни сына твоего и покоитъ на старость твою» (листъ 2). «Не радуйся о неправдѣ, радуйся же о истинѣ»

*) Повидимому, относящемся къ XVII в.; изъ бібліотеки И. Н. Михайловскаго

(Давидъ, листъ 3). «Безмолвіе бо рождаетъ чистоту, а кротость рождаетъ милостюню, а милостыня есть души спасеніе, а жестокосердіе рождаетъ гнѣвъ и уныніе» (л. 11).

Терпѣніе и смиреніе высоко ставятся: «Въ терпѣніи нашемъ стяжите души ваша. претерпѣвый до конца той спасется». «Имѣя смиреніе покоряетъ бѣсы, а не имѣя смиренія покоренъ будетъ бѣсомъ». «При славѣ буди смиренъ, а при печали мудръ» (л. 3). «Смиряйся вознесется, а возносяйся смирится» (Сираховъ). «Смиреніемъ душа украшается аки невѣста монисты». «Аще печаленъ еси помолися Богу, радостенъ ли еси смирися» (листъ 25). «Постомъ душа просвѣщается аки мрачный день солнечнымъ сирѣчь солнцемъ». «Страхомъ Господнимъ душа утверждается аки добрый нестрашливый воинъ браннымъ оружіемъ» (листъ 27). О необходимости добрыхъ дѣлъ говорится словами апостола: «Аще кто христианинъ нарицается и вѣру праву имѣя, а дѣлъ добрыхъ не творить, то подобенъ есть имущу лицу без очесъ якоже бо тѣло без души тако и вѣра без дѣлъ» (лист. 25 об.).

«Аще кто милостюню даетъ нищимъ, то Христу в рую влагаетъ» (л. 33). «Лучше храма Божія воскомъ не просвѣщати нежели убогихъ обидѣти» (л. 33 об.). «Творя заповѣди Божія то любить Бога и Богъ его возлюбить» (л. 30).

Послушаніе считается дѣломъ весьма важнымъ: «Послушаніе болши есть поста и пустыннаго житія. Самъ бо Господь нашъ Иисусъ Христосъ послушливъ бывъ даже до смерти» (л. 10).

О значеніи доброй жены говорится: «Добра жена мужа и по смерти спасетъ, а злая жена мужа и при животѣ загубляетъ» (л. 23). «Первое добро жена лѣпотою лица своего, второе веселиемъ взора, третіе еже возрастомъ и чистотою тѣла своего, аще будетъ держитъ чисто тѣло свое можетъ добро быти всякое дѣло ея и по вся часы веселится оне мужъ ея... аще ли скверно держитъ тѣло свое зло есть и все дѣло ея и по всякъ часъ печалию упивается мужъ ея» (лист. 24).

Читая эти изреченія Пчелы, намъ могутъ сказать, что

это выдержки изъ Библіи, Св. Отцевъ, Евангелія, древнихъ классическихъ писателей и т. п., что здѣсь нѣтъ или очень мало своего, оригинальнаго. Но напомнимъ прекрасныя слова Н. А. Лавровскаго *), что «въ старинной нашей литературѣ не различалось строго свое отъ чужаго: чужое или вполне принималось за свое, если оно вполне согласовалось съ понятіями, съ умственными и нравственными потребностями народа, или постепенно подводилось подъ уровень этихъ потребностей, согласовалось съ ними; усвоенное такимъ образомъ чужое становилось своимъ, начинало дѣйствовать на жизнь, какъ самостоятельно выработанный ею образовательный элементъ». Мысли, находимыя въ различныхъ спискахъ Пчелы, правда, афористичны, но только въ такомъ видѣ онѣ и были доступны пониманію древне-русскихъ книжниковъ и начетчиковъ **), не получившихъ правильнаго школьнаго образованія, не прошедшихъ чрезъ строгую школу мышленія; отъ этого, впрочемъ, въ цѣнѣ онѣ ничего не теряють.

Историку просвѣщенія необходимо ознакомиться и съ Патериками.

Патерики заключаютъ въ себѣ житія Святыхъ: въ одномъ — египетскихъ, въ другомъ — синайскихъ, въ третьемъ — іерусалимскихъ; по ихъ образцу составился и у насъ патерикъ печерскій. Въ этихъ сочиненіяхъ правила богоугодной жизни представлялись въ примѣрахъ и живыхъ образахъ, что было вполне согласно съ благочестивымъ настроеніемъ духа и жизни нашихъ предковъ. Иногда такіе сборники назывались «синаксарями», гораздо чаще «прологами». Синаксари отличались краткостью. При переводѣ съ греческаго на славянскій они получили названіе «прологовъ» по первой статьѣ и по предисловію, которое было помѣщено въ началѣ сборника. Въ своей русской формѣ Прологъ заключалъ житія Святыхъ греческой

*) Памятники старин. русскаго воспит. ст. 1.

**) Эта афористичность, напротивъ, особенно приходилась по вкусу и по силамъ нашимъ предкамъ, которые безъ труда могли запомнить и употреблять ихъ по нуждѣ; изъ Пчелы приводитъ изреченіе Демокрита Вассіанъ, арх. Ростовскій, въ своемъ посланіи къ Іоанну III; многія изреченія изъ Пчелъ вошли въ пословицы.

церкви, житія русских Святыхъ и разнаго рода назидательныя повѣсти и поученія иногда съ апокрифическимъ элементомъ; статьи церковно-учительныя, какovy назидательныя повѣсти, поученія и богословскія разсужденія чрезвычайно разнообразны по формѣ и по содержанию. Это большею частью небольшія цѣльныя произведенія или извлеченія изъ твореній отцовъ и учителей церкви, преимущественно же изъ твореній христіанскихъ подвижниковъ, встрѣчаемыя часто и въ другихъ древне-русскихъ сборникахъ, но не мало между ними и статей самостоятельныхъ. Историкъ литературы отмѣтитъ въ ея памятникахъ многоразличныя отраженія Пролога: такъ указываютъ любопытныя параллели съ Прологомъ въ поученіи Владиміра Мономаха и въ Домостроѣ; для народныхъ духовныхъ стиховъ Прологъ во многихъ случаяхъ послужилъ источникомъ *). «Патерики синзайскій и скитскій, — говоритъ г. Буслаевъ, — проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI в. до XVII включительно. Исторія о Варлаамѣ и Иосафатѣ Царевичѣ, вся основанная на идеализаціи пустынножительства, пользовалась въ древней Руси такою популярностію, что даже отразилась въ народной поэзіи стихами объ Асафѣ—царевичѣ и о похвалѣ пустынь. Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ Прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-русскую литературу и, скажемъ мы отъ себя, и на воспитаніе. Въ ежедневномъ чтеніи Пролога онѣ заучивались наизусть, нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ и отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынножительства въ безлюдныхъ захолустьяхъ русской земли» **).

*) См. Н. Петровъ. О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога. Кіевъ. 1875 г. А. Пономаревъ. Славяно-русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Спб. 1890. См. А. Пыпинъ. Начатки русской литературы. В. Е. 1893. Книга 12.

***) Буслаевъ, О. Историч. очерки русской народной словесности и искусства. II, 231—232.

«Большая часть проложныхъ поученій, — говоритъ проф. Н. Петровъ *), — такого содержанія и характера, что они одинаково могутъ быть прилагаемы ко всякому христіанину. Признакомъ истиннаго христіанина служатъ вѣра правая и добрыя дѣла. Область нравственныхъ проложныхъ поученій для всякаго христіанина опредѣляется двумя главными добродѣтелями: любовью къ Богу и ближнимъ. Иногда проложныя поученія общаго характера касаются и частныхъ пунктовъ христіанскаго нравоученія. Эти пункты суть слѣдующіе: удаленіе отъ грѣховъ, особенно противообщественныхъ, покаяніе и причастіе, хожденіе въ церковь и благоговѣйное стояніе въ ней, дѣла милосердія къ ближнимъ, отношенія къ властямъ, семейныя отношенія между мужемъ, женою, дѣтьми и домашними». По мнѣнію проф. Н. Петрова **), составъ проложныхъ поученій гораздо обширнѣе и лучше касается разнообразныхъ сторонъ русской жизни, чѣмъ другіе древне-русскіе сборники. Въ этомъ отношеніи съ Прологомъ могли бы поспорить Макарьевскія Четвы-Минеи, но онѣ по своей громадности не могли быть такъ доступными для каждаго и вліятельными какъ Прологъ въ поучительномъ своемъ отдѣлѣ. Поэтому Прологъ можно назвать «энциклопедическимъ сборникомъ свѣдѣній для древне-русскаго человѣка не только по другимъ отраслямъ знанія, но и по нравоученію». Древнѣйшій извѣстный списокъ славяно-русскаго пролога относится къ 1262 г.

Подъ названіемъ Старчества или поученій отъ Старчества разумѣются собранія правилъ, наставленій, и примѣровъ, относящихся къ иноческой жизни. Они выбраны изъ житій Святыхъ иноковъ-подвижниковъ и сочиненій Святыхъ, писавшихъ объ иноческой жизни: Ефрема и Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Анастасія Синеита и др. Къ этому роду сочиненій относится Лавсаикъ инока Палладія, Исторія Боголюбцевъ Феодорита Кирскаго и Лимонарь (лучъ духовный или цвѣтникъ) Іоанна Мосха (VI в.).

*) Loc. cit.

**) О происхожд. и составѣ славяно-русскаго Пролога. Ст. 330.

Въ нашемъ распоряженіи былъ «Лимонарь сирѣчь цвѣтникъ мудрыми Кирѣ іоанномъ софроніемъ и инѣми различными преподабными отцы сочиненъ». Въ главѣ 172-й говорится о Козьмѣ Схолостикѣ: «бѣ бо сей мужъ смиренномудръ, милостивъ, воздержателенъ, дѣвственъ, братолюбивъ, нищелюбивъ, многу убо намъ сей мужъ ползу творяше не токмо словомъ уча, но и множество книгъ имяше паче всѣхъ сущихъ иже во Александрии иже совсѣмъ изволеніемъ подаваше требующимъ, имѣнія не собираше, и во всемъ дому его ничто же ино видѣти, тоцію книги, одръ и трапезу, всякому же человѣку входити къ нему и вопрошати юже на ползу и прочитати книги не возбранно бѣ по вся же дни вхождахъ к нему и николиже обрѣтохъ его праздна: но или чтуща или на іудея списующа, много бо ревность имыи, еже обращати іудеи ко истиннѣ».

Въ главѣ 171 говорится о Зоилѣ чтецѣ, который постоянно трудился «не тоцію себѣ, но и инѣмъ готовъ служити и пребываше без покоя книги почитая и пища».

Такимъ образомъ въ Лимонарѣ часто проводится мысль о необходимости и пользѣ чтенія книгъ для инока.

По поводу блудныхъ поплзновеній нѣкоего монаха вдова говоритъ ему: «молю же тя убо воспрями и не мози погубити малыя ради похоти толикихъ лѣтъ дѣла их же с трудомъ стяжа и лишитися вѣчныхъ благъ».

Въ главѣ 217: «рече старецъ нѣкии чада соль от воды есть аще прикоснется водѣ растаетъ невидима бываетъ такожде и мнихъ отъ жены есть, и аще прикоснется женѣ, растлится и въ небытіе бываетъ, сирѣчь умираетъ душею».

Въ Патерикѣ скитскомъ (XVI в.) находимъ слово св. Ефрема «о ползѣ души и о смиреніи». Нач. «Да есте вѣдуще возлюбленіи, яко вси нравы сами въсдержатся съ узъ любви духовней» (лист. 384); въ словѣ «о нравѣхъ добрыхъ и злыхъ» сказ.: «Страхъ Божій отгонить вся злобы, а лѣнность отгонить страхъ Божій; плененіе же грѣховное отгонить лучшаа нравы добрыа».

Источники и пособія : Главный источникъ — «Древняя русская Пчела» по пергаменному списку, трудъ Виктора Семенова. Спб. 1893 г.—Рукописная Пчела XVII в., на заглав. листѣ: «Пчела птица прилѣтаетъ на воскъ и на красныя цвѣты. Отъ нихъ же собираетъ медъ и сотъ на приношение церкви и на услаждение домашнемъ (?). Такжеже и премудрыя челоувѣкъ приклоняетъ главу свою на смирение и на премудрыя словеса». — Н. Петровъ. О происхожденіи и составѣ словяно-русскаго печатнаго Пролога. Кіевъ. 1875.—Буслевъ Ѡ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства.

Глава XI.

Златоустъ и «О воспитаніи дѣтей» I. Златоустаго.

Въ древней Руси были извѣстны цѣлыя собранія святоотечественныхъ твореній или нѣкоторые отдѣлы ихъ, принадлежащіе Ефрему Сирину, Василию Великому, Григорію Богослову, пр. Нилу, Геннадію Константинопольскому, Іоанну Лѣствичнику, Антиоху, Максиму Исповѣднику, аввѣ Дороею, Ѡеодору Студиту, черноризцу Петру. Но ни одного отца церкви творенія не были такъ любимы и такъ распространены въ нашей древней письменности, какъ творенія св. Іоанна Златоустаго. Богатство мысли соединялось въ его поученіи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, состоявшимъ чаще всего и главнымъ образомъ въ ясности, естественности и простотѣ. Много привлекало читателей и внутреннее содержаніе его наставленій. Іоаннъ Златоустъ — по преимуществу проповѣдникъ любви къ ближнимъ. Въ этомъ заключалась тайна силы его слова. Съ другой стороны, въ твореніяхъ св. Златоуста нѣтъ того суроваго аскетизма, который такъ сильно развитъ у болѣе позднихъ византійскихъ писателей. Во всѣхъ твореніяхъ его разлита какая-то особая, жизнерадостная струя, свѣтлое возрѣніе на прекрасный Богомъ устроенный міръ. За то и любили наши предки этого возвышеннаго отца церкви.

«Іоаннъ Златоустъ былъ въ полномъ смыслѣ народнымъ проповѣдникомъ. Онъ входилъ въ разсмотрѣніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, съ необыкновенною заботливостью входилъ въ разсмотрѣніе различныхъ житейскихъ отношеній, говорилъ объ обязанностяхъ къ государству, властямъ, обществу, семьѣ, и всегда живыми и яркими красками рисовалъ идеаль христіанина, гражданина и семьянина. Поэтому и понятно, что древне-русскіе сборники: «Златоструй» и «Златоустъ» заключали въ себѣ свѣжій и сильный образовательный элементъ для всего русскаго народа. Еще важнѣе для насъ другое убѣжденіе, что въ сочиненіяхъ І. Златоуста, независимо отъ ихъ просвѣтительнаго значенія, содержится богатый запасъ въ тѣсномъ смыслѣ педагогическихъ совѣтовъ, наставленій и правилъ, которые, сдѣлавшись однажды извѣстными, не могли не оставить глубокаго слѣда.

«Весьма многіе изъ нихъ касаются отношеній мужа и жены, жены и матери въ семействѣ, ихъ взаимныхъ отношеній, правъ и обязанностей, касается и вопроса о воспитаніи дѣтей. Эти положенія, высказанныя съ ясностью, свѣжестью и сердечнымъ одушевленіемъ должны были произвести сильное впечатлѣніе на древне-русскихъ читателей и способствовать установленію педагогическихъ правилъ и пріемовъ.

«Такое достоинство педагогическихъ наставленій и правилъ І. Златоуста, какъ замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, было причиною того, что они съ давнихъ поръ начали входить въ педагогическія статьи нашихъ сборниковъ». Какъ цѣнились они въ старину, видно изъ того, что рѣдкій сборникъ не имѣетъ хоть одной изъ этихъ статей, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ по нѣскольку вариантовъ одной и той же статьи.

Одинъ изъ самыхъ раннихъ сборниковъ словъ І. Златоустаго былъ сдѣланъ болгарскимъ царемъ Симеономъ, давшимъ своему труду названіе «Златоструя» (т. е. словеса).

Трудъ Симеона дошелъ до насъ, впрочемъ, уже въ довольно позднихъ сравнительно спискахъ XII в. и еще болѣе позднихъ XV и XVI вв., и, очевидно, ни одинъ изъ дошед-

шихъ списковъ не представляетъ собою подлинной редакціи труда. Въ самыхъ древнихъ спискахъ уже видны слѣды участія позднѣйшихъ «писателей», равно подобные слѣды замѣтны и въ спискахъ Златоустра XV—XVI вв.

Выборъ словъ преимущественно обще-моральнаго содержания.

Цѣль составленія Златоустра выражена въ прилогѣ словами: «да всякъ почитай я прилѣжнѣ съ разумомъ. аште ся не лѣнить тѣя. многу пользу въ нихъ души и тѣлу обрястетъ». Книга, слѣдовательно, должна была служить для назидательнаго домашняго чтенія. Соотвѣтственно этой цѣли и выборъ поученій почти не выходилъ изъ круга нравственныхъ наставленій.

Какъ распространены были поученія Іоанна Златоустаго въ нашей письменности, и какъ они нравились древне-русскимъ читателямъ, отчасти можно видѣть и изъ того, что уже очень рано у насъ стали появляться и самостоятельные, принадлежавшіе русскимъ «писателямъ» сборники его поученій. Одними изъ таковыхъ были Златоусты. Златоусты извѣстны въ спискахъ XIV—XVII в., но древнѣйшая редакція ихъ должна быть отнесена ко времени гораздо болѣе раннему. Предполагаютъ, что древнѣйшую основу Златоустовъ составлялъ рядъ поученій на воскресные дни недѣль великаго поста и нѣкоторыхъ изъ предшествующихъ.

Въ послѣдующіе вѣка Златоусты пополнялись и разнообразились еще новыми дополненіями и вставками—въ Златоусты стали вноситься многія такія «слова» и поученія, которыя только приписывались Іоанну Златоусту, но принадлежали русскимъ авторамъ*).

Въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько списковъ Златоустовъ XVI вѣка**).

Въ одномъ изъ нихъ, въ словѣ св. І. Златоуста «о крестѣ

*) Такъ по рукописи «Златоуста» Московск. Синод. библиот. № 231 къ этому разряду словъ можетъ быть отнесено «Почуеніе отца духовнаго дѣтемъ душевнымъ отъ словеси Іоанна Златоустога». (лл. 23—24).

***) Изъ бібліотеки И. Н. Михайловскаго.

Господни и отверженіи Петровъ» говорится о значеніи послушанія: «Братіи пріимѣте покореніе доброе и честное послушаніе. Царь бо есть надо всѣми добродѣтелми постъ; милостыня до небеси возводитъ челоуѣка, любви же и миръ до престола Божія, а покореніе и послушаніе одесную Бога... Покоренія, послушанія ис бездны можета челоуѣка извести. Аще сію кто стяжетъ не убоится въ будущемъ вѣце... всяка добродѣтелъ есть отъ тоу рождається и милостыня и миръ любви, смиреніе и прочая... Покореніе, апослушаніе всяку добродѣтелъ ражаєт, вѣру и любовь, милостыню, постъ, молитву, нищелюбіє; покореніе (и) послушаніе всяку отгонитъ злобу, зависть, ярость, ненависть, скупость, клевету, хулу, ересь, лихоиманіе, ре-зоимство, гробленіе и пр.».

Въ понедѣльникъ 3-ей недѣли поста въ поученіи I. Златоустаго «о уставѣ житія челоуѣческаго» сказано: «Иже кто милостыню творитъ отъ своего труда, то Богови пріятно. а иже кто неправдою добывающе на худыхъ и на сиротахъ емлеще. тѣмъ милостыню творитъ. и тѣмъ хоцетъ Богови милъ быти, того Богъ ненавидитъ.. Се же вы братіє глаголю любите другъ друга. и не осужайте никого же. ни завидите. ни хулите. ни укоряйте. ни лжи послуши будите. но в правдѣ и во смиреніи всякаго челоуѣка привечаите. аще не подаяніемъ но словомъ добрымъ. и не стыдитесь старѣйшему главы своея подклонити. ни лѣнитесь предъ честнѣйшими постояти. то бо все в честь Богу творите».

Въ пятницу 2-й недѣли поста въ поученіи нѣкоего христолюбца къ духовнымъ братіямъ говорится:

«Риточникъ рече казня сына своего любить его. а не казня ненавидитъ его».

Въ субботу сыропустную въ поученіи I. Златоустаго сказано: «Аще рече Господь оставляйте челоуѣкомъ согрѣшенія. и вамъ оставитъ Отець Небесный. аще ли не оставите зло творящимъ и вамъ не оставятся грѣси.. аще ли не оставиши зло творящимъ не мошеши спастися. яко бо корень добродѣтели любви тако і всѣмъ злобамъ корень вражда»...

И. Е. Забѣлинъ въ своихъ «Опытахъ изученія русскихъ

древностей и исторіи» останавливается надъ Златоустомъ XVII в. «Главы настоящія сія книги, глаголемыя Златоустъ, другія половины, съ четверга послѣ Всѣхъ Святыхъ, первыя недѣли» *). Онъ указываетъ, что въ разсматриваемомъ Златоустѣ встрѣчаются параллельныя мѣста, почти слово въ слово съ Домостроемъ. Домострой выписываетъ цѣликомъ или только нѣсколько сокращаетъ «поученіе и наказаніе отца духовнаго», главы XI, XII, XIII и XX почти вполнѣ заимствованы изъ Златоуста. Но лучше всего на подобныя заимствованія указываетъ глава XVII: «Какъ дѣти учить и страхомъ спасати», большая часть которой есть не что иное, какъ сплошная выписка съ незначительными вариантами изъ «Слова отъ притчей къ родителямъ и къ чадамъ», въ пятую 5 недѣлю послѣ Всѣхъ Святыхъ, гл. 160. Приведемъ изъ него важнѣйшія мѣста:

«Наказуй сына своего отъ юности его, и онъ тя покоитъ на старость твою и дастъ красоту души твоей. Не ослабляй бѣя младенца; аще жезломъ бѣши его не умретъ, но паче здравъ будетъ; ты бо бѣя его по тѣлу, душу его избавляеши отъ смерти. Аще ли имаети дщери, положи на нихъ грозу свою и соблюдеши я отъ тѣлесныхъ грѣхъ, да не посрамится лице твое. Аще любиши сына своего, учащай ему раны, да возвеселишия последи о немъ. Накажи его доколѣ юнъ, и едва взмужаетъ, порадуешия о немъ, и посредѣ знаемыхъ похвалишия, и зависть приметъ врагъ твой. Воспитаи дѣтищи твои съ прещеніемъ и обрящеши покой о немъ и славу и благословеніе отъ Бога. Не смѣйся и не играй со младенцомъ своимъ, в малѣ бо ослабишия, а во мнозѣ поскорбиши и поболѣши о немъ и послѣди яко осколизну зубомъ, тако печаль сотвориши души своей. Не давай воли дѣтищу во юности его, но сокруши ему ребра донележе растеть. Еда како ожесточавъ неповинитъ ти ся, и будетъ ти отъ него досада люта, и болѣзнь души, и скорбь немала, и нищета дому, и погибель имѣнію, и укорь отъ сосѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, а предъ властями платежъ и зла досада».

*) Рукопись хранится въ Архивѣ Оружейной Палаты № 3.

Приведенное слово «отъ притчей», такъ сходное съ Домостроемъ, если оно и русское сочиненіе, то въ свою очередь также составлено выборкою изъ словъ переводныхъ, что у нашихъ древнихъ составителей сборниковъ было въ большомъ ходу и даже въ особенномъ уваженіи; нѣкоторыя мѣста взяты изъ словъ I. Златоуста.

«Всѣ, сколько извѣстно, педагогическія статьи въ нашихъ старинныхъ сборникахъ, говоритъ Н. А. Лавровскій*), заимствованнаго содержанія. Ихъ можно раздѣлить на два рода: одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ преобладающій библейскій элементъ, содержаніе другихъ заимствовано изъ сочиненій отцовъ церкви, преимущественно Іоанна Златоуста. Утвердительно можно сказать, что Библия, особенно для древнѣйшаго времени, была главнымъ педагогическимъ источникомъ. Библейскія опредѣленія семейныхъ отношеній, библейскій идеалъ мужа и жены, отца и матери, сына и дочери, а также изображенія уклоненій отъ этого идеала пользовались у насъ въ старину неизмѣннымъ авторитетомъ. Главныя, сюда относящіяся книги Библии, заключающія въ себѣ въ тѣсномъ смыслѣ воспитательный элементъ,—это книга Соломона и Иисуса сына Сирахова. Но такъ какъ и въ этихъ книгахъ изреченія, непосредственно относящіяся къ опредѣленію семейныхъ отношеній, рѣдко находятся болѣе или менѣе соединенными вмѣстѣ, а большею частью разсѣяны, то съ давнихъ поръ должна была явиться потребность соединить разсѣянные педагогическія правила въ отдѣльныя цѣльныя группы, какъ для полноты и ясности ихъ разумѣнія, такъ и для примѣненія къ воспитательной практикѣ». Приведемъ здѣсь для образца выдержки изъ статьи «Слово и притчи и о наказаніи дѣтей къ родителемъ своимъ**):

«Человѣци внемлите известно о глоголемыхъ сихъ. и наказите измлада дети своя. глаголетъ бо божья премудрость.

*) Памятники стариннаго русскаго воспитанія.

**) Изъ Сборника XV, по каталогу И. П. В. № 209 Толст. I 214 прив. у Н. А. Лавровскаго. Памятники стариннаго русскаго воспитанія, ст. 3. Эта статья часто встрѣчается въ Иамарагдахъ, какъ увидимъ ниже.

любяи сына своего жезла на него не щади. наказай его въ юности да на старость твою покоит тя ащи ли измлада не накажеша его. то ожесточавъ не повинеться . . . аще кто детей своихъ не научить воли божьи. люте разбойникъ осудится. убійца бо тѣло умрѣтвить. а родителѣ аще не научатъ, то душу си погубятъ*) . . . не ослабляи наказая дѣти своя. аще бо бѣши жезломъ. то не умреть. но паче здравье будетъ. душу бо его спасеши. . . любя же сына своего учащи ранами его. да послѣди о немъ возвеселишися и среди знаемыхъ хвалу приимеши. воспитаи дѣтище въна казаніи. да обрященіи славу и благословеніе отъ Бога. не дождь во юности дѣтищу воли. показни его донелѣже ростеть. да егда ожесточавъ не повинеттися и будетти досада отъ него люта. и болезнь души и скорбь немала и тщета домови и погибель имѣнью. укоръ отъ сусѣдъ. посмѣхъ предъ враты. того дѣла бываетъ предъ власти плати. и зла досада. братѣе и сестры слышавше сице наказите дѣти своя. не словомъ токмо но и раною. да инѣ не примите по нихъ отъ людей срама. . . »

Такимъ образомъ приведенныя обѣ статьи изъ Златоуста XVII в. и изъ сборника XV в. весьма близки по духу и по содержанію.

Содержаніе другого рода педагогическихъ статей, встречающихся весьма часто въ нашихъ старинныхъ сборникахъ, заимствовано изъ сочиненій отцевъ церкви, преимущественно Іоанна Златоуста. Сочиненіе послѣдняго «О воспитаніи дѣтей» послужило образцомъ для множества статей этого рода.

Извѣстно, что педагогическіе совѣты, наставленія, не только разсѣяны въ сочиненіяхъ І. Златоуста, но и соединены вмѣстѣ въ одной довольно обширной статьѣ, которая вся посвящена воспитанію. Съ одной стороны, важность и интересъ содержанія этой статьи, съ другой — вообще расположеніе, господствовавшее у насъ издавна къ сочиненіямъ Златоуста, необходимо должно вести къ заключенію, что она

*) Эта мысль почти буквально заимствована изъ сочиненія І. Златоуста. Тѣ родители, которые не радуютъ о душахъ дѣтей, хуже дѣтоубійць, потому что убійца только тѣло отдѣляетъ отъ души, а тѣ и тѣло и душу ввергаютъ въ вѣчный огонь. IV. 406.

хорошо извѣстна нашимъ стариннымъ книжникамъ, а слѣдовательно должна была войти въ наши старинные сборники.

Дѣйствительно, въ послѣднихъ встрѣчаются ея переводы, вѣроятно, древняго происхожденія. Мы приведемъ здѣсь переводъ этой статьи (выдержки) изъ сборника XVI вѣка*), гдѣ она помѣщена подъ заглавіемъ «О воскрѣсненіи дѣтѣи»:

«Молю вы и понуждаю много. о своихъ дѣтехъ творимъ (помы)шленіе поучающе ихъ на добродѣтель любовію же и прещеніемъ всячески, и спасенія ищемъ тѣхъ души.. (приводятся примѣры Іова, Авраама и Давида). подобаеъ убо смотрити родителемъ. не яко да оставятъ дѣти богаты серебромъ и златомъ. но да благовѣрны и любомудры и добродѣтельны. яко да немного требуютъ. да не въ житійская похотѣнія всѣмъ умомъ уклонятся.. вѣсте бо яко не имущѣ добродѣтели ни единыя не примуть отъ Бога милости. ты жь бы да конь добръ тѣмъ купилъ. и домъ свѣтелъ и село велико. то все твориши и разсмотриши о души ихъ. яко же бы добра была. ни словесе о томъ твориши. къ неполезну любовь отци о дѣтехъ имуть. не хотяще ранъ нанести на ня. и словесы запрѣтити. ни оскорбити своихъ сыновъ бесчинно живуще. егда бо ты не казниши его юного ни умудриши» .. и далѣе: «не от естества бо человѣкомъ ест злота приходитъ. нъ своею волею зли бываемъ**). тѣмъ ни богатство дѣтемъ оставляемъ, но оставі я наказаны страху Божию.. да не смотря о житіи дѣтеи. но прежде пецися о души ихъ. да добродѣтели оставиши. аще бо вы добръ сыны своя накажете. а тиі пакы своя такоже научать. и тако до пришествія Христова твое наказанне поидеть... аще бо любиши сына учацаи ему раны».

Статья заканчивается словами: «да се вѣдый человѣче казни сына отъ юности его и покоит тя на старость твою.

*) См. № 218 Толст. I № 47, гдѣ она помѣщена на ст. 495—498, ввѣт. изъ Памят. стар. русск. воспит. Н. А. Лавровскаго, ст. 9—20. Сборникъ этотъ г. Яковлевъ называетъ *Иамарагдомъ*.

**) Эти слова чрезвычайно важны, такъ какъ указываютъ, что человѣкъ по своей волѣ бываетъ золь.

и дасть красоту души твоей. Аще бо и жезломъ біеши его, не умреть нѣ здравѣи будетъ. ты бо бія его по тѣлу душу его избавиши отъ муки. дщери ли имаши положи на нихъ грозу свою и ублюдеши я въ телесныхъ да не посрамиши дому своего».

Въ своемъ сочиненіи «*Περὶ παιδῶν ἀνατροφῆς*», говоритъ Н. А. Лавровскій, Иоаннъ Златоустъ ясно и опредѣлительно высказалъ свой взглядъ на значеніе и цѣль воспитанія.

Этотъ взглядъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе для стариннаго русскаго воспитанія, что Иоаннъ Златоустъ считался безусловнымъ авторитетомъ. Совершенно отвергая врожденность въ человѣкѣ зла, онъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что зло вкореняется вслѣдствіе дурнаго воспитанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ свою рѣшительную вѣру во всемогущество воспитанія: «не отъ естества приходитъ людямъ зло, говоритъ онъ, но своею волею злы бываемъ». Эту вѣру выражаетъ онъ и слѣдующими превосходными словами: «если ты хорошо воспитаешь своихъ дѣтей, а эти своихъ, то до пришествія Христа пройдетъ твое воспитаніе, и ты за все это получишь награду, какъ положившій начало и корень доброму плоду». Такимъ образомъ, по Златоусту, родители могутъ сдѣлать все изъ своихъ дѣтей; отъ родителей зависитъ будущность дѣтей, отъ нихъ зависитъ посѣять въ ихъ душѣ зло или добро, приготовить имъ безконечное блаженство въ будущей жизни или вѣчное мученіе въ аду. Цѣль воспитанія — добродѣтель, или страхъ Божій, какъ выражается Златоустъ. Ее онъ высказываетъ и въ началѣ приведенной статьи и потомъ повторяетъ нѣсколько разъ: «да не смотри о житіи (т. е. о житейскихъ и общественныхъ выгодахъ) дѣтей. но преже пецися о души ихъ. да добродѣтельны оставиши», «подобаетъ убо смотрити родителемъ. не яко да оставятъ дѣти богаты серебромъ и златомъ. но да благовѣрны и любомудры и добродѣтельны».

Что же касается до средствъ, какія въ этой статьѣ предлагаются родителямъ для воспитанія въ дѣтяхъ добродѣтели, то они всѣ основаны на страхѣ и, въ послѣдней степени, сводятся на предписаніе не щадить жезла и учащать раны. Такая

суровость во взглядѣ на воспитательныя средства (которыя, однако, пришлось очень по вкусу нашей старинной педагогіи) не можетъ не показаться странною тому, кто знакомъ съ духомъ и характеромъ всѣхъ сочиненій Златоуста. Какъ объяснить эту суровость, когда все ученіе его глубоко проникнуто истинно-христіанскою любовью и кротостью? Едва ли можно предположить, что эти средства исходили изъ основного, искренняго педагогическаго убѣжденія Златоуста. Даже въ приведенномъ сочиненіи можно замѣтить стараніе смягчить ихъ нѣсколькими общими выраженіями, напр. «словесы запретити, умудрити, воздержати и обучати». Въ другихъ же мѣстахъ своихъ сочиненій (нѣкоторыя изъ которыхъ приведены выше) ясно и твердо высказывается въ пользу господства любви и кротости.

Поэтому и встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ мѣста, отличающіяся суровостью, не стоятъ въ органической связи съ его основными христіанскими воззрѣніями на воспитаніе, а обусловливаются вліяніемъ библейской педагогіи и ея строгихъ предписаній относительно воспитательныхъ средствъ. Такое мнѣніе, какъ замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что и въ ученіи другихъ отцовъ церкви можно замѣтить ту же двойственность, которую слѣдуетъ объяснить двойственностью источниковъ, на которыхъ они утверждали свою педагогію: передъ ними, съ одной стороны, лежала Библия, предписывающая не щадить жезла, учащать раны и сокрушать ребра, съ другой — Евангеліе съ его прямыми указаніями на необходимость примѣненія любви и кротости въ обращеніи съ дѣтьми.

I. Златоустъ боится, чтобы небрежнымъ воспитаніемъ не причинить дѣтямъ въ будущемъ большого зла.

«Откуда тяжкія и продолжительныя болѣзни и у насъ, и у нашихъ дѣтей? Откуда потери, откуда несчастія, откуда огорченія, откуда безчисленное множество золь? Не отъ того ли, что мы не стараемся исправлять порочныхъ дѣтей своихъ?»*)

*) Св. отца нашего I. Златоустаго «О воспитаніи дѣтей». Перев. Филарета, арх. Черниговскаго, пр. 24.

«Не такъ жестоко изострить мечъ и, взявъ его въ правую руку, погрузить его въ самое сердце дѣтища, какъ погубить и развратить душу, потому что у насъ нѣтъ ничего равнаго ей» *).

Что Іоаннъ Златоустъ хорошо понималъ возможность при правильномъ воспитаніи обойтись безъ побоевъ, видно, между прочимъ, и изъ того, какое значеніе онъ придаетъ приученію дѣтей съ самаго ранняго возраста къ доброй жизни: «если мы съ самаго начала, съ самаго ранняго возраста опредѣлимъ дѣятельность дѣтей лучшими правилами, то избавимся на будущее время отъ большихъ трудовъ: привычка къ доброй жизни обратится для нихъ впоследствии въ законъ» (XII, 462).

Евангельскія опредѣленія, замѣчаетъ Н. А. Лавровскій**), и согласныя съ ними понятія о воспитаніи отцовъ церкви медленно проникали въ домашній бытъ; между тѣмъ библейскія ближе подходили къ старинной русской воспитательной практикѣ, а потому находили себѣ усердныхъ собирателей въ старинныхъ нашихъ книжникахъ и усердныхъ читателей въ старинныхъ отцахъ семействъ. Нравственныя явленія вырабатываются вѣками, и странно было бы представлять древнюю русскую семью вдругъ превратившеюся изъ патриархальной и грубой въ устроенную по Евангельскому образцу.

Упомянемъ еще о статьѣ «како достоинъ чаду чтити родителя своя» изъ сборника XVI в., приписываемой также Іоанну Златоусту***). Эта статья весьма замѣчательна по изображенію всѣхъ заботъ и трудовъ, обращенныхъ родителями на малолѣтнихъ дѣтей, по свѣжести красокъ, которыми живо обрисовываются самыя простыя и естественныя отношенія родителей къ дѣтямъ. При чтеніи этой статьи въ вашемъ воображеніи живо представляется мать, патриархально кормящая своего ребенка мягкою и безтрудною пищею; вы живо представляете себѣ отчаяніе матери и неутѣшный плачь отца, когда ребенокъ боленъ. Приведа на память молитвы родителей за дѣтей, ихъ милостыню бѣднымъ, почетъ

*) Ib. пр. 27.

**) Пам. стар. русск. вос. ст. 20.

***) Толст. I, 47, Памят. стар. рус. воспит. Н. А. Лавровскаго, ст. 30—32.

учителямъ («и чти творимыя за тя дидаскаломъ твоего дѣля учения хотяца да бы хытръ былъ и разумень умоу и смыслень а не грубліи человѣкъ»), чтобы они образовали его умъ, сочинитель рѣзко выставляетъ неблагодарность дѣтей, забывающихъ всѣ заботы о нихъ родителей и не старающихся доставить имъ довольство и спокойствіе въ старости. Эта живость и яркость изображенія напоминаетъ лучшія, поэтическія мѣста въ сочиненіяхъ Іоанна Златоуста, и такая статья могла имѣть при чтеніи большое воспитательное значеніе, уясняя дѣтямъ ихъ обязанности по отношеніи къ родителямъ.

Источники и пособія: Главнымъ пособіемъ служила статья Н. А. Лавровскаго. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чтенія въ Императ. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Унив. Повр. Изд. 1861, июль-сентябрь.— Затѣмъ источниками было нѣсколько рукописныхъ Златоустовъ XVI и XVII вв. изъ бібліотеки И. Н. Михайловскаго, къ подробному описанію которыхъ мы намѣрены приступить со временемъ.— Другія пособія: Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности 1888—1890.— Забѣлинъ Ив. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Москва 1872.— I. Златоуста «О воспитаніи дѣтей», переводъ Филарета, арх. Черниговскаго.

Глава XII.

Измарагдъ.

Нѣсколько позже, но все же очень рано, возникъ на русской почвѣ другой сборникъ поученій I. Златоуста—«Измарагдъ» (изумрудъ). Появленіе Измарагдовъ относятъ къ концу XIII и началу XIV вв. Измарагды, какъ говоритъ проф. Архангельскій, принадлежатъ къ разряду тѣхъ древне-русскихъ

сборниковъ, которые не имѣли точной, строго-опредѣленной редакціи. В. А. Яковлевъ признаетъ въ Измарагдахъ двѣ главныя, основныя редакціи, а три другія представляютъ передѣлки или пополненія одной изъ нихъ.

Вполнѣ тождественныхъ списковъ Измарагдовъ нѣтъ, но болѣе или менѣе сходныхъ довольно много. Древнѣйшій списокъ Измарагда находится въ Румянцовскомъ музеѣ (№ 186) и не сохранился вполнѣ.

Повидимому, одной и той же редакціи съ Румянцов. Измарагдомъ XIV вѣка—списокъ Измарагда библиотеки Троицко-Сергіевой Лавры XVI в. (№ 204). Наболѣе раннимъ спискомъ господствующей редакціи Измарагдовъ является списокъ б-ки Троицко-Сергіевой Лавры, конца XV в. (№ 91). Къ этой господствующей редакціи принадлежитъ большинство дошедшихъ списковъ Измарагдовъ. Въ болѣе позднихъ спискахъ Измарагда основной составъ собранія довольно одинаковъ; различіе заключается въ отсутствіи или излишкѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, небольшого количества статей. Въ Измарагдахъ помѣщалось много статей общихъ съ Златоустами, и вообще рѣзкую грань между Златоустами и Измарагдами провести трудно.

Главное отличіе заключалось, повидимому, въ томъ, что въ Златоустахъ собирались поученія «по содержанію своему основанныя или на воскресномъ евангельскомъ чтеніи или на воспоминаніи празднуемаго церковью событія, каковы въ особенности слова на нед. отъ мытаря и фарисея и до нед. всѣхъ святыхъ», — статьи же Измарагдовъ имѣли различное, смѣшанное содержаніе; строгой, какой либо опредѣленной системы въ подборѣ и содержаніи статей въ Измарагдахъ не замѣтно. Единственно, что можно отмѣтить въ этомъ отношеніи, то это то, что главное назначеніе Измарагдовъ было, повидимому, для домашняго чтенія мірянъ, а не для чтенія въ церкви, какую цѣль имѣли между прочимъ Златоусты.

Въ Измарагдахъ также встрѣчается не мало словъ, приписываемыхъ Іоанну Златоусту, но принадлежавшихъ въ дѣй-

ствительности русскимъ авторамъ *). Здѣсь также помѣщалось не мало словъ и поученій подъ именами св. Василия Великаго, св. Ефрема, Григорія двоеслова, Кирилла александрійскаго и др., но многія изъ нихъ русскаго происхожденія.

«Сборникъ, изслѣдуемый нами, говоритъ г. В. Яковлевъ, (т. е. Измарагдъ) состоитъ по преимуществу изъ поученій и въ значительной части русскихъ проповѣдниковъ. Относясь съ подобострастіемъ къ авторитету отцовъ церкви, древне-русскій литераторъ предпочиталъ говорить не «своими словами», но изреченіями этихъ авторитетовъ. Онъ оставлялъ за собою одно право, выборъ изъ свято-отческой литературы, и въ этомъ обнаружилась его самостоятельность».

Какъ умѣли пользоваться этимъ правомъ представители нравственно-поучительной литературы можетъ указать намъ Измарагдъ. Здѣсь именно мы видимъ, что составитель этого сборника отлично понималъ потребности своихъ читателей: онъ руководился соображеніями, которыя были результатомъ близкаго знакомства съ условіями нравственной жизни этихъ читателей, со степенью ихъ духовнаго развитія. Предлагая имъ въ наставленіе высокія истины христіанской нравственности въ совершенно доступной для нихъ формѣ и скрывая свою личность за именами отцовъ церкви и нѣкоторыхъ славянскихъ и русскихъ духовныхъ авторитетовъ, составитель, помимо воли своей, изобличилъ самого себя—представивъ намъ образецъ идеальнаго христіанскаго учителя, истиннаго «пастыря словесныхъ овецъ», которымъ можетъ гордиться древняя Русь.

Тотъ фактъ, что Измарагдъ имѣлъ такое широкое распространеніе, свою литературную исторію съ XIV по XVII в. включительно, прямо указываетъ, что онъ удовлетворялъ духовнымъ потребностямъ своихъ читателей. Измарагдъ представляетъ намъ отраженіе умственныхъ интересовъ болѣе грамотной среды древне-русскаго общества, а неизвѣстный его составитель является какъ представитель этой болѣе развитой части общества или представитель лучшихъ духовныхъ стремле-

*) Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ др.-рус. письменности.

ній своего народа, съумѣвшій трудомъ своимъ удовлетворить его интересамъ*).

Нельзя не обратить вниманія на самую идею, вызвавшую появленіе Измарагда. Въ XIV—XV вв. у неизвѣстнаго ревнителя просвѣщенія, а можетъ быть, и у двоихъ такихъ ревнителей, одного XIV в. и другого въ XV в. выработалось сознаніе въ необходимости, для распространенія здравыхъ понятій о религіи и христіанской нравственности какъ въ приходскомъ духовенствѣ, такъ и между мірянами, составить сборникъ для домашняго чтенія.

Одно ужъ это предпріятіе весьма знаменательный фактъ самъ по себѣ; но съ другой стороны онъ указываетъ еще на другое важное обстоятельство. Грамотность этого времени далеко не была столь рѣдкимъ явленіемъ не только среди духовенства, но и среди мірянъ, какъ мы до сихъ поръ привыкли думать. Если бы это было такъ, то трудно допустить, чтобы такой для своего времени образованный, умственно развитой и такъ хорошо знающій окружающее его общество человекъ, какъ составитель Измарагда, сталъ трудиться надъ доставленіемъ подходящаго матеріала для чтенія обществу**). Видимо, это было не такъ — распространенность нашего сборника доказываетъ, что онъ нашелъ читателей, пришелся имъ по вкусу, удовлетворялъ ихъ духовнымъ интересамъ и потребностямъ. Творчество неизвѣстнаго составителя Измарагда состояло только въ редакціи сборника: у насъ нѣтъ данныхъ для признанія его авторскаго права даже на нѣкоторыя отдѣльныя главы труда его и, по всей вѣроятности, онъ пользовался уже готовымъ матеріаломъ. Но для насъ важно не опредѣленіе степени самостоятельнаго творчества его составителя, но указаніе на то, какія стороны жизни интересовали его въ совре-

*) В. А. Яковлевъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. 1892. ст. 3.

**) Въ недавнее время проф. А. И. Соболевскій подвергнулъ вопросъ о грамотности и образованности древней Руси XV—XVII вв. новому разсмотрѣнію и пришелъ къ выводамъ, что дѣло было далеко не такъ печально. См. Образованность Москов. Руси XV—XVII в.

менномъ ему обществѣ и, разѣ сборникъ сдѣлался въ немъ популярнымъ, изъ него мы можемъ усмотрѣть, какіе вопросы интересовали это общества, съ его помощью составить себѣ представление о нравственномъ развитіи среды, въ которой имѣлъ широкое распространеніе нашъ памятникъ*).

Извлечемъ изъ труда г. Яковлева важнѣйшія данныя, касающіяся Измарагда.

Г. Яковлевъ, какъ мы говорили, считаетъ 2 извода Измарагда.

«Измарагдъ перваго извода начинается «Стословомъ» патріарха Геннадія, т. е. изложеніемъ исповѣданія вѣры и нравственной христіанской жизни. Стословъ Геннадія пользовался уваженіемъ древней Руси. Вліяніе его ясно видно на «Слово Данила Заточника», на «Поученіе нѣкоего отца къ сыну», на «Домострой» и «Сынъ церковный». Отрывки Стослова составляли иногда отдѣльныя поученія, изъ которыхъ два входили въ составъ второй редакціи Измарагда. Причина популярности этого памятника заключается въ простотѣ изложенія и поэтому удобопонятности для людей невысокаго умственнаго развитія.

Обязанности православнаго христіанина изложены очень просто, въ формѣ простыхъ предписаній. Они касаются не только собственно религіи, но и обыденной жизни, отношеній православнаго христіанина къ ближнему вообще и властямъ предержащимъ въ особенности.

Послѣдняя часть изложена особенно подробно и помѣщена непосредственно за изложеніемъ обязанностей человѣка къ Богу. Послѣдняя (100-я) глава содержитъ какъ бы сокращенный итогъ всего ранѣе изложеннаго. Она особенно была распространена въ древне-русской литературѣ: «Конецъ же всѣмъ прежде реченнымъ, говорится здѣсь, возлюби Господа отъ всея души и страхъ его да будетъ въ сердцѣ твоємъ. Правомъ буди истиненъ, кротокъ, смиренъ и покорливъ, очима долу пониченъ, умъ же въ небеси простирая; умилень къ Богу и къ человѣкомъ привѣтливъ, печальнымъ утѣшитель, терпѣ-

*) В. А. Яковлевъ. Опытъ исс. «Измарагда», ст. 299—300.

ливъ въ напасти; къ нищимъ щедръ и милостивъ, нищимъ кормитель, страннопримникъ; скорбень грѣха ради, веселье о Бозѣ; алченъ буди и жаденъ, кротокъ, не словоохотливъ, не златолюбивъ, не друголюбецъ, не гордъ, боязливъ предъ царемъ, готовъ къ повелѣнію его; въ отвѣтахъ сладокъ, часто молитвенникъ, разуменъ трудникъ къ Богу, не судникъ всякому человѣку, поборникъ обидимымъ, нелицемѣренъ».

За Стословомъ Геннадія идутъ четыре слова о почитаніи книжномъ*).

Христіанской любви составитель Измарагда придавалъ особенно важное значеніе. Въ Измарагдѣ находимъ: слово І. Златоуста о любви и зависти (гл. 16), сл. св. Ефрема о любви (гл. 19), сл. І. Златоуста о разсмотрѣніи любви (гл. 20), сл. св. отецъ о разсмотрѣніи любви (гл. 21). «Любовь есть мать добрыхъ дѣлъ, говорится въ первомъ словѣ: «се бо истинная любовь есть и богоугодная еже нищету рассыпати, сирѣчь не призрѣти въ убожествѣ сущихъ отъ роду своего, но подавати имъ требованія тѣлесная». Затѣмъ предписывается помогать болящимъ и отъ бѣды отымати, утѣшать въ скорбяхъ и печали. «Сказано, если любимъ любящая насъ, то чѣмъ лучше поганыхъ. Господь говоритъ въ Евангеліи: любите враги и добро имъ творите и взаемъ дайте и молитесь за творящая намъ бѣды, то есть истинная любовь...»

Всѣ добродѣтели безъ любви ничто, всѣ религіозные подвиги и жертвы «кромѣ любви ни во что же вмѣняются предъ Богомъ».

Въ сл. св. отецъ «о разсмотрѣніи любви» главнымъ образомъ разсматривается сущность истинной любви и трактуется о покореніи и послушаніи, какъ проявленіи ихъ. Покореніе и послушаніе ставится даже выше любви. «Болѣе же всего примите, братіе, говоритъ проповѣдникъ, покореніе и доброе честное послушаніе, то бо есть царь надъ всѣми добрыми дѣлами и надъ всѣми благостынями. Постъ бо доводитъ до дверей, а милостыня до небеси, а любовь и миръ до престола

* Мы надъ ними останавливались въ главѣ IV.

Божія, а покореніе и послушаніе одесную Бога поставитъ и Бога умолитъ и царство небесное отверзеть и наслѣдіе вѣчныхъ жизни подасть».

Мѣсто это почти тождественно съ словомъ св. I. Златоуста о крестѣ Господнѣ и отверженіи Петровѣ, находящемся въ Златоустѣ XVI в. *)

За группою словъ «о любви» слѣдуетъ «Слово нѣкоего отца къ сыну». Это изъ тѣхъ произведеній, которыя проходятъ съ начала нашей письменности до XVIII ст. включительно.

Поученія эти писались иногда въ видѣ завѣщаній или посланій и несомнѣнно ведутъ свое начало изъ Византіи: въ сборникѣ Святослава 1076 г. кромѣ нашего еще два такихъ наставленія: 1) Ксенофонта, иже глагола къ сынома своима **) и 2) святыя Θεодоры. Какъ подражаніе имъ является въ нашей литературѣ завѣщаніе Владиміра Мономаха, протоіерея Сильвестра, Посошкова, Татищева, — другіе же безъ имени какъ напр. «Завѣщаніе нѣкоего отца къ сыну», «Наказаніе духовнаго отца къ духовнымъ дѣтямъ». Общій характеръ ихъ — наставленія богоугодной и благоустроенной жизни въ міру.

Въ Измарагдѣ первой и второй редакціи въ каждой помѣщено по одному изъ такихъ словъ; въ разсматриваемой редакціи Измарагда слово это носитъ заглавіе: «Слово нѣкоего отца къ сыну», во второй «Посланіе нѣкоего отца къ сыну духовному» и имѣетъ спеціальныи характеръ: оно направлено

*) Приведено нами въ главѣ XI.

**) Напомнимъ это поученіе къ дѣтямъ Ксенофонта, иже глагола къ сынома своима: «Авъ чядѣ реку вама. человѣчя житія отити хошпю; вѣста бо како въ житиі семь жихъ бездуки. како отъ всѣхъ чьстѣнъ бѣхъ и любимъ. не сана ради велика. нѣ коровымъ великымъ. Не укорихъ никого не оклеветалъ. ни завидѣхъ никомуже; ни разгнѣвахъся ни накого же, ни завидѣхъ никомуже; ни разгнѣвахъся ни накого же, ни на мала ни на велика: Не оставихъ церкви божия вечеръ ни за утра ни полуде. Не прѣзрѣхъ нишнихъ. ни оставихъ страшна и печальна не прѣзрѣхъ никгда же. ниже въ тѣмницахъ заключени. потрібная имъ даяхъ: ниже въ плѣнницѣхъ избавихъ. Не помыслихъ на доброту чюжо. Тако и ны живѣта чядѣ мой. да и ваю Богъ ублажитъ. и длголѣтна явить и сътворитъ. Убоглихъ посѣщяита. вдовицѣ заштитяита. не молитъныя милуита. и осужаемыя бес правды ивѣмѣта. миръ имѣта съ всѣми. Паче же всѣхъ иже въ пустыни и въ печерахъ и въ пропастьхъ земныхъ добри творита». Изъ Изборника Святослава 1076 г.

противъ пьянства. Разсматриваемое «Слово отца къ сыну» по всей вѣроятности не оригинальное произведеніе, а переведенное съ греческаго, или, по крайней мѣрѣ, составлено изъ византійскихъ источниковъ. «Не стыдися, говорится въ немъ, всякому въ образѣ божіи създанному главы своея преклонити, старѣйшаго деньми почитать не лѣнися и покоить старость его постарайся, сверстники своя миромъ встрѣчай, меньшихъ же себѣ съ любовью приими, предъ честнѣйшимъ тебя не потрудися стояти». «ненавидить ли кто тебя, смирился съ нимъ и дай ему по силѣ своей даръ и поклонися ему».

Въ главѣ 55-ой находимъ «Слово о премудрости о наказаніи чадъ», которое во многомъ основывается на приведенной выше статьѣ I. Златоустаго «о воскрѣсненіи дѣтѣи».

Въ разсматриваемомъ поученіи Измарагда авторъ его прямо ссылается на I. Златоустаго: «Златословенный бо глаголетъ, говорится здѣсь, аще кто дѣтей своихъ не научить воли Божіей, люте разбойникъ осудится, убійца бо тѣло умертвить, а родители аще чадъ не научатъ, то душу сихъ погубятъ»*).

Изъ обзорѣнія содержанія первой редакціи Измарагда г. Яковлевъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) Сборникъ былъ составленъ для нравственно поучительнаго чтенія не только мірянъ, а можетъ быть и преимущественно бѣлаго духовенства. 2) Въ сборникѣ настойчиво проводится мысль, что для душевнаго спасенія необходимо книжное ученіе. Только «вѣдущій» можетъ знать истинный къ нему путь. «Вѣдущему» же не подобаешь таить въ себѣ знанія, но по силѣ научить другаго, по крайней мѣрѣ семейство и друзей своихъ. 3) Спасеніе получается не за исполненіе внѣшнихъ обрядовъ религіи (постъ, удрученіе тѣла и пр.), но истинно добродѣтельною жизнью и любовью къ ближнему. Эта любовь есть основаніе христіанской жизни.

Вторая редакція «Измарагда» была наиболѣе распространена въ древне-русской читающей публикѣ, и мы имѣемъ въ настоящее время до ста списковъ ея, начиная съ XV по XVIII ст.

*) См. ниже.

Вполнѣ тождественныхъ списковъ Измарагда нѣтъ, говоритъ г. Яковлевъ, но очень сходныхъ нѣсколько экземпляровъ есть.

Въ составъ второй редакціи Измарагда «Книги глаголемаа Измарагдъ въ нейже пишетъ поученія душеполезна святыхъ избранныхъ отецъ» между прочимъ вошли: Слово иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, патріарха Царяграда, о чтеніи божественныхъ писаній, слово св. Григорія, папы римскаго, «Добро есть, братіе, и полезно всякому вѣрному почитаніе книжное», слово св. апостола Павла, слово І. Златоуста какъ не лѣннися книги чести, слово св. Ефрема, како слушати книгъ чтомыхъ, слово св. апостоль и св. отецъ како жить христіаномъ, слово І. Златоуста како имѣти челядь, слово св. отецъ како чтити дѣтемъ родителей.

Въ словѣ св. Григорія, между прочимъ, говорится: «О человекѣ, что глаголеши въ толлицѣй бури мятежа и власти мира сего, почто не отвергнеши печали почитаніемъ книжнымъ. Черньци бо, убѣжавше мирскихъ мятежей и въ затичіи сѣдяще, много утверженіе приемлютъ; мы же, въ велицѣ мятежи и въ бури мира сего живуще и многи грѣхи творяще, достоитъ ны часто почитающе св. книги отгоняти печали и тѣми искати спасенія».

Въ одномъ изъ списковъ Измарагда XVII вѣка*) помѣщено слово: «нѣкоего старца о почитаніи книжномъ, яко полезнѣе всѣхъ книгъ почитати Псалтырь».

Въ спискѣ Измарагда XVI в. 6-ки Тр. Сер. Лавры (№ 203) находимъ слово о наказаніи отъ притчи дѣтей, къ родителемъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: «Златословесный глаголетъ. аще кто дѣтей своихъ не научитъ. страху и воли божіи тѣ люте разбойникъ осудится. убійца бо тѣло умрѣтвит. а родители, аще не учать. душу губятъ . . . Аще ли не слушаетъ тебя твое дѣтя. то не пощади е. яко же мудрость божіа глаголетъ. 6 ранъ или 12. сыну или дѣщери. аще ли вина зла то 20 ранъ плетью. Наказайте убо дѣти своя Бога ся бояти. а злыхъ нравъ остатися. да помощь души

*) Императ. Публич. Библиот. книгохран. Погодина № 1021.

вашей будетъ. Не ослабляй наказаа дѣти си. аще бѣши жезломъ. не умреть. нѣ паче здравѣи будетъ. душу бо его спасеши. аще накажени. Дѣщери ли имани. положи на нихъ грозу свою. да съблюдеши я отъ тѣлесныхъ. и не осрамитъ ти ся лице... Любяи же сына учащай ему ранѣ да послѣди ж о немъ возвеселишися. и средѣ знаемыхъ похвалу приимеши. Воспитаи дѣтище в наказаніи, да обрящени славу и благословеніе отъ Бога. Не дажь въ юности волю дѣтищу, нѣ казни и до нележе ростеть. а егда же ожесточавъ не новинетьися и будетъ ти досада отъ него люта. и болѣзнь души. и скръбь немала. и тыщета домови. и погибель имѣнію. укоръ отъ сусѣд. и посмѣхъ предъ врагы. и предъ властели платежь и досада зла. Того дѣля братіе и сестры. наказайте дѣти своа. не словомъ токмо нѣ и раною. да нынѣ не приимете о нихъ отъ людей сорома, а в будущіи вѣкъ муки с ними».

Соотвѣтственное мѣсто въ Измарагдѣ № 204 б-ки Тр. Сер. Лавры «Иванъ Златоустъ глаголетъ. иже кто дѣтей своихъ цѣломудрію не наказуетъ. то горше разбоиникъ осудятъ. убійца бо тѣло смерти предасть. а они душу. но вы же братіе и чяда любимая. учите дѣти своя изъ млада всему божію закону и добру нраву. страхъ бо божій приимше не опечалитъ тебе на старость твою. аще ли тебе не послушаетъ дѣтя твое. то загода на нѣ лозы не пощади».

Въ томъ же Измарагдѣ находимъ: «Иерей нѣкто именемъ Илія. смиренъ чловѣкъ и кротокъ и угоденъ на всяко дѣло благо. сесь бо бѣше двою отрочяту отецъ. и видя тою на злобу шествующа. и не казняше ни възбраняше имъ. и страху божію не учяку. ни казни убо не дасть имъ раною. роднымъ дѣтемъ своимъ. а духовнымъ опитемъею. но слевесы искаше ею отвести отъ зла. а не раною. она же въ буети и не наказаніи все злое творяста*)».

Въ заключеніе обзора Измарагдовъ упомянемъ, что по мнѣнію проф. Архангельскаго древнѣйшимъ, исходнымъ про-

*) Приведено у Архангельскаго вып. IV. Ст. 16 и 17.

тотипомъ ихъ едва ли не былъ извѣстный Изборникъ (Свято-слава) 1076 года.

По крайней мѣрѣ, и въ общемъ характерѣ содержанія и въ подборѣ статей — нельзя не видѣть между первыми и послѣдними довольно замѣтной близости.

Источники и пособія: Главными пособіями были — изслѣдованіе В. А. Яковлева: Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. Одесса. 1893 г. — Изслѣдов. проф. А. С. Архангельскаго: Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. Вып. I—IV. Казань. 1889—1890.

Глава XIII.

Домострой.

Итогъ обзорнія древне-русскихъ сборниковъ.

Къ XVI вѣку относится замѣчательный памятникъ русскаго быта Домострой, имѣвшій притомъ большое педагогическое значеніе, такъ какъ по Домострою воспитывался цѣлый рядъ поколѣній. Домострой есть книга, въ которой, какъ показываетъ самое названіе, собраны правила домашняго строя, домашней или семейной жизни. Составленіе этого руководства приписываютъ извѣстному руководителю царя Іоанна Грознаго священнику Сильвестру. Новѣйшіе изслѣдователи того мнѣнія, что Сильвестръ не былъ авторомъ Домостроя и что Домострой слагался по частямъ въ разное время и различными лицами; въ XVI столѣтіи правила эти были соединены въ одно цѣлое сочиненіе, какъ предполагаютъ, въ Новгородѣ, причемъ составитель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду богатый боярскій домъ. Сильвестръ, вѣроятно, сократилъ Новгородскій изводъ, примѣнилъ его къ московскимъ

обычаямъ и прибавилъ къ нему главу: «Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну». Такимъ образомъ Домострой дошелъ до насъ въ двухъ видахъ, или изводахъ: одинъ болѣе подробный, заключающій въ себѣ 63 главы; другой — нѣсколько сокращенный; но въ этомъ послѣднемъ есть 64-я глава, написанная священникомъ Сильвестромъ.

Въ Домостроѣ выражается не частный взглядъ одного человѣка и даже не воззрѣнія и правила только одной эпохи XVI в. Въ немъ излагаются обычаи, образовавшіеся издавна, въ теченіе всей древне-русской жизни, преподаются наставленія, составившіяся подъ вліяніемъ всей древне-русской письменности. Тѣсная связь Домостроя и особенно первыхъ его 25 главъ съ памятниками древней письменности несомнѣнна. Не только основной взглядъ и мысли, которыя высказываются въ этихъ правилахъ, но даже и самыя выраженія, въ какихъ они передаются, постоянно указываютъ на священныя и богослужебныя книги, житія святыхъ и разныя отеческія сочиненія, которыя отъ самыхъ первыхъ временъ были источникомъ образованія нашихъ предковъ. Наставленія о почитаніи родителей, о воспитаніи дѣтей, изображеніе доброй и умной хозяйки заимствованы изъ книгъ св. Писанія — Притчей, Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса сына Сирахова.

Въ частности, что касается воспитанія дѣтей, то подобнаго рода статьи мы встрѣчали и въ Златоустахъ и въ Измарагдахъ, откуда она ближайшимъ образомъ и заимствована. Наставленія о домашнемъ обиходѣ, хожденіи въ церковь, почитаніи отца духовнаго и пр., весьма сходны съ разными сборниками отеческихъ сочиненій: Златоустомъ, Измарагдомъ и Златыми Цѣпями.

Въ Домостроѣ есть заимствованія и изъ поученія Владимира Мономаха.

Строгой системы въ расположеніи статей въ Домостроѣ нѣтъ; но можно сказать, что первыя 15 главъ посвящены преимущественно наставленіямъ объ обязанностяхъ религиозныхъ; слѣдующія 10 говорятъ объ отношеніяхъ семейныхъ; въ остальныхъ идетъ рѣчь о домашнемъ хозяйствѣ, Харак-

теръ Домостроя чисто практической; праведное житіе онъ представляетъ не въ общихъ чертахъ, но опредѣленно указываетъ, въ какихъ добродѣтеляхъ оно должно выражаться. Въ изложеніи побужденій къ праведному житію онъ также не ограничивается одними высшими, чисто духовными побужденіями, но присоединяетъ къ нимъ еще практическія побужденія, указываетъ на общественное мнѣніе. Такъ, воспитывать дѣтей въ страхѣ Божиемъ онъ убѣждаетъ родителей тѣмъ, что дурныя «ненаказанныя (невоспитанныя) дѣти отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ людей продажа и соромота*)».

Домострой, говоритъ г. Забѣлинъ,**) есть зеркало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать всё, такъ сказать, подземныя силы нашей исторической жизни. Это зеркало нашего древняго домашняго быта, зеркало общества и общественности. Предъ этимъ зеркаломъ, то есть подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ, совершилась постройка и нашего государства, которое въ своемъ существѣ и до сихъ поръ еще носить много тѣхъ же началъ и тѣхъ же положеній и опредѣленій жизни, какими исполненъ этотъ многовѣковой источникъ нашего развитія.

Какая нравственная сила служила основаніемъ нашему древнему обществу? Изъ какой ограниченной клѣточки образовалось русское общество? Органическою клѣточкою, отвѣчаетъ г. Забѣлинъ***), нашего до-петровскаго общественнаго быта былъ родъ; родительское, патриархальное начало управляло всѣмъ ходомъ нашей до-петровской жизни. Это было начало или стихія родительской опеки, стихія старшей воли, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно и было главнымъ, начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Родительская опека съ идеаломъ родового старшинства существовала и существуетъ вездѣ, но не вездѣ она

*) Домострой глав. XV и XVIII.

**) Забѣлинъ, И. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII в.

***) Забѣлинъ, И. Дом. бытъ. ст. 28—47.

становилась стихіею жизни. У насъ не только семья и родъ, что очень естественно и обыкновенно, держались крѣпко и твердо стихіею родительской опеки; но ею же держалось все общество, ею выработалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа.

Родительская опека была исключительно силою нашего развитія. Она проникала всюду и все подчиняла своимъ воззрѣніямъ. Это былъ нашъ нравственный и политическій воздухъ, которымъ мы жили, дышали, въ теченіе всей нашей исторіи. Это было начало началъ нашего развитія, такое крѣпкое начало, по которому русскій народъ даже и до сихъ поръ понимается и ведется...

Подобно тому какъ древняя наша общественность нашла себѣ типическое выраженіе въ мѣстничествѣ, такъ и родовая власть, строившая эту общественность, вполне и типически выразила себя въ извѣстномъ Домостроѣ. Это памятникъ, можно сказать, громаднаго значенія для исторіи, и жаль, что далеко не многими онъ оцѣненъ по его достоинству.

Въ Домостроѣ есть немало заимствованій изъ Іоанна Златоуста. Но не должно думать, что такія заимствования были простыя непосредственныя выписки изъ книгъ. Напротивъ, тексты, внесенные въ Домострой, иногда цѣликомъ, слово въ слово, были заучеными, ходячими рѣчами, присловіями въ устахъ духовныхъ учителей. Они усвоивались непрестаннымъ чтеніемъ и употребленіемъ на всякій пригодный случай: они по необходимости точно и вѣрно заучивались, ибо въ томъ и заключалась цѣль книжнаго обученія. Такимъ образомъ, если требовалось составить или сказать какое либо поученіе, то не только слова, но и цѣлыя рѣчи изъ запаса памяти являлись сами собою, такъ что все дѣло списывателя подобныхъ поученій заключалось лишь въ извѣстномъ расположеніи этихъ памятныхъ текстовъ, соотвѣтственно его мысли и намѣренію. Можно сказать, что всѣ старыя наши поученія, наказанія, слова русскаго сочиненія составлялись такимъ путемъ*).

*) Забѣлинъ, ст. 42.

Такимъ образомъ Домострой по естественнымъ причинамъ явился цвѣтомъ и сокомъ общихъ мѣстъ церковнаго ученія, направленнаго къ нравственному устройству дома. Это въ литературномъ смыслѣ. Въ практическомъ жизненномъ смыслѣ такимъ же общимъ мѣстомъ русской нравственности, воздѣланной въ теченіе вѣковъ на почвѣ писанія и на почвѣ искони вѣчныхъ бытовыхъ идеаловъ*).

Кто же является центромъ всѣхъ поученій Домостроя? кто этотъ сосудъ избранъ, который долженъ не себя одного нести къ Богу, но многихъ? Домострой именуется этотъ сосудъ государемъ дома, также настоящимъ, большимъ, прилагая ему какъ нераздѣльную съ нимъ почву для его нравственной дѣятельности жену, чадъ и домочадцевъ. Младенчествуящее общество очень высоко ставило личность родителя: Вотъ почему и написанное ученіе возвысило эту власть въ лицѣ родителя до послѣдней крайности; но вмѣстѣ съ тѣмъ возложило на главу дома и великую нравственную обязанность строить и охранять нравы дома и всю нравственную отвѣтственность во всемъ, что бы ни случилось въ домѣ: съ женой, дѣтьми и домочадцами.

Вотъ какъ объ этомъ говорить Домострой: «Господу рекшу: будете оба въ плоть едину. Апостолу рекшу: аще страждеть единъ удъ, то всѣ уды съ нимъ страждутъ. Тако жъ и ты, не о себѣ единомъ пецйся, но о женѣ и о дѣтяхъ своихъ и о прочихъ и о послѣднихъ домочадцѣхъ — вси бо есмы связаны единою вѣрою къ Богу; и съ добрымъ симъ прилежаніемъ имѣй любовь ко всѣмъ въ Бозѣ живущимъ и око сердечное взирающе къ Богу и будещи сосудъ избранъ, не себе единого несый къ Богу, но многи, и услышиши добрый рабе и вѣрный: буди въ радости Господа Бога твоего».

На этомъ-то наказѣ построена вся нравственная практическая философія нашего древняго вѣка.

Этотъ наказъ составляетъ, такъ сказать, душу, основу и всѣхъ поученій Домостроя; онъ въ немъ повсюду, почти во

*) Забѣлннъ, ст. 41.

всякой строкѣ, гдѣ только касается поученія и назиданія. Господинъ дома одинъ за всѣхъ долженъ «отвѣтъ дати въ день страшнаго суда» говорить Домострой. Эта священная обязанность и великая отвѣтственность давала уже владыкѣ дома самыя широкія права и полномочія. Родительская воля, по Домострою, сама по себѣ образецъ и сама себѣ наука. Вотъ почему Домострой особенно настаиваетъ, чтобы господарь жены, чадъ и домочадцевъ какъ возможно заботливѣе опредѣлялъ ихъ волю. «Казни сына твоего отъ юности его, и покоить ты на старость твою, и дасть красоту души твоей». «Любя сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися».

Отъ дѣтей Домострой требуетъ повиновенія и послушанія родителямъ во всемъ. «Со страхомъ раболѣпно служите имъ, да и сами отъ Бога мзду примите и жизнь вѣчную наслѣдите, яко совершители его заповѣди».

Такое же дѣтское послушаніе Домострой налагаетъ и на жену: «жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како души спасти, Богу и мужу угодили и домъ свой добре строити; и во всемъ ему покорятся и что мужъ накажетъ, то съ любовью примати (и со страхомъ внимати) и творити по его наказанію».

Такимъ образомъ съ одной стороны Домострой воспитывалъ, утверждалъ и укрѣплялъ безграничную волю старшаго, съ другой стороны въ лицѣ младшаго воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ непрекословное покореніе и послушаніе, доходившее порой до приниженія личности.

Хорошо ли это? Мы твердо памятуемъ, что не дѣло историка восхвалять или осуждать тѣ или другія историческія явленія: его дѣло объяснять. Поэтому попробуемъ объяснить, почему Домострой имѣетъ такую цѣнность и значеніе, и почему для древней Руси были важны тѣ начала, выразителемъ которыхъ является Домострой.

«Истинныхъ понятій о нравственной свободѣ лица не

могло существовать въ обществѣ, говорить И. Забѣлинъ*); гдѣ родовой духъ съ такою силою пригнеталъ, давилъ личность, т. е. всякую человѣческую индивидуальность. Поэтому идея свободы понималась также матеріально, какъ и идея воли, и свобода значила освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно пріобрѣтеніе своей воли, или въ сущности пріобрѣтеніе нравственной или матеріальной силы распоряжаться въ данныхъ обстоятельствахъ, быть полнымъ хозяиномъ. Идея самостоятельности, нравственной независимости была нераздѣльна съ идеей самовластиа, а еще ближе, съ идеей самоволія и своеволія. Своеволіе и самовластіе въ ту эпоху было нравственною свободою человѣка; въ этомъ крѣпко и глубоко были убѣждены весь міръ — народъ, оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Мы вообще напрасно думаемъ, что богатирство самовластиа являлось характерною чертою только въ органахъ государственной, правительственной власти. Оно было существеннымъ характеромъ всякой власти, какъ въ домашнемъ, такъ и въ общественномъ и политическомъ быту. Самое существо власти иначе не представлялось, какъ подъ видомъ самовластиа.»

«Не даромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды русской жизни. Домострой былъ вполне законченнымъ словомъ ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ дѣломъ того же идеала, также вполне законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направленію, искать другого идеала. Грозный окончилъ запутанный актъ русской драмы — исторіи. Государево дѣло уже выпадало изъ боярскихъ рукъ и становилось дѣломъ всей земли. Земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ. Цѣлые столѣтія прошли въ смутахъ и волненіяхъ. Земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній. Приближалось что-то невѣдомое, новое.

*) Дом. быть русск. цар.

Тѣмъ сильнѣе подымалось все старое и высказывалось въ самыхъ рѣзкихъ, послѣднихъ очертаніяхъ.»

«Званный идеаль, наконецъ, явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго государя общества, а перваго его слуги, перваго его неутомимаго работника. Это уже нашъ идеаль и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился, и оттого такъ ей и сочувствовалъ.»

Но если мы во многомъ сочувствуемъ и соглашаемся съ нашимъ уважаемымъ историкомъ и знатокомъ древняго русскаго быта И. Е. Забѣлинымъ въ его взглядѣ на значеніе Домостроя, то не можемъ не отмѣтить, что въ его историческихъ соображеніяхъ есть какой-то пробѣлъ, есть какой-то недостатокъ. Употребляя неоднократно слово нравственный идеаль, онъ какъ будто уклоняется отъ того, что дѣйствительно должно имъ считаться. Нравственный — идеаль сила великая: это то, что согласно съ высочайшей идеей Добра. Понятно, что въ разные вѣка и эпохи неодинаково понимался нравственный идеаль, неодинаковы были и средства къ его достиженію. И ужъ идея самовластія и своеволія никакъ не можетъ быть названа нравственнымъ идеаломъ русскаго народа: это скорѣе одно изъ средствъ, которымъ русскій народъ стремился осуществить нравственный идеаль. Не споримъ, что въ древности эта идея считалась важнымъ и могучимъ средствомъ.

Кажется въ діалектической формѣ это разсужденіе можно выразить такъ: «мы бѣдны, поработены чужеземнымъ игомъ, мы не можемъ вѣровать такъ, какъ хотимъ, не можемъ служить Единому, Истинному Богу, не можемъ слѣдовать заповѣдямъ Христовымъ, и все потому, что мы слабы и немощны, что у насъ были разные воли (въ удѣльно-вѣчевой періодъ). Намъ надобно собраться съ силами, имѣть единую, твердую волю, а для этого надо свою волю сѣумѣть подчинить другой болѣе сильной волѣ». И вотъ начинается

медленный процесс выработки русского духа, характеризующийся умѣньемъ подавлять свою волю, подчинять ее иной, болѣе высшей. Вся исторія нашей жизни можетъ быть резюмирована немногими словами, какъ медленный и постоянный процессъ выработки твердой, сильной воли. Этотъ процессъ едва ли закончился и въ настоящее время, хотя, конечно, сообразно потребностямъ времени и духу просвѣщенія онъ значительно видоизмѣнился и сгладился. Конечно, въ томъ процессѣ историческаго развитія могли быть шероховатости, угловатости, порой даже значительныя упущенія и уклоненія.

Съ народомъ случалось то, что случается порой съ мудрецами и учеными, когда они, подбирая факты ради какой-нибудь главной идеи, ради какой-нибудь теоріи, порой увлекаются деталями, мелочами и забываютъ на время, а иные на всегда, свою главную, основную, руководящую идею. Но рано или поздно главная идея, если только она имѣетъ силу и жизненность, дастъ себя знать и напомнить, во имя чего собирались факты.

Если порой дѣлатели русской исторіи слишкомъ увлекались идеей самовластия и своеволия, то были люди, которые всегда, твердо памятовали о высокомъ нравственномъ идеалѣ и напоминали о немъ Россіи: то были великіе подвижники земли русской, въ родѣ Владиміра Мономаха, св. Сергія Радонежскаго, митр. Филиппа, а позже св. Димитрія Ростовскаго и др. Они ясно и твердо указывали, что идея верховной власти должна подчиняться другой, болѣе высшей идеѣ — идеѣ нравственнаго идеала, христіанской любви и милосердія.

Обратимся теперь къ содержанію Домостроя и остановимся особенно на тѣхъ главахъ его, которыя ближе всего насъ касаются. Мы будемъ пользоваться Домостроемъ по списку Императорскаго Общ. Истор. и Древностей.

Въ главѣ 4-й говорится «страхъ Божиіи всегда имѣи в сердці своемъ і память смертнующую, і любовъ нелицѣмернующую ко всѣмъ... «праведень буди и истиненень, и смиренень, очи долу поницаю, умъ же къ небеси простирая. умоленень к Богу, и

человѣком привѣтливъ. печальнаго утѣши, терпѣлив в напастех, і недосадител, всякому человѣку щедръ, милостивъ, нищекор-
мець, страннопримник, скорбенъ грѣха ради, весель о Бозѣ,
алченъ буди отъ пїанства і жаден от объяденїа, кротокъ,
неславоохотен, незлатолюбец, но друголюбець...» (ст. 15—16).
Царя бойся, и служи ему вѣроу, і всегда о нем Бога моли
... і во всем повинуйся ему (глава 5, ст. 16).

Въ 6-й главѣ говорится, како чтити дѣтем отцов своих
духовныхъ і повиноватися во всем*).

Въ главѣ 9-й говорится: в монастыри, і в больницы, і
в пустыни, і в темници заключенных посѣщай, и милостыню
по силѣ всяких потребных подавай, елико требуют, і види
бѣду их и скорбь, и всякую нужу, і елико возможно помогаи
им» (ст. 31).

Въ главѣ 10 говорится: А к церквам Божїим всегда с вѣроу
приходи безъ гнѣва, і безъ зависти, і безо всякія злобы, і во
всякой смиренной мудрости, і кротости, і в чистотѣ телесной
с приношенїем...» (ст. 32).

А в церкви стояти на всяком пѣнїи съ страхом и с
молчанїем молитися, а дома всегда павечерница и полунощ-
ница и часы пѣти . . . А в церкви ни с кем не бесѣдоват,
с молчанїем стояти и со вниманїем слушати божественнаго
пѣнїа и чтенїа, ни куда не обзираясь . . . А от объяденїа и
пїанства и от пустошных бесѣд и смѣхотворенїа неподобнаго
всегда беречися. А татбы, и блуда, и лжи, и клеветы, и
зависти и всякаго неправеднаго собранїа, и ростов и корчмы,
и мыта, і всякаго лукавства не любити, і не гнѣватис ни
на кого, и не помнити зла, и разбоя, и грабленїа, і всякаго
насилїа, и неправеднаго суда отнюд не творити (ст. 36).

Глава 16 «..во утри воставати к позвону і после пѣнїа
мужу з женоу совѣтовати о устроенїи домовнѣм».

Глава 19 говоритъ: «како дѣтеи своих воспитати во
всяком наказанїи и страсе Божїи».

*) См. гл. III.

«А пошлет Богъ у кого дѣти, сынове и дщери, и имѣти попеченіе отцу и матери о чадахъ своихъ, снабдѣти и воспитати в добре наказаніи, і учити ихъ страху Божию, і вѣжеству, і всякому благочинію. і по времени, по дѣтемъ смотря и по возрасту, учити ихъ руководѣлію, отцу сыновъ, а матери дщери, кто чему достоинъ, каковъ кому просугъ дае Богъ. а любити ихъ и беречи и страхомъ спасати, уча и наказуя, и разсужая и раны возлагати. Наказуи дѣти во юности, покоятъ на старос твою. И хранити и блюсти о чистотѣ телесной, і от всякого грѣха, якожъ зеницу ока, якожъ своя душа. аще что дѣти съгрѣшатъ, отцовымъ, и матернимъ небреженіемъ, і о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати самемъ в день страшнаго суда. аще дѣти небрегомы будутъ, і внѣ наказаніи отца и матери, аще согрѣшатъ или что зло сътворятъ, отцу и матери и з дѣтми от Бога грѣхъ, а от людей укоръ и посмѣхъ, а имѣнію тщета, а себѣ скорбь, а от судей продажа и срамота. аще у богобоязливыхъ родителей и у разумныхъ и разсудныхъ чада воспитани в страстѣ божіи і в добрѣмъ наказаніи, і во благоразсудномъ ученіи всякому разуму, і вѣжеству, и промыслу, и руководѣлію, и тѣ чада с родители своими бывають от Бога помилованы, а от священнаго чина благословени, і от добрыхъ людей хвалими» (ст. 57—59).

Такимъ образомъ Домострой на первомъ мѣстѣ ставитъ обученіе житейскимъ правиламъ, праведному житію. Надо учить страху Божию и вѣжеству и всякому благочинію — это основные предметы обученія. Затѣмъ уже надо обучать домоводству, какому либо ремеслу «кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ даль Богъ» причемъ отецъ долженъ обучать сыновей, а мать дочерей. Но обучая дѣтей, надо «любить ихъ и беречь и страхомъ спасать, уча и наказуя и съ расужденіемъ раны возлагати».

Въ 21-й главѣ говорится: «како дѣтей учити и страхомъ спасати».

«Казни сына своего от юности его, и покоитъ ты на старость твою, дастъ красоту души твоеи. і не ослабей бѣя младенца. аще бо жезломъ бѣши его, не умретъ, но здравіе будетъ. ты бо бѣя его по тѣлу, душу его избавиши отъ смерти.

дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою и зблуденіи ея от телесных, да не посрамиши лица своего, да в послушаніи ходят . . . Люби же сына своего учащаи ему раны, да послѣди о нем возвеселишися. Казни сына своего измлада, і порадуетис о нем в мужествѣ... воспитаи дѣти с прещеніем, обрящеци от них покои и благословеніе, не смѣйся игры творя к нему в малѣ, в малѣ бо ослабитис, а в велици по болиши скорбя, і последи я осколигни твориши души твоей, и не даи же ему власти во юности, но сокруши ему ребро, донелиж ростеть, да ожесточавъ не повинетися, и будет ти от него досаженіе и болѣзнь души и тщета домови, и погибель имѣнію, і укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, і предъ властели платеж, и до досада зла» (ст. 61—62)*).

Отсюда видно, что Домострой придаетъ большое значеніе тѣлесному наказанію, вѣрять въ педагогическое значеніе жезла. Не слѣдуетъ, однако, изъ этого дѣлать тотъ выводъ, какъ дѣлали это многіе, что древняя русская педагогія отличалась крайней жестокостью. Правда, нравы были далеко не мягкіе, но и въ самомъ Домостроѣ не разъ слышатся слова любви и кротости, которыя такъ часты въ другихъ древне-русскихъ сборникахъ: «обучая дѣтей, надо любить ихъ и беречь».

Проф. Ключевскій**) говоритъ даже, что «педагогическій жезлъ былъ больше метафизическій, чѣмъ реальный. Великое значеніе приписывалось ему только въ планахъ, ради логической стройности и послѣдовательности. О жезлѣ, кажется, охотнѣе писали, чѣмъ примѣняли къ дѣлу».

Государь дома являлся воспитателемъ всей семьи: онъ долженъ былъ учить и жену, и дѣтей, и домочадцевъ «не красти, не блясти, не солгати, не оклеветати, не завидѣти, не обидити чюжаго, не претис всеу, не осужати, не бражничати, не просмѣивати, ни помнити зла, не гнѣватис ни на кого, і к болшимъ быти послушну и покорну, а к среднимъ любовну, а к меншимъ і ко убогимъ привѣтну і милостиву (глава 25, ст. 69)»

*) Срав. соотвѣт. мѣста въ Измарагдахъ. Гл. XII Ист. р. и.

**) См. рѣчь его «Два воспитанія» 1893 г.

«А людей у себя держи дворовыхъ добрыхъ, чтобы были рукодѣльны, и кто чего достоинъ, и такому рукодѣлію учи, а не воръ бы былъ, ни бражникъ, не зерщикъ, не тать, ни разбойник, ни блудник, ни всякому злу не творец. всякой бы человекъ у доброго господаря первое наученъ страху Божию, потом всякой добродѣтели, вѣжеству, и смиренію, і доброму промыслу, і домовному строенію» (глава 26, ст. 70)^{ра}.

Надо заботиться и о матеріальномъ благосостояніи слугъ: «А государь и государыня людей своихъ жаловали бъ и поили, кормили, и покоили, и одѣвали, и въ теплѣ бы жили, и во всякомъ покоѣ и во благоденствѣ всегда».

Домострой даетъ совѣты, чтобы все въ жизни семейной и общественной дѣлалось въ любви, тишинѣ, мирѣ и согласіи. Онъ предписываетъ милосердіе. «Подобаеть убо мужемъ поучати женъ своихъ с любовью, і благоразсуднымъ наказаніемъ, жены мужіи своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи, како душа спасти, і Богу і мужу угодити и дом свои добрѣ строить, и во всемъ мужу покорятися, что онъ накажетъ, то с любовью і со страхомъ внимати і творити по его наказанію, и по сему писанію» (глава 23, ст. 85).

Остальныя главы «Домостроя» заключаютъ въ себѣ различныя хозяйственныя совѣты. Здѣсь говорится о всѣхъ сторонахъ хозяйства съ величайшею подробностью, доходящею до мелочей.

«Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну» (64-я глава) написано Сильвестромъ для своего сына Аноима и его жены. Его называютъ еще малымъ Домостроемъ, такъ какъ оно представляетъ извлеченіе или сокращеніе большого Домостроя. Завѣщаніе это, между прочимъ, очень хорошо характеризуетъ личность самого Сильвестра. Подобно Владиміру Мономаху, который въ своемъ поученіи рассказываетъ дѣтямъ о своей жизни, и Сильвестръ въ подкрѣпленіи своихъ наставленій указываетъ своему сыну на свою собственную жизнь. «Ты видѣль, сынъ мой, говоритъ онъ, какъ я жилъ въ этомъ житіи, во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ пи-

саніемъ ; какъ, Божіею милостію, я отъ всѣхъ былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ и рукодѣліемъ, и службою, и покорностію, а не гордынею, ни прекословіемъ. Не осуждалъ я никого, не осмѣивалъ, не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился ; приходила отъ кого обида, терпѣлъ ради Бога и на себя вину полагалъ, и чрезъ то враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія отъ юности моей и до сего времени, развѣ только по немощи. Никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго, развѣ только по невѣдѣнію ; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ, голодныхъ по силѣ кормилъ. Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ... Видѣлъ ты, чадо, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужскаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ, я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ ; многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлію, однихъ серебряному мастерству, другихъ всякому рукодѣлію, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила рукодѣлію и всякому домашнему обиходу... Самъ знаешь, что не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою, да ласкою, да любовью, а не гордостью, и безо всякой лжи*).

Домострой игралъ несомнѣнную и громадную роль въ XVI и XVII вв. и даже гораздо позже ; но давая на все подробныя и точныя правила, онъ заключалъ жизнь въ очень тѣсныя рамки, мѣшалъ ея свободному развитію. Вліяніе школы-семьи было непрерывное, постоянное ; но древняя русская школа — семья не способствовала всестороннему развитію личности, порой подавляла ее, и въ этомъ ея важный недостатокъ.

*) Приведено у И. Порфирьева. Исторія русской словесности. Казань, 1886. Древній періодъ ч. I ст. 555.

Подведемъ теперь итогъ сказанному.

Изъ краткаго обзорѣнія древне-русскихъ сборниковъ: Пчель, Прологовъ, Златоустовъ, Измарагда и Домостроя мы пришли къ тому заключенію, что они имѣли въ древне-русской жизни высокое педагогическое значеніе. Они были проводниками христіанскихъ идей о любви, милосердіи, послушаніи. Въ постоянномъ чтеніи ихъ русскіе книжники почерпали силы для благочестивой и нравственной жизни. Основная цѣль почти всѣхъ древне-русскихъ сборниковъ — доставить назидательное ученіе — пришлась по вкусу и потребностямъ древне-русскихъ читателей; вотъ почему эти сборники неоднократно переписывались и имѣли большое распространеніе въ древне-русскомъ обществѣ. Пчелы, напр., признають, что источникъ и мать мудрости есть добродѣтель, что учить надо нравомъ, примѣромъ добродѣтельной жизни, а не словомъ только, что ученіе должно быть пріемлемо съ радостью, должно быть пріятно и интересно учащимся. Самая афористичность Пчель приходилась по вкусамъ и по силамъ нашимъ предкамъ, которые безъ труда запоминали мысли изъ Пчель и при случаѣ пользовались ими, проводили ихъ въ жизнь.

Прологи и патерики настойчиво проводили христіанское ученіе о любви къ Богу и ближнему и своей идеализаціей монашества способствовали у насъ развитію монастырей, бывшихъ въ древности разсадниками просвѣщенія.

На педагогическія воззрѣнія и убѣжденія нашихъ предковъ весьма вліяла Библия и св. отцы церкви, но особеннымъ вліяніемъ, почетомъ и авторитетомъ пользовался І. Златоустъ, сочиненія котораго во множествѣ списковъ, въ видѣ т. н. Златоустовъ, обращались въ древней Руси и были не только хорошо знакомы нашимъ книжникамъ, но и дали толчекъ русскимъ педагогическимъ сочиненіямъ, которыя во многомъ подражали соч. І. Златоуста «о воспитаніи дѣтей».

І. Златоустъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что зло вкореняется вслѣдствіе дурнаго воспитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно высказываетъ свою вѣру въ могущество воспитанія «не отъ естества приходитъ людямъ зло, но своею волею

злы бываемъ». Какъ высоко цѣнился въ русской письменности I. Златоустъ видно изъ того, что въ древне русскихъ сборникахъ, особенно Измарагдахъ, есть немало статей приписываемыхъ I. Златоусту, въ дѣйствительности же принадлежащихъ русскимъ авторамъ.

Сборникъ Измарагдъ былъ въ частомъ домашнемъ употребленіи и былъ интересно и поучительно составленъ. Измарагдъ представляетъ намъ отраженіе умственныхъ интересовъ болѣе грамотной среды древне-русскаго общества, а неизвѣстный его составитель является однимъ изъ лучшихъ представителей древней Руси. Въ Измарагдѣ настойчиво проводится мысль, что для духовнаго спасенія необходимо книжное ученіе и что спасеніе получается не за исполненіе внѣшнихъ обрядовъ религіи, но за добродѣтельную жизнь и любовь къ ближнему. Эта любовь есть основаніе христіанской жизни.

Домострой представляетъ кодексъ правилъ домашней жизни, которымъ руководились не только въ XVI и XVII вв., но и гораздо позже. Это — зеркало нашего древняго быта; поэтому педагогическія взгляды Домостроя имѣютъ для насъ большое значеніе. Домострой по преимуществу воспитывалъ волю старшаго и въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ точно задачамъ русской жизни, проявленнымъ исторіей, которая и вся можетъ быть резюмирована, какъ медленный и постоянный процессъ выработки твердой воли. Предписанія Домостроя, хотя по временамъ отличаются суровостью и имѣютъ указанные нами недостатки, въ общемъ направлены къ благой цѣли — твердому и прочному устроенію русской семьи, какъ основы всего русскаго государства.

Источники и пособія. Главнымъ источникомъ служилъ Домострой по списку Императорскаго Общ. Исторій и Древностей Россійскихъ. Москва. 1882. — Пособіями были: И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.

Москва 1872 г. — Порфирьевъ И. Исторія русской словести ч. I. Древній періодъ Казань 1886 г. — Некрасовъ. Изслѣдованіе о происхожденіи древне-русскаго Домостроя.

Глава XIV.

Юго-западныя братства и школы.

(XVI и XVII в.)

Извѣстно, что монгольское иго способствовало раздѣленію Руси на юго-западную и сѣверо-восточную. Историческая судьба каждой въ теченіе трехъ вѣковъ была не одна и та же. Юго-западная Русь, вошедшая въ составъ великаго княжества Литовскаго, своимъ просвѣщеніемъ, стремленіемъ къ образованію, заведеніемъ школъ, типографій значительно опередила сѣверо-восточную, чему немало способствовали близость Литвы къ Западной Европѣ и Польшѣ; съ послѣднею она при Ягеллѣ соединилась въ одно государство (1386 г.), а потомъ при Сигизмундѣ Августѣ была присоединена и окончательно (1569 г.).

Умственное и религіозное движеніе XV и XVI в. въ Западной Европѣ, отразившееся на Польшѣ, имѣло вліяніе на Юго-Западную Русь. Лица, принадлежавшія къ высшему дворянству, начиная съ XV в., нерѣдко получали образованіе въ Прагѣ, Краковѣ и другихъ городахъ, гдѣ существовали университеты и академіи, совершали путешествія по Европѣ и такимъ образомъ усвоивали европейскіе обычаи и нравы.

Чтобы крѣпче привязать Русь къ себѣ, Польша составила планъ сдѣлать ее латинскою, уничтожить въ ней православную вѣру, русскій языкъ и народность. Важнѣйшимъ орудіемъ для исполненія этого плана явились іезуиты, которымъ Августъ открылъ свободный доступъ въ Польшу. Они тотчасъ же начали дѣятельную пропаганду

латинства, писали сочиненія противъ православія, но главное могучее орудіе, силу котораго они лучше, чѣмъ кто бы то ни было, оцѣнили, было воспитаніе юношества. Для воспитанія ревностныхъ приверженцевъ католической церкви и дѣятельныхъ противниковъ православія они заводили въ различныхъ важнѣйшихъ польскихъ и русскихъ городахъ училища. Для простаго же народа придумали и осуществили унію (1596 г.). Но со времени люблинской уніи и появленія въ литовско-русскихъ областяхъ іезуитовъ, въ средѣ наиболѣе дальновидныхъ южно-русцевъ явилось сознаніе въ неотложной необходимости научнаго образованія, явилось сознаніе, что то «вельми много зашкодило панству русскому, же не могли школь и наукъ посполитыхъ розширяти и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели», потому что православные «не маючи своихъ наукъ, у науки Римскія свои дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ мало по малу науками своѣми все панство Русское до вѣры Римской привели*)». Результатомъ такого сознанія было заведеніе школъ въ Острогѣ, Брестѣ, Вильнѣ, Могилевѣ и др. городахъ.

Лучшіе русскіе люди тогдашняго времени сознавали, что іезуиты обладаютъ могучимъ средствомъ и что съ ними можно бороться только равнымъ оружіемъ. Поэтому нѣкоторые наиболѣе образованные и знатные русскіе вельможи, еще до введенія уніи, начали заботиться объ основательномъ образованіи въ духѣ православія. Такими энергичными защитниками православія явились въ Литвѣ князь Курбскій и князь Константинъ Острожскій. Курбскій и лично, и письменно убѣждалъ богатыхъ лицъ не отдавать дѣтей въ іезуитскіе коллегіумы, а воспитывать ихъ въ духѣ православія на прілежномъ изученіи св. отцовъ и учителей церкви.

Князь Константинъ Острожскій открылъ высшее училище

*) Привед. у С. Голубева. Киевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, т. I ст. 418.

въ Острогѣ (1580 г.), завелъ при немъ типографію, въ которой было напечатано много книгъ богослужебныхъ и учительныхъ; стараніями его была издана въ Острогѣ (1580—1581 г.) первая полная славянская Библия. «Со скорбію видѣлъ князь Острожскій, говоритъ М. А. Максимовичъ*), какъ іезуиты, приглубленные королемъ Баторіемъ для распространенія «свободныхъ наукъ» въ Польшѣ, заткали ее своею хитромысленною паутиною и водворили въ ней вѣрогоненія, проявившіяся такъ сильно въ правленіе Жигимонта III Вазы». Князь К. Острожскій, подобно отцу своему, славенъ былъ военными подвигами, неоднократно поражалъ орды татарскія, насылая на нихъ и подвластное ему казачество Украинское. «Но не военныя дѣла составили ему имя въ исторіи. Онъ стяжалъ себѣ славу, какъ великій поборникъ православія, какъ защитникъ и утѣшитель православнаго западно-русскаго народа, когда настало гоненіе на православіе со стороны латинства».

Отъ пастырей духовныхъ онъ требовалъ преимущественно двухъ качествъ: святости жизни и знанія священнаго писанія, и выражалъ желаніе, чтобы способнѣйшіе иноки учились по-славянски, по-гречески и по-латыни**), Много писали также о богатствѣ и пышности его двора, но лучшимъ украшеніемъ при его Острожскомъ дворѣ были, конечно, училище и типографія, заведенныя имъ въ Острогѣ. Острожское училище было первою на Руси греко-латинскою школою для преподаванія «вызволенныхъ или вольныхъ наукъ» по примѣру училищъ западно-латинскихъ. Острожское училище, основанное въ 1580 г., въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ изданіяхъ того времени именовалось даже «академіею», въ чемъ справедливо видятъ намѣреніе князя создать высшее учебное заведеніе. Что во всякомъ случаѣ училище не имѣло уже характера элементарной школы, это видно и изъ другого ея названія «Школа

*) См. Собраніе сочиненій т. I. Отд. истор. Кіевъ 1876 г. ст. 177.

**) См. Записъ кн. Острожскаго Конст. Конст. на преобразование Дерманскаго монастыря въ общежительный. 1602 г. Памятникъ, изданъ временною комис. для разбора древнихъ актовъ, т. IV ст. 34.

гречкая (греческая) у Острогу»; о томъ же самомъ свидѣтельствуеть и установленный для нея курсъ наукъ.

Въ острожскомъ училищѣ преподавались съ самаго основанія его греческій языкъ, чего не бываетъ въ школахъ элементарныхъ. Ректоромъ его былъ образованный человекъ того времени, посѣщавшій европейскіе университеты, экзархъ александрійскій Кирилль Лукарисъ. Заботясь о просвѣщеніи, князь Острожскій собственноручно писалъ сенатору Поцѣю, «чтобы позаботиться между прочимъ о закладанію школъ и наукъ вольныхъ, а звлаца для цвиченя духовныхъ, пильно потреба, жебыхъ мо мѣли ученые пресвитеры и казнодѣе добрые; бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилось»^{*)}.

Должно быть, подобно острожской школѣ завелъ у себя школу и двоюродный братъ кн. Острожскаго кн. Юр. Юр. Слуцкій, такъ какъ Антоній Поссевинъ въ своихъ донесеніяхъ папѣ Григорію XIII (1581 г.) говоритъ, что «князья Острожскій и Слуцкій имѣють свои типографіи и училища, въ коихъ сей расколъ питається (т. е. наша православная вѣра)». Изъ первыхъ питомцевъ Острожскаго училища особенно памятенъ доблестный гетманъ Петръ Ковашевичъ-Сагайдачный, настояніемъ котораго въ 1620 г. была возстановлена Кіевская митрополія, четверть вѣка сиротѣвшая безъ пастыря.

Но высшее сословіе не долго могло поддерживать борьбу съ латинствомъ: молодое поколѣніе увлеклось польскою образованностью и даже сыновья Курбскаго и Острожскаго приняли католическую вѣру. Его мѣсто заняли южно-русскія братства.

На основаніи такъ называемаго «магдебургскаго права», которымъ пользовались многіе города, ремесленные и купеческіе цехи составили общины и каждая община имѣла свое особое устройство, свой судъ и управленіе. Эти общины получили названіе «братствъ» и группировались около извѣстныхъ монастырей и церквей, принимая ихъ въ свое вѣдомство. Первые

^{*)} Максимовичъ. Т. I ст. 132.

братства, возникшія еще въ XV в., были львовское (1439) и виленское (1458 г.); потомъ образовались: кievское, луцкое, могилевское, оршанское, брестское и др.

За образецъ и основаніе, при учрежденіи церковныхъ братствъ, приняты были примѣры христіанской жизни первыхъ временъ и многочисленныя заповѣди Спасителя и апостоловъ — любви, какую должны имѣть другъ къ другу. На такую мысль, въ учрежденіи братствъ, прямо указывали восточные патріархи и польскіе короли. Давая грамоты на основаніе того или другого братства, патріархи многократно приводили въ нихъ слова Спасителя и апостоловъ, заповѣдующія христіанамъ имѣть между собою любовь; вотъ почему и братства въ грамотахъ назывались «братствами любви и милосердія».

Вся дѣятельность братствъ, носящая характеръ благотворительно религіозный, ограничивалась исключительно ихъ работами о благолѣпіи церкви, участіи въ избраніи духовныхъ лицъ и контролѣ надъ ними, обязательномъ присутствіи братчиковъ при торжественныхъ церковныхъ службахъ. О борьбѣ братствъ съ иновѣріемъ въ это время не было и помина. Но съ восьмидесятыхъ годовъ XVI в. въ исторіи братствъ происходитъ крупный переворотъ: они вступаютъ въ новую фазу своего развитія, вызванную наступательнымъ движеніемъ католицизма. Братства реформируются въ религіозно-оборонительныя учрежденія, выступаютъ дѣятельными защитниками православной вѣры и русской народности и возникаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православію угрожала наибольшая опасность. Такими городами были Вильна и Львовъ. Здѣсь выработываются самые обстоятельные братскіе уставы, служившіе образцомъ для уставовъ другихъ братствъ, начавшихъ довольно быстро распространяться по разнымъ городамъ юго-западной Россіи (Брестъ, Минскъ, Могилевъ и др.).

Желающій вступить въ братство долженъ былъ предварительно (первѣе нежели ся впишетъ) ознакомиться съ братскими порядками. Вписавшись же неукоснительно посѣщать братскія сходки и принимать участіе во всѣхъ братскихъ дѣлахъ. Не

посѣщать собранія можно было только по весьма уважительнымъ причинамъ.

Во время сходокъ собравшіеся братчики, «остерегаясь порожныхъ и непотребныхъ размовъ», должны были «радити о церкви Божой» и о своемъ духовенствѣ «радити и пилное старане мѣти, абы наука вшелякая христіанскимъ дѣтямъ въ школѣ была», заботиться объ ученыхъ дидаскалахъ, благочестивыхъ, старательныхъ, трезвенныхъ, чтобы «за пилною наукою ихъ люди росли и хвала Божія множилася; радити о выживенію убогихъ и скитальныхъ», а также о прочихъ бѣдныхъ людяхъ, которымъ негдѣ было «главы преклонити».

Въ грамотѣ патріарха Кирилла Луцкому братству (1623 г.) сказано: «при такомъ собраніи и соединеніи себя въ одной любви и порядку братскому, братія всѣми мѣрами обязаны заботиться о благолѣпії церкви, о постоянномъ добромъ проповѣдники и о школѣ, чтобы юноши, при попеченіи своихъ родителей, имѣли приличное содержаніе и образованіе»^{*)}.

Бесѣды на собраніяхъ должны были вестись чинно, пристойно. Право слова предоставлялось каждому братчику, но всѣмъ разомъ говорить возбранялось, «а поединомъ, еденъ по другомъ» — при чемъ каждый желающій о чемъ либо заявить обязанъ былъ испросить о томъ позволенія у старшихъ. Бесѣда должна вестись голосомъ тихимъ, любовно и разумно. Если бы какой братъ, по Божію допущенію, а не по своей винѣ и нерадѣнію приобѣднѣлъ и разорился, или подвергся какимъ либо несчастіямъ и напастямъ, тогда всѣ братія, какъ деньгами братскими, такъ и сами отъ себя, обязаны его вызволять, и во всемъ ему помогать, и въ болѣзни его призирать, и о душѣ его заботиться, оказывая любовь къ брату своему, при жизни его и по смерти. Тѣхъ, которые въ хорошемъ состояніи и богаты, братія не должны дѣлать богаче, но только обѣднѣвшимъ помогать и деньги братскія ссужать заимобразно безо всякой лихвы^{**}).

^{*)} См. Памятники, изд. врем. ком. Т. I-й ст. 48.

^{**)} Изъ той же грамоты Кирилла, содержащей въ себѣ уставъ Луцкаго братства. § 12, ст. 48.

Съ конца XVI вѣка братства предпринимаютъ различныя мѣры для парализованія успѣховъ латинской пропаганды, приглашаютъ въ свою среду извѣстныхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ, выпускаютъ въ свѣтъ сочиненія религіознаго и преимущественно полемически-религіознаго содержанія, подаютъ въ сеймы и королямъ прошенія о свободѣ религіозной совѣсти и охранѣ правъ православной церкви. Но особенно братства оцѣнили значеніе образованія; заботы о просвѣщеніи, «подаванье наукъ учтивыхъ и цвиченье дѣтей породу христіанскаго» считали дѣломъ чрезвычайно важнымъ и для его распространенія заводили типографіи и училища.

Уже въ концѣ XVI в. на помощь острожской школѣ являются братскія училища: львовское (1587), виленское (1588), брестское (1592) и могилевское (1596 г.). Кромѣ того «братства отправляли даже молодыхъ людей въ западныя коллегіумы и университеты, чтобы такимъ образомъ приготовить разумныхъ и просвѣщенныхъ защитниковъ вѣры.

Считая православныя южно-русскія школы рассадниками, гдѣ питается схизма, латино-уніатскія власти всячески старались умалить ихъ значеніе, тормозя ихъ открытіе и официально низводя ихъ на степень низшихъ училищъ, урѣзывая ихъ права и привилегіи, ограничивая кругъ и объемъ преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ.

Львовское братство съ большимъ трудомъ могло получить отъ Сигизмунда III право *pro tractandis liberis artibus*, т. е. право преподавать въ своей школѣ предметы въ объемѣ нѣсколько расширенномъ сравнительно съ учебными заведеніями низшихъ разрядовъ.

И несмотря на такія затрудненія, школы устраиваются, получаютъ правильную организацію, разумный уставъ и хорошихъ учителей.

Острожское училище славилось своими учителями, «мужами великой учености». Львовская школа нѣкоторое время была рассадникомъ просвѣщенія во всей юго-западной Россіи, играла роль *almae matris* для юго-западныхъ школъ, такъ какъ щедро снабжала ихъ какъ учителями, такъ и учебными посо-

бiями. Поэтому, оцѣнивая значеніе школъ того времени, нельзя не признать за ними большихъ заслугъ.

На первомъ планѣ, конечно, слѣдуетъ поставить заботы юго-западныхъ школъ о выработкѣ религіозно-нравственныхъ началъ въ учащихся, а также широкій доступъ, который былъ открытъ имъ для всѣхъ, жаждавшихъ просвѣщенія — и знатныхъ и простыхъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, то равенство между учащимися, о которомъ съ такимъ благородствомъ говорятъ школьные уставы. Мало того, что двери школы не были закрыты для сиротъ и бѣдныхъ: они находили себѣ здѣсь кровъ и пропитаніе. Довольно было сдѣлано школами и для обогащенія учащихся научными свѣдѣніями; но въ послѣднемъ отношеніи онѣ, конечно, стояли ниже современныхъ имъ школъ польскихъ, въ особенности іезуитскихъ.

Какъ бы тамъ ни было, благодаря львовскому, виленскому, а позже кievскому и др. училищамъ, въ юго-западной Россіи начала распространяться западная наука, хотя наука эта была схоластическая. Сущность этой схоластической науки состояла не въ содержаніи, которое у нея было данное, готовое и заключалось въ христіанскомъ ученіи, но въ приемахъ и формахъ при раскрытіи этого содержанія.

Въ ней начала и формы древней науки и особенно философіи Аристотеля были предложены къ объясненію и утвержденію христіанскаго ученія. Такая формальная наука всего болѣе отвѣчала тѣмъ насущнымъ потребностямъ, для которыхъ русскіе начали знакомиться съ образованіемъ и которыя состояли главнымъ образомъ въ томъ, чтобы защититъ отъ поползновеній католицизма древнія истины православной вѣры. Схоластическая наука стала воспитывать не просто грамотныхъ и начитанныхъ людей, какъ это было прежде, но ученыхъ, которые способны были понять, оцѣнить, объяснить книгу, защититъ истину и опровергнуть заблужденіе. Эти ученые стали приводить христіанскія истины, заключающіяся въ разныхъ источникахъ, въ научныя системы. Вмѣстѣ съ богословскими системами, начали появляться книги и руководства и по другимъ предметамъ знанія.

Вообще съ этого времени стали распространяться разныя знанія по философіи, исторіи, миеологіи, естествознанію. Чрезъ Польшу переходили изъ западной литературы разныя литературныя произведенія: повѣсти, сказанія, романы. По образцу польской поэзіи развилась поэзія силлабическая, явились сначала мистеріи, а потомъ свѣтскія драмы и комедіи. Центромъ схоластической науки сдѣлалось Кіевское училище, о чемъ скажемъ подробнѣе ниже.

Источники и пособія. Источникомъ служили Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ военномъ, под. и вол. генераль-губернаторѣ. 1848 т. I, т. II—IV.—Пособіемъ служили: Исторія Кіевской Духовной Академіи, С. Голубева, т. I, 1886. Кіевъ. — М. Максимовичъ. Собраніе сочиненій т. I, отдѣлъ историческій. Кіевъ, 1876. — С. Голубевъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники т. I. — Флеровъ. Православныя церковныя братства въ юго-западной Россіи.

Глава XV.

Уставъ Луцкой школы.

Такою научною школою, гдѣ преподавались уже «разныя науки», была школа Луцкая, возникшая въ 1620 г. при Крестовоздвиженской церкви въ Луцкѣ, по благословенію константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Два устава ея мы находимъ въ Памятникахъ, изданныхъ временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Мы приведемъ изъ нихъ важнѣйшіе параграфы.

Первый уставъ.

§ 1. Каждый, кто вступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись ректору, съ его дозволенія, присма-

триваться три дня къ ученію, порядку, а бѣдный и къ содержанію, не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія: ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончить наукъ; и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ.

§ 2. Такъ присмотрѣвшись, если вступить не захочетъ, отходить съ благословеніемъ; а если согласится на порядоки и правила наши, то долженъ объявить старшему, и по его приказанію, внесши въ школьную книжку 4 гроша, будетъ вписанъ отъ пенитарха въ большой школьный списокъ, и такимъ образомъ принять и зачисленъ въ ученики.

§ 3. Старшему и тому, кому старшій поручить, каждый ученикъ будетъ обязанъ оказывать совершенное и почти безусловное послушаніе, во всемъ совѣтуясь съ нимъ и ему повинуюсь добровольно, безъ всякаго принужденія и ропота, какъ тому, который будетъ обязанъ наставлять его и учить всему приличному и полезному. Ибо если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ даже самыхъ низкихъ имѣетъ мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ, которыя всѣ прочія науки, искусства и ремесла далеко превышаютъ.

§ 4. Такъ какъ въ нашей школѣ будутъ учить разнымъ языкамъ и наукамъ *) и опредѣлены часы, въ какіе чему должно учиться, то каждый ученикъ, поступивши въ школу и не могши въ скорости ни наукъ, которыя здѣсь преподаются, ни того усмотрѣть, къ какой онъ способенъ, долженъ просить совѣта у начальника школы, за какую науку ему взяться. И что онъ, сообразивъ его лѣта, наклонность и способности, посовѣтуетъ ему, за то съ охотою и долженъ будетъ приняться, исключая тѣхъ учениковъ, которые или отъ родителей, или отъ имѣющихъ на то право назначены собственно къ какой либо извѣстной наукѣ; однако жъ и тѣмъ должно быть совѣтуемо полезнѣйшее.

*) Этимъ параграфомъ ясно указывается, что Луцкая школа была школа научная.

§ 5. Въ часы учебные, по утру и послѣ обѣда, всѣ обязаны быть въ школѣ на лице и приходите въ пору. Со всевозможною тишиною, безъ разговоровъ, шептаній, перемижкокъ и переходовъ другъ къ другу*), каждый, сидя на своемъ мѣстѣ, долженъ слушать, уразумѣвать и замѣчать все, что будетъ читано, сказываемо и диктуемо учителемъ, стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное могъ выразить подобно учителю.

§ 6. Никто не долженъ дѣлать ни въ училищѣ, ни внѣ его, особенно между собою, никакой сдѣлки, что-либо закладывать, торговать, покупать, продавать безъ вѣдома учителя, твердо помня то, что такіе дѣла и поступки суть кража, а потому грѣхъ смертный.

§ 7. Какъ безъ вѣдома учителя ничего нельзя дѣлать, такъ и въ школѣ или вовсе не быть или прійти поздно, т. е. послѣ назначеннаго часу, или, наконецъ, прежде времени выйти никто не долженъ осмѣливаться. Но если случится какая важная причина или отсутствія, или замедленія, или ухода: то ее объявить учителю, и отъ него для своей потребности и спросить позволеніе. Ибо кто опоздаетъ, или разъ не будетъ въ школѣ, строго будетъ наказанъ; кто два дня безъ вѣдома пропуститъ, не будетъ принятъ въ школу.

§ 8. Что будетъ говоритья или дѣлаться въ школѣ, никто за порогъ школьный выносить не долженъ**).

*) Въ подлинникѣ сказано: «за тихую вшелякою безрозмовъ и шептовъ, миговъ и до себе прехажок».

**) Этотъ параграфъ заслуживаетъ нашего вниманія и требуетъ объясненія. Мы уже говорили, что братства не пользовались симпатіями польскаго правительства и такъ какъ на братскихъ совѣщаніяхъ нерѣдко обсуждалъ съ мѣры борьбы съ латинскою пропагандою, то братчики принимали строгія мѣры, чтобы ихъ совѣщанія хранились въ глубокой тайнѣ, даже «предъ подружіемъ своимъ и домовными повиненъ былъ каждый усюити що было мовлено и ражено въ собраніи «братій». Въ приведенной выше грамотѣ патриарха Кирилла, содержащей въ себѣ уставъ Луцкаго братства (ок. 1623 г.) въ § 10 сказано: «Дѣла и совѣщанія братскія должны оставаться подъ покровомъ тайны и не должны быть выносимы на сторону ни однимъ братомъ, подъ страхомъ наказанія, какое назначать за сіе братіе тому, кто бы на то отважился». Подобное умѣнье хранить тайну, быть воздержнымъ на языкѣ, воспитывала и школа, точно отражая потребности современной жизни. Этотъ параграфъ перешелъ потомъ и въ азбукovníки, обращавшіяся въ великорусскіе школахъ XVII в., хотя онъ здѣсь потерялъ почти всякое реальное значеніе; въ нихъ рекомендовалось: «мести школу и выносить соръ, только не «словесный». «Школьный соръ вонъ износите, бытностей же и рѣчей отнюдь не износите».

§ 9. Такъ какъ наши ученики, кромѣ наукъ и добродѣтели, ничему другому учиться не будутъ, то мы предостерегаемъ, чтобы они не имѣли у себя для сихъ двухъ предметовъ никакого препятствія. И такъ какъ два занятія, другъ другу мѣшающія, часто одно другое разстраиваютъ, то ученики не должны держать никакихъ военныхъ снарядовъ, ни инструментовъ другихъ ремесль. А также для пріобрѣтенія и соблюденія истинныхъ добродѣтелей, основывающихся на Православіи, они не должны имѣть у себя никакихъ иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ. За всѣмъ тѣмъ старшій начальникъ долженъ имѣть внимательное око.

§ 10. Никто не долженъ ходить ни въ какія неприличныя собранія или пирушки, и имѣть обращеніе и товарищество съ тѣми, которые тому преданы; ибо человекъ, какъ съ преподобными преподобенъ бываетъ, такъ со строптивыми развращается. Напротивъ, пребывая въ благонравіи и ведя товарищество съ благонравными, должны всѣ оказывать почтеніе людямъ достойнымъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, открывая предъ ними голову и отдавая поклонъ. Равно и къ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, какъ то: монастырямъ, кладбищамъ, училищамъ, преимущественно предъ другими мѣстами, должны имѣть почтеніе. А сіе они сдѣлаютъ, какъ, находясь въ тѣхъ мѣстахъ, станутъ воздерживаться отъ лишнихъ поступковъ, непристойныхъ словъ и нескромныхъ шутокъ.

Въ § 11 говорится, что каждый ученикъ долженъ прежде всего учиться тому, что ведетъ его ко спасенію, и затѣмъ указывается на необходимость всегдашняго посѣщенія церкви въ воскресные и праздничные дни.

Въ § 12 сказано, что каждый постъ необходимо исповѣдываться и причащаться.

Второй уставъ Луцкой школы, излагающій порядокъ школьный, относится къ 1624 году*).

§ 1. Даскаль, или учитель сей школы долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воз-

*) Мы пропускаемъ предисловіе къ уставу.

держливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не чародѣй, не басносказатель, не пособникъ ересей; но споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляя собою образецъ благихъ дѣлъ. Въ такихъ добродѣтеляхъ да пребываютъ и ученики, какъ ихъ учитель. Къ такому учителю кто-либо приводя и отдавая сына и другихъ долженъ взять съ собою одного или двухъ сосѣдей «да при устѣхъ двою или тріеихъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь» и сдѣлать съ учителемъ постановленіе о наукѣ и о всемъ порядкѣ, сообразно реестру сему, ниже написанному. И долженъ прежде всего быть прочитанъ ему тотъ реестръ, дабы зналъ, какимъ образомъ будутъ учить его сына, и чтобы не препятствовалъ ему въ томъ порядкѣ, но всѣми мѣрами содѣйствовалъ дѣтямъ въ наукѣ, приводя ихъ въ послушаніе учителю, какъ истинный отецъ, желающій видѣть утѣшеніе и благой плодъ трудовъ. Потомъ имѣеть онъ, по обыкновенію, записаться въ списокъ.

§ 2. А учитель, взявъ порученное ему дитя, долженъ заботливо учить его полезнымъ наукамъ; за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически, не сверхъ мѣры, а по силамъ, не съ буйствомъ, а кротко и тихо, не только мірски, но и выше мірскаго *). И чтобы онъ, по своей небрежности, зависти или лукавству, не остался виновенъ ни за одного ученика предъ Богомъ Вседержителемъ, а также предъ родственниками ученика и предъ нимъ самимъ, если бы отнял у него время и занялъ его чѣмъ инымъ. Ибо сказано: «лукавый рабе и лѣнивый, подобаше ти вдати сребро мое торжникомъ и пришедь азъ взялъ быхъ свое съ лихвою». И еще: «иже щадить жезлъ (свой) ненавидитъ сына своего»

*) Проф. М. Владимірскій-Будановъ толкуеть это мѣсто такъ, что учитель долженъ наказывать ученика не по формальному соответствію проступка съ наказаніемъ, а по нравственной мѣркѣ (см. Государство и народн. образ. въ Россіи съ XVII в. до учрежденія министерства. Ж. М. Н. П. 1873 г. Часть CLXVIX). Проф. Л. Леонтовичъ объясняетъ, что учитель наказываетъ, руководясь не только общими законами о проступкахъ и взысканіяхъ, но и своей личной оцѣнкой виновности ученика. (Школьный вопросъ въ древней Россіи. Варшав. Универс. Изв. 1894 г. кн. V. ст. 41—42).

и еще: «аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчица есте, а не сынове*».)»

§ 3. Садиться каждый долженъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначаеомъ по успѣхамъ. Кто больше будетъ знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ; а кто меньше будетъ знать, долженъ сидѣть на низшемъ мѣстѣ.

§ 4. Богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности равны всѣ. Ибо всѣ мы братія о Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа и ни одинъ членъ, напримѣръ, глазъ рукъ и рука ногъ не можетъ сказать: «ты мнѣ не нужно».

§ 5. Учитель долженъ и учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія. Учить ихъ, сколько кто по силамъ научить можетъ, только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ. Ибо сказано: «просящему у тебе дай, и хотящему у тебе взять не отвори». И еще: «Богъ хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти».

§ 6. Сходиться въ школу мальчики должны въ опредѣленное время, т. е. въ большіе дни, чтобы всѣ были къ 9-му часу, точно также и въ меньшіе дни, какъ установитъ учитель. И отпускать ихъ послѣ ученія домой, также въ опредѣленный часъ. Ибо сказано: «все да дѣйствуется во славу Божию и въ подобное время».

§ 7. Каждое утро учитель долженъ тщательнѣе наблюдать, чтобы, если какого мальчика не будетъ, тотчасъ же послать за нимъ и узнать причину, по которой не пришелъ: не занялся ли гдѣ игрою; не залѣнился ли дома; не спалъ ли сверхъ мѣры и потому не пришелъ въ школу. Объ всемъ этомъ должны развѣдать и привести въ школу. Ибо написано: «о вѣхъ страхомъ (и принужденіемъ) спасайте».

*) Очевидно ни духъ времени, ни цѣль школы не позволяли обойтись безъ наказаній; но учитель долженъ былъ наказывать кротко и тихо. М. Д.

§ 8. По утру всё, сошедшись въ назначенный часъ, не должны начинать ученія, пока не прочтутъ молитвъ и обычнаго предисловія. Ибо сказано: «въ началѣ дѣла твоего Бога поминай».

§ 9. Дѣти въ школѣ должны быть раздѣлены на трое: одни, которые будутъ учиться распознавать буквы и складывать; другіе, которые будутъ учиться читать и выучивать наизусть разные уроки; третьи будутъ пріучаться объяснять читанное, разсуждать и понимать. Ибо сказалъ св. Павелъ: «Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смысляхъ, егда же быхъ мужъ, отвергахъ младенческая».

§ 10. По утру послѣ молитвъ, прежде всего каждый долженъ говорить вчерашній урокъ свой и показать свое писанье, какое писалъ дома; а потомъ должны учиться по частямъ псалтыри или грамматикѣ съ разборами, и инымъ многимъ полезнымъ наукамъ, какъ усмотритъ на то время учитель, сообразно съ потребностью.

§ 11. Послѣ обѣда мальчики, каждый для себя, должны списывать на таблицѣ свои уроки, заданные имъ отъ учителя, исключая малолѣтнихъ, которымъ учитель самъ обязанъ писать. А выучивъ въ школѣ трудныя слова, должны другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу. А вечеромъ, пришедши изъ школы домой, дѣти передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики, живущіе на квартирахъ, передъ своимъ хозяиномъ, должны прочитать тотъ урокъ, который въ школѣ учили, съ объясненіями его, какъ то бываетъ въ школѣ. А что учили въ тотъ день, должны списать вечеромъ на дому, и принести въ школу по утру, и показать своему учителю, дабы всякій плодъ ученія былъ извѣстенъ: «Отъ плода бо древо познано будетъ».

§ 12. Учитель обязанъ будетъ учить и на письмѣ имъ предлагать: отъ Святого Евангелія, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія Святыхъ Отцевъ, отъ фило-

софовъ, поэтовъ, историковъ и прочая: «Елика бо преднаписано быша, въ наше наказаніе преднаписашася»^{*)}).

§ 13. Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіе недѣли. И должны учиться пасхалии, и лунному теченію, и счету, и вычисленію, или правиламъ церковнаго пѣнія: «Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію».

§ 14. Послѣ обѣда въ субботу, учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божию и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ передъ родными своими и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе, т. е. передъ Богомъ и Святыми Его почитаніе и страхъ, предъ родными и учителемъ послушаніе, передъ всѣми вообще покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель. И сіи наставленія должны быть заново внушаемы дѣтямъ; для чего не будетъ имъ мѣшать и памятнаго по школьной чашѣ испивать. Ибо писано: «любяй сына прилежнѣе наказуетъ, а не любяй падить жезла». И еще «безуміе виситъ на сердцѣ юнаго, жезлъ же и наказаніе далече отгонитъ отъ него». «Вливають вино ново въ мѣхи новы, и обое соблюдется».

§ 15. Въ воскресеніе и въ праздники Господніе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ или святомъ днѣ, и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостоль. Ибо сказано: «Блаженъ, иже въ законѣ Господни поучается день и ночь».

§ 16. Двухъ или четырехъ мальчиковъ, въ каждую недѣлю иныхъ, по порядку назначать должно для наблюденія, отъ чего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь. Дѣло ихъ будетъ: пораньше придти въ школу, подмести школу, затопить въ печкѣ и сидѣть у дверей, и знать обо всѣхъ, кто выходитъ и входитъ. Они должны запи-

^{*)} Этимъ и слѣдующимъ параграфомъ до известной степени указывается кругъ предметовъ обученія.

сывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили, или въ церкви безчинно стояли, или домой идучи не вели бы себя пристойно. Ибо сказано: «блюдите убо, како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри; искупующе время, яко дніе лукави суть».

§ 17. Если бы какой мальчикъ одинъ день ходилъ въ школу, а другой день пропускалъ, и такимъ образомъ только тратилъ бы время; числясь въ училищѣ: такового больше не принимать; потому что и знахарь, если бы больного одинъ день лѣчилъ, а въ другой пропускалъ, то, вмѣсто излѣченія, повергъ бы его въ большую болѣзнь. Ибо сказано: «отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща».

§ 18. Учитель и братія, строители школьные, должны напоминать родителю объ ихъ сыновьяхъ, а хозяевамъ о порученныхъ имъ и стороннихъ дѣтяхъ, чтобы дѣти дома поступали сообразно съ порядкомъ ученія школьнаго, показывая тѣмъ образованность и приличную лѣтамъ своимъ людскость передъ всякимъ сословіемъ. И если бы что противное образованію оказалось въ дѣтяхъ, имѣеть быть изслѣдовано; а если бы учитель своимъ нерадѣніемъ, или родственники хозяина безпорядкомъ своимъ препятствовали наукѣ и благимъ нравамъ, то виновный имѣеть подлежать отвѣтственности.

§ 19. Если бы также кто захотѣлъ взять своего сына отъ учителя, для какой иной надобности, то долженъ взять его не заочно и не черезъ другихъ, а самъ лично, и при тѣхъ же одномъ или двухъ лицахъ, при которыхъ отдалъ его въ ученіе, дабы своимъ безпорядочнымъ поступкомъ не сдѣлать оскорбленія ни ученику и себѣ самому, ни учителю, что отобразитъ у него ученика безъ объясненія причины, когда такой порядокъ соблюдаютъ и всѣ другіе ремесленники. Ибо не только сына, но и слугу поручаютъ ремесленнику, при людяхъ и порядкомъ, и потомъ, когда чему научится, тѣмъ болѣе не хотять пренебрегать таковымъ порядкомъ; но, собравши многихъ, одобряютъ постоянство и торопливость родныхъ и его самого. Тогда и мастеру бываетъ великое удовольствіе, что видитъ ученика своего не послѣднимъ. И сіе гораздо

болѣе должно наблюдать въ училищахъ и у людей христіанскихъ. Ибо писано: «Всякъ дѣлаяй злая не приходитъ къ свѣту; творяй же истину грядетъ къ свѣту, да явися дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана».

§ 20. Если бы самъ учитель, или кто изъ учениковъ его, былъ виновникомъ такихъ поступковъ, которыхъ законъ не только не предписываетъ, но еще запрещаетъ: былъ бы, на примѣръ, блудникъ, пьяница, воръ, кощунъ, нерадивецъ, сребролюбецъ, клеветникъ, гордецъ, такой отнюдь не долженъ быть здѣсь не только учителемъ, но даже и жителемъ. «Да не соблазните», сказалъ Спаситель, «ни единого отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ во имя Мое». Ибо будучи самъ противникомъ заповѣдей Господнихъ, какъ можетъ другихъ сохранить въ цѣломудріи и наставить на пользу? Самъ Господь сказалъ: «не можете добрѣ глаголати зли суще». [И еще «всяко древо, еже не творить плода добра, посѣкають и въ огнь вметають».

Заканчивается уставъ краткой программой ученія: «Школы словенской ученіе начинается такъ: сперва научаются складывать буквы; потомъ обучаются грамматикѣ; притомъ учатся церковному порядку, чтенію, пѣнію. Также пріучаются ежедневно, чтобы дѣти одинъ другого спрашивали по гречески, а отвѣчали по словенски, а также чтобы спрашивали по словенски, а отвѣчали бы на простомъ языкѣ. Но вообще они не должны между собою разговаривать на одномъ простомъ языкѣ, но на словенскомъ и греческомъ. И такимъ образомъ нынѣ тому учатся, приступая къ высшимъ наукамъ: къ діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по словенски. На русскомъ языкѣ написаны діалектика и риторика и другія философскія сочиненія, принадлежащія къ школѣ*».)

*) Въ I т. Памятниковъ уставъ тотъ взятъ изъ Луцкаго сборника. Въ подлинникѣ на полѣ противъ словъ «составши школа крещкая» есть старинная приписка по-польски, что «мурованная (каменная) школа построена въ братскомъ монастырѣ въ 1620 г.»

Приведенный уставъ Луцкой школы свидѣтельствуесть несомнѣнно о томъ, что уровень педагогическихъ знаній и требованій значительно повысился въ юго-западной Руси къ началу XVII в. Образованность и людскость — высоко ставятся; учитель долженъ и учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и убогихъ; богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только знаніями; кто больше изъ учащихся будетъ знать, тотъ долженъ сидѣть выше, хотя бы былъ весьма бѣденъ; учитель долженъ быть образцомъ мудрости и добродѣтели для учащихся и обращаться съ ними кротко и любовно.

Изъ приведеннаго же устава видно, что въ Луцкой школѣ изучались уже риторика и діалектика по переведеннымъ на славянскій языкъ руководствамъ. Такимъ образомъ школа Луцкая была такою же научною школою, какъ и школа Львовская Виленская, а потомъ Кіевская, была тѣмъ, что мы назвали бы теперь средне-образовательною школою*).

Источники и пособія: главный источникъ Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ военномъ, Подол. и Волын. генераль-губернаторѣ, т. I—IV; особенно I т. 1848 изд. втор.

Глава XVI.

Учебники братскихъ школъ и предметы обученія въ нихъ.

Такъ какъ въ братскія школы принимались зачастую дѣти, вовсе не подготовленные, то обученіе въ нихъ начиналось съ азбуки, затѣмъ слѣдовали часословъ и псалтырь (въ связи съ изученіемъ церковныхъ службъ и пѣнія), далѣе грамматика и прочія науки.

*) О преподаваніи въ Львовской школѣ ученія грамматическаго, діалектическаго и риторическаго еще до 1592 г. см. Ар. З. Рос. т. IV. № 2.

Въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (изд. 1619) читаемъ: «Дѣткамъ учиться починаючимъ, Букварь, звыкле рекше Алфавитарь, з той же грамматики вычерпленный, абы склоненіями грамматичными з лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ навиками, до наученя подаваный нехой будеть. По часословѣ зась и псалтири (которые опусканы быти не мають) выучению ся овая грамматика з выкладами, то есть, з показанемъ и уживанемъ ей пожитковъ, наступить». Что касается до древнихъ языковъ, то элементарное ознакомленіе съ ними (и прежде всего съ греческимъ) начиналось довольно рано, непосредственно по обученію славянской грамотѣ, но болѣе основательное обученіе продолжалось въ высшихъ классахъ.

Относительно дѣленія на классы братскихъ школъ имѣются свѣдѣнія положительныя, но опредѣленныхъ указаній, какія именно предметы преподавались въ каждомъ изъ нихъ — нѣтъ. Виленская школа (въ 1619 г.) дѣлилась на пять отдѣленій (училищъ), изъ нихъ въ трехъ читалась латинская наука, въ четвертомъ русская, въ пятомъ славянскій и греческій языки. Что касается до Кіево-братской Богоявленской школы, то въ ней по словамъ ея воспитанника Игнатія Іевлевича были (1630—1631 гг.) слѣдующія четыре отдѣленія: русская школа, инфима, грамматика, мѣтоксима.*)

Учебниковъ, употреблявшихся въ западно-русскихъ школахъ конца XVI — начала XVII в. дошло до насъ немного. Изъ нихъ извѣстны только:

1. Грамматика словенскаго языка з газоеилакіи славного города Острога власное отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича княжати на Острогу и пр. (изд. въ 1586 въ г. Вильнѣ).

2. *Αδελφότης*. Грамматика доброглаголивого Еллино-словенскаго языка совершеннаго искусства осми частей слова ко наказанію многоименитому Россійскому роду (изд. 1591 во Львовѣ). Она была издана львовскими студентами и раздѣлялась на четыре части: орфографію (правописаніе), просодію

*) Истор. Кіев. Дух. Акад. ст. 190.

(припѣваніе), этимологію (правословіе) и синтаксисъ (сочиненіе). Въ «Извѣщеніи» (предисловіи) объяснены значеніе и польза грамматики: «она есть первый ключъ, отверзающій умъ къ разумѣнію писаній, первое изъ семи свободныхъ искусствъ (artium liberalium), отъ нея, будто, по ступенямъ трудолюбивые достигаютъ діалектики, риторики, музыки, ариеметики, геометріи, астрономіи, поэтому этими семью мудростями, какъ нѣкимъ сосудомъ разсужденія, черпаютъ изъ источниковъ философіи и богословія». Такое воззрѣніе на грамматику, усвоенное средними вѣками отъ древнихъ изъ Александрійской школы перешло въ Польшу, а оттуда въ юго-западную Русь, какъ видно изъ славянскихъ грамматикъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго.

3. Грамматика Словенска съверменнаго искусства осми частей слова, и иныхъ нуждныхъ. Ново съставлена А. З. (Лаврентіемъ Зизаніемъ). Изд. 1596 г. въ Вильнѣ.

4. Въ 1596 г. въ типографіи (друкорнѣ) православнаго Виленскаго братства напечатанъ былъ букварь, подъ заглавіемъ: «Наука ку читаню и розумѣнію писма словенского, туты жъ и о Святой Троици, и о въ человѣченіи Господни». Здѣсь кромѣ азбуки, складовъ и молитвъ находилось еще изложеніе православной вѣры Стефана Зизанія.

5. Грамматики Словенскія правильное Синтагмы (Мелетія Смотрицкаго изд. 1619 г.)

6. Грамматика албо сложеніе письмени хотящимъся учити словенскаго языка младолѣтнымъ отрочатомъ (изд. 1621 г. въ Вильнѣ), съ картинкою на заглавномъ листѣ, изображающею классъ и учителя, который наказываетъ ученика. Въ грамматикѣ послѣ молитвъ слѣдуютъ разныя наставленія сначала дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а потомъ къ родителямъ: «къ вамъ же, отцы и учителя, тако глаголемъ: «не отымай отъ дѣтища твоего казни: безуміе бо есть привязано въ сердца отрочате. Жезломъ же наказанія изжениши его». Эти совѣты о строгомъ обращеніи находятся и въ позднѣйшихъ азбукахъ.

При грамматикѣ Лаврентія Зизанія приложенъ «Лексисъ, сирѣчь, реченія въ кратцѣ събраны и изъ словенскаго языка на простый русскій діалектъ истолкованы», гдѣ объяснены нѣкоторыя слова (напр. акаеистъ, аллилуіа, архитриклинь и др.) Въ 1627 г. напечатанъ въ Кіевѣ «Лексиконъ славеноросскій и именъ толкованіе», составленный Памвою Берындюю.

Въ 1664 г. изданъ былъ букварь въ Кіевѣ, а въ 1671 г. львовское братство издало также букварь.

Приведенные подъ № № 1—6 учебники происхожденія школьнаго, т. е. составлены наставниками братскихъ школъ, иногда даже не безъ содѣйствія лучшихъ учениковъ (какъ напр. Αδελφότης). «Повсемѣстное распространеніе сихъ учебниковъ по того временнымъ южнорусскимъ школамъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Независимо отъ другихъ соображеній, относительно этого имѣются и положительные факты: братства при тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ обмѣнивались своими изданіями, при чемъ книги наиболѣе нужныя посылались въ большемъ количествѣ, а учебники даже цѣлыми сотнями (Голубевъ).

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о самыхъ учебникахъ (со словъ г. Голубева). Буквари представляли собою родъ небольшихъ дѣтскихъ энциклопедій, имѣвшихъ въ виду, кромѣ обученія чтенію, сообщать первоначальныя религіозныя истины. Начинались они азбукою славянскою (а, б, в, г и т. д.), затѣмъ слѣдовали склады (ба, ва, га и проч.), отдѣльныя слова и изреченія для упражненія въ чтеніи и причемъ въ позднѣйшихъ букваряхъ фразы для заучиваній приспособлены были къ тому, чтобы дать элементарныя свѣдѣнія о грамматическихъ формахъ. Затѣмъ слѣдовали общеупотребительныя молитвы (Царю небесный, Тресвятые, утреннія и вечернія молитвы), исповѣданіе вѣры и нравственныя изреченія преимущественно изъ притчей Соломоновыхъ (напр. сыну яздъ медь понеже есть добрый). Въ концѣ помѣщались сравнительно болѣе обширные трактаты. При изложеніи основныхъ понятій христіанской религіи, въ учебникахъ обращалось преимущественно вниманіе на то, чтобы вкоренить въ умы питомцевъ

убѣжденіе въ истинности православія, сравнительно съ другими вѣроисповѣданіями, и научить ихъ приемамъ религіозной полемики. Что касается греческой грамматики Ἀδελφότης, то, безъ сомнѣнія, она составлена подъ руководствомъ митр. Арсенія Элассонскаго, бывшаго во Львовѣ наставникомъ братской школы. Самъ составитель говоритъ, что она «сложена отъ различныхъ грамматикъ». Но въ основу ея положена была грамматика Ласкариса, впервые изд. въ 1476 г. Ἀδελφότης напечатана на двухъ языкахъ: греческомъ (четныя страницы) и параллельно съ нимъ славянскомъ. Изученіе обоихъ языковъ въ школѣ очевидно велось одновременно, на что указываютъ и дошедшіе до насъ школьные уставы. Во львовскомъ уставѣ 1587 г. говорится: «также учать на каждый день, абы дѣти единъ другого пыталъ по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, и ты жъ пытаются по словенску, абы имъ отповѣдано по простой мовѣ. И ты жъ не мають з собою мовити простою мовою ено словенскою и грецкою». То же самое мы видимъ въ приведенномъ луцкомъ уставѣ.

Опредѣленіе грамматики составителями Ἀδελφότης дается такое: «Грамматика есть художество, учащее насъ умная писати и яко мѣрительно, или числительно вещественно, съ разсужденіемъ повѣдающе» или «грамматика есть искусство при творцехъ же и исписателяхъ яко на мнозѣ глаголаемыхъ писмо, еже являетъ твореніе и исписаніе». Славянская грамматика Лаврентія Визанія составлена была не безъ вліянія греческой львовской грамматики. Отсюда довольно замѣтный ея недостатокъ: стремленіе автора облечь славянскій языкъ въ не всегда сродныя ему формы греческаго языка. Она значительно полиѣ львовской и въ изложеніи ея тѣ особенности, что она составлена въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Славянская грамматика, составленная учителемъ виленской братской школы Мелетіемъ Смотрицкимъ составляетъ важную эпоху въ исторіи церковно-славянскаго языка. Хотя славянскій языкъ былъ языкомъ священныя книгъ и богослуженія, но съ теченіемъ времени онъ не оставался безъ вліянія народнаго русскаго языка. Когда такое вліяніе сдѣ-

далось значительнымъ, появилась грамматика Смотрицкаго, которая стремилась установить правила книжнаго славянскаго языка въ отличіе отъ рѣчи народной и какъ бы въ огражденіе отъ ея вліянія. Эта грамматика, впрочемъ, имѣла большій успѣхъ въ сѣверо-восточной Руси; чѣмъ въ юго-западной.

Учебниковъ по другимъ предметамъ до нашего времени не дошло, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ указаній на нихъ въ существующей литературѣ.

О преподаваніи реторики и діалектики въ южно-русскихъ школахъ XVII в. существуетъ мнѣніе, что первая изучалась «болѣе практическимъ способомъ, чѣмъ по теоріи», руководствомъ же для второй могла быть всего скорѣе діалектика Дамаскина, доказательствомъ чего служить «множество славяно-русскихъ списковъ ея XVI—XVII столѣтій*).

Въ древнихъ братскихъ школахъ языкованіе было не бѣдно. Самое названіе школъ зависѣло отъ того, какіе языки изучались въ нихъ. Въ большей части братскихъ школъ изучали греческій, латинскій и славянскій языки. Иногда предметомъ обученія былъ и польскій языкъ, хотя онъ въ то время былъ общеупотребительнымъ и популярнымъ языкомъ. Но преимущественное вниманіе въ братскихъ школахъ было обращено на изученіе древнихъ языковъ; знаніе ихъ считалось необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка того времени. Плодами изученія греческаго языка было то, что на немъ писали воспитанники свои сочиненія, говорили рѣчи, и даже въ сочиненіяхъ на отечественномъ языкѣ любили употреблять греческіе фразы и цитаты**).

Но всѣ науки были только приготовительными къ изученію наукъ богословскихъ, такъ какъ и главною задачею брат-

*) См. Педагогія древ. братс. школъ. М. Липчевскаго. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1870 г. Сент. 132—133.

**) Многія сочиненія, выпущенныя братствами, носятъ греческія заглавія, таковы: Єринось, Антиграфа, Апокрисисъ, Евхаристіонъ, Леоосъ и пр. Польза греческаго языка была такъ ощутительна для православныхъ, что даже, съ появленія коллегіи могилянскою, нашлись защитники преимущественно изученія греческаго языка, сравнительно съ латинскимъ. Такимъ былъ изъ воспитанниковъ львовскою школы Павелъ Негребецкій.

скихъ школъ было отстоять и поддержать православіе. Кругъ богословскихъ наукъ въ братскихъ школахъ былъ довольно обширенъ. Кириллу Транквилліону приписывается составленіе на Русь первой научной богословской системы. Эта система, думаютъ, была первымъ учебнымъ руководствомъ въ братскихъ школахъ по предмету догматическаго богословія. Катихизисъ Желиборовскаго, написанный для львовской школы, и катихизисъ Лаврентія Зизанія, учителя виленской школы, считаются древнѣйшими руководствами къ изученію началъ православно-христіанскаго богословія въ братскихъ школахъ. Читая въ уставахъ братскихъ школъ объ обязанности учителя преподавать ученіе о добродѣтеляхъ, изъяснять праздники, можемъ заключить, что здѣсь преподавались нравственное богословіе и литургика. Изъ того факта, что учителямъ братскихъ школъ вмѣнялось проповѣдовать слово Божіе въ храмѣ, естественно предположить, что въ школахъ братскихъ теоретически и практически изучалось церковное проповѣдничество. Соответственно нуждамъ того времени, полемика богословская составляла самую живую часть богословскаго преподаванія. Львовское и особенно виленское братство своими сочиненіями разрѣшали разнообразныя недоумѣнія православныхъ. Антиграфа, Пересторога и Өринось съ особенною силою доказывали истину православія, обличали ложь иновѣрныхъ заблужденій, указывали опасности, могущія произойти отъ увлеченія ими, равнымъ образомъ и средства обойти оныя. Если весь православный народъ юго-западной Руси «носился съ этими сочиненіями, какъ съ любимыми дѣтищами», то естественно, какъ предполагаютъ, что въ братскихъ школахъ они были незамѣнимыми руководствами при изученіи полемики. Особенное вниманіе обращено было въ древнихъ братскихъ школахъ на изученіе Священнаго Писанія. Патріархъ Іеремія въ своей грамотѣ львовской школѣ изученіе Священнаго Писанія составляетъ главною цѣлью братскихъ школъ. «И такъ, говоритъ онъ, Священное Писаніе можетъ умудрить и спасти человѣка; но его нельзя разумѣть безъ прилежнаго изученія». Объемъ и методъ изученія св. Писанія высказанъ въ уста-

вахъ братскихъ школъ въ слѣдующемъ параграфѣ «учитель обязанъ выдавать ученикамъ въ запискахъ ученіе отъ святыхъ евангелій, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія святыхъ отцовъ» (см. § 12 Луцкой школы 2-й уст.)

Объ обученіи пѣнію братскія школы довольно усердно заботились. Для обученія пѣнію былъ особенный учитель, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и регентомъ ученическаго хора. Касательно музыки извѣстно, что любовь къ ней до того была велика въ ученикахъ братскихъ школъ, что уставъ даже запрещалъ носить въ школу какіе-либо музыкальные предметы.

Пособія: С. Голубевъ. Исторія Кіевской Духовной Академіи. В. I.. Кіевъ 1886. Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіевской Академіи М. Линчевскаго (Труды Кіевской Духов. Академіи. 1870). Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ I.

Глава XVII.

Кіевское братское училище и Кіево-могилянская коллегія.

Къ началу XVII в. число братствъ въ Юго-Западной Руси растетъ, матеріальныя ихъ средства увеличиваются, издаются книги, заводятся типографіи и школы.

Кіево-Печерская Лавра, съ трудомъ оправившаяся послѣ татарскаго погрома, до конца XVI столѣтія пребывавшая въ «лѣности и мрачной суетѣ мірской», снова начинаетъ вспоминать свое славное прошлое и обновителемъ ея жизни является знаменитый архимандритъ Елисей Плетенецкій (1599—1624 г.) Къ его времени относится существовавшая въ Лаврѣ школа, гдѣ преподавались «разныя діалекты». Елисей Плетенецкій былъ не только ревнителемъ строгаго иноческаго житія, но и выдающимся любителемъ просвѣщенія, собиравшимъ къ себѣ отовсюду ученыхъ мужей и заслужившимъ отъ современниковъ названіе «ученыхъ людей прибѣжища, наукъ любящихъ»

промотора и школь на разныхъ мѣсахъ зычливаго фунда-тора*)». Въ проповѣди Копыстенскаго, сказанной при погребеніи Плетенецкаго, есть даже нѣкоторое указаніе на характеръ и размѣры самаго преподаванія въ заведенныхъ архимандритомъ школахъ. «Науки намъ такъ познанія разныхъ діалектовъ якъ и выразиумѣніе письма святого жичиль и о дидоскалы искусные старался». Можно думать изъ этого, что въ школъ Плетенецкаго преподавались тѣ же предметы, что и въ другихъ братскихъ школахъ до-могилянскаго періоду.

Къ 1615 г. относится учрежденіе братства въ Кіевѣ при Богоявленской церкви. По уставу всѣмъ братчикамъ предписывалось сохранять между собою совершенную любовь «Належитъ всѣмъ братіямъ жити въ любви не позверховной, але щирой, единь другого шануючи». Въ то же время Гадшка (Елизавета) Гулевичевна, жена мозырскаго маршалка Стефана Лозки, подарила братству дворъ въ Кіевѣ (на Подолѣ) для основанія монастыря; причемъ жертвуя свой дворъ на религіозно благотворительныя учрежденія, поставила непременнымъ условіемъ, чтобы на ея фондумѣ существовали монастырь ставропигіальный, школа и гостиница. Братство, сливаясь съ фондушели Гулевичевны, естественно обязано было исполнять волю жертвовательницы.

Вмѣстѣ съ основаніемъ братства возникаетъ и школа, о которой за первое время ея существованія (1615—1631 г.) мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Изъ братскаго устава ясно, что братчики хорошо уже понимали значеніе наукъ и просвѣщенія «Отъ науки, говорятъ братчики въ Упшѣ хвала всемогущаго Бога на земли множится, потѣха родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ растетъ, Речи Посполитой оброна мѣцная и оздоба предивная растетъ».

Опредѣленно же свой взглядъ на значеніе школы для православія Кіевскіе братчики высказали въ письмѣ къ Московскому царю Михаилу Феодоровичу**): «училище отрочатомъ православнымъ милостію Божіею языка славено - русскаго,

*) См. Казанье Погребове 1625 г.

***) Арх. Юго-Запад. Рос. ч. I т. VI № ССХХІХ привед. у С. Голубева.

еллино-греческаго и прочихъ доскаловъ великимъ иждивениемъ устройкомъ, да не отъ чуждаго источника пиюще, смертоноснаго яда западнїя схисмы упившесе, ко мрачно-темнымъ римлянамъ уклонятся.»

Патріархъ Теофанъ въ грамотѣ своей, данной братству (26 мая 1620 г.), называетъ школу братскую—школою «еллино-словенскаго и латино-польскаго письма». Отсюда является несомнѣннымъ, что воспитанники обучались четырьмя языкамъ: славянскому, греческому, латинскому и польскому. Кажется, однако, что преимущественное вниманіе удѣлялось языку славянскому (по временамъ даже школа называлась «словенскою»). Наболѣе дальновидные ревнители православїя хорошо понимали, что сохраненіе своей вѣры и народности стоитъ въ тѣсной зависимости съ сохраненіемъ родного, славянскаго языка, на которомъ отправлялось богослуженіе и написаны были всѣ священныя книги. Настоятельная необходимость въ греческомъ языкѣ видна изъ того, что къ концу XVI в. усилились сношенія съ греческими патріархами, грамоты ихъ надо было умѣть читать и отвѣчать на нихъ, да и вообще надо имѣть въ виду древнїя традиціи, связывавшія Русь съ Византіей. Южно-руссѣ не разъ обращались къ греческимъ патріархамъ о высылкѣ имъ «ученыхъ дидаскаловъ», и тѣ оказывали имъ просимое содѣйствіе. Латинскій языкъ въ братскихъ школахъ до-могилянскаго періода небылъ въ особенномъ почетѣ; нѣкоторые строгіе ревнители православїя хлопотали даже о полномъ его изгнаніи, боясь, чтобы изучавшіе его не были привержены «къ хитростнымъ латинскимъ наукамъ», но въ силу политическихъ и общественныхъ условій изученіе его дѣлалось все болѣе и болѣе необходимымъ; латинскій языкъ былъ ключемъ къ тогдашней наукѣ, принадлежностью человѣка ученаго, и исключеніе его изъ школьной программы могло вредно отразиться на всемъ образованіи. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ Exegesis'ѣ, отстаивая необходимость болѣе широкой постановки латинскаго языка въ южно-русскихъ школахъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Первая причина, почему нашему народу потребна латинская

наука — та, чтобы нашей Руси не называли глупою Русью. А то поѣдетъ бѣдняга Русинъ на трибуналь, на сеймъ, на сеймикъ, въ городской или земскій судъ, смотришь безъ *lacinu, placi wing* *): ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла, глядитъ только то на того, то на другого, вытаращивъ глаза какъ ворона». Что касается собственно Кіево-братской школы, то преподаваніе латинскаго языка здѣсь было поставлено нѣсколько лучше, чѣмъ въ другихъ братскихъ школахъ. Игнатій Іевлевичъ въ автобіографической запискѣ заявляетъ о довольно значительномъ успѣхѣ своемъ въ изученіи означеннаго языка въ Кіево-братской школѣ (1630—1631 г.). На значительную же высоту преподаваніе его поднялось только во время Петра Могилы. Что касается польскаго языка, то введеніе преподаванія его въ школы являлось еще болѣе необходимымъ, отвѣчавшимъ насущнымъ потребностямъ времени и обстоятельствъ. Безъ него нельзя было ступить и шагу. Если даже незнаніе латинскаго языка нерѣдко ставило южно-руссомъ въ неловкое положеніе, то безъ знакомства съ польскимъ не было возможности знакомиться съ тогдашней литературой, которая вся была на польскомъ языкѣ. Вотъ почему мы видимъ, что польскій языкъ вводится въ школы виленскую, могилевскую, кіевскую. Въ Кіево-братской школѣ за первый періодъ ея существованія (1615—1631 г.) преподавались тѣ же предметы, что и въ другихъ братскихъ школахъ, т. е. славянская грамматика, часословъ, псалтырь, октоихъ «дѣльный», богословіе, св. писаніе «съ толкованіями», реторика, діалектика и философія. «Заботясь о расширеніи школьной программы, говоритъ г. Голубевъ, ревнители просвѣщенія внесли въ нее латинскій языкъ, знаніе котораго было неотъемлемымъ признакомъ учености, а также нѣкоторые свѣтскіе предметы, преподававшіеся въ польскихъ коллегіяхъ. Этотъ шагъ велъ къ необходимому сближенію съ латино-польскою наукою и необходимо долженъ былъ отразиться на характерѣ и методѣ преподаванія этихъ предметовъ, представлявшихъ собою сколокъ съ преподаванія однородныхъ наукъ въ латино-польскихъ коллегіяхъ. Особенно

*) Безъ латыни безъ вины виновать.

замѣтные слѣды латино-польскаго вліянія отражаются на наукахъ риторическихъ. Витіеватость, напыщенность, забота исключительно о фразѣ, блески ложной эрудиціи — неотъемлемыя принадлежности польской панегирической литературы — начинаютъ приобрѣтать право гражданства и въ однородныхъ по содержанію произведеніяхъ южно-русскихъ, проникая и въ церковное краснорѣчіе.

Но не смотря на то, что въ южно-русскихъ школахъ давалось уже научное образованіе, все таки это образованіе не могло сравняться съ образованіемъ, даваемымъ хотя бы польскими коллегіями, куда нерѣдко и отправлялись православные южно-руссы для довершенія своего воспитанія. При этомъ имѣлись въ виду добрыя цѣли: южно-руссы хотѣли, оставивъ въ сторонѣ неправославныя идеи, ознакомиться только съ научными приемами, господствовавшими въ латино-польскихъ коллегіяхъ, облечься во всеоружіи современной науки, чтобы впослѣдствіи обратить ее противъ своихъ же учителей на защиту православія, но это не всегда удавалось. Трудно было пройти сквозь горнило іезуитскихъ школъ совершенно свободныхъ отъ господствовавшаго въ нихъ направленія. Измѣна праотцевой вѣрѣ лицами, испившими отъ чуждаго источника, стала явленіемъ нерѣдкимъ. Такимъ образомъ настоятельно являлось необходимымъ возвысить уровень преподаванія, но крайней мѣрѣ, до равенства съ научными силами противной стороны. Это было сдѣлано митрополитомъ киевскимъ Петромъ Могилою, реформировавшимъ Киево-братскую школу и тѣмъ сыгравшимъ весьма важную роль въ исторіи образованія и просвѣщенія юго-западной Руси.

Петръ Могила (1596—1647) былъ сынъ молдавскаго господара, и, по словамъ однихъ біографовъ, получилъ воспитаніе въ львовской братской школѣ*); по словамъ другихъ, воспитывался въ Парижскомъ университетѣ**). Эти оба мнѣнія заслуживаютъ довѣрія и притомъ другъ друга не исключаютъ. Всякій знатный панъ того времени считалъ неперемѣнною

*) Описаніе киево-софійскаго собора, ст. 166.

***) См. Киевскій каталогъ митрополитовъ.

своею обязанностью, послѣ обученія сына мѣстными наставниками, посылать его для довершенія образованія въ заграничныя collegiи и университеты, слушаніе лекцій въ которыхъ вошло въ моду, сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ въ средѣ польской и западно-европейской аристократіи. Несомнѣнно извѣстно, что Петръ Могила былъ знатокомъ западно-европейской литературы, высоко цѣнилъ образованіе, даваемое въ школахъ заграничныхъ, и считалъ дѣломъ первой важности для Юго-Западной Россіи перенесеніе на русскую почву Западной науки. Впослѣдствіи, когда ему удалось устроить свою Кіево-могилянскую collegію, онъ очень гордился тѣмъ, что въ ней обученіе наукамъ и преподаваніе идетъ также хорошо, какъ и въ collegіяхъ заграничныхъ. Въ молодости онъ былъ при дворѣ короннаго канцлера и гетмана Станислава Жолкѣвскаго, находился по сказанію Нѣсѣцкаго, въ военной службѣ и отличился въ рядахъ польскихъ войскъ подъ Хотиномъ. Неизвѣстно съ точностью, что заставило Петра Могилу промѣнять блестящую карьеру, ожидавшую его въ свѣтѣ, на скромную роль инока. Извѣстно только, что въ 1625 г. онъ былъ постриженъ въ монахи въ Кіево-Печерской лаврѣ. Поэтому поводу, впрочемъ, можно сказать, что въ двадцатыхъ годахъ XVII ст., когда П. Могила поселился въ Польшѣ, въ западно-русскихъ областяхъ велась усиленная религіозная борьба между русскими и поляками, и трудно было не принять въ ней участіе потому молдо-влахійскихъ воеводъ, издавна извѣстныхъ своею горячею приверженностью къ православію. П. Могила не могъ «сердцемъ не возболѣзновать» по угнетенному православію. Общее религіозное движеніе увлекло Могилу и онъ примыкаетъ къ кругу передовыхъ дѣятелей того времени, горячо ратовавшихъ за дѣло православія. Онъ часто начинаетъ посѣщать Кіевъ, сдѣлавшійся центромъ религіознаго движенія и заводитъ сношенія съ митр. Іовомъ Борецкимъ. Со смертію архимандрита Кіево-Печерской лавры, онъ, имѣя въ виду благія цѣли и широкія задачи, усиленно добивается его мѣста и, не смотря на рядъ неудачъ, наконецъ, успѣваетъ получить желаемое мѣсто, предварительно, конечно, постриг-

нись въ монахи. Впослѣдствіи онъ сдѣлался митрополитомъ кievскимъ. Въ своемъ завѣщаніи митр. Іовъ Борецкій убѣдительно проситъ Могилу и «даже подѣ неблагословенъемъ заказывалъ (приказывалъ), дабы школы въ братствѣ кievскомъ для извѣченя дѣтокъ хрестіанскихъ, а не гдѣ индей фундованы были». Сначала (1631 г.) П. Могила какъ будто сближается съ братствомъ, но потомъ послѣ избранія Исаи Копыстенскаго (а не его, Могила) митрополитомъ, онъ съ нимъ расходится и задумываетъ основать высшую коллегію въ Лаврѣ: «вознаиѣрился фундовать школы для того, чтобы юношество наставляемо было во всякомъ благочестіи, въ добрыхъ нравахъ и свободныхъ наукахъ*». Но Могилянская школа, учрежденная въ Лаврѣ, не имѣла успѣха, въ Кievскомъ обществѣ возникли крайне неблагопріятныя толки о характерѣ преподаванія могилянскихъ дидаскаловъ (изъ которыхъ нѣкоторые были заграничныя ученые**), ихъ обвиняли въ шаткости убѣжденій и въ приверженности къ униі. Подобныя толки сильно волновали особенно простой народъ и дѣло дошло даже до открытаго возмущенія. Лаврскую школу пришлось закрыть. Въ то же время Кievское братство обратилось съ просьбой къ митр. Исаи и гетману Ивану Петрижицкому побудить П. Могилу принять подѣ свое покровительство братскую школу. Петръ Могила «латво и невзбороненѣ» (легко и безпрекословно) уступилъ просьбѣ братчиковъ, принялъ въ 1631 г. подѣ свое покровительство Богоявленское училище и преобразовалъ его въ такъ называемую Киево-Могилянскую коллегію (1633 г.)***) Въ благодарность за это всѣ члены братства актомъ, состоявшимся 30-го декабря 1631 года, признали Петра Могилу

*) О лаврской школы за короткій полугодовой періодъ ея существованія мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

**) Которая только съ 1701 г. начала называться Кievской Академіей.

***) Петръ Могила, сдѣлавшись архимандритомъ и задумавъ учредить школу, считалъ, что для этого прежде всего необходимы хорошіе, образованныя учителя. Съ этою цѣлью онъ началъ отправлять молодыхъ людей за границу на собственный счетъ. Въ числѣ ихъ были: Сильвестръ Коссовъ, Исаи Трофимовичъ, Игнатій Оксеновичъ-Старушичъ, Тарасій Земка и Иннокентій Гизель. (Мнѣніе это, однако, г. Голубевымъ подвергается сомнѣнію. См. И. Е. Д. А. ст. 225—226).

старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ какъ школъ, при Кіевской братской церкви «отъ себе уфундованныхъ», такъ и самой церкви и всего при ней монастыря.

Въ апрѣлѣ 1632 г. скончался король Сигизмундъ III. Остатки православнаго дворянства сплотились тогда около Петра Могилы съ цѣлью истребовать законнымъ путемъ отъ Рѣчи Посполитой возвращеніе правъ и безопасности православной церкви. Не безъ сильнаго вліянія П. Могилы, вновь избранный король Владиславъ далъ православнымъ «дипломъ», которымъ предоставлялъ имъ болѣе правъ и выгодъ, чѣмъ тѣ, какія были написаны въ меморіалѣ, составленномъ на конвокаціонномъ сеймѣ. Предоставлена была полная свобода переходить какъ изъ православія въ унию, такъ и изъ униі въ православіе; отдана была православнымъ луцкая епархія, снимались всякія запрещенія, стѣсненія, запрещалось дѣлать оскорбленія православнымъ людямъ.

Православные дворяне, бывшіе на сеймѣ, въ благодарность за труды на пользу церкви и просвѣщенія, тогда же порѣшили удалить отъ митрополіи Исаію Копинскаго, какъ челоувѣка уже престарѣлаго и болѣзненнаго, и избрали, вмѣстѣ съ бывшими тамъ духовными, въ митрополиты Петра Могилу. Король утвердилъ этотъ выборъ и далъ Петру Могилѣ привилегію на преобразование кіевского братскаго училища въ коллегію. Посланный въ Константинополь ректоръ кіевскихъ школъ Исаія Трофимовичъ испросилъ для Петра Могилы патріаршее благословеніе. П. Могила ревностно принялся за устройство церкви и коллегіи. Идеаломъ Могилы былъ такой русскій челоувѣкъ, который, крѣпко сохраняя и свою вѣру и свой языкъ, въ то же время былъ челоувѣкомъ образованнымъ, стоялъ бы въ уровень съ поляками, съ которыми судьба связала его въ государственномъ отношеніи. Преобразования Петра Могилы касались не только состава курсовъ и объема преподаванія наукъ, но и самаго характера воспитанія и образованія. Наукъ введено было больше, курсы наукъ были расширены; вмѣстѣ съ тѣмъ и самое образованіе и вся коллегія получили другой характеръ, во многомъ отличный отъ братскихъ школъ.

Могила, слѣдуя примѣру академіи краковской, открылъ въ своей школѣ полный курсъ наукъ словесныхъ, начиная съ низшихъ классовъ до философіи и богословія, завелъ бібліотеку и типографію, которая, впрочемъ, не долго тамъ существовала, а была соединена съ лаврскою. вмѣстѣ съ переименованіемъ Киево-братской школы въ коллегію, она была возведена на степень первоклассныхъ училищъ, а для приготовленія учениковъ въ кievскую коллегію Могила основалъ особую школу въ м. Винницѣ. Воспитанники училищъ были раздѣлены на два разряда: низшій и высшій; къ первому относились ученики низшихъ классовъ и ученики реторики и назывались *sodales minoris Congregationis*, ко второму относились студенты философіи и богословія и назывались *sodales majoris Congregationis**). Съ этимъ вмѣстѣ построена и конгрегационная училищная церковь во имя благов. кн. Бориса и Глѣба. Въ настоятели этой церкви былъ назначенъ іеромонахъ, бывшій учителемъ реторики, который потому назывался *Pater Congregationis*.

Съ увеличеніемъ числа учебныхъ, предметовъ послѣдовало и иное распредѣленіе классовъ. Такъ какъ первую статью училищной инструкціи составляло обязательнымъ изученіе языковъ: латинскаго, славянскаго и греческаго, то для этого открыты были четыре низшіе класса. Въ первомъ изъ нихъ обучали читать и писать, но непременно на трехъ языкахъ, а не на одномъ славянскомъ, какъ это было въ приходскихъ школахъ; этотъ классъ назывался аналогіею или фарою. Во второмъ классѣ, называвшемся инфимой, приучали учениковъ уже грамматическому разбору, ограничиваясь, впрочемъ, первоначальными понятіями. Въ классѣ грамматики прочитывались уже сполна грамматики означенныхъ языковъ съ подробнымъ филологическимъ разборомъ. Латинскій языкъ, безъ сомнѣнія, изучался по руководствамъ, принятымъ въ польскихъ училищахъ, гдѣ большую роль игралъ извѣстный Альваръ, проникнувшій въ братскія школы и кievскую коллегію. Затѣмъ уче-

*) Первые назывались учениками, вторые студентами.

ники переходили въ классъ синтаксисы, гдѣ они упражнялись въ переводахъ съ греческаго и латинскаго на славянскій и русскій и обратно.

Кромѣ того здѣсь преподавали катихизъ, ариметику, нотное пѣніе и отчасти музыку. Окончившіе ученіе въ низшихъ классахъ переходили въ средніе, которыхъ было два: классъ поэзіи, или піитики, и классъ краснорѣчія или реторики.

Теперешнія наши понятія о поэзіи представляютъ ее, какъ вѣнецъ и высшее проявленіе обработаннаго человѣческаго слова, но не то было въ то время. Коллегія разумѣла поэзію, только какъ *artem rangendi versus* — какъ искусство сплетать вирши а, конечно, потому поставило ее прежде реторики, что по опыту знали, что это ремесло не требуетъ большого труда и строгой послѣдовательности мыслей, что механическая работа стихосложенія сама собою вызываетъ слово за словомъ. Ученики синтаксисы переходили въ классъ піитики съ огромнымъ запасомъ словъ, эпитетовъ, синонимовъ и пр. Надобно было придумать средство къ установкѣ всего этого въ какомъ-нибудь порядкѣ и для этого тогдашніе ученые признали лучшимъ средствомъ извѣстное количество слоговъ, метръ, цезуру и проч. Стѣсняемый правилами піитики, ученикъ свободнѣе потомъ писалъ въ классѣ реторики, которая уже не предписывала ему ни метра, ни цезуры, а между тѣмъ онъ тутъ являлся уже пріученнымъ къ обдумыванію каждаго ставимаго на бумагу слова. Построенная по классическимъ источникамъ піитика и направленіе имѣла классическое, при поэтическомъ вымыслѣ прибѣгали къ изреченіямъ и примѣрамъ изъ классическихъ писателей и вводили образы изъ греческой миеологіи. Знаніе миеологіи процвѣтало въ коллегіи и сочиненія воспитанниковъ нерѣдко пополнялись всѣми богами Олимпа. Строеніе стиховъ было взято также изъ классическихъ руководствъ; стихи писали на латинскомъ, польскомъ и славянскомъ языкахъ.

Но пріучая механическимъ окончаніемъ виршей къ пра-

вильному сочетанію понятій и предложеній, преподаватели піитики въ то же время сообщали учащимся современныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи. Такъ, напр., въ учебникѣ, дошедшемъ до насъ отъ времени Петра Могилы (1637 г.) мы видимъ, что тогда трактовали о происхожденіи, достоинствѣ и значеніи поэтовъ, о томъ, что можетъ быть предметомъ поэтическихъ произведеній, и какъ раздѣляется поэма, что такое эпопея, комедія, трагикомедія, трагедія, буколическая, элегическая, идиллическая, дидактическая и сатирическая поэзіи и, наконецъ, истолковывали всѣ виды эпиграммы или надписей. По образцу польскаго стихосложенія образовалось въ Киевѣ стихосложеніе силлабическое, основанное на числѣ слоговъ, съ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ. Силлабическіе стихи и называли виршами (испорч. латинское *versus*). Направленіе словесности вообще въ Европѣ въ это время было панегирическое. Въ прозаическихъ сочиненіяхъ оно особенно выражалось въ рѣчахъ разнаго рода на разные случаи, а въ поэтическихъ преимущественно въ поэмахъ и одахъ. Поэма составляла главную форму эпической поэзіи и замѣняла древнюю героическую поэму. Главными характеристичными чертами одъ и поэмъ были съ одной стороны чрезмѣрная лесть восхваляемому лицу, съ другой — самоуничиженіе хвалителя. Такая лесть не только не порицалась, но прямо предписывалась правилами теоріи.

«Намѣреваясь восхвалить славнѣйшаго вождя, Іоанна Мазепу, или другого какого либо героя, говорится въ реторикѣ 1698 г., можешь аллегорически назвать его отцемъ отечества, который благодѣтельнымъ лономъ щедрости и милости объемлетъ всю Россію». Восхваляемаго героя можно было сравнить со всякимъ предметомъ, какъ бы онъ ни былъ высокъ, дажесъ самимъ Богомъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что «если мы распространяемъ что-либо чрезъ сравненіе съ Богомъ, то не должны и не можемъ говорить, что предметъ нашъ больше, чѣмъ твореніе Божіе, или что онъ — самъ Богъ; но достаточно сказать, что онъ или кажется подобнымъ Богу, или немного ниже

его *). При релігійно́мъ направленіи всего образованія были въ большомъ употребленіи произведенія духовнаго содержанія; въ лирической поэзіи къ такимъ произведеніямъ принадлежали переложенія церковныхъ пѣсней и молитвъ (напр. Царю небесный; Тебе, Бога, хвалимъ), такъ назыв. псалмы и канты; въ драматической поэзіи духовныя драмы или мистеріи. Кромѣ того, въ кіевскихъ шитикахъ говорится о разныхъ формахъ мелкихъ стихотвореній, которыя нравились по своей замысловатой, или просто забавной формѣ, таковы, напр., стихи раковидные или раки, которые одинаково можно было читать отъ лѣвой руки къ правой и обратно, окростики въ разныхъ видахъ, эпиграммы въ разныхъ формахъ — въ формѣ куба, яйца, бокала, сѣкиры, пирамиды, треугольника.**)

Преподаваніе реторики во многомъ было сходно съ преподаваніемъ ея въ извѣстныхъ того времени высшихъ европейскихъ школахъ. Въ руководствахъ, относящихся къ XVII в., реторику дѣлятъ то на двѣ, то на три части, но каждая изъ нихъ имѣла предметомъ своимъ одно и то же. Сначала говорили объ изобрѣтеніи мыслей, потомъ о расположеніи и, наконецъ, о выраженіи.

Къ этому иногда присоединялись правила, какъ сочинять рѣчи и письма поздравительныя, привѣтственныя, благодарственныя, просительныя, прощальныя и подгробныя. Съ риторикой иногда соединялась діалектика, составлявшая какъ бы переходъ отъ науки словесныхъ къ философіи. Риторика преподавалась по латинскимъ руководствамъ, составленнымъ по сочиненіямъ Аристотеля, Димитрія Александрійскаго, Цицерона и Квинтиліана. Въ Кіевской Академіи сохранилось множество руководствъ какъ по реторикѣ, такъ и по шитикѣ съ самыми замысловатыми заглавіями: Fons Castalius, Lyra, Parnassus, Hortus poëticus, Самоена и пр.

Классы реторики и шитики всегда были полны слуша-

* Труды Кіев. Дух. Акад. 1866. Ст. 91—92.

** Труды Кіев. Дух. Ак. Ч. 2, ст. 320—321, 1866, ч. 1, 1867, ст. 104—118, у Порфирьева ст. 607.

телями, ибо тутъ преподавалась то, что было самымъ необходимымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ времени.

Высшихъ классовъ было два: философскій и богословскій.

Несмотря на то, что въ XVII в. Англія уже имѣла Бэкона и Локка, а Франція Декарта, Кіево-Могилянская коллегія главнымъ руководителемъ въ философскихъ наукахъ признавала только Аристотеля. Безъ сомнѣнія, философія этого великаго общемірового мыслителя имѣла и имѣетъ громадное образовательное значеніе, но въ коллегіи она преподавалась не въ подлинной системѣ, но по толкованіямъ, составленнымъ средне-вѣковыми схоластиками. Въ учебникахъ по философіи обыкновенно философія дѣлилась на три части: философію умственную или логику, философію естественную, или физику, и божественную, или метафизику.

Первой части философіи предшествовало діалектика, трактовавшая о законахъ разсудка во всѣхъ проявленіяхъ его дѣятельности. Сообщивъ свѣдѣнія о законахъ, діалектика приступала къ раскрытію перваго разсудочнаго дѣла, именно составленія понятій, затѣмъ предложеній, и, наконецъ, доказательствъ или силлогистическихъ умозаключеній. Такимъ образомъ это было какъ бы теоретическая часть умственной философіи; т. н., логика становилась въ этомъ случаѣ какъ бы прикладною наукою; ибо тѣ же самые законы мышленія она прилагала только къ разнымъ случайностямъ умственнаго дѣланія. Второй частью философской науки являлась физика, которая была довольно обширна: она излагала общее начало всѣхъ вещей, матерію, форму, и ихъ видоизмѣненія; говорила о природѣ и свойствѣ предметовъ видимыхъ, жизни ихъ, какъ самихъ въ себѣ, такъ и внѣ себя, о безконечномъ и его качествахъ, пространствѣ, времени и физической пустотѣ; рассматривала законы общаго движенія и говорила о душѣ вообще и душѣ разумной со всѣми ея силами и способностями. Въ трактатѣ о душѣ высказаны всѣ тогдашнія психологическія свѣдѣнія; эти свѣдѣнія основались на библейскихъ сказаніяхъ о душѣ, развитыхъ и утонченныхъ схоластикой. Метафизика

траговала о существахъ возможныхъ и безтѣлесныхъ и объ отношеніи конечнаго къ безконечному. Эта часть философіи преподавалась въ размѣрахъ менѣе обширныхъ, чѣмъ прочія части. Къ этимъ частямъ философіи присоединялась этика, хотя она встрѣчается не во всѣхъ философскихъ учебникахъ. Обращая вниманіе на методъ изложенія философскихъ трактатовъ, мы видимъ рядъ диспутацій, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на нѣсколько частныхъ пунктовъ, дробившихся на еще болѣе частныя положенія, вызывавшія, въ свою очередь, нѣсколько случайныхъ возраженій и опроверженій. Образцомъ философскаго учебника, составленнаго по Аристотелю, могутъ служить лекціи Юсафа Краковскаго. Въ этихъ лекціяхъ, говоритъ г. Линчевскій, собрана такая масса философскихъ свѣдѣній, столько учености, что на нихъ можно смотрѣть какъ на сборникъ, составленный трудами многихъ ученыхъ. Руководясь въ изученіи философіи Аристотелемъ, юго-западные ученые педагогики нерѣдко обращались въ своихъ чтеніяхъ къ источникамъ церковнаго характера; св. Писаніе и ученіе св. отцовъ церкви достаточно занимали мѣста въ ихъ трактатахъ и особенно тогда, когда разумъ «не доумѣвалъ» относительно какого-либо философскаго предмета. Рѣшеніе всѣхъ философскихъ вопросовъ въ этихъ учебникахъ состояло изъ сбора мнѣній средневѣковыхъ схоластиковъ и текстовъ св. Писанія, приводимыхъ, большею частію, безъ всякой критической оцѣнки. На изученіе философіи полагалось не менѣе трехъ лѣтъ. За то она въ это время исчерпывалась, какъ выражаются наставники философіи въ своихъ конспектахъ, «до слова, до одинаго термина».

Плодомъ такого довольно продолжительнаго изученія философіи было то, что студентъ выходилъ изъ философскаго класса довольно хорошимъ знатокомъ діалектическихъ тонкостей. Однако суровая строгость и головоломная сухость, какъ говоритъ Аскоченскій, философіи какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украйны. Они уважали ее, даже поставляли за честь себя отличать діалектической тонкостью, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно всей душой привязаться къ этой науки,

погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея съ тѣмъ чтобы потомъ самостоятельно двигать и разрабатывать ее, ни у кого не доставало охоты. Вотъ почему ни въ XVII, но даже въ XVIII у насъ не было самостоятельной философіи, не было и собственной науки, приходилось пользоваться трудами западно-европейскихъ ученыхъ и философовъ.

Практическими упражненіями въ философскомъ классѣ были сочиненія какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ языкахъ, носившія громкое названіе великихъ диссертацій, которыя произносились въ общихъ студенческихъ собраніяхъ. Въ этомъ же классѣ студенты учились составлять и произносить проповѣди.

Однако выше всѣхъ наукъ въ Кіево-Могилянской коллегіи считалось богословіе, которымъ заканчивался курсъ и увѣнчивалось все стройное научное зданіе. Оно читалось съ большою полнотою, отчетливостью и стройностью, и потому курсъ богословскаго класса заканчивался только въ четыре года. Въ виду обстоятельствъ времени и главной цѣли коллегіи преподаваніе богословія носило полемическій характеръ и именно главною цѣлью укрѣпить и защищать отъ иновѣрныхъ нападокъ православіе. Если прибавить къ этому, что для преподаванія богословія избирались люди извѣстные своею ученостью, преданностью православію и читали его съ искреннимъ увлеченіемъ, то неудивительно, что наука эта была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи въ Кіевской коллегіи.

Всѣ почти высшія заведенія западной Европы того времени руководствовались, по части богословія, системою Томы Аквината, носившаго названіе *Doctoris Angelici et Divini*. Такъ какъ первые преподаватели коллегіи сами получили воспитаніе за границей, то въ своихъ лекціяхъ руководствовались тѣмъ же Томою Аквинатомъ, но современныя событія неизбежно должны были вызывать преподавателей на рѣшеніе такихъ вопросовъ, о которыхъ Тома Аквинатъ ничего не говорилъ. Иновѣрные споры и толки неволью заставляли преподавателей отрываться отъ Аквината и вести рѣчь не латинскими силло-

гизмами» а отъ догматовъ и писаній святыхъ отцовъ восточныхъ. Богословскіе системы, появившіяся вскорѣ въ Кіевской коллегіи, отличались оригинальными мыслями и своеобразнымъ планомъ построения и служатъ явнымъ доказательствомъ того, что кіевскіе ученые стремились къ самостоятельной разработкѣ богословской науки.

Въ классѣ богословія преподавалась и гомилетика, хотя преподаваніе ея не стояло на большой высотѣ. Но несмотря на недостаточность школьнаго преподаванія гомилетики, всѣ преподаватели коллегіи, согласно волѣ и распоряженія П. Могилы, обязаны были говорить въ воскресенья и праздничные дни поученія въ большой братской церкви.

Главнѣйшимъ изъ языковъ, преподаваемыхъ въ коллегіи, былъ языкъ латинскій. На него было обращено особенное вниманіе какъ потому, что онъ былъ, по выраженію патріарха Паисія, «благопотребенъ тогда кіевлянамъ, яко между латинами живущимъ»; такъ и потому, что въ Западной Европѣ на немъ преподавались всѣ вообще науки и безъ него нельзя было пріобрѣсти названія образованнаго человѣка. За то въ Кіевской коллегіи приняты были всѣ мѣры, чтобы усовершенствовать воспитанниковъ въ знаніи латыни. Едва ребенокъ поступалъ въ школу, ему тотчасъ давали въ руки латинскій букварь и отчета въ заданномъ урокѣ требовалъ гораздо строже, чѣмъ по другимъ предметамъ; прійти въ коллегію съ невыученнымъ урокомъ и скрыть свое незнаніе не было никакой возможности; ибо предварительно ученикъ долженъ былъ отвѣтить свой урокъ т. н., аудитору (избиравшемуся изъ лучшихъ учениковъ), аудиторъ же сообщалъ свѣдѣнія о занятіяхъ учениковъ преподавателю. Каждую субботу происходило повтореніе недѣльнаго курса и сличались отмѣтки въ нотахъ: оказавшіяся неуспѣвающими тутъ же получали приличное вознагражденіе.

Кромѣ того ученики занимались переводомъ латинскихъ авторовъ на русскій языкъ. Это происходило двойнымъ образомъ: устно и письменно. Последнимъ дѣломъ ученики занимались въ коллегіи и дома; классныя ихъ задачи назывались

екзерциціями (exercitia) а домашнія оккупаціями (occupaciones). Воспитанникъ низшихъ классовъ и особенно синтаксисмы непременно обязаны были объясняться между собою на латинскомъ языкѣ, хотя бы то было и внѣ коллегіи. «Въ ней, особенно въ періодъ съ 1631 года по 1701 г., пишетъ М. И. Сухомлиновъ*), знаніе латинскаго языка было въ высшей степени распространено. Онъ былъ и языкомъ науки и языкомъ разговорнымъ. На немъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катихизиса и славянской грамматики. По латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ, дома и на улицѣ, всюду, гдѣ приходилось имъ встрѣчаться. За ошибку въ латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-русски, виновный подвергался самому строгому взысканію. Многіе духовные наши писатели, образовавшіеся въ XVII стол., писали свои сочиненія на латинскомъ языкѣ. Его вліяніе простиралось всюду, на всѣ роды и виды литературы, оно проникало и въ обыкновенную переписку, не назначенную для печати, по дѣламъ общественнымъ и даже домашнимъ». Польскій языкъ хотя и не преподавался, но былъ знакомъ всѣмъ учащимся, какъ общераспространенный въ Кіевѣ: и преподаватели и воспитанники коллегіи говорили на немъ охотнѣе и, можетъ быть, даже свободнѣе, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Изученіе церковнославянскаго и мѣстнаго русскаго хотя и существовало, но самый мѣстный языкъ представлялъ странную и нескладную смѣсь польскихъ и малороссійскихъ выраженій. Тѣмъ не менѣе, теоретическое изученіе русскаго языка и филологическое его изслѣдованіе началось на юго-западѣ Россіи и Кіеву въ этомъ отношеніи принадлежитъ не малая заслуга. Іезуиты, возмущившіе кіевлянъ противъ коллегіи, между прочимъ и тѣмъ, что въ ней находится въ большомъ пренебреженіи греческій языкъ и что она явно предпочитаетъ языкъ латинскій, имѣли нѣкоторое основаніе, такъ какъ, дѣйствительно, въ Кіево-Могилянской коллегіи греческій языкъ стоялъ на второмъ

*) О языкованіи въ древней Россіи. Учен. записки второго отд. Импер. Академіи Наукъ. Стр. 237.

планѣ, однако, изъ этого нельзя дѣлать вывода, что онъ былъ вовсе въ пренебреженіи; такъ какъ если бы это была правда, коллегія не произвела бы такихъ эллинистовъ, какъ Епифаній Славинецкій, Сатановскій и др.

Курсы піитики и реторики сопровождались упражненіями въ сочиненіяхъ виршъ и орацій на славянскомъ и латинскомъ языкахъ: церковныя и школьныя празднества, именины покровителей, начальниковъ и наставниковъ коллегіи и другія подобныя торжества доставляли учащимся частые случаи выступать съ такими сочиненіями за предѣлы своего класса. Кроме того, воспитанники разыгрывали драматическія произведенія религіознаго и нравственно-аллегорическаго содержанія, сочиненныя наставникомъ коллегіи.

Но особенно большое значеніе въ педагогическомъ отношеніи Кіево-Могилянская коллегія придавала диспутамъ. Въ то время и въ западной Европѣ истиннымъ нервомъ обученія былъ диспутъ. Жизнь схоластики былъ въ диспутѣ. Все къ нему сводилось. Диспутъ былъ единственнымъ упражненіемъ учащихся. Магистры обязаны были, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю состязаться между собою въ присутствіи учениковъ. Бывали торжественные диспуты, привлекавшіе массы. Споры велись съ крайнимъ увлеченіемъ, не знавшимъ удержа. Раздѣлялись на партіи, спорили до хрипоты, кричали, говорили грубости, оскорбленія, произносили угрозы. Когда страсти разгорались, доходили до рукопашныхъ схватокъ (Thurot, 89)*). Кіевская коллегія любила также диспуты. Безъ диспутовъ не проходила ни одна лекція въ философскомъ классѣ; безъ диспутовъ, говорилъ Рафаиль Заборовскій (быс. рек. 1731—1747) въ своей инструкціи, не возможно усвоить никакихъ познаній**). Еще въ низшихъ классахъ въ школьныхъ разговорахъ есть нѣчто похожее на диспуты: но тамъ имѣлось болѣе въ виду изученія латинскаго языка, чѣмъ изощреніе мыслительныхъ способностей; диспуты въ полномъ

*) Н. А. Любимовъ. Средневѣковая наука въ школахъ и внѣ школы. Рус. Вѣстн. № 1, 1893. Стр. 248.

***) Актъ Кіевск. Акад. т. 1, № 4, пунктъ VII.

смыслѣ начинались только съ философскаго класса. Въ этомъ классѣ диспуты замѣняли и преподаваніе уроковъ и недѣльные репетиціи. «Во время чтенія лекціи, учитель предлагалъ ученику какой-либо вопросъ изъ прочитаннаго; прослушавъ мнѣніе спрошеннаго ученика, учитель спрашивалъ его товарища, справедливо ли мнѣніе спрошеннаго; когда во мнѣніяхъ расходились оба спрошенные ученика, между ними завязывался диспутъ. Но диспуты имѣли и другую форму. Учитель назначалъ ученикамъ всего класса какой-либо отдѣлъ изъ преподаваннаго приготовить на извѣстный день. Пришедши въ классъ, онъ поднималъ двухъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ защищалъ какое-либо спорное мнѣніе, а другой возражалъ ему. Подобнаго рода диспуты бывали часто во время классныхъ занятій, но преимущественно для нихъ назначалась суббота. Они назывались приватными. Самъ Петръ Могила весьма любилъ диспуты. Въ Мнемозинѣ одинъ изъ учениковъ говорилъ ему: «твое развлеченіе книги, и ученые тебѣ любезны и пріятны диспуты по разнымъ вопросамъ.» Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что еще во время Могилы диспуты были въ употребленіи въ коллегіи. Для того, чтобы заставить всѣхъ учениковъ высшихъ классовъ присутствовать на диспутахъ и слушать ихъ со вниманіемъ, митр. Т. Щербацкій приказалъ учителямъ спрашивать учениковъ въ классѣ, на другой день, послѣ диспута: «кто какіе аргументы говорилъ, какой кто именно фундаментъ положилъ своей опугны, какъ сольвованъ отъ дефендента или его учителя всякій аргументъ, что позволено и что не доказано, какая салюція въ дистинкціи послѣдовала, какая оной дистинкціи экспликація и какимъ именно документомъ себѣ господа дефенденты защищаютъ. А кто бы на диспуты не ходилъ, тѣхъ записывать и имѣть ихъ за нерачительныхъ въ своемъ званіи; кондицій имъ не давать или и данныхъ лишать». Въ этомъ предписаніи Тимоеея Щербацкаго (бывш. рект. 1747—1757 г.г.) высказано все, что и раньше требовалось отъ диспутовъ. Впрочемъ, изъ неоднократнаго принудительнаго предписанія, какъ митрополитовъ, такъ и начальства

коллегіи относительно присутствія учениковъ на диспутахъ видно, что учащіеся не долюбивали диспутовъ. Причина, почему не любили диспутовъ понятна, они были дѣломъ не только нелегкимъ, но даже головоломнымъ. Публичные диспуты, бывшіе въ Кіевской коллегіи, обставлены бывали весьма торжественно. На диспутъ съѣзжались всѣ знатнѣйшіе сановники Кіева и окружные помѣщики, пріѣзжалъ даже и самъ митрополитъ. Когда митрополитъ и знатнѣйшіе изъ посѣтителей усаживались по мѣстамъ, префектъ подносилъ имъ разрисованныя конклюдіи или программы предстоящихъ диспутовъ.

Въ такихъ формахъ и въ такомъ исправленіи утвердилась въ Кіевѣ наука. Она была до нѣкоторой степени снимкомъ съ западной схоластической науки. Въ этомъ заключалась ея сила и ея слабость. Съ одной стороны она была равносильнымъ оружіемъ для борьбы съ латинствомъ, съ другой стороны, усвая образованіе отъ латинскихъ ученыхъ, кіевскіе ученые часто увлекались подражаніямъ имъ, и, ратуя противъ латинства, облекали свое ученіе нерѣдко въ латинскія формы и строгимъ ревнителямъ православія даже сами могли показаться латинствующими. Такимъ, дѣйствительно, и показались кіевскіе ученые московскимъ грамотникамъ, когда явились въ Москву. Въ дисциплинѣ коллегіи мы не видимъ уже той семейной простоты, которою дышала педагогія братскихъ школъ, но за то является уже всестороннею системою воспитанія, въ которой предусмотрѣны и подведены подъ правила школьныхъ уставовъ всѣ мотивы дѣятельности учащихся. Къ сожалѣнію, до насъ немного дошло данныхъ, относящихся къ дисциплинарному устройству коллегіи отъ Петра Могилы до Рафаила Заборовскаго (бывш. ректоромъ 1731—1747 г.). Сохранился одинъ только интересный памятникъ «Анеологіонъ» Петра Могилы. Въ этомъ памятникѣ сказалась горячая, чисто отеческая любовь и забота воспитателя о добромъ направленіи умовъ и сердець учащихся. «Часто мнѣ, говоритъ здѣсь П. Могила, представлялось, чтобы въ школахъ не только высшія науки, но тѣмъ паче и выше всего благочестіе вкоренялось и посѣвалось въ сердцахъ вашихъ, о юноши, а

безъ того всякая мудрость есть буйство предъ Богомъ». Всѣ правила и наставленія, преподанныя Могилою «для добраго и пристойнаго житія и расположенія воли воспитанниковъ» дышать строгимъ благочестіемъ. Но была и обратная сторона медали. «Дурныя стороны кіево-могилянской педагогіи, вытекавшія изъ группировки учебныхъ предметовъ и способовъ ихъ преподаванія, усиливались и осложнялись, вслѣдствіе крайняго преобладанія началъ юридическихъ надъ началами собственно педагогическими. Воспитаніе обращалось въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Командирство охватывало всѣ школьныя отношенія сверху до низу» *).

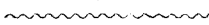
Изъ сказаннаго видно, что главное усиліе кіевской коллегіи было направлено къ тому, чтобы усилить и укрѣпить православную русскую вѣру, а для этого сдѣлать своихъ учениковъ ораторами, проповѣдниками, людьми искусными въ развитіи извѣстныхъ религіозныхъ положеній и находчивыми въ діалектической защитѣ. И не смотря на свои недостатки, достаточно отмѣченные литературой (порой сильно преувеличенные), схоластическое образованіе оказало большое вліяніе на своихъ питомцевъ: умы крѣпли и изсцрялись, пробуждалось уваженіе къ интересамъ мысли слова, смягчались нравы и формы человѣческихъ отношеній. Съ такимъ характеромъ образованія воспитанники кіевской коллегіи занимали видное положеніе въ обществѣ и литературѣ. Правда, порой отсюда выходили люди съ большимъ самомнѣніемъ, съ жаждою господства, но въ общемъ, благодаря строгой дисциплинѣ, коллегіи вырабатывали людей съ большимъ самообладаніемъ, съ умѣньемъ подчиняться авторитету власти и въ то же время горой стоять другъ за друга. Такія люди могли уже защищать не только религіозные, но и научные интересы. У кіевскихъ ученыхъ совершенство идеала становится уже не въ строгомъ отчужденіи отъ міра, а въ духовномъ просвѣщеніи.

*) См. Н. Ѳ. Сумцовъ. Іоанникій Галатовскій. К. 1884 ст. 7.

ніи ума тѣми науками, которыя помогаютъ служенію религіознымъ интересамъ. Подъ вліяніемъ этой науки идеаль высшей духовной жизни перерождается и, мало по малу, вноситъ въ жизнь новыя стремленія. Такимъ образомъ начало любви и уваженія къ наукѣ было положено не въ петровское время и не его сотрудниками, которые явились только развѣтателями и продолжателями, а гораздо раньше, съ основаніемъ Кіево-Могилянскои коллегіи. Безъ Кіевскихъ ученыхъ и Петру Первому едва ли бы удалось двинуть русское просвѣщеніе.

Пособія: Голубевъ С. Ист. Кіев. Дух. Ак. ч. I. Аскоченскій, Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею. 1856 г. ч. 1—2, іером. Булгаковъ. Исторія Кіевскои Академіи Спб. 1843. Линчевскій М. Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіевскои Академіи (Тр. К. Д. А. 1870). Сухомлиновъ М. И. О языкознаніи въ древней Руси. Уч. Зап. 2-го от. Им. Ак. Н. Майковъ Л. Очерки изъ исторіи рус. литер. XVII и XVIII. стол. 1889. Порфирьевъ. Ист. р. сл. ч. I. С. Голубевъ. Кіев. митр. Петръ Могила и его сподвижники т. I.

Глава XVIII.

Состояніе юго-западнаго просвѣщенія. Дѣятели юго-западнаго просвѣщенія XVII вѣка.

Подъ вліяніемъ братскихъ школъ съ одной стороны, а главнымъ образомъ подъ сильнымъ вліяніемъ Кіево-могилянскои коллегіи въ Юго-Западной Руси XVII в. начало довольно значительно распространяться просвѣщеніе, и въ XVII в. мы встрѣчаемъ много уже образованныхъ и просвѣщенныхъ людей. Изъ числа выдающихся лицъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ

указать на Мелетія Смотрицкаго, Гизеля, Барановича и Галатовскаго.

«Свѣтлость умѣстности и правды» въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже и въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе господа пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, церковныя братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южно-русскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венуловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича. Московское государство стало пользоваться услугами южно-русскихъ и западно-русскихъ ученыхъ съ половины XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ иноковъ Епифанія Словинецкаго и Арсенія Сатановскаго. Вскорѣ приближеннымъ къ царю челоувѣкомъ, наставникомъ царскихъ дѣтей становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій.

Въ исторіи южно-русской науки и литературы XVII ст., говоритъ проф. Н. Сумцовъ *), можно намѣтить два главныхъ періода, періодъ греко-славянскій и періодъ польско-латинскій. Греко-славянскій періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ восьмидесятихъ годовъ XVI ст. до тридцатыхъ годовъ XVII ст. Очагомъ научнаго движенія являются греко-славянскія братскія училища. Научное образованіе даваемое ими состояло главнымъ образомъ въ изученіи греческаго и славянскаго языковъ и въ основательномъ ознакомленіи съ богословіемъ. Изъ лицъ высшаго сословія, въ концѣ XVI ст., дѣятельными насадителями науки въ юго-западной Руси являются князь Андрей Курбскій и въ особенности кн. Константинъ Острѣжскій. Характеристическія особенности науки

*) Характеристика южно-русской литературы XVII в. Кіевъ 1885. ст. 6.

и литературы конца XVI и начала XVII ст. состоитъ въ ихъ тѣсной связи съ народной жизнью, въ томъ, что онѣ исходятъ изъ народной жизни, питаются ею, почерпаютъ въ ней свои главные силы. Воспитанники греко-славянскихъ братскихъ школъ выступили на литературное и научное поприще въ первые годы XVII ст. Это были уже «збройные рыцари» въ области полемическаго богословія. Можно сказать, съ каждымъ годомъ въ лагерѣ православныхъ все болѣе и болѣе усиливается «свѣтлость умѣстности». Начавшись въ концѣ XVI ст. небольшими и суровыми сочиненіями, «Зачепкой» Христофора и »Краткословнымъ отвѣтомъ» Феодула, южно-русская литература развивалась очень быстро, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, заверше-ніемъ и лучшимъ выраженіемъ южно-русской литературы, развившейся подъ вліяніемъ братскихъ школъ, служить «Палинодія» Захаріи Копыстенскаго, — огромное религіозно-полеми-ческое сочиненіе, приготовленное для печати въ 1622 г., но не напечатанное по неизвѣстнымъ причинамъ. «Палинодія» въ рукописи была извѣстна южно-рускимъ людямъ и послужи-ла матеріаломъ и пособіемъ для другихъ, болѣе позднихъ сочиненій. Достаточно самымъ бѣглымъ взглядомъ пробѣжать по страницамъ Палинодіи, замѣчаетъ Завитневичъ*), чтобы убѣдиться, что авторъ ея много копался въ разнаго рода древнихъ историческихъ памятникахъ и новѣйшихъ сочине-ніяхъ, прежде чѣмъ рѣшился взяться за перо. У него нельзя отыскать ни одного положенія, которое не было бы закрѣплено болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ», Во второе и третье десятилѣтіе XVII в. появилось два капитальныхъ филологи-ческихъ произведенія «Славянская грамматика» Мелетія Смо-трицкаго и «Лексиконъ славено-россійскій, именъ толкованія» Памвы Берынды. Мелетій Смотрицкій былъ сыномъ ректора Острожскаго училища. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ

*) Завитневичъ. Палинодія ст. 341

своего отца и руководствомъ его преемника по ректорству Кирилла Лукориса Мелетій (въ мѣрѣ Максимъ) получилъ первоначальное образованіе «во благочестіи и наказаніи книжномъ и грамматичномъ, будучи обученъ славянски, гречески и латински» кн. К. Острожскій, замѣтивши въ Мелетіи Смотрицкомъ блестящія способности и, вслѣдствіе этого, рѣшившись дать ему самое широкое образованіе, отправилъ его въ 1601 г. въ виленскую іезуитскую коллегію, гдѣ Мелетій и кончилъ курсъ съ большимъ успѣхомъ. Безъ сомнѣнія, что М. Смотрицкій не избѣжалъ вліянія іезуитской педагогіи. Затѣмъ онъ отправился въ заграничное путешествіе, слушалъ лекціи въ протестантскихъ университетахъ и на время отдалился отъ іезуитовъ. По возвращеніи на родину, Смотрицкій явился жаркимъ ревнителемъ православія. Самое видное мѣсто между его произведеніями этого періода дѣятельности занимаетъ *Өриносъ* или *Плачь Восточной церкви съ объясненіемъ догматовъ вѣры*. Это первое, несомнѣнно принадлежавшее М. Смотрицкому сочиненіе вышло въ Вильнѣ въ 1610 г. подъ псевдонимомъ *Өеофила Ортолога*. Книга Смотрицкаго была принята съ восторгомъ православными: они ее не выпускали изъ рукъ, оставляли дѣтямъ, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, приказывали даже власть съ собою въ гробъ. Смотрицкій приобрѣлъ такую славу, что восторженные южно-руссы называли его отцомъ православія и окружали всевозможнымъ вниманіемъ. Но Смотрицкій не устоялъ на высотѣ своего положенія и впослѣдствіи (1624 г.) перешелъ въ Унію.

Для насъ особенно важна грамматика Смотрицкаго, впервые изданная въ 1619 г. и представлявшая систематическое изложеніе грамматическихъ правилъ. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая терминологія, лишь очасти измѣненная Ломоносовымъ. Смотрицкій устранилъ изъ грамматики членъ, какъ несвойственный славянскому языку, ввелъ ученіе о видахъ, замѣтилъ достигательное наклоненіе, удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Его грамматика пользовалась большой извѣстностью; нѣсколько разъ была издана (1629 въ Вильнѣ, 1648 и 1721 г. въ Москвѣ);

изъ нея дѣлали извлеченія и сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляетъ эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова, — словомъ, она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатанія не только въ Россіи, но и въ Болгаріи, въ Сербіи и даже у глаголистовъ *).

Грамматика М. Смотрицкаго имѣла большое вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе особенно въ Велико-россіи, куда была принесена кіевскими учеными, приглашенными въ XVII ст. въ Москву. Она долгое время служила руководствомъ при изученіи церковно-славянскаго языка и пособіемъ для справщиковъ при печатаніи ими книгъ. Что грамматика Смотрицкаго употреблялась въ великорусскихъ школахъ, могутъ служить выписки изъ грамматики Смотрицкаго, нападающіяся въ азбуковникахъ. Объ этомъ Мордовцевъ замѣчаетъ: «Въ нашемъ сборникѣ (XVII в.) между разными азбуковниками и руководствами, попадаетъ очень много грамматическихъ отдѣловъ, и притомъ очень различнаго содержанія. Въ числѣ ихъ видимъ большія выписки изъ грамматики Смотрицкаго, съ означеніемъ, на поляхъ, листовъ ея изданія **).

Второй періодъ южно-русской науки и литературы обнимаетъ время отъ тридцатыхъ до конца восьмидесятыхъ годовъ XVII ст. около пятидесяти лѣтъ въ цѣломъ. Очагомъ научнаго движенія служитъ кіево-могилянская collegія. «Научное образованіе, говоритъ проф. Сумцовъ, состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средне-вѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Второй періодъ южно-русской литературы характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славян-

*) Засадкевичъ. М. Смотрицкій, какъ филологъ ст. 98--99.

***) Характеръ южно-рус. литер. ст. 12--13.

скимъ. Значительное большинство сочиненій на языкѣ польскомъ; краевой южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ; изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству, переходящая порой въ сумасбродство. Развивается крайній панегиризмъ. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни, общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности. По времени дѣятельности, по взаимнымъ, личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣатели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII ст. Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Во вторую группу входятъ дѣатели шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивилловскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галятовскій. Всѣ эти дѣатели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель—Барановича и Радивилловскаго, Барановичъ—Галятовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали сообща и въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій (единствомъ воспитанія). Въ общественной, научной и литературной дѣятельности Барановича, Гизеля и Галятовскаго, прибавляетъ проф. Н. Сумцовъ*) есть много цѣннаго; въ сочиненіяхъ ихъ среди разнаго схоластическаго хлама мѣстами, нельзя сказать чтобы часто и отчетливо, пробивается свѣтлая мысль и гуманное чувство,

*) Характ. южно-рус. литер. ст. 14.

обнаруживается пониманіе общественныхъ потребностей и желаніе потрудиться для ихъ удовлетворенія.

Барановичъ, Галятковскій, Гизель свои мнѣнія объ улучшеніи общественной и семейной жизни, науки и литературы высказывали неоднократно. Они настаивали, чтобы въ большихъ городахъ были заведены коллегіи и типографіи, чтобы въ селахъ повсемѣстно были школы и шпитали, что воспитаніе и образованіе юношества должно основываться на религіозно-нравственныхъ началахъ, а общественныя и семейныя отношенія опредѣляться евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Въ нравственную обязанность поставлялось «предпочитати добро общее надъ уединенное». *)

Южно-русскіе ученые XVII ст. Бронскій, Смотрицкій, Копытенскій, Барановичъ, Галятковскій, Радивиловскій, постоянно дѣлаютъ указанія на источники. Такъ въ «Апокрисисѣ» насчитывается 60 пособій автора, во Фриносѣ 145, въ «Палинодіи» 142. Указанія на пособія находятся или въ началѣ книги, послѣ предисловія, или въ книгѣ на поляхъ или вставлены въ самый текстъ. Одни писатели, напр., Барановичъ, ссылаются исключительно на духовныхъ писателей, другіе, напр., Смотрицкій и Галятковскій, часто приводятъ имена писателей свѣтскихъ. Галятковскій охотно указываетъ на прочитанныя имъ сочиненія. Эти указанія довольно любопытны для историка юго-западной науки и литературы, такъ какъ открываютъ, какія книги вращались въ кіевскомъ учебномъ мірѣ двѣсти лѣтъ назадъ и какъ пользовались ими южно-русскіе писатели **).

Такимъ образомъ юго-западная литература XVII в. отличается именно характеромъ того образованія, которое господствовало какъ въ братскихъ школахъ, такъ особенно въ Киево-могилянской коллегіи. Характеръ этой литературы — религіозно-церковный; наука была призвана въ школы для служенія вѣрѣ и церкви. Главною цѣлью образованія была защита вѣры и церкви отъ иновѣрныхъ нападеній; существен-

*) Слово Гизеля въ его книгѣ «Миръ», привед. у Сумцова ст. 15.

**) Сумцовъ П. Іоанникій Галятковскій 1884 ст. 8.

ная же особенность юго-западной литературы, отличающая ее отъ древне-русской письменности, составляютъ научные въ ней элементы, научные приемы и формы.

Замѣчательными поборниками по православной вѣрѣ были ректоръ кievской коллегіи Іоанникій Галятовскій († 1688 г.) и архіеп. Черниговскій, Лазарь Барановичъ († 1694 г.) Галятовскій былъ основательно знакомъ съ Священнымъ Писаніемъ, св. отцами церкви, многими западно-европейскими схоластическими писателями, и имѣлъ довольно обширное знакомство съ польской литературой, преимущественно исторической. У него встрѣчаются ссылки на Овидія, Цицерона, Сенеку, Квинта Курція и др. И несмотря на то, что І. Галятовскій былъ самый начитанный человекъ своего времени, у него не видно критическаго отношенія къ источникамъ и пособіямъ, онъ выбиралъ изъ книгъ только то, что такъ или иначе относилось къ занимавшему его вопросу, хотя, конечно, и въ этомъ уже заслуга немалая.

Іоанникій Галятовскій былъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ юго-западной Руси XVII в. Онъ не только сочинялъ проповѣди, но и далъ правила, какъ ихъ сочинять; съ сборникомъ своихъ проповѣдей, т. н., «Ключемъ разумѣнія, онъ соединилъ книгу: «Наука, албо способъ о сложеніи казаній» (т. е. поученій). Книга эта изложена коротко, просто и ясно. Предусмотрѣно и объяснено все существенное въ проповѣдничествѣ, выборъ темы, раздѣленіе проповѣди на части и какъ заинтересовать слушателей. «Науку» Галятовскаго можно изложить въ слѣдующихъ короткихъ словахъ. Тема для казанья берется изъ Священнаго писанія. Въ казаньѣ должно быть три части 1) экзордіумъ, или приступъ, въ которомъ проповѣдникъ «ознаймуетъ людямъ пропозицію свою, поставлена умыслу своего, що умыслилъ на казаню мовити 2) норація, или самая проповѣдь, гдѣ казновдѣя объясняетъ то, что въ экзордіумъ обѣщаль объяснить, и 3) конклюдзія, или заключеніе. Всѣ три части должны быть тѣсно связаны между собою и строго согласованы съ темою. Другой способъ составленія проповѣди состоитъ въ томъ, что

въ narraціи тема раздѣляется на части, и каждая часть разбирается отдѣльно. Въ воскресные дни удобно говорить проповѣдь о смиреніи, милостыни, постѣ или о какомъ-либо пороку, напр., пьянствѣ, развратѣ и т. п.; въ дни праздничные проповѣдь можетъ состоять въ похвалѣ того святого, котораго празднуютъ, въ объясненіи его дѣлъ и добродѣтелей. Чтобы возбудить вниманіе слушателей, Галатовскій совѣтуетъ проповѣднику «обѣщати якую новую речь показати, которой они не видѣли и не чували», или прибѣгнуть къ толкованію значенія имени святого, напр. имени св. Владиміра, св. Христофора, св. Николая. Проповѣдникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его казанье для всѣхъ было понятно, чтобы въ казанье не прокрасились мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и, наконецъ, чтобы проводимое въ казанье нравственное наставленіе было укрѣплено на назидательныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, примѣрахъ, сравненіяхъ или уподобленіяхъ*). «Можетъ быть, кто-нибудь спросить», говоритъ Г. Галатовскій, «откуда намъ взять матерію, изъ которой мы могли бы составить проповѣдь? Отвѣчаю: нужно читать Библию, жизнеописанія святыхъ, творенія учителей церковныхъ, — Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Аванасія, Феодорита, Ефрема, Іоанна Домаскина и другихъ учителей церковныхъ, которые толкуютъ св. Писаніе». Но кромѣ того «нужно читать исторію и хроники о различныхъ панствахъ и странахъ, что въ нихъ дѣлается и что дѣлалось. Нужно читать книги о звѣряхъ, камняхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зѣльяхъ, камняхъ и различныхъ водахъ, которыя находятся въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ мѣстахъ, и узнавать ихъ природу, свойство и особенности и отмѣчать для себя, и прилагать къ своей проповѣди, которую хочетъ говорить». Такимъ образомъ Галатовскій открываетъ для пользованія проповѣднику всю чрезвычайно обширную область природы и исторіи, насколько она постигалась тогдашнюю наукою. Какъ же проповѣднику управиться съ столь

*) См. Н. Сумцовъ. Іоанникій Галатовскій, ст. 25.

разнообразными матеріалами, какъ приспособить ихъ къ своей проповѣди? «Для этого», заключаетъ Галятовскій, «читай проповѣди различныхъ проповѣдниковъ нынѣшняго времени и имъ слѣдуй». «Треба читати книги о звѣряхъ», внушаетъ Галятовскій проповѣднику и, дѣйствительно, въ южно-русскихъ проповѣдяхъ мы находимъ слѣды знакомства съ книгами о звѣряхъ (говорится о единорогѣ, слонѣ и т. п.). «Треба читати о птахъ». Въ проповѣдяхъ находимъ выполненіе и этого требованія, въ нихъ сообщается о неясоти, фениксѣ и сареактесѣ. «Треба читати о гадахъ, рыбахъ». Есть въ проповѣдяхъ слѣды знакомства и съ этой стороны естественной исторіи, такъ въ нихъ говорится объ ихневмонѣ и крокодилѣ. «Треба читати о деревьяхъ, зельяхъ» — есть слѣды знакомства и съ средневѣковою ботаникою, фантастичностью и полною выдумкою (сообщаются напр. свѣдѣнія о деревѣ олеокозонѣ). «Треба читати о каменяхъ и разныхъ водахъ» — сообщаются свѣдѣнія и изъ области средневѣковой минералогіи. Въ проповѣдяхъ даже съ подробностью излагаются средневѣковыя астролого-космографическія воззрѣнія.

«Находимыя выдержки изъ исторіи и природы служатъ, конечно, доказательствомъ плохого состоянія этихъ наукъ въ средніе вѣка; но за это едва ли можно винить южно-русскихъ проповѣдниковъ; не ихъ дѣло было разрабатывать гуманныя и реальныя науки, имъ приходилось только пользоваться готовыми свѣдѣніями. Конечно, нужно пожалѣть о томъ, что южно-русскіе проповѣдники не слѣдили за послѣднимъ словомъ науки, что въ то время, когда уже извѣстны были великіе труды Бэкона, Ньютона и Коперника, они пробаивались еще жалкими остатками средневѣковой науки, но и это является неизбѣжнымъ результатомъ того, что южно-русская ученость была плодомъ латино-польской цивилизаціи». (Терновскій).

При расположеніи «матеріи» въ словѣ Галятовскій совѣтуетъ руководствоваться вопросами (т. н. «общими мѣстами»): «кто чинилъ? что чинилъ? въ какомъ мѣстѣ? съ кѣмъ? какимъ способомъ? въ какое время? Пользованіе этими вопро-

сами нужно для полноты слова, чтобы проповѣдникъ не упустилъ изъ виду какой-нибудь стороны предмета. Затѣмъ дается совѣтъ — заботиться о занимательности проповѣди; для достиженія этой цѣли совѣтуется составлять замысловатыхъ вступленія, чтобы заставить слушать произносимую проповѣдь, и хитрыя заключенія, чтобы расположить слушателей придти на слѣдующую проповѣдь. Поученія Галятовскаго, находящіяся въ его «Ключѣ разумѣнія» отличаются большой искусственностью. Въ нихъ много символовъ, аллегорій; сравненія, которыя онъ берѣтъ отовсюду, изъ Священнаго Писанія, изъ исторіи, изъ внѣшней природы, — чрезвычайно натянуты и вычурны; въ погонѣ за интересомъ проповѣди, Галятовскій почти ничего не говоритъ; отсюда понятно, что проповѣдь является дѣломъ механическимъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе формы и установленныхъ приемовъ. Въ этомъ большой недостатокъ проповѣдей Галятовскаго. Его проповѣди были понятны только книжнымъ людямъ, рѣдко были проникнуты искренне сердечнымъ одушевленіемъ, чаще же всего были отвлеченно-разсудочными. «Ключъ разумѣнія» имѣлъ три изданія: 1659, 1660 и 1665 г. Въ старое время это была весьма распространенная книга въ Малороссіи. Въ настоящее время «Ключъ» сохраняется только въ старинныхъ семинарскихъ библіотекахъ; встрѣчается онъ иногда и въ сельскихъ церквяхъ.

Другимъ извѣстнымъ проповѣдникомъ XVII в. въ юго-западной Руси былъ Антоній Радивилевскій, игуменъ кіево-николаевскаго монастыря. Онъ составилъ два сборника проповѣдей: «Огородокъ (садъ) Маріи Богородицы (1676 г.) и Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ (изъ цвѣтовъ розы) сплетенный (1688 г.). Аналогическое сближеніе или сопоставленіе духовныхъ предметовъ съ предметами и явленіями физической природы и вообще орнаментальная обстановка священныхъ и богословскихъ истинъ матеріаломъ изъ наукъ свѣтскихъ, замѣчаемая въ словахъ Галятовскаго еще рѣзче высказываются въ проповѣдяхъ Радивилевскаго. Весьма часто Радивилевскій въ своихъ пропо-

вѣдяхъ приводитъ примѣры и свидѣтельства изъ древней исторіи и міеологіи, но эти примѣры мало придають силы доказываемымъ мыслямъ, а скорѣе относятся къ т. н. анекдотамъ.

Третьимъ знаменитымъ проповѣдникомъ въ юго-западной Руси XVII в. былъ Лазарь Барановичъ, архіеп. Черниговскій. Онъ составилъ два сборника поученій «Мечъ духовный (1666 г.) на недѣли» и «Трубы словесъ проповѣдныхъ» (1674) на разные церковные праздники. Предметъ «Мечъ» и «Трубъ» одинъ и тотъ же, религіозно-нравственныя наставленія. Особенность того и другого сборника состоитъ въ постановкѣ ихъ. Въ «Мечѣ» религіозно-нравственныя наставленія идутъ отъ самаго проповѣдника; они представляютъ прямой, положительный законъ, которымъ долженъ руководствоваться каждый христіанинъ въ своей жизни. Въ «Трубахъ» религіозно-нравственныя правила представляются въ воплощеніи ихъ въ извѣстномъ праздничномъ событіи, преимущественно въ жизни святыхъ, а самая эта жизнь должна укрѣпить въ слушателяхъ ихъ религіозно-нравственную сторону. Различіе между сборниками исключительно внѣшнее, формальное, а именно въ «Мечѣ» 55 словъ, въ «Трубахъ» 80. Языкъ Барановича въ проповѣдяхъ церковно-славянскій: польскихъ и латинскихъ словъ почти нѣтъ въ «Мечѣ» и «Трубахъ», малорусскія слова и обороты попадаются весьма рѣдко. Эту чистоту языка нельзя не поставить въ заслугу автору. Хотя Лазарь Барановичъ, по главнѣйшимъ свойствамъ своихъ проповѣдей, относится къ извѣстной школѣ юго-западныхъ проповѣдниковъ, но онъ менѣе дорожитъ пособіями тѣхъ источниковъ, которымъ дано обширное мѣсто у Галятовскаго и Радивиловскаго. Главную помощь при развитіи темы оказываютъ ему Священное Писаніе и отцы церкви. Тонъ и характеръ проповѣдей Барановича гораздо строже и церковнѣе проповѣдей Галятовскаго и Радивиловскаго. «Проповѣдуя о томъ, кто сказалъ о себѣ: «Азъ есмь истина, я старался, говорить онъ, — писать только истину, не прибавляя не только никакихъ басней, но даже исторій, внѣ писанія и ученія церковнаго сущихъ». Въ его поученіяхъ, дѣйствительно, нѣтъ такихъ сказокъ и анекдотовъ

изъ миѳологіи и исторіи, какіе встрѣчаются часто въ словахъ Галятовскаго и Радивиловскаго. Этимъ ограниченіемъ матеріала Барановичъ отступаетъ отъ названныхъ проповѣдниковъ: какъ тѣ распространяли свое слово энциклопедическими свѣдѣніями, такъ онъ, напротивъ, сдерживаетъ свою ученость, состоявшую въ знакомствѣ съ латино-польскою наукою и литературою. Но въ другихъ отношеніяхъ поученія Барановича не отступаютъ отъ современныхъ произведеній такого же рода: постоянно видишь искусственное сближеніе предметовъ, отысканіе символическаго ихъ смысла, толкованіе именъ, витіеватость и замысловатость. Почти каждая, самая обыкновенная мысль у него принимаетъ какую-нибудь витіеватую или замысловатую форму.

Проповѣди Галятовскаго, Радивиловскаго и Барановича могутъ служить образцами юго-западной проповѣди, развившейся подъ вліяніемъ схоластическаго образованія въ школахъ и латино-польской литературы. Она, конечно, нравилась образованнымъ людямъ того времени, которые, воспитываясь въ школахъ, были знакомы съ риторикой, исторіей, миѳологіей и др. науками, но она не могла быть полезна для большинства и особенно для простого народа, который не только не зналъ никакой науки, но не имѣлъ даже простой грамотности. Тѣмъ не менѣе такое направленіе надолго утвердилось въ юго-западной проповѣди и вмѣстѣ съ юго-западными учеными перешло и въ Москву.

Въ Малороссіи XVII в. весьма немногія лица пользовались столь обширной и почетной извѣстностью, какъ кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель. Ему писали письма московскій царь и патріархъ, гетманы искали у него совѣта и посредничества. Онъ, по словамъ проф. Сумцова, былъ долгое время духовнымъ свѣточемъ, общепризнаннымъ руководителемъ по пути истины, правды, любви къ ближнему. Трудъ его «Синописисъ (обозрѣніе) или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа и первоначальныхъ князей богоспасаемаго града Кіева» былъ въ старинное время единственнымъ учебникомъ исторіи. Въ

основаніе «Синописиса» легла хроника Θεодосія Сафановича о событіяхъ въ Россіи до 1290 г., составленная по кievской и волынской лѣтописямъ; къ хроникѣ этой прибавлены краткія извѣстія о послѣдующихъ событіяхъ Россіи и потомъ краткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго.

Пособія: Н. Θ. Сумцовъ. Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка. К. 1885. — Его же. Іоанникій Галатовскій (къ исторіи южно-русской литературы XVII в.) Кіевъ 1884. — Его же. Лазарь Барановичъ. 1885. — Его же. Інноцентій Гизель. Завитневичъ. Палинодія. Варшава 1883. — Засадкевичъ. М. Смотрицкій, какъ филологъ. 1883. — Голубевъ. Ист. Кіев. Дух. Акад.

Глава XIX.

Стремленіе къ просвѣщенію въ сѣверо-восточной Россіи XVII вѣка. Греко-латинскія школы въ Москвѣ XVII в.

Въ сѣверо-восточной Россіи XVII в. замѣчается значительное оживленіе въ умственной сферѣ. Появляются такіе запросы и требованія, о которыхъ раньше и не думали. Потребность и порой жажда новыхъ идей, проявившіяся еще въ царствованіе Бориса Годунова, рельефно выступаютъ во время Алексѣя Михайловича.

Соблюдались еще во всей строгости старые обычаи въ сношеніяхъ съ чуждыми народами и ихъ представителями, пріѣзжавшими въ Москву. Но допущеніе все большаго и большаго количества иностранцевъ внутрь государства, явно высказываемая потребность въ нихъ, явно высказываемо признаніе превосходства ихъ въ наукѣ, необходимость учиться у нихъ, — предвѣщали скорый переворотъ въ жизни русскаго общества, скорое сближеніе съ Западною Европою.

Уже царь Феодоръ (1584—1598) любилъ и покровительствовалъ искусствамъ и художествамъ и съ этою цѣлью выписывалъ мастеровъ и искусныхъ людей изъ-за границы. Въ его время въ Россіи были искусные ювелиры (напр. Францискъ Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Онъ даже хотѣлъ завести шелковую фабрику въ Москвѣ, съ этою цѣлью вызвалъ изъ Италіи Марко Чинони, который ткалъ бархаты и парчи въ домѣ отведенномъ ему близъ Успенскаго Собора. Умноженіе числа церквей: сначала живопись наша ограничивалась только иконописью, но затѣмъ появляются у насъ и картины.

Въ царствованіе Феодора Иоанновича Большая и Золотая Грановитыя палаты украсились живописью *). У Феодора было уже два иностранныхъ врачей Марко Ридлей и Павелъ Миланскій. Въ 1600 г. Борисъ Годуновъ вызвалъ шесть лекарей изъ Германіи. Есть извѣстія, что Борисъ очень сочувствовалъ научному образованію Россіи, имѣлъ намѣреніе завести школы и даже университеты, гдѣ бы русская молодежь училась европейскимъ языкамъ и наукамъ. Въ 1600 г. онъ посылалъ въ Германію нѣмца, Иоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезть въ Москву профессоровъ и докторовъ. «Однако, говоритъ Карамзинъ, это важное намѣреніе не исполнилось, такъ какъ пишутъ, что встрѣтило сильное противодействие со стороны духовенства, которое считало, что неблагоприятно вѣрить ученіе юношества католикамъ и лютеранамъ. Но, оставивъ мысль заводить университеты въ Россіи, царь послалъ 18 молодыхъ людей въ Лондонъ, Любекъ и во Францію учиться языкамъ иноземнымъ, такъ же какъ молодые англичане и французы ѣздили тогда въ Москву учиться русскому. Высоко цѣня образованіе, Борисъ звалъ къ себѣ изъ-за границы лекарей, художниковъ, ремесленниковъ и даже людей чиновныхъ. Борисъ особенно заботился объ образованіи своего любимаго сына, воспитывалъ его съ большимъ тщаніемъ, старался даже дать ему «научное образованіе» и инте-

*) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. т. X.

реснымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній этого царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 г. нѣмцемъ Герардомъ *). При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1613—1645 г.) вызывали изъ-за границы не однихъ ратныхъ людей, не однихъ мастеровъ и заводчиковъ: понадобились люди ученые, и, въ 1639 г. дана была опасная грамота для прїѣзда въ Москву извѣстному ученому гомитинцу, Адаму Олеарию «Вѣдомо намъ учинилось», говоритъ царь въ грамотѣ «что ты гораздо наученъ и новыченъ въ астрономіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрю, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ: а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ. По государеву указу, въ 1637 г. переведена была съ латинскаго полная Космографія Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ**). Въ ученыхъ людяхъ нуждалось и государство для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей, для охраненія цѣлости и самостоятельности своей отъ иностранцевъ болѣе искусныхъ и потому болѣе сильныхъ; съ другой стороны нуждалась въ наукѣ и Церковь для охраненія чистоты своего ученія. Однако, необходимость созданія среднихъ или высшихъ школъ не вошло еще въ сознаніе русскаго правительства и народа. Существованіе школы Арсенія грека при патріархѣ Филаретѣ подвергается сильному и справедливому сомнѣнію***). Правда восточные патріархи не разъ указывали московскимъ царямъ на необходимость завести въ Москвѣ греческую школу. Патріархъ александрійскій Сильвестръ еще въ 1585 г. писалъ царю Ѳеодору: «Составь училища и поставь наказателя, чтобы въ немъ учились греческой грамотѣ и были бы научены отъ многихъ божественныхъ книгъ всей мудрости Божіей православной вѣры». О томъ же писалъ и преемникъ Сильвестра патріархъ Мелетій Пичась въ 1593 году: «устрой у себя,

*) Hessel Gerard см. Blaemwisch. Atlas т. I. Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Feodor, filius Tzaris Boris, desumpta и пр. (Карамаз. т. X. прим. 132).

**) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древ. врем. т. IX, гл. 5.

***). См. назв. ниже изслѣдованія С. Бѣлокурова и Н. Ѳ. Каптерева.

царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія». Но ни откуда не видно, чтобы желаніе патріарховъ было исполнено тогда же или вскорѣ послѣ того. Извѣстно только, что лѣтъ черезъ сорокъ послѣ сего и именно въ концѣ патріаршества Филарета (въ 1632 г.) Московское правительство обратилось къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису съ просьбой прислать вполне православнаго учителя для будущей школы. Но учитель явился въ Москву самъ — неожиданно и скорѣе, чѣмъ думало московское правительство. 7-го сентября 1632 г. пріѣхалъ въ Москву протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ вмѣстѣ съ своимъ дьякономъ Григорьемъ. Его убѣдили остаться въ Москвѣ навсегда и 19-го сентября того же года выдали ему грамоту, въ которой повелѣвалось ему: «служити духовными дѣлы, переводити ему греческіе книги на словенскій языкъ и учити на учительномъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамоте, да емуж да емуж переводитое книги с. греческаго языка на словенскій языкъ на латинскіе ереси *). Іосифъ остался на жительство въ Москвѣ и по мнѣнію г. Бѣлокурова только и занимался переводомъ книгъ съ греческаго на русскій. Кромѣ восточныхъ патріарховъ объ открытіи греческой школы въ Москвѣ хлопоталъ въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія и кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Въ грамотѣ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу онъ проситъ даже соорудить въ Москвѣ особый монастырь, въ которомъ бы кіевскіе старцы обучали русскихъ юношей «греческой и славянской грамотѣ»**) Но со стороны царя на это не послѣдовало никакого рѣшенія.

Съ просьбою прислать учителя для школы московское правительство въ срединѣ XVII ст. обращалось и къ восточнымъ патріархамъ непосредственно, которые и прислали въ Москву «мудраго митрополита Напакты и Арты Гавріила. 9-го декабря 1650 г. митр. Гавріиль вмѣстѣ со старцемъ Арсеніемъ Сухоновымъ прибылъ въ Москву; но пробылъ здѣсь

*) М. Г. А. М. И. Д. Греческія дѣла К. 25 д. № 2 у Бѣлокурова ст. 377.

**) Акты южной и западной Россіи т. III № 33 с. 39.

недолго и вскорѣ послѣ 31-го марта 1651 г. онъ выѣхалъ изъ Москвы.

У извѣстнаго путешественника по Россіи въ XVII столѣтіи гомитинца Адама Олеарія, бывшаго въ Россіи въ 1634, 1636, 1638—39 и 1643 г. находится довольно любопытное свидѣтельство о школѣ Арсенія Грека въ 22-й главѣ III книги о писанія его путешествія, главѣ «о русскомъ письмѣ, языкѣ и училищахъ». Олеарій, сказавъ о томъ, что русскіе въ своихъ училищахъ обучаются читать и писать исключительно на своемъ русскомъ и очень рѣдко на славянскомъ языкѣ и что никто изъ нихъ ни духовныя лица, ни свѣтскія, ни высшаго, ни низшаго сословія люди ни слова не знаютъ ни по гречески ни по латыни, Олеарій къ этому прибавляетъ: «впрочемъ, въ настоящее время къ немалому удивленію надо замѣтить, что по распоряженіямъ патріарха и великаго князя русское юношество начинаютъ обучать греческому и латинскому языкамъ. Для этого близъ патріаршаго дома учреждена уже латинская и греческая школа, которою завѣдываетъ и управляетъ одинъ грекъ по имени Арсеній». Изъ того, что въ первомъ изданіи описанія своего путешествія (Шлезвигскомъ 1647 г.) Олеарій нигдѣ ничего не говоритъ о греко-латинской школѣ Арсенія грека, и что такое описаніе находится во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1656 г. *) г. Бѣлокуровъ выводитъ вѣроятное заключеніе, что школы Арсенія Грека въ то время еще не было, и что она открыта уже послѣ выхода перваго изданія (1647 г.) этого описанія путешествія, вѣроятнѣе всего въ 1653 году. Но г. Н. Каптеревъ **) и это предположеніе подвергаетъ сомнѣнію и, между прочимъ, на томъ основаніи, что Арсеній Грекъ нигдѣ и ни разу не названъ учителемъ греко-латинской школы, ни разу не указывается, чтобы онъ получалъ содержаніе или плату какъ учитель школы, вездѣ же называется книжнымъ переводчикомъ и справщикомъ. Рѣшительно настаивая на томъ,

*) Ст. 280.

**) Н. Каптеревъ. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ ст. 598. Приб. къ Тв. Св. Отц.

что Арсеній грекъ не основывалъ въ Москвѣ греко-латинской школы и не былъ въ ней учителемъ, Каптеревъ допускаетъ, что онъ могъ давать частные уроки и заниматься при случаѣ учительствомъ, что ему можетъ быть отъ патриарха Никона или отъ Государя поручалось иногда поучить то или другое лицо по гречески или по латыни. Но что учительство Арсенія, если только оно существовало, было, очевидно, учительствомъ частнымъ и случайнымъ, не похожее на учительство въ постоянной, правильно устроенной школѣ*).

Есть извѣстіе, что въ 1649 году, по иниціативѣ частнаго лица Θεодора Ртищева, заведено въ устроенномъ имъ Андреевскомъ монастырѣ училище «ради російскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія». Для этой цѣли Ртищевъ призвалъ изъ Кіева «иноковъ изящныхъ во ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати**). Однако, замѣчаетъ г. Каптеревъ, житіе Ртищева говоритъ, что иноки Андреевскаго монастыря занимались не учительствомъ въ школѣ, а книжными переводами, что ихъ заслуга передъ русскимъ обществомъ заключается не въ томъ, что они обучали русскихъ людей свободнымъ наукамъ, а въ томъ, что они перевели съ греческаго языка на славенскій «многія душеполезныя книги». И если бы такая школа существовала, составитель житія Ртищева обязательно что-нибудь сказалъ бы о ней**). Мы съ своей стороны думаемъ, что дѣлать такой выводъ нѣсколько рискованно.

Какъ нѣтъ никакихъ достаточныхъ данныхъ признать существованіе греко-латинской школы Арсенія Грека, въ Москвѣ такъ нѣтъ данныхъ признать и существованіе греческой чудовской школы, основанной будто бы Епифаніемъ Славинецкимъ. Поводомъ предполагать, что Епифаній основалъ у насъ греческую чудовскую школу, могло послужить

*) Н. Каптеревъ. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ. Пр. къ Тв. Св. От. ст. 603. 1889.

***) Древн. рос. вивлію. ч. VI ст. 404.

***) Н. Каптеревъ; ст. 615.

развѣ то мѣсто въ современной приказной записи о прїѣздѣ Епифанія, гдѣ говорится, что въ Москву прїѣхалъ Кіевскаго митрополита старецъ Θεодосій «а съ нимъ для риторскаго ученія старцы кіевлянежъ, Арсеней да Елифаней». Но, по мнѣнію г. Каптерева, кіевляне вызывались въ Москву не для риторскаго ученія, а для перевода на славянскій языкъ греческихъ и латинскихъ книгъ вообще и частнѣе «для справки библїи греческіе на словенскую рѣчь», вызывались они потому, что «еллинскому языку новычны и съ еллинскаго языку на словенскую рѣчь перевести умѣють а латинскую рѣчь досточно знаютъ». И такъ Епифаній Славинецкій вызванъ былъ въ Москву какъ знающій греческій и латинскій языки для перевода книгъ съ греческаго и латинскаго на русскій. Современные же документы не говорятъ ни одного слова о греческой чудовской школѣ Епифанія, не говорятъ, какъ прибавляетъ г. Н. Каптеревъ, потому, что чудовской греческой школы вовсе не существовало.

Другіе изслѣдователи какъ Мирковичъ, Татарскій и Л. Н. Майковъ не только допускаютъ, но и утвердительно признаютъ существованіе школы Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго. Объ этомъ читаемъ у Л. Н. Майкова *) «По прибытію въ Москву Симеонъ началъ, по царскому указу, обучать нѣкоторыхъ лицъ Альвару, то есть латинской грамматикѣ. Обученіе это было заведено въ Спасскомъ Монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, гдѣ жилъ Симеонъ, а первыми учениками были молодые люди приказа тайныхъ дѣлъ, т. е. собственной кабинетной канцеляріи Государя. По прихода-расходнымъ книгамъ приказа видно, что школа эта была учреждена для того, чтобы учиться въ ней по латынямъ и для «грамматичнаго ученія**) и можно было думать, что курсъ ученія въ ней соотвѣт-

*) Майковъ Л. Н. Симеонъ Полоцкій. Очеркъ изъ исторіи русской литературы. XVII и XVIII столѣтій 1889 ст. 19.

**) Эта выдержка изъ расходныхъ записей Приказа Тайныхъ Дѣлъ 1665 найдена г. Заблѣинымъ: «5-го Юля подъячему приказа Тайныхъ Дѣлъ Феодору Казанцу по Указу Государеву выдано изъ суммъ приказа сто рублей» «къ хоромному строенію, что въ Спасскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ, въ которыхъ (хоромахъ) учитца по латынямъ подъячимъ приказа Тайныхъ Дѣлъ Семеву Медвѣдеву, да Ильѣ казанцамъ».

ствовавль не только условіямъ элементарнаго, а скорѣе средняго и даже отчасти высшаго образованія. Тотъ же элементъ филологическихъ знаній преобладалъ и въ другихъ московскихъ школахъ; но въ характерѣ преподаванія онѣ представляли, по видимому, нѣкоторыя отличія одна отъ другой. Можно быть увѣреннымъ, что при самомъ учрежденіи Законоспасской школы Симеонъ внесъ въ нее порядки и направленіе Кіевской коллегіи. Главнымъ предметомъ изученія была латынь при пособіи темнаго и многословнаго руководства Альвареца, напротивъ того, греческій языкъ едва ли былъ преподаваемъ, такъ какъ самъ Симеонъ, по свидѣтельству современниковъ «греческаго писанія ничто же знаніе». Это составляло главное отличіе спасской школы отъ Чудовской (и поглощенной ею Андреевской), гдѣ преимущественно учили по гречески, и притомъ не столько по учебнику, сколько практически, чрезъ вниманіе въ смыслъ текстовъ и переводовъ. Зато, несомнѣнно, ученики Спасской школы обучались пѣтикѣ и риторикѣ и упражнялись въ сочиненіи виршъ и орацій: извѣстно, что Симеонъ еще своимъ полоцкимъ ученикамъ давалъ такого рода занятія. Напротивъ того, питомцы Чудовской школы не усвоивали себѣ этого обычая школы Кіевской и не выходили искусными стилистами. Можно сказать, что общій характеръ ученія въ Спасской школѣ былъ преимущественно гражданскій, свѣтскій, хотя въ ней преподавалось и богословіе, какъ необходимая основа всѣхъ наукъ». Къ числу учениковъ Полоцкаго принадлежитъ и доровитый, способный Сильвестръ Медвѣдевъ. Изъ позднѣйшей дѣятельности видно, какое сильное вліяніе имѣлъ на него учитель, и какъ рѣзко проявились въ этомъ вліяніи характерныя черты его латинскаго образованія.

По нашему мнѣнію, соображенія Татарскаго и Л. Н. Майкова относительно существованія какъ Спасской, такъ и Чудовской школы заслуживаютъ вѣроятія, но г. Каптеревъ и къ существованію Спасской школы относится скептически. «Просто невозможно думать, говорить онъ, чтобы благочестивѣйшій Алексѣй Михайловичъ, особенный любитель и почитатель всего православно-греческаго, задумавъ основать первую

среднюю или высшую школу въ Москвѣ, основаль бы школу не греческую, а строго латинскую съ исключительно латинскимъ направлениемъ, явно и съ перваго раза враждебнымъ направленію православно-греческому (е. с. стр. 612). Скептицизмъ г. Каптерева вытекаетъ изъ его основной, приведенной уже нами раньше мысли, что въ XVI и въ XVII ст. не была еще ясно сознаваема мысль о необходимости среднихъ или высшихъ школъ для просвѣщенія и что московское правительство, вызывая ученыхъ иностранцевъ, требовало отъ нихъ не устройства школы, а переводовъ книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ и тѣмъ, такъ сказать, ввели бы въ русское общество нужныя ему знанія и свѣдѣнія, обновили бы и расширили запасъ знаній, оказавшихся или недостаточными или устарѣвшими. Для достиженія этой цѣли нужно было, по мнѣнію русскихъ, не средняя или высшая школа, значеніе которой они еще ясно не представляли себѣ, а нужны были новыя книги, изъ которыхъ каждый съ помощью простаго чтенія самъ бы могъ извлечь нужныя и потребныя ему свѣдѣнія». Но если это и такъ, то нужны были и люди, которые могли бы свободно переводить съ греческаго и латинскаго, и мы не видимъ большихъ основаній contra, почему бы такая мысль не была бы ясно признана въ XVII в. и почему бы не были заведены греко-латинскія школы хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ. Вообще, мы должны сознаться, что для правильнаго рѣшенія вопроса о греко-латинскихъ школахъ до открытія славяно-греко-латинской Академіи у насъ, не смотря на изслѣдованія Мирковица, Л. Н. Майкова, Татарскаго и Н. Каптерева не хватаетъ еще многихъ данныхъ и вопросъ этотъ такой важности, что заслуживалъ бы болѣе обстоятельнаго и полнаго изслѣдованія*).

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что въ XVII в. Северо-Восточная Русь обращалась за наукою то къ малороссіянамъ, то къ грекамъ. «Новые учителя, говоритъ С. Соловьевъ**), откуда бы они ни пришли, хотя бы изъ православ-

*) Что мы и намѣрены со временемъ сдѣлать (примѣчаніе автора).

**) Истор. Россіи т. 13 гл. 1-я.

ной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями, — и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Молодой великороссіянинъ, поучившійся у малороссійскаго монаха по-латыни и по-гречески, сталъ ученѣе своего стараго учителя, своего отца духовнаго; говорить, что и то не такъ, и другое не такъ, и что отецъ духовный многое неправильно толкуетъ. Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные. Свѣтопредставленіе! Яйца курицу учать! Чего ждать добраго послѣ этого? Ясное дѣло, что кіевскіе монахи вмѣстѣ съ латынью учать разнымъ ересямъ. Но мало того, что русскіе люди учатся Богъ знаетъ чему въ Москвѣ у малороссійскихъ монаховъ, — хотятъ еще ѣхать въ Кіевъ, тамъ учиться, въ самомъ гнѣздѣ этой латыни: хороши оттуда воротятся! Такъ толковали въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Расколъ былъ уже тутъ, родился, родился изъ неминуемаго столкновенія старыхъ учителей съ новыми. Понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ, знающимъ изъ старыхъ учителей, самымъ виднымъ протопопамъ; книги исправили, а новые учителя, греческіе и малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ, что, вмѣсто исправленія, книги испорчены, и патриархъ поручаетъ снова исправлять ихъ новымъ учителямъ. Каково же старымъ? До сихъ поръ они имѣли авторитетъ неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невѣждами, опозорены на весь міръ, и книги? — пришлыми кіевскими и греческими монахами; да сами-то эти монахи чтó знаютъ, чему учать! Сами-то православны-ли? Народившійся уже прежде расколъ выросъ». Въ началѣ 1662 года прибылъ въ Москву Паисій Лигоридъ, митрополитъ Гавскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени. Извѣстный справщикъ книгъ, монахъ Арсеній указалъ Никону на Паисія, какъ на человѣка обширной учености и могущаго быть очень полезнымъ въ Москвѣ и патриархъ Никонъ въ 1657 г. писалъ самому Паисію: «слышали мы о любмудріи твоёмъ отъ монаха Арсенія и что желаешь видѣть

насть, великаго государя, и мы тебя, какъ чадо наше по духу возлюбленное, съ любовью принять хотимъ». Прибывъ въ Москву, Паисій Лигоридъ твердо высказалъ ту мысль, что смятенія церковныя произошли отъ невѣжества, и что для уврачеванія сего недуга единственное средство — училища. «Искалъ я, говорить онъ, корня сего духовнаго недуга (появленія раскола), поразившаго нынѣ христоименитое царство русское, и старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу, — и, наконецъ, придумалъ и нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: отъ того, что нѣтъ народныхъ училищъ и библиотекъ. Если бы меня спросили: какіе столпы церкви и государства? Я бы отвѣчалъ: во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и во-третьихъ училища*). Въ этихъ училищахъ Паисій совѣтуетъ преподавать три основныхъ языка: греческій, латинскій и славянскій. Важная и плодотворная мысль Паисія Лигорида нашла поддержку въ патріархахъ: Паисію Александрійскомъ и Макарію Антиохійскомъ, прибывшими въ Москву въ 1666 г. Въ проповѣди своей въ день Рождества Христова, сказанной отъ ихъ имени Симеономъ Полоцкимъ, они убѣждали царя завести греческія и славянскія училища, выдвигали важность изученія греческаго языка и обѣщали большую пользу государству и церкви отъ развитія училищъ. Совѣты ихъ были приняты, и нѣкоторые изъ жителей Москвы подали царю челобитную о дозволеніи построить училище въ приходѣ

*) Въ подлинникѣ сказано: Искалъ и азъ корене духовнаго сего недуга, преходящаго нынѣ въ семь Христоименитомъ царствѣ, и тшася обрѣсти, откуда бы сіе ересей наводненіе истекало и возрастаго, на толику нашу общую пагубу. На послѣдокъ, умою обращая, обрѣтохъ изъ двою истекшее, си же есть: отъ лишенія и немѣнїя наро. ныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыхъ книгохранительницы... Азъ же, вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кѣ бы были столпы и завѣсы обою, реклъ быхъ: первое училища, второе училища, третье училища пренуждены быти. Училища суть, отнюду же духъ животный чрезъ жилы во все тѣло разливаеся, суть крыль орля, ими же слова пролетоваеся всю вселенную... Ты убо, о пресвѣтлый дарю, обращаетя Паисій къ Алексію Михайловичу, подражай Феодосіемъ, Юстиніаномъ и соизжди едѣ училища ради остроумныхъ младенецъ ко ученію трехъ языкъ коренныхъ наипаче: греческаго, латинскаго и словенскаго (Опроверженіе челобитной соловецкой № 68. Рукоп. Москов. Дух. Акад. См. Приб. къ Твор. Св. Отцовъ. 1845).

Іоанна Богослова. Царь далъ свое согласіе, а патриархи въ 1668 г. выдали просителѣмъ грамоты на заведеніе училища словено-греко-латинскаго, здѣсь же изъяслялась радость, что нашлись, наконецъ, любители просвѣщенія, врагомъ же науки патриархи угрожали проклятіемъ*). Но была ли, въ дѣйствительности, открыта школа при церкви св. Іоанна Богослова и если была открыта, то долго ли существовала, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Не подвергается только сомнѣнію извѣстіе объ открытіи въ 1679 году греческой типографской школы. Въ этомъ году возвратился въ Москву изъ путешествія по Востоку грекъ іеромонахъ Тимоей и принесъ извѣстіе о притѣсненіяхъ, какія терпѣло тогда православіе въ Святой Землѣ отъ католиковъ; узнавъ о томъ, пожелалъ оказать какую-либо помощь угнетенному православію и съ этою цѣлью по совѣту и съ благословенія патриарха Іоакима, учреждено было въ 1679 году греческое училище при большой Московской типографіи. Тимоей былъ опредѣленъ быть ректоромъ училища, а учить греческому языку поручено жившему въ Москвѣ греку Мануилу Левендатову: «мужу свободныхъ наукъ искусну», а послѣ — греку же іеромонаху Іоакиму. «Нельзя описать, говорить Ѡ. Поликарповъ, усердія царя патриарха къ училищу, оба они «своими высокими особы и купно и по единому особъ, явнымъ и тайнымъ образомъ, едва не на всяку седмицу въ типографію приходжаду утѣшались духомъ о новомъ и неслыханномъ дѣлѣ; учащихя же ущедряху богато одеждами, червонцы и прочими привилегіями**). «Но если въ Москвѣ довольно вѣрно замѣчаетъ г. Н. Каптеревъ, дѣйствительно, существовали съ половины XVII в. греко-латинскія школы, то какимъ образомъ открытіе новой типографской греческой школы могло быть для царя и патриарха «дѣломъ новымъ неслыханнымъ?»

Нашлись, однако, лица въ Москвѣ, которыя считали одностороннимъ ученіе, даваемое типографическимъ училищемъ

*) См. Собраніе сочин. Симеона Полоцкаго въ рукоп. Синод. библиот. № 130

***) Древн. русск. вѣстие. ч. XVI. ст. 295—297.

и не стѣсняясь говорили объ этомъ. Они утверждали, что нужно было бы училище, въ которомъ преподавались бы оба языка—латинскій и греческій, и что если ужъ довольствоваться однимъ языкомъ, то лучше и полезнѣе было бы изучать латинскій вмѣсто греческаго. Къ этимъ лицамъ, можно думать, принадлежали всѣ тѣ выходцы - киевляне, которые сами, если не исключительно, то преимущественно воспитывались на латинскомъ языкѣ. Къ сторонникамъ латинскаго ученія принадлежали у насъ и тѣ молодые люди, которые, по словамъ патріарха Іоакима, ѣздили учиться въ Польшу въ тамошнія латинскія школы, или побывали въ Кіево-могилянско́й коллегіи. Лица принадлежавшія къ Посольскому приказу, гдѣ знаніе латинскаго языка какъ международнаго было естественно нужно, были сторонниками латинскаго ученія. Наконецъ, къ нимъ же примыкали и всѣ тѣ лица изъ высшаго класса, которыя, побывавъ за границею при посольствахъ, или соблазнившись съ образованными иностранцами у себя дома, подчинились вліянію Запада, стали усвоить въ своей жизни западные обычаи и желали для свой дѣтей такого же школьнаго образованія, какое давалось въ западно-европейскихъ коллегіяхъ и университетахъ. Намъ неизвѣстны подлинныя ихъ доводы въ пользу превосходства латинскаго языка предъ греческимъ, но до насъ дошло два опроверженія этихъ доводовъ. Первая записка носитъ заглавіе: «Доводъ вкратцѣ: яко ученія и языкъ эллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и чѣмъ пользуется словенскому народу». Доказывая превосходство греческаго языка передъ латинскимъ, необходимость и пользу для русскихъ изучати именно греческій языкъ, авторъ ссылается на то, что русскіе приняли христіанство отъ грековъ и вмѣстѣ съ христіанствомъ отъ нихъ же заимствовали свои письмена, церковныя книги, гражданскіе и другіе обычаи, ссылается на свидѣтельство Епифанія Славенецкаго о достоинствѣ греческаго ученія и на уваженіе, какое питають къ греческому языку во всѣхъ просвѣщенныхъ сранахъ 3.-Европы, въ академіяхъ которыхъ «греческій языкъ и до днесъ поучается»; обращается

вниманіе на то, что въ западно-русскихъ областяхъ, гдѣ учатся исключительно латинскому языку, многіе впадаютъ въ унію. Заключая свое разсужденіе, авторъ довода убѣждаетъ: «Того ради подобоетъ наипаче учиться гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло исправляется, и учити купно съ словенскимъ, яко да время и словенскій языкъ (который пребогатъ есть) очистится, и межъ иныхъ ученыхъ языковъ сочтается. А по греческомъ ученіи легче хотящему невредительно учиться и латинскому».

Другое сочиненіе о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ носитъ заглавіе: учиться ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и еѳологии и стихотворному художеству и отгуду познавати божественная писанія, или, не учася симъ хитростямъ въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати, — и что лучше російскимъ людямъ учиться греческаго языка, а не латинскаго*)). Отвѣчая на вопросъ «какого языка ученію учиться намъ славянамъ потребнѣе и полезнѣе латинскаго или греческаго» авторъ говоритъ, что намъ полезнѣе учиться греческаго и словенскаго», Здѣсь авторъ также ссылается на примѣръ Елифанія Словенецкаго, высоко ставившаго греческій языкъ и что св. отцы церкви «яко учася богословію на гречестѣмъ языкѣ, такъ и вѣроваху и писаху и ввѣренныя имъ учася».

Рѣшеніе вопроса о превосходствѣ той или другой цивилизаціи, греческаго или латинскаго образованія, особенно важно было ко времени открытія Законоспасской Академіи; отъ него могло зависѣть направленіе учебнаго дѣла въ самой Академіи. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ учителей надо было призвать для Академіи? Призвать иностранныхъ учителей изъ Западной Европы боялись, чтобы не «наступило разноязычіе и разновѣріе», страшились также послать молодыхъ людей за-границу, чтобы они «узнавъ тамошнихъ вѣру и обычаи не

*) Рук. Библиот. Спб. Духовн. Акад. № 428 прив. у Н. Каптерева.

начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ». Оставалось обратиться или къ Кіевскимъ ученымъ или къ грекамъ. Но Кіевскіе ученые были поклонники латинскаго образованія и потому къ нимъ слѣдовало относиться осторожно. Вотъ почему при окончательномъ рѣшеніи вопроса объ открытіи Академіи остановились на вызовѣ греческихъ ученыхъ, о чемъ скажемъ ниже. Изъ сказаннаго видно, что въ началѣ XVII въ Великороссіи замѣчается усиленное стремленіе къ просвѣщенію, вызываются ученые греки и кіевляне главнымъ образомъ въ качествѣ справщиковъ книгъ и переводчиковъ, которые такимъ образомъ дали бы новыя книги и внесли бы новыя идеи. Необходимость среднихъ и высшихъ школъ даже въ половинѣ XVII в. еще не была сдѣлана, вотъ почему вопросъ о существованіи греко-латинскихъ школъ подвергается справедливому сомнѣнію проф. Н. Каптеревымъ и требуетъ по нашему мнѣнію новыхъ розысканій и изслѣдованій. Возможно, что существовала Спасская и Чудовскія школы съ ограниченнымъ числомъ учащихся и несомнѣнно только существованіе Греческаго Типографскаго училища, основаннаго въ 1679 г. Ко времени открытія Заиконоспасской Академіи у насъ являются какъ бы двѣ партіи сторонники латинскаго и греческаго образованія, изъ которыхъ каждая стремится выставить заслуги того, а не другого способа ученія.

Пособія: Главнымъ пособіемъ была статья Н. Каптерева «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія славяно-греко-латинской Академіи». Приб. къ Твор. Св. отцовъ. 1889. Книж. VI. — С. Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій. О греко-латинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ XVII ст. Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1888 апрѣль. — Мирковичъ. О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ. Журн. Мин. Нар. Пр. Часть СХСVIII. 1876 г. — Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 13.

Глава XX.

Кругъ школьнаго ученія. — Школьные учебники. Буквари, прописи.

Если существованіе греко-латинскихъ школъ въ Москвѣ XVII в., за исключеніемъ типографскаго греческаго училища, является недоказанныхъ, хотя и вѣроятнымъ, то существованіе низшихъ школъ, въ которыхъ обученіе шло по старымъ традиціямъ, несомнѣнно. Предметами обученія въ нихъ были: азбука, часословъ, псалтырь, письмо и пѣніе. Такія низшія школы по преимуществу были въ домахъ духовныхъ: священниковъ и дьячковъ и были по прежнему школами частными, а не правительственными.

Что число низшихъ школъ въ значительной степени возросло въ XVII в. свидѣтельствуетъ значительное число грамотныхъ людей.

Изъ двухъ документовъ новгородскихъ конца XVI и самаго начала XVII в. на одномъ (1567 г.) мы находимъ, говоритъ проф. А. Соболевскій*) подписи изъ 5 поручителей дѣтей боярскихъ — троихъ, а на другомъ (1613 г.) изъ 26 поручителей помѣщиковъ (въ томъ числѣ 4 князей) — четырнадцати (въ томъ числѣ 3 князей) эти документы показываютъ процентъ грамотныхъ между новгородскими помѣщиками конца XVI — начала XVII в. около 55. Показаніе псковскихъ помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ числомъ около 90 человекъ (1631 года) подписано 59 изъ нихъ изъ него виденъ процентъ грамотныхъ болѣе 65. Изъ ряда документовъ, составленныхъ въ Тихвинѣ въ родные годы XVII в. (съ 1624 по 1694 г.) видно, что процентъ грамотныхъ среди посадскихъ людей достигалъ 38⁰/₁₀₀. Изъ двухъ документовъ углицкихъ XVII в. (1641—1674) видимъ, что процентъ этотъ былъ выше 43. Относительно крестьянъ мы владѣемъ, между

*) См. Образованность Московской Руси XV—XVII вв. ст. 8.

прочимъ, такими данными XVII вѣка. Документъ 1601 года подписанъ изъ 20 крестьянъ Прилуцкаго монастыря шестью; два документа [1614 года подписаны, одинъ — изъ 32 крестьянъ Ипатскаго монастыря однимъ, другой — изъ трехъ солигалицкихъ крестьянъ также однимъ.

Г. Борисовъ въ своей статьѣ «Взглядъ на грамотность шуянъ въ XVII и XVIII ст. и пр.» дѣлаетъ также нѣсколько заключеній о грамотности шуянъ въ XVII в. на основаніи подписей посадскихъ людей на различныхъ актахъ и предполагаетъ, что въ Шуѣ въ XVII стол. существовали школы.

Необходимо отмѣтить то важное обстоятельство, что въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. рядомъ съ учеными изъ духовныхъ является не мало ученыхъ изъ свѣтскихъ, пользующихся большимъ уваженіемъ и славою у современниковъ. Это — царь Иванъ Грозный, его старшій сынъ Иванъ, князь Курбскій, бояринъ Тучковъ, князь Токмаковъ (XVI в.), князь Шаховской, князь Катыревъ-Ростовскій, муромскій губной староста Дружина Осорбинъ**) (начало XVII в.). Въ писцовой книгѣ при описаніи г. Боровска 1685 г. мы находимъ прямое указаніе о существованіи школы: «подлѣ торговой площади калужской дороги построена богадѣльня, а въ ней живутъ нищіе, да подлѣ той же богадѣльни построена школа для ученія дѣтямъ: строеніе та школа Рождественскаго попа Ефима и земли подъ тою школою по мѣрѣ въ длину 6 сажень, а поперегъ 4 сажени.» Въ «описи московской мѣщанской слободы обывательскимъ дворомъ и поимяномъ спискѣ, кто чѣмъ промышляетъ, 1676 г. о торговлѣ книгами, объ обученіи грамотѣ «въ школѣ» упоминается какъ о промыслѣ***).

О значительномъ развитіи потребности въ грамотности свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ школьные буквари, азбуковники и прописи. «Дѣти государя, говорить И. За-

*) Владим. Губ. Вѣдом. 1854 г. № 540.

**) Авторъ житія Юліаніи Лазаревской.

***) См. Е. Замысловскій. Царствованіе Федора Алексѣевича. Сиб. 1871 ст. 64.

бѣлинъ*), начинали учиться грамотѣ съ пяти лѣтъ. Въ это время царевичи съ рукъ мамы поступали на попеченіе дядьки, или, по древнему выраженію, кормильца — боярина «честью великаго, тиха и разумна». Ему поручалось береженіе и наученіе царевича, то есть главный надзоръ вообще за воспитаніемъ. Въ учителя государю выбирали, по выраженію Котошихина, людей учительныхъ, тихихъ и не бражниковъ. Выборъ падалъ почти всегда на подьячихъ или дьяковъ; въ то время они, конечно, были лучшими учителями чтенія и лучшими каллиграфами. Такъ, учителемъ царя Алексѣя Михайловича былъ дьякъ Василиій Прокофьевъ, а учителемъ Петра Великаго — Никита Зотовъ; и тотъ и другой сначала были подьячими. Чистописанію учили обыкновенно подьячіе посольскаго приказа, въ которомъ процвѣтала тогда наша старинная, весьма искусная и весьма вычурная каллиграфія. Царя Алексѣя Михайловича училъ писать подьячій посольскаго приказа Григорій Львовъ, а царя Феодора Алексѣевича — подьячій же Памфилъ Тимошеевъ.

Ученье начиналось, разумѣется, съ азбуки, которыя до XVII ст. были рукописныя, но они не сохранились и до насъ не дошли. Сохранившіяся во множествѣ азбуки каллиграфическія, или собственно прописи, безъ сомнѣнія, во многомъ отличались отъ букварей; не знаемъ также положительно, въ какое именно время въ XVII ст. появились у насъ азбуки или буквари печатные. До сихъ поръ самую первую по времени изданія можетъ считаться азбука, изданная въ 1634 г. Василиемъ Бурцовымъ и передѣланная имъ, можетъ быть изъ грамматики или собственно азбуки, изданной въ Вильнѣ въ 1621 г. Извѣстно, что патріархъ Филаретъ Никитичъ въ 1633 году благословилъ внука своего Алексѣя Михайловича, вѣроятно при самомъ началѣ ученія, «азбукою, большая печать на столбцѣ — указъ, сверху рѣчь золочена». Судя по выраженію «на столбцѣ» можно думать, что эта азбука была

*) См. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Ст. 7. (От. Зап. 1854 г. XCVII).

напечатана на одномъ листѣ, столбцомъ и содержала въ себѣ только буквы и склады. Другое извѣстіе 1642 года указываетъ на подобную же азбуку большой печати, которая была не на столбцѣ, а книгою, потому что ее въ это время переплетали.

Какъ бы то ни было, все это еще библиографическій вопросъ, и мы должны пока остановиться на азбукѣ Бурцова, какъ болѣе извѣстной. Здѣсь мы (со словъ г. Забѣлина) рассмотримъ второе ея изданіе, вышедшее въ 1637 г. Въ предисловіи эта азбука названа лѣстницею къ изученію часовника, псалтыря и прочихъ божественныхъ книгъ. Въ немъ, между прочимъ, сказано: «Русскіи сынове младые дѣти, первіе починають учиться по сей составнѣй словенъстѣй азбуцѣ, по ряду, словамъ, и потомъ, узнавъ письмена и слоги и изучивъ сію малую книжицу азбуку, начинаютъ учить часовникъ и псалтырю и прочая книги». Самый составъ этой азбуки вполне соотвѣтствуетъ религіозному направленію древней нашей грамотности. Предисловіе азбуки заканчивается стихотворнымъ обращеніемъ къ дѣтямъ: «Вы же, младыя отрогота, слышите и разумѣйте и зрите сего:

Сія зримая книжица,

По реченному алфавитица,

Напечатана быть по царскому велѣнію

Вамъ младымъ дѣтемъ къ наученію . . .

Ты, же, благоумное отроча, сему внимай

И отъ нижнія степени на вышнюю поступай,

И не лѣтностнѣ и нерадивѣ учися

И дидаסקала своего всегда блюдися.

Затѣмъ слѣдуютъ буквы, склады, названія буквъ, числа до 10,000, знаки надстрочные и знаки препинанія также съ ихъ названіями; далѣе расположены по алфавиту образцы измѣненія глаголовъ, глаголы и имена, сходные по начертанію, но различные по смыслу, который получаютъ они отъ ударенія; склоненія именъ, преимущественно тѣхъ, которыя въ церковномъ языкѣ пишутся подъ титлами. Все это составляетъ значительную часть букваря и вполне соотвѣтствуетъ тому

требованію, какое предъявлялъ въ началѣ XVI в. арх. Геннадій, говоря, чтобы азбука была истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова. Потомъ слѣдуетъ азбука толковая, т. е. изреченія, относящіяся къ ученію и жизни Христа Спасителя, расположенныя въ алфавитѣ по своимъ начальнымъ буквамъ. Такъ, напр., буква а начинается текстомъ: «азъ есмь всему міру свѣтъ» и проч. Послѣ толковой азбуки помѣщены заповѣди и другія статьи, составляющія краткое катехизическое ученіе о вѣрѣ, за которыми слѣдуютъ выписки изъ св. писанія, притчи и поставленія Тови свему сыну и послѣсловіе. Неизвѣстный авторъ букваря (?) XVII в. въ «преднаказаніи дѣтей, говоритъ:» [«Внятно требствуееть учити сице, первое сложи два письмена, гласное съ согласнымъ и рцы буки азъ, тако сотвори пренятіе гласомъ или отдохновеніе, и рцы слогъ ба

«Паки учитель да вѣсть, како ученика учити слогомъ не нераздѣльно подобаееть (яко обыкоша неискусніи, буки-аз-ба; вѣди аз-ва, глаголь-аз-га и прочая; не тако убо подобаееть слоги учити); но раздѣльно и учащемуся». Авторъ этого букваря доходитъ даже до того, что совѣтуетъ освободить гласныя буквы отъ ихъ названія и сообщать ученикамъ ихъ чистый звукъ (прив. у Извѣкова).

Въ предисловіи къ одному изданію Псалтыри 1645 г. *) помѣщено «наказаніе учителямъ, какъ обучать дѣтей грамотѣ», которое предписываетъ больше всего заняться азбукой, проходя ее «неспѣшно», чисто и прямо по существу. какъ которое слово рѣчію зовется. Вотъ это предисловіе: «Подобаееть убо вамъ о учителіе вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учити божественнымъ писменемъ. первое убо в началѣ буквамъ, сирѣчь азбурце, потомъ же часовники и псалтыри; и паче же убо всего еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука чисто и прямо по существу, како которое слово рѣчію зовется и неспѣшно. А и самимъ ты вамъ знати же естество словесъ, и силу ихъ разумѣти и гдѣ говорити дебело и тоностно

*) Буслаевъ. Историч. Хрестом. 1861 ст. 1084—1088.

и гдѣ съ пригибениемъ усть и гдѣ съ раздвиженіемъ просто. Паче ять съ естемъ разнити, еже бы нерещи вмѣсто пѣнія пеніе и вмѣсто пѣти, пети и вмѣсто сѣсти, сести и вмѣсто нѣсть, несть и въ мѣсто лѣто, лето и въ мѣсто рѣчи, речъ, и прочая таковая. сіе бо вельми зазорно, еже ять в мѣсто ести глаголати. тако же и есть в мѣсто яти. от сего бываетъ веліе несмысльство ученію. Таки же бо и верхняя сила (ударенія) знати имена, и силу ихъ, яко убо каждо ихъ свою силу и мать».

Азбука, напечатанная въ 1679 году въ Верхней (дворцовой) типографіи, бывшая въ нашемъ распоряженіи, во многомъ отличается отъ букваря Бурцова. Она начинается «предисловіе къ юношамъ учиться хотящимъ».

Отроча юный отъ дѣства учися,
 Писмена знати и разумъ, потщися:
 Не возлѣнися трудовъ положить.
 И мать бо тебѣ полза много быти
 Аще ся видитъ досадно труждати,
 Но сладко плоды трудовъ собирать.
 Иже въ юности труды полагаетъ
 Во дни старости въ покой бываетъ.
 Наипаче, иже книгамъ научится
 О трудѣхъ честыхъ превозвеселится
 Даръ писаніе великій от Бога
 Тайна писмены является многа
 Что сердце мыслить, и умъ разсуждаетъ,
 То писаніе удобъ извѣщаетъ,
 Безгласно убо но зѣло явственнно
 Далѣе гласа бываетъ несенно.
 Гласъ близъ сущему слово возвѣщаетъ,
 Писаніе уже далекимъ являетъ
 Что кто далече сый напишетъ тебѣ
 То познаеши о всяцѣи потребѣ.
 Письмены воля всѣхъ царя явися
 Во писаніи мудрость заключися
 Юже аще кто имѣти желаетъ,

Писаній мудрыхъ да употребляетъ
 Божіе слово есть во писаніи
 Священномъ яко въ его посланіи.
 Умиленная суть внемъ моленія,
 Добродѣтелей всякихъ ученія
 То вѣрѣ учитъ, любовь завѣщаетъ,
 Злая вся хулить, грѣшныхъ обличаетъ
 Хранить от ада, возворяетъ в небѣ
 Тѣм же читати писанія требѣ . . .

 Толики ползы да бы вѣрнымъ взяти
 Повелѣ тупомъ сей букварс издати
 Царь нашъ Феодоръ . . .

Затѣмъ въ ней находятся «благословенія отроковъ во училище учиться священнымъ писаніямъ идущимъ», гдѣ сказано: «Вѣстно буди яко аще начатки всѣхъ дѣяній нашихъ отъ божественныхъ молитвъ. и от источника всѣхъ благихъ. и помощника Бога быти имуть. колліи паче начатокъ творити хотящіи иже ученіемъ премудрости получитьи, ей же начало есть страхъ Божій и ни от кого же податися можетъ развѣ от премудрости совершеннаго источника Бога. Тѣмже вси родителіе, чада своя ученію божественныхъ писаній хотящіи вдати. должны суть отъ церковныхъ молитвъ начинать»... Затѣмъ идутъ указанія на молитвы: Пресвятая Троица, Отче нашъ, Господи помилуй и т. д., которые предъ началомъ ученія прочтетъ священникъ въ церкви или на дому и прибавитъ: «о еже низпослати на отрока сіе, духо премудрости и разума, и отверсти умъ и уста, и просвѣтити сердце его, к пріятію наказанія добрыхъ ученій, Господу помолимся...» «о еже отверсти умъ его, еже пріяти и разумѣти, и памятовати вся добрая и душеполезная ученія». Затѣмъ читается св. Евангеліе отъ Марка (глава 10-я). «Во время оно, приношаху ко Іисусови дѣти, да коснется ихъ. Ученицы же прещаху приносящимъ. Видѣвъ же Іисусъ, негодово, и рече имъ: оставите дѣтей приходити ко мнѣ, и не браните имъ, тацѣхъ бо есть царствіе Божіе. Затѣмъ идетъ нѣсколько

молитвословій послѣ чтенія Евангелія, псаломъ Помилуй мя Боже, Слова въ вышнихъ Богу, Символь вѣры, Символь преосв. Аанасія патр. Александрійскаго и пр. «бесѣда о православнѣй вѣрѣ, краткими вопросы и отвѣты, удобнѣйшаго ради познанія, дѣтемъ христіанскимъ. Странный вопрошаетъ, православныя же отвѣщаетъ, представляющая краткую катехизическую статью, десятословіе или десять заповѣдей ветхаго завѣта, шесть совершенствъ новаго завѣта; девять блаженствъ три добродѣтели богословія: вѣра, надежда, любовь, четыре добродѣтели евангельскія: мудрость, цѣломудріе и мужество, семь тайнъ новаго завѣта, девять плодовъ духа челоуѣча: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе; семь грѣховъ тяжчайшихъ: сребролюбіе, гнѣвъ, уныніе, тщеславіе, гордость и т. д. Молитвы: отъ сна возставъ, утренняя, предъ обѣдомъ, по обѣдѣ, предъ вечерею, по вечера и на ночь. Далѣе знаки ударенія и препинанія, числа. Привѣтства къ родителю и къ благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе Христово, сошествіе Св. Духа и на новое лѣто. Въ привѣтствіяхъ, къ сожалѣнію, мы не находимъ педагогическихъ мыслей. Затѣмъ слѣдуетъ увѣщаніе: (приведемъ выдержки изъ него)

«Хощеши чадо благъ разумъ стяжати;

тщися во трудѣхъ выну пребывати.

Временемъ раны нужда есть терпѣти,

ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти. . . .

Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ

и волю злую ко благу прелагаетъ

Учить Господу Богу ся молити

и рано въ церковь на службы ходити.

Бичъ возбраняетъ скверно глаголати,

и дѣль лукавыхъ юнымъ содѣвати.

.

Вы же о чада, трудъ честный любите,

еже полезно того ся держите

Знающе, яко аще ся трудити

тяжко, но легко труды плодовъ жати.

И раны — яже добро содѣвають
 вамъ не мерзостны въ дѣтствѣ добываютъ
 Цѣлуйте розу бичъ и жезль лобзайте
 та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте.

.

Затѣмъ слѣдуетъ слово святого Геннадія, патріарха константинопольскаго, о вѣрѣ: еже убо православную вѣру имѣти, основаніе добрыхъ дѣлъ есть», имѣющее отдѣльную начинацію и составляющее какъ бы приложение къ букварю, въ немъ говорится «простѣйшого во всемъ ищи и в брашнѣ, и во одежди: не стыдися нищетою, ибо большая часть міра сего въ нищетѣ ходитъ». «Правдою украшайся, ко всякому тщися истинное отвѣщати, и не мози усты дѣтися лица, и лжи послух быти» «кротокъ буди ко всякому челоуѣку, и къ старѣйшимъ тебе, и къ меньшимъ: лицемѣрная бо кротость, еже болшихъ устыжати, меньшихъ же озлобляти. (30.) Кротко ступаніе, кротко сѣданіе, кротокъ взоръ, кротко слово вся сія тебѣ да будут: отъ сихъ бо истинный христіанинъ явишися. (31.) Кротость же еже не досадити никомуже, ни въ словеси, ни в дѣлѣ, ни в появленіи, по всякому челоуѣку нравы своими сладить сердце. (32.) Затѣмъ слѣдуетъ тестаментъ или завѣтъ Василия, царя греческаго, къ сыну его Льву, съ стихотворнымъ увѣщаніемъ къ читателю и съ послѣсловіемъ. Кромѣ этого въ XVII в. изданы были и другія азбуки*).

Букварь «славено-россійскихъ письменъ» Каріона Истомина появился въ Москвѣ въ 1694 году и назначался для

*) О нихъ можно найти указанія у Еп. Дамаскина «Библиотека російская. Пам. др. пис. XI. 1881 г.» и у Каратьева «Хронологическая роспись славянскихъ книгъ (1491—1730). Спб. 1861 г.» 1) Букварь, изд. въ Москвѣ въ 1657 г. 2) Букварь, изд. въ Москвѣ въ 1665 г. 3) Букварь, напеч. въ Киевѣ 1670 г. 4) Букварь, напеч. въ Москов. верхней типографіи въ 1677 г. 5) Букварь, изд. въ Черниговѣ въ 1680 г. 6) Букварь, изд. въ Москвѣ въ 1690 г. 7) Букварь, изд. въ Львовѣ въ 1692 г. 8) Букварь, изд. въ Москвѣ 1698 г. 9) Букварь Киевск. монастыря 1698 г. 10) Букварь славено-россійскій, іеромонаха Иларіона, напеч. въ Москвѣ (годъ изд. неизвѣстенъ). Подробности о букваряхъ можно найти у Цедарскаго, Наука о литературѣ при Петрѣ I.

царевича Алексѣя. Полное его заглавіе слѣдующее: «Букварь славенороссійскихъ писменъ уставныхъ и скорописныхъ, Греческихъ, Латинскихъ и полскихъ, со образованми Вещей, и со нравоучительными стихами: Во славу Всетворца Господа Бога, и в честь пресвятыя дѣвы Богородицы Маріи, и всѣхъ святыхъ. Изобразися надщицахъ Ваяніемъ, имущимъ учиться отрокомъ, и откровицамъ мужамъ и женамъ писати. Видиѣ во словенская Греческаго же и Латинскаго и полскаго языка письма или слова в немъ напечаташася. Подъ всякимъ писменемъ ради любезнаго созерцанія отрочатомъ учащимся предложены виды во удобное званіе въ складѣ: да что видить сіе и назоветъ слогомъ поимене достоѣйнаго начертанія тѣхъ яко А — Адамъ, алекторъ, Аспидъ и проч. Б — Брань, Брада, Бичь. В — вѣнецъ, виноградъ, Волкъ. Г — Градъ, Гробъ. И весь Букварь тако изявленъ. Зане сими писмены Вещей въ складъ, или слогъ имуть начало. Ини же, яко ъ и ь, не начинаютъ вещи названія, но припрягаются къ другимъ писменемъ, и тѣхъ словъ всякъ смотри в срединѣ, или в концѣ реченій в своемъ ихъ порядкѣ, яко Азбуки славенской, яко сіе Бобръ, Багоръ, Верба, Селдь, Лебедь и проч. И на тѣ Видообразныя Вещи, приличны юнымъ людемъ метафорично сіестъ преносно, еже от Вещей слово потребну вземлется, стихи нравоучительны суть. Да в ползу свою всякая Душа во имени Господни пишущи оная и чтущи спасенія огорститъ и получить Благословеніе Божіе въ заповѣданномъ дѣланіи своемъ на земли и на небеси. Сего бо ради и дѣлаемо есть сіе. А и дѣ же в вещехъ и словахъ Букваря сего недостатость узрится, яко в переводѣланіи, благо разумнѣ, несуднѣже, изволь каждый в приличество исправити. И бо в новости с трудомъ, и иждивеніемъ собрася и издася. Всякъ же пиши и чти сіе в ползѣ, буди здравъ и спасенъ в лѣтѣ долзѣ, желаю, и всемъ славу посылая челоувѣколюбивому Богу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Писавый исправленія и прощенія проситъ кланяясь худъ Каріонъ іеромонахъ Истомины».

За этимъ предисловіемъ, занимающимъ двѣ страницы въ

4-ю долю листа, слѣдуютъ вступительные стихи автора, кончающіеся такъ:

Иеромонахъ Счини се Каріонъ,
 Желаящъ в вышнѣ всѣмъ, успѣти градъ Сіонъ,
 Пріяти Разумъ в букварь успѣшный,
 Поселъ в небѣ вѣкъ, въ сладости утѣшный

Мірозданія лѣта 7199 отъ воплощенія же Бога слова 1692
 мѣсяца марта, въ царствующемъ градѣ Москвѣ (означен. 1692
 показываетъ время окончанія рукописи, изданъ букварь въ
 1694 году).

Въ самомъ букварѣ къ каждой буквѣ относятся нраво-
 учительные стихи, такъ напр. буквѣ О соотвѣтствуютъ:

«Орлово зрѣиство емли, овцы смиреніе
 умъ твой на ослу стирай въ книжное ученіе
 Яко осель здѣ всякая душа не лѣнися
 вземши орало въ дѣлѣ измлада трудися*).

Тутъ же представлена картина, изображающая, орла, осла,
 орало и пр.

Букварь Каріона Истомина есть первообразъ всѣхъ даль-
 нѣйшихъ букварей съ картинками по буквамъ, которые изда-
 вались и издаются для народа и до сихъ поръ.

Характеръ древней педагогіи былъ таковъ, говоритъ За-
 бѣлинъ, что нельзя было выучиться читать, не выучивъ
 вмѣстѣ съ тѣмъ наизусть и всего содержанія азбуки; этому
 особенно способствовало непрестанное повтореніе, безъ котораго
 нельзя было и заглянуть въ новую страницу. Ученье прои-
 сходило обыкновенно вслухъ и на распѣвъ, какъ слѣдовало
 читать во время церковной службы. . . . И въ самомъ гра-
 жданскомъ быту церковныя книги иначе и не читались, какъ
 на распѣвъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенныхъ тоническихъ
 удареній.

Въ древнихъ рукописныхъ псалтыряхъ встрѣчается даже
 особенный указъ, или правило, какъ читать псалтырь. «Зри,
 внимай», говорится въ этомъ указѣ, разумѣй, размотри, па-

*) I. Паульсонъ. Методика грамоты СПб. 1887.

мятуй какъ псалтырь говорити. Первое, что говориши; второе всяко слово договаривати», третіе, на строкахъ ставитися; четвертое, умомъ разумѣти словеса, что говориши; пятое, по-словицы знати да и памятовати, какъ которое слово говорити: сверху слово ударити голосомъ, или прямо молвити, слово поставити. А всякое слово почати духомъ: ясно, чисто, звонко; кончати духомъ, потому жъ, слово чисто, звонко, равнымъ голосомъ, ни высоко, ни ниско, ни слабѣти словомъ, ни на силу кричати, ни тихо, ни борзо, а часто отдыхати, а крѣпко по три или по четыре строки духомъ; а равно строкою говорити. А весь сей указъ умомъ, да языкомъ, да гласомъ сдержитися и краситися во всякомъ человѣцѣ и во всякихъ пословицахъ книжныхъ. А умъ, и гласъ, и языкъ требуютъ помощи сея-молитвы, воздержанія и чистоты».

Тотъ же характеръ преподаванія съ твердымъ заучиваньемъ наизусть переходилъ съ азбуки на часовникъ и на псалтырь. Дѣти обыкновенно такъ выучивали эти книги, что могли свободно читать ихъ наизусть. По свидѣтельству Крекшина, Петръ Великій «книжное ученіе томеко имѣя въ твердости, что все евангеліе и апостоль наизусть могъ прочитати».

Въ народномъ быту первоначальное ученіе оканчивалось псалтиремъ; въ быту же государей дѣти послѣ псалтыря учили «апостольское дѣяніе» и наконецъ Евангеліе. Такъ царевичъ Алексѣй Михайловичъ въ началѣ сентября 1635 года, послѣ азбуку, на седьмомъ уже году, началъ учить часовникъ, за этимъ почти чрезъ шесть мѣсяцевъ слѣдовалъ псалтырь, потомъ чрезъ три мѣсяца апостольское дѣяніе.

Въ то время, когда проходили этотъ курсъ словеснаго ученія, дѣти, обыкновенно лѣтъ семи, садились учиться писать. Скорописныя азбуки, которыя служили въ этомъ случаѣ руководствомъ, были писаны всегда столбцомъ, свиткомъ изъ нѣсколькихъ склеенныхъ листковъ. Въ составъ ихъ входили сначала прописныя и строчныя буквы, выписанныя съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ, съ разными вычурными украшеніями; каждая буква, для обозначенія различныхъ по-

черковъ, писалась во множествѣ образцовъ, начиная съ самыхъ большихъ и оканчивая самыми малыми. Каждый рядъ буквъ начинался вычурною и нерѣдко весьма красивою заставкою, то есть большою прописною буквою, въ которой травы и узоры переплетались съ изображеніемъ птицъ и звѣрей. Въ нѣкоторыхъ азбукахъ помѣщалась также азбука толковая, т. е. разныя изреченія и апоегмы, расположенныя въ алфавитѣ по начальнымъ буквамъ; но содержаніемъ своимъ эта азбука совершенно отличается отъ толковой азбуки, находящейся въ букварѣ Василя Бурцова, въ которой, какъ мы сказали уже, всѣ изреченія относятся только къ ученію и жизни Спасителя. Здѣсь же эти апоегмы касаются вообще правоученія. Такъ, напр., подъ буквою ж читаемъ: «желаемъ христіане спастися, желаемъ и неправду дѣлать» подъ буквою Ф — Фараоновыхъ твореній не чини, и другихъ на то не учи»; подъ буквою Х «Храни свѣщу твою отъ вѣтру, сирѣчь душу отъ лѣности» и т. д. *)

Г. Ю. Толстой **) отыскалъ въ Оксфордѣ, въ Агимоловомъ Музеѣ (Ashmoleon Museum) русскія прописи, относящіяся къ 1620 г. Прописи эти писаны чрезвычайно красивою скорописью XVII вѣка на девяти полулистахъ столбца, который склеенъ изъ двадцати двухъ полулистовъ; изъ нихъ на первыхъ двѣнадцати писаны по порядку всѣ буквы церковно-русскаго алфавита, каждая отдѣльною статьею, во всѣхъ различныхъ видоизмѣненіяхъ прописного и строчнаго письма уставомъ, полууставомъ, скорописью; тринадцатый весь занятъ титуломъ царя Михаила Ѳедоровича; съ четырнадцатаго начинаются прописи, въ которыхъ каждая заглавная буква разукрашена всѣми затѣями и вычурами тогдашней скорописи. Приведемъ важнѣйшія изреченія, въ нихъ встрѣчающіяся; «Добро и благовременно молчаніе; ничто же ино есть въ грубости смысла полезное, но мати премудрымъ мыслямъ мол-

*) Взято у И. Забѣлина «Дом. бытъ рус. царей».

**) См. Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Москов. Унив. апрѣль-іюнь книга 2-я 1864 г.

чание». «Аще, человекъ, хочещи мудръ быти, ты же первые научися молчати, молчание бо всемъ добродѣтелемъ мати, еже молчати много добродѣтели совокупляетъ; а еже глаголи много расточаетъ». «Не ищи писавшаго, или глаголавшаго, но слово пишемое». «Не ищи, человекъ, мудрости, ищи кротости. Аще обрящещи кротость, одолѣши и мудрость*) не тотъ мудръ, кто много разумѣетъ, а не тотъ милостивъ, кто много милостны (такъ!) творить: тотъ милостивъ, кто никто не обидитъ». «Исчезетъ (такъ!) доброта, обнажися злоба (ст. 8). Философское учение: не вся глаголемъ, елико слышимъ». «Книжная бо есть премудрость подобна солнечней свѣтлости; но и солнечную свѣтлость мрачныи облакъ закрываетъ, книжные же премудрости ни вся тварь скрыти». «Не вся глаголемъ, елико вѣдаемъ, ни все творимъ, елико хотимъ, ни всему вѣруемъ, елико слышимъ; понеже бо в житіи семъ ничтоже стоятельно і ничтоже утверженно, не предлагательно есть: горняя носится долу, а дольная горѣ, яко бо же колесница всюду обращается». «Аще, человекъ, небеса и облацы превзыдеши, аще всю филосою изучиши, і еленскіе борзости претечеши, і вся вѣтія препреши, и всея земли преидеши концы: смертного же і (такъ!) часа никако же не избежеша (ст. 10). «Тихиі бо и кроткиі, і смиренныи себѣ есть сладокъ и инѣмъ на ползу; сердитыи же і гнѣвливыи себѣ есть на вредъ, инѣмъ на пакость». «Преже бо всехъ добродѣтелей потщися, человекъ, стяжати смирение, яко бо же есть всякнй человекъ смиряйся вознесетъ, а возносяйся смиритъ, смиренно мудръ ствующихъ Господь возвышаетъ». «Яко же бо пчела летитъ на прекрасный цвѣтъ и собираетъ себѣ медвеную сладость, тако и мудрый человекъ течетъ на полезное слово і собираетъ себѣ сокровище духовное премудрости». А подписалъ и писалъ Мирносицкой попъ Тихонъ. Лѣта 7129 ноябрю в 23 день. Въ концѣ прибавлено: Аще кто хочетъ учитисъ, ино мастера чтити, могорца не жалѣти, и слушати его во всемъ и повинуватисъ ему».

*) Срав. слово К Туровскаго и соотв. мѣсто въ Имаргадѣ.

Кромѣ чтенія и письма, въ составъ первоначальнаго обученія входило также и церковное пѣніе. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году «началъ учить Охтои, Охтоихъ, или Осмогласникъ, заключающій въ себѣ вседневныя церковныя службы, а на десятомъ году «страшное» пѣніе, то есть стихи и пѣсни страстной седмицы. Его учили пѣвчіе дьяки: Лука Ивановъ, Иванъ Семіоновъ, Михайла Осиповъ. Въ казнѣ царевича хранились кромѣ того «стихирами и тріоди знаменныя», то есть церковной службы пѣсни и стихиры, писанныя подъ знамя, подъ крюками или крюковыми нотами. Эти стихирали и тріоди царевичъ, безъ сомнѣнія, также разучивалъ или, по старому, распѣвалъ при помощи пѣвчихъ дьяковъ. Извѣстно также, что Петръ Великій особенно любилъ церковное пѣніе, которому, учился, безъ сомнѣнія, въ отроческихъ лѣтахъ. Въ оружейной палатѣ и теперь еще сохраняется нѣсколько нотныхъ книгъ, по которымъ государь пѣвалъ въ дворцовыхъ церквахъ на клиросѣ.

Начальное обученіе царевнѣ велось въ томъ же порядкѣ и въ такомъ же объемѣ, но только съ тою разницею, что ихъ обучали женщины-учительницы-мастерицы. Учительница состояла въ дворцовомъ штатѣ царицы и получала въ годъ по окладу жалованья восемь рублей и кормовыхъ по шести денегъ въ день. Въ 1632 году, царевну Татьяну Михайловну обучала грамотѣ мастерица Марья. Въ концѣ XVII-го в. въ 1675—1691 гг. учительницами были Варвара Льгова и Ѳедора Петрова. Царь Михайлъ Ѳедоровичъ пожаловалъ въ 1634 году шестилѣтней царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ турскій кафтанъ, какъ государыня начала учить часы, т. е. часовникъ.

Точно также царевнамъ, какъ и царевичамъ, доставлялись въ хоромы «потемныя листы» т. е. гравированныя въ Германіи, по которымъ напр. Морозовъ училъ царя Алексѣя Михайловича.

Въ расходныхъ запискахъ 1644 года упомянуто, что семилѣтняя царевна Татьяна Михайловна 19 іюня слушала молебень — въ ту пору, какъ ей государынѣ начали учить заутреню. (Забѣлинъ).

Изъ сказаннаго видно, что число низшихъ школъ возрасло въ XVII в., что въ это время уже появляются печатныя азбуки, изъ нихъ болѣе извѣстны азбука Василя Бурцова (1634 г. и 2-е изд. 1637 г.) азбука, изданная въ 1679 г. и отпечатанная въ Верхней типографіи и азбука Каріона Истомина (1694 г.). Азбука считалась преддверіемъ (лѣстницею) къ изученію часослова, псалтыря и другихъ божественныхъ книгъ, а потому и сама проникнута религіознымъ характеромъ; статей и изреченій свѣтскаго характера въ ней очень мало. Характеръ обученія былъ таковъ, что нельзя было выучиться читать, не выучивъ вмѣстѣ съ тѣмъ наизусть и всего содержанія азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повтореніе, безъ котораго нельзя было и заглянуть въ новую страницу. Ученье обыкновенно происходило вслухъ и на распѣвъ. Въ наказаніи учителямъ, какъ обучать дѣтей грамотѣ предписывается больше всего заниматься съ дѣтьми азбукой, проходить ее «неспѣшно», чисто и прямо по существу, паче же умѣть ять съ естемъ разнити. Подобно тому какъ въ Домостроѣ и Златоустѣ, и въ азбукахъ проводится мысль о необходимости и неизбѣжности наказанія при всякомъ ученіи. Азбука Бурцова начинается даже изображеніемъ училища, гдѣ одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣняхъ предъ строгимъ дидаскаломъ, который готовится наказать его розгою. Для обученія письму служили скорописныя азбуки, писанныя всегда столбцомъ, причемъ прописныя и строчныя буквы писались съ особымъ тщаніемъ и искусствомъ, съ разными вычурными украшеніями. Изреченія и афоризмы, находимыя въ азбукахъ XVII в. почти всегда отличаются религіознымъ и нравственнымъ содержаніемъ. Кругъ начальнаго обученія въ XVII в., также какъ и XVI состоялъ изъ чтенія (азбуки, псалтырь, часословъ), письма и пѣнія; но были уже и такія школы, которыя не довольствовались этимъ элементарнымъ курсомъ и вводили въ свое обученіе другіе предметы; это мы увидимъ подробнѣе изъ разсмотрѣнія школьныхъ азбуковниковъ.

Источники и пособия: Азбука, напечатанная въ 1679 г. въ Москвѣ, въ Верхней типографіи. Главнымъ пособіемъ служилъ Забѣлинъ И. Домашній бытъ русскихъ царей. Ст. 7-я. Отеч. Запис. 1854 г. т. ХСVII. — Е. Замысловскій. Царствованіе Феодора Алексѣевича. Спб. 1871. — О. Буслаевъ. Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Москва. 1861 г. — Соболевскій. Образованность Московской Руси XV—XVII в.в. — I. Паульсонъ. Методики грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ. Спб. 1887. — Извѣковъ Д. Букварная система обученія въ исходѣ XVII в. и въ началѣ XVIII см. журн. Семья и Школа № 4, 1872 г.

Глава XXI.

Азбуковники. Школьные азбуковники XVII в. Школьные порядки (по азбуковникамъ). Руководство по арифметикѣ.

Постараемся показать, пользуясь азбуковниками, что въ XVII в. были школы, гдѣ обученіе не ограничивалось часословомъ и псалтырью; а преподавались въ нихъ и нѣкоторые свѣтскіе предметы. Такъ ученики должны были знать составъ и строй своего языка, имъ давали понятіе о семи мудростяхъ. Но прежде остановимся на такъ назыв. азбуковникахъ.

Появленію грамматикъ у насъ предшествовали азбуковники или «алфавитники», назначеніе которыхъ было объясненіе неудопонятныхъ словъ въ церковно-славянскихъ книгахъ. Не зная точнаго значенія словъ, многіе читатели толковали ихъ по своему, а невѣжественные писцы дѣлали грубыя ошибки, искажавшія смыслъ, напр. вмѣсто илектронъ (янтарь) писали алектронъ (пѣтухъ), вмѣсто ереси-ересива (трава сорная). Въ азбуковникахъ объяснялось истинное значеніе слова, и къ грамматическимъ толкованіямъ, расположеннымъ въ ал-

фавитномъ порядкѣ, присоединилось еще объясненіе самыхъ предметовъ и понятій. Къ такимъ азбуковникамъ относится древнѣйшій новгородскій азбуковникъ 1289 г., другой новгородскій словарь «Толкованіе неудобопознаваемыхъ рѣчей» (1431 г.), печатный словарь Лаврентія Зиванія (1596). Лексисъ и славено-русскій лексиконъ (1627 г.) Памвы Беринды. Азбуковники, вмѣстѣ съ объясненіемъ словъ, имѣли въ виду научить читателей, дать имъ свѣдѣнія объ известномъ кругу предметовъ, выборъ которыхъ опредѣлялся возбуждаемымъ ими интересомъ. Все, что только можно было найти въ рукописныхъ памятникахъ по всѣмъ отраслямъ знаній: языковѣдѣнію, исторіи, географіи, міеологіи, естествознанію, нашамъ себѣ мѣсто въ азбуковникахъ; но, безъ сомнѣнія, самая главная и существенная часть азбуковниковъ языковѣдѣніе. При чтеніи азбуковниковъ становится понятнымъ, почему наши предки такъ любили эти сборники. Азбуковники доставляли имъ самое разнообразное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знанія; въ одной книгѣ здѣсь собрано было много важнаго и интереснаго, что разсыяно было по разнымъ книгамъ, переходившимъ въ Россію въ разныя времена съ Востока и Запада. Но въ то же время дѣлается понятнымъ, почему въ древніе времена между книжными людьми распространено было такъ много разныхъ странныхъ заблужденій, суевѣрныхъ сказаній и самыхъ нелѣпныхъ вымысловъ. Книжные люди, между прочимъ, находили ихъ въ азбуковникахъ и другихъ подобныхъ имъ сборникахъ, которые они читали и перечитывали. Не имѣя научнаго образованія, они не могли отнестись критически къ свѣдѣніямъ ими сообщаемымъ и безъ разбора, съ полною вѣрою, усвоивали все, что въ нихъ находили. Но не столько эти азбуковники насъ занимаютъ, сколько тѣ изъ нихъ, которые въ XVII вѣкѣ были назначены для школьнаго употребленія и надъ разборомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ поработалъ п. Мердвцевъ*). Азбуковникъ, находившійся въ рас-

*) Мы весьма сожалѣемъ, что не имѣли возможность ознакомиться лично съ такими азбуковниками, весьма важными для исторіи педагогики.

пораженіи г. Мордовцева представляет, по его словамъ, довольно объемистую рукопись, написанную въ Соловецкой обители келаремъ Θεодосіемъ въ 1660 году и дополненную какинъ-то «убогимъ первоостранникомъ» въ 1683 году. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, которыя имѣютъ одинаковое съ нимъ заглавное имя «азбуковники», хотя различаются между собою по содержанію и имѣютъ особый счетъ листовъ. Азбуковниками они названы, повидному, вслѣдствіе того, что предметы, ихъ занимающіе, расположены въ азбучномъ порядкѣ съ поставленными въ началѣ каждаго изъ образованныхъ ими отдѣловъ соответствующими буквами. Болѣе близкое знакомство съ содержаніемъ азбуковника показываетъ, что онъ былъ сборникомъ статей, назначенныхъ частію для чтенія ученикамъ, уже отчасти грамотнымъ, частію же для руководства самимъ учителямъ. Такъ въ немъ находятся между прочимъ правила для учащихся и учащихся, образцы сочиненія писемъ и посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ и т. д. Содержаніе азбуковника можно представить въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ. Первый азбуковникъ состоитъ главнымъ образомъ изъ собранія школьныхъ правилъ и учительскихъ наставленій. Азбуковникъ второй, посвященъ «привѣтствіемъ» посѣтителемъ школы и «отвѣтамъ на нихъ» со стороны послѣднихъ. Третій азбуковникъ содержитъ прописи, названныя въ немъ «надписями». Азбуковникъ четвертый, «симуцій въ себѣ увѣщанія ученія, наказанія ученикомъ отъ многихъ книгъ, многое же отъ грамматикъ». Последнюю часть азбуковника занимаетъ изложеніе свѣдѣній, служащихъ для ознакомленія съ семью свободными мудростями и расположенныхъ въ семи отдѣльныхъ главахъ. Вотъ ея оглавленіе. 1. Грамматика, 2. Діалектика, 3. Риторика, 4. Музыка, 5. Ариметика, 6. Геометрія, 7. Астрономія. Здѣсь мы будемъ слѣдовать указаніямъ г. Мордовцева. Содержаніе школьныхъ азбуковниковъ XVII в. соответствуетъ характеру тогдашняго образованія, проникнутаго религиозно-нравственнымъ направленіемъ. Это содержаніе само по себѣ весьма важно для насъ многими указаніями на способъ обу-

ченія юношества, школьную дисциплину, на порядки, какіе заведены были въ тогочасные русскіе школы; въ нихъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ и, наконецъ, указанія на современные школьные обычаи и порядки. Прежде всего, при чтеніи азбуковниковъ, мы видимъ ясное указаніе на существованіе отдѣльныхъ училищъ, гдѣ собирались учащіеся для наученія «книжному дѣлу». Нельзя утверждать, чтобы училища были закрытыми, нѣчто въ родѣ пансіоновъ; изъ азбуковниковъ напротивъ видно, что уже въ XVII в. были такія училища, куда дѣти приходили утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ. Приходя въ школу, учащіеся отвѣчали свой урокъ учителю и сказавъ старый урокъ ученикъ принимался за изученіе «новаго стиха» до самаго вечерняго пѣснопѣнія, съ тѣмъ, чтобы на другой день знать выученное и отвѣтить его учителю. Послѣ общей молитвы, ученики занимали назначенныя имъ мѣста, при чемъ, какъ видно изъ азбуковниковъ, садились по успѣхамъ и своему поведенію, т. е. каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидасколомъ.

«Мали въ васъ и величьи вси равни;

Учени же ради выщшихъ мѣстомъ да будутъ знатни».

Относительно поведенія въ азбуковникѣ говорится:

«Не потѣсней мѣстомъ ближняго твоего,

И не называй прозвищемъ товарища своего»

Или «Тѣснотою другъ ко другу не согнѣтайтесь

Колѣнами и лядвіями не прислоняйтесь»

Тѣ же самые совѣты даетъ «мудрость» въ другомъ мѣстѣ:

«Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ

во всемъ, не празднослови, не смѣйся, очима не наизай,

ниже озирайся съмо и овамо, яко изумленный; ближняго не

уничижай и не утѣси; полуименемъ паче же прозваніемъ ни-

кого не называй».

Азбуковники велятъ тщательно и аккуратно обращаться

съ книгами, смотрѣть за чистотой и порядкомъ въ классѣ:

Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
 Подметена же и безпорошена и исчищена да бываетъ;
 Школьный соръ вонъ износите,
 Бытностей же и рѣчей отнюдь не износите».

Затѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ «дружиной», т. е. товарищами, запрещается имъ класть руки на книгу.

Что касается вопроса о наказаніяхъ лѣнивыхъ, нерадивыхъ и дурно себя ведущихъ, то объ этомъ находимъ много указаній въ древнихъ азбуковникахъ, потому что лоза, рога и жезлъ были любимыми темами, надъ которыми изощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ случаѣ предки; «ни одна статья школьныхъ уставовъ до Петровской Руси, говоритъ г. Мордовцевъ, не развита такъ подробно и не изукрашена всѣми хитрословными вымыслами, какъ статья о наказаніяхъ. Но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что въ древнерусскомъ обученіи преобладала жестокость и неумѣренно — суровое обращеніе съ учениками: суровость, съ необходимыми спутниками жезломъ, ремнемъ, плетью, лозой и розгой, и вдобавокъ, съ ужасающимъ школьнымъ козломъ, выразилась искусно силетенными виршами, и каждый составитель учебника фантазировалъ на эту тему, сколько его душѣ было угодно»; однако, едва ли это было и простое словесное устрашеніе, особенно въ то время и при тѣхъ нравахъ, когда праежи и батоги имѣли широкое распространеніе.

Въ числѣ наказаній, бывшихъ въ употребленіи, азбуковники упоминаютъ и о сохранившемся до нашего времени обычаѣ оставлять лѣниваго безъ обѣда.

«Если кто урока даннаго не изучитъ,

Таковый изъ школы свободнаго отпуста не получитъ».
 Въ помощь себѣ, для наблюденія за нравственностью и поведеніемъ учениковъ изъ числа ихъ же учитель выбиралъ старостъ, что вполне соответствуетъ гораздо болѣе позднему способу избирать старшихъ въ классѣ, что сохранилось и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Старосты избирались изъ прилежныхъ и лучшихъ по поведенію

учащихся, причѣмъ наблюдалось, чтобы старосты «не были къ яденію любостластны: таковы бывають и возрѣнію любо-страстки». Мудрость — школьная совѣтовала учителю блюсти учениковъ и хранить ихъ, яко зѣницу ока, много бо несмыслѣства и всякаго неразумія привязано суть къ души отрочати, и для этого совѣтовала «имѣть у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебе оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ... Аще суть добри пристави, да не по твоємъ отшествіи, или онѣ, ученицы твои уклонятся въ развращеніи и бѣсѣды пустошныя, и не точію ученіе оставятъ, но и на иная нѣкая злая діаволь научить». Изъ азбуковниковъ видно, что въ различныхъ школахъ число старостъ было различно: въ однихъ — одинъ, въ другихъ три. «Единаго изъ васъ въ старосты изберу», чаще же всего азбуковники говорятъ: «тріехъ старостъ вамъ устрою, коему коемуждо особое приказаніе уставляю». Относительно обязанности старостъ есть много указаній въ азбуковникахъ. Главная ихъ обязанность была наблюдать за поведеніемъ товарищей, въ отсутствіи учителя и въ случаѣ беспорядковъ они имѣли даже право наказывать виновныхъ, по своему усмотрѣнію; они исполняли должность позднѣйшихъ аудиторовъ, такъ какъ должны были спрашивать уроки у товарищей, обязанность ихъ была смотрѣть за книгами учащихся, отпускать учениковъ пить и для другихъ нуждъ, должны были наблюдать, есть ли въ школѣ вода для питья, вытоплена ли печь, подметена ли комната, для чего назначался отъ старосты одинъ изъ учениковъ поочерно.

Правила школъ XVII вѣка строго слѣдили за религіознымъ направленіемъ учащихся и училищная дисциплина тѣсно была связана съ ученіемъ о вѣрѣ, съ уваженіемъ догматовъ православной вѣры; хожденіе въ церковь для слушанія божественной литургіи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность учащемуся юношеству, и нерадѣніе къ догматамъ вѣры наказывалось гораздо строже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ. «О хожденіи въ церковь сказано: се бо есть ваше дѣтское въ школѣ учащихся дѣло, паче же совершенныхъ въ возрастѣ».

Звонъ къ церковной службѣ былъ знакомъ окончанія ученія; ученики должны были идти къ вечернѣ и учитель въ этомъ случаѣ предостерегаетъ ихъ, чтобы они стояли въ церкви благопристойно: «потому что, прибавляетъ онъ, всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ!» Не только въ церкви ученики должны были вести себя пристойно своему званію, но училищныя правила требовали, чтобы и по улицамъ они ходили тихо и прилично, какъ говорить премудрость». Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время «со всякимъ смиреніемъ до дому своему идите; шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и бѣшенія, и рѣзваго бѣганія, и каменовеженія, и всякихъ неподобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяй бо таковая нѣсть отъ овецъ моихъ, но отъ негодныхъ и смрадныхъ козлищъ, любящихъ строитиное хомженіе, отъ нихъ имъ бываетъ паденіе и сокрушеніе». Запрещено было также учащимся ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ по какому-либо случаю собирается народъ. Въ воскресенье и праздничные дни ученики собирались утромъ въ школу, но уже не учились, а должны были «точію выученное изговорити» и до начала литургіи слушать разныя поученія и объясненія прадѣдниковъ. Мудрость, совѣтуя учителю не возноситься борзоучающимися учениками и не оскорбляться грубоучающимися, велитъ ему заставлять ихъ призывать ежедневно на помощь Бога. «Если же кто-нибудь изъ учениковъ лѣнится, или какъ говорить одинъ изъ азбуковниковъ: болить грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго», то учитель долженъ призвать священника и прочитать молитвы, какія обыкновенно читаются надъ негодобучающимися грамотѣ; но кромѣ молитвы онъ долженъ читать ему разныя полезныя наставленія «отъ писаній» или рассказывать «просторѣчнымъ сказаніемъ» о тѣхъ лѣнливыхъ, о которыхъ говорится въ житіяхъ святыхъ, какъ напр., Сергія Радонежскаго, Александра Свирскаго и др. преимущественно же онъ долженъ рассказывать ему о томъ отрогѣ, который каждый день читалъ молитвы Пресвятыя Богородицы, прося ея о дарованіи ему памяти, вниманія и способностей

къ ученію, и которому она явилась и сказала: «не тою грамотою отсюду будешь умѣти, но и главу твою скорбную улѣчу». Нельзя не признать, замѣчаетъ г. Мордовцевъ, въ этихъ приемахъ (разсказахъ, молитвахъ) педагогическаго такта и пониманія души человѣческой; они дѣйствовали на благородныя стороны ея, нагляднымъ, живымъ примѣромъ возбуждали вѣру въ Бога, въ его всемогущество, вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали ревность къ ученію и не допускали до столь пагубнаго въ педагогическомъ дѣлѣ состоянія отчаянія».

Святые, покровительствующіе книжному ученію, считались у насъ Косьма и Даміанъ, пророкъ Наумъ и тотъ святой, въ честь котораго дано было имя учащемуся при крещеніи. Въ азбуковникахъ объ этомъ прямо сказано: «есть обычай многимъ совершати любезная святымъ безсребренникомъ Космѣ и Даміану, и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитства и мать». Относительно прор. Наума азбуковникъ, бывшій въ рукахъ г. Мордовцева, открываетъ новый фактъ именно тотъ, что и къ древней Россіи учащіяся призывали на помощь святаго, какъ покровителя наукъ, чѣмъ и объясняется существующій даже до сихъ поръ обычай у простого народа предъ началомъ ученія молиться пророку Науму, а у нѣкоторыхъ даже начало ученія полагается въ этотъ день. Изъ азбуковниковъ же видно, что школьные учителя находились въ матеріальной зависимости отъ родителей учащихся. Учителя нуждались иногда въ самыхъ необходимыхъ предметахъ жизни и ученики должны были «кормить дидаскала», принося ему по праздникамъ, сколько могли, съѣстныхъ припасовъ:

«Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите: и отъ съѣдныхъ брашенъ и питія ему приносите».

Или: «Честь достойную учителю воздавайте,

И лютъ домовъ своихъ брашна и питія ему приношайте». Относительно объема обученія трудно сдѣлать точный выводъ изъ азбуковниковъ, тѣмъ болѣе, что и самые азбуковники разнообразны и содержатъ неодинаковыя свѣдѣнія. Школьная

мудрость говорить въ одномъ азбуковникѣ ученику, что, когда онъ выучитъ азбуку и будетъ уже знать ее въ совершенствѣ, долженъ выучить потомъ часословъ и псалтырь и относительно ихъ выражается даже такъ, что безъ нихъ и ученія никакого не бываетъ, что это самыя необходимыя первоначальныя книги, что о нихъ даже и упоминать бы не стоило, такъ какъ необходимость ихъ видно всякому, потому что всякій это знаетъ: ктому не глаголю ти о часословѣ и псалтыри, безъ нихъ же сіе (т. е. ученіе) не бываетъ. «Но се тебѣ едино реку» продолжаетъ она, (т. е. вотъ на что обрати вниманіе, вотъ что еще нужно тебѣ, кромѣ часослова и псалтыри): «вниди умомъ внутрь себе и всею сердечною мыслью обноси вся книги тисненныя и писменныя, великія и малыя, славныя и не славныя, и еже пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ палатахъ, тако же и во всемъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ множествѣ и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости откуду вразумляются и вчиневаюття, и чѣмъ устроятся». Все это, конечно, было слишкомъ широкой задачей и едва ли могло преподаваться въ какихъ бы то ни было школахъ XVII вѣка, но для насъ достаточно и того указанія, что знанія часослова и псалтыри считалось недостаточнымъ, что учащемуся считалось необходимымъ приобрести и другія свѣдѣнія. Правда, часословъ и псалтырь были необходимыми книгами при всякомъ обученіи, но это были только первоначальныя руководства, а не единственныя. Велѣдствіе общаго религіозно-нравственнаго направленія нашихъ предковъ часословъ и псалтырь явились нашими первыми учебниками, какъ собраніе догматовъ вѣры и правилъ обь обязанностяхъ человека и христіанина. Но кромѣ часослова и псалтыря въ объемъ обученія входили и другія «Божественныя книги» малыя и великія, рукописныя и тѣ немногія печатныя, какія существовали въ XVII в. Но обученіе XVII вѣка, уже не то что XV и XVI вѣка оно не ограничивалось только кругомъ царювнхъ и богослужебныхъ книгъ; въ немъ былъ уже явный «свѣтскій» элементъ, о чемъ несомнѣнно свидѣлствуютъ школьныя азбуковники. Эти азбуковники важны для

насъ именно потому, что они знакомятъ насъ не только со школьной дисциплиной и порядками того времени, но до нѣкоторой степени съ объемомъ и методами преподаванія въ школахъ XVII вѣка.

Выучивъ школьныя правила, дѣти переходили къ приобретению другихъ свѣдѣній. Ихъ начинали знакомить, хоть энциклопедически съ тѣмъ, что вообще отличаетъ образованнаго человѣка отъ неуча. Такъ какъ ученіе, конечно, распредѣлялось по днямъ недѣли, то учащимся объясняли происхождение и значеніе недѣли, причѣмъ естественно связывались первыя начала изъ священной исторіи: дѣтямъ рассказывалось изъ книги Бытія, сотвореніе міра и человѣка. Изъ всего духа школьнаго обученія можно думать, что на знаніе священной исторіи обращалось особенное вниманіе, потому что въ то время знаніе это считалось наиболѣе цѣннымъ и важнымъ. Объясненіе дней недѣльных вело за собой знакомство съ происхожденіемъ календаря и исторіей лѣтосчисленія.

Что и раньше существовали у насъ грамматики на Руси, объ этомъ мы говорили, но только съ XVII в. знаніе ихъ дѣлается обязательнымъ для всякаго учащагося и потому толкованіе грамматики въ азбуковникахъ получаетъ широкое распространеніе — знакъ что грамматика сдѣлалась необходимою въ школахъ XVII вѣка. Изъ азбуковниковъ видно, что ее учили дѣти, объ этомъ прямо положительно говорится. «Прежде всего, замѣчаетъ г. Мордовцевъ, системы въ преподаваніи грамматики не было, или очень мало; правила излагались такъ, какъ казалось удобнѣе для учителя, и потому объясненіе значенія и важности грамматики помѣщалось послѣ правилъ правописанія; склоненіе и падежи очень сбивчивы; прочія части рѣчи почти вовсе не принимались въ соображеніе. За то въ некоторыхъ азбуковникахъ есть довольно большіе трактаты о силлотиизмѣ, о гомомѣ, о правописаніи, гдѣ разобраны подробно всѣ буквы алфавита и употребленіе каждой изъ нихъ; затѣмъ большой отрывокъ о стихосложеніи съ объясненіемъ метровъ, родовъ стиха».

творныхъ, начиная съ ироическаго и ирозлегійскаго, доямвійскаго и софійскаго съ приведеніемъ примѣровъ.

На вопросъ (ученика) «сколько ибложеній въ слоги?» азбуковникъ отвѣчаетъ: «звательство, полузвательство, возразительство и накончаніе и объясняетъ смыслъ этихъ четырехъ названій. Но это не что иное, какъ раздѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и полугласныя и это были уже зачатки знанія грамматики. Особенно требовалось знаніе, какъ ять съ естемъ различати, чтобы никакъ не писать вмѣсто пѣніе — пеніе, сѣсти — сести и пр. Сіе бо, говоритъ азбуковникъ, вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, также и есть вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ веліе насильство ученію*). Затѣмъ отъ учителя требовалось, чтобы онъ училъ своихъ учениковъ правильной постановкѣ ударенія: гдѣ оксія или острая, гдѣ варія или тяжкая, а гдѣ комора облеченная; затѣмъ еще два знака краткая и исо. Въ азбуковникѣ истолковано, когда употребляется каждый изъ этихъ знаковъ и приведены примѣры, но тутъ же прибавлено, что объ этомъ говорится и въ грамматикѣ. Значитъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, помѣщенныхъ въ азбуковникѣ, ученикамъ были извѣстны самыя отдѣльныя грамматики, какъ руководства. Замѣчено, что въ азбуковникахъ было обращено большое вниманіе на знаки надстрочныя и строчныя. Что касается другихъ частей грамматики, то какъ видно изъ азбуковника, ихъ преподавали довольно кратко, больше практически, объясняя грамматическія особенности, нежели уна грамматикѣ теоретически. Такъ въ азбуковникѣ дѣлали разборъ фразъ, и поэтому разбору учащіеся навывкали въ грамматическихъ правилахъ. Падежи назывались падежiami, которые были именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное, употреблявшееся съ предложемъ отъ и о. Средній родъ назывался посреднимъ, мѣстоименія назывались проименіями, къ которымъ, кажется,

*) См. раньше привед. въ главѣ XX Исторія русск. пед. Наказаніе ко учителю, како имъ учить дѣтей грамотѣ, изъ предисловія къ Псалтыри изд. въ Москвѣ въ 1645 г.

относились и прилагательныя; спряженія названы были супружествами. Склоненія въ азбуковникѣ состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, и на каждый родъ приведены особые примѣры. Такимъ образомъ изъ азбуковниковъ видно, что въ нѣкоторыхъ школахъ ХУП вѣка знакомились съ начатками грамматики, какъ ее понимали въ тогдашнее время, старались узнать составъ и строй своего языка. Даже первую изъ семи свободныхъ мудростей*) считалась грамматика. Всякій желавшій быть мудрымъ и ученымъ долженъ знать грамматику: «кто книжная писмена устрждаетъ, или стихи соплетаеть, или повѣсти изъясняетъ, или посланія посылаетъ или что таковыхъ составляетъ, то все мною, грамматикою, смисляетъ. Понеже на времена развожду и на числа разсчиту и на паденія уклоню (т. е. просклоняю) и на супружества сведу (т. е. проспрягаю), степени разсужду и роды разберу» и пр. Въ ХУП в. подъ словомъ грамматика разумѣли даже нѣчто большее, чѣмъ разумѣемъ въ настоящее время, въ нее входило многое, относящееся теперь къ теории словесности, съ изученіемъ грамматики соединяли изученіе риторики, стилистики и даже пѣтики, оттого то въ азбуковникахъ много попадается грамматическихъ отдѣловъ различнаго содержанія и мы находимъ большія выписки изъ грамматики М. Смотрицкаго, съ означеніемъ на поляхъ листовъ ея изданія.

Ватѣмъ въ азбуковникѣ мы находимъ свѣдѣнія о предметѣ диалектики, риторики, музыки, ариметики, геометріи и астрономіи. Послѣ объясненія значенія семи свободныхъ художествъ, находится обращеніе къ дѣтямъ, гдѣ высказывается желаніе пользы отъ приобретенныхъ ими свѣдѣній, этимъ и оканчивается самый азбуковникъ.

Достойно замѣчанія, что въ азбуковникахъ есть образцовыя посланія въ стихахъ и прозѣ, и разныя привѣтвенія двуступня, которыя можно было и говорить наизусть, и писать кому-либо. Образцовыя привѣтствія разбѣяны по разнымъ

*) О семи мудростяхъ начинали бесѣдовать въ школахъ тогда, когда умы юношей были къ тому, по мнѣнію учителя, достаточно подготовлены.

отдѣламъ азбуковниковъ; многіе изъ нихъ очень наивны, но все вообще довольно характерны для своего времени; большая часть «привѣтствъ» есть не что иное, какъ комплименты и *bonis-mots* тогдашняго русскаго общества. По этимъ примѣрамъ очень вѣроятно учащіяся учились сами сочинять, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному и важному.

Что касается преподаванія, объема и размѣра ариметики, то объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно, однако, что въ XVII вѣкѣ существовали уже математическія сомнѣнія.

Древнѣйшая изъ извѣстныхъ ариметическихъ рукописей находилась въ знаменитомъ собраніи славяно-россійскихъ рукописей профессора Баузе, къ великой утратѣ для науки погибшемъ во время пожара Москвы въ 1812 г. Въ каталогѣ этого собранія, составленномъ В. Н. Каразинымъ, объ этой рукописи говорится слѣдующее: «№ 189 Ариметика. Сія книга рекома по гречески Ариметика, а по нѣмецки Алгоризма, а по Русски Цыфирная счетная мудрость «писано, сколько по всему догадываться можно, въ XVI вѣкѣ и есть, безъ сомнѣнія, старѣйшая изъ всехъ Математическихъ рукописей, которыя находятся или найтись могутъ на россійскомъ языкѣ»*).

Въ различныхъ книгохранилищахъ, общественныхъ и частныхъ въ настоящее время имѣется нѣсколько математическихъ рукописей XVII вѣка. Изъ извѣстныхъ въ большей или меньшей степени укажемъ слѣдующія. Шесть рукописей находящихся въ Императорской С.-Петербургской Публичной Библиотекѣ, также шесть въ Румянцевскомъ музеѣ и по одной: у профессора Буслаева, въ книгохранилищѣ Чудова монастыря и въ Библиотекѣ общества любителей древней письменности.

Рукопись № 681 Румянцевскаго музея исключительно посвящена Ариметикѣ; написана она въ первой половинѣ XVII вѣка и носитъ заглавіе «Пятая мудрость въ семи великихъ мудростяхъ нарицается Ариметика». Способъ изложенія ариметическихъ истинъ въ этой рукописи строго

*) Чтен. при Императ. Общ. Исторіи и Древностей Россійск. при Москов. Univ. 1862. Kn. 2-я. Слѣс.

догматическій. Правила предлагаются въ формѣ предписанія или рецепта, не содержащаго даже намека на указаніе мотивовъ и основаній, и всегда сопровождается большимъ или меньшимъ количествомъ примѣровъ въ различныхъ статьяхъ различно. Въ однихъ примѣры слѣдуютъ тотчасъ же въ изложеніи правила, въ другихъ же наоборотъ — примѣры предшествуютъ правилу.

Рукопись № 932 Румянцевскаго музея написана скорописью XVII вѣка, содержитъ около 250 листовъ въ четвертку, большая часть ея (именно 196 л.) занята ариеметикой; причемъ какъ содержаніе, такъ и изложеніе этой ариеметической части вполне совпадаетъ съ вышеприведенной рукописью (№ 681). О рукописяхъ Императорской Публичной Библиотеки сообщаетъ г. Пекарскій *). Въ Публичной Библиотекѣ есть три экземпляра ариеметики. Два изъ нихъ полнѣйшіе, подъ №№ 10 и 14, IX; здѣсь вездѣ арабскія цифры; на особомъ листѣ изображеніе ихъ съ славянскими числами. Начало текста обѣихъ рукописей: «Та мудрость (ариеметика) едина изъ большихъ седми мудростей: отъ сея книги философи гречестии ныскали; безъ сея мудрости ни единый философъ не можетъ быти, ни дохтуръ; а кто сію мудрость вѣдаетъ, можетъ быти у государя въ великой чести и жалованіи; по сей мудрости гости по государствамъ торгуютъ и во всякихъ товарѣхъ и въ торгѣхъ силу знаютъ, и во всякихъ вѣсахъ и въ мѣрахъ, и въ земномъ верстаніи и въ морскомъ теченіи». Затѣмъ слѣдуютъ ариеметическія правила. Содержаніе этого руководства весьма разнообразно: здѣсь находимъ не только ариеметику, но и астрологию, астрономію, товаровѣдніе. Въ Публичной Библиотекѣ (изъ Погдинс. Собр. № 1664) есть прекрасно написанный экземпляръ этого же руководства (только неполный: оканчивается статьею «Изъ астрономіи съ нѣмецкихъ переводовъ»).

Рукопись общества любителей Древней Письменности написана крупной скорописью второй половины XVII вѣка и

*) См. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

содержитъ въ себѣ 147 листовъ въ четвертку, изъ которыхъ 14 утрачены. Большинство рукописей, но крайней мѣрѣ въ отношеніи главной ариѳметической части, какъ думаетъ г. Зобынъ имѣютъ одинъ общій оригиналъ (именно ариѳметику XVI вѣка). Ариѳметическія рукописи, почерпнувшія себе содержание изъ совершенно новыхъ источниковъ появляются только въ самомъ концѣ XVII в. и началѣ XVIII в.

Слѣдующее за ариѳметикой мѣсто по значенію, придаваемому въ разсматриваемыхъ рукописяхъ, принадлежитъ Землемѣрью, которое содержится въ большинствѣ приведенныхъ рукописей и притомъ въ весьма подробномъ изложеніи.*) Г. Мордовцевъ указываетъ, что въ 1645 году издана была ариѳметика Василиемъ Бурцовымъ, а въ 1664 г. къ одному альманаху, переведенному, вѣроятно, съ польскаго была приложена: «Книга, глаголемая математика, новопредложенная съ злиискаго, лавинскаго и польскаго языка на словенскій». «Книга, глаголемая ариѳметика, еже есть счетъ», которая содержитъ въ себѣ и простолудинскія рѣчи, т. е. задачи изъ простонароднаго быта. Это руководство имѣло практическое назначеніе; именно обученіе счету и четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ для быстраго производствъ различныхъ вычисленій, необходимыхъ въ ежедневной жизни. Можно думать, что только въ этомъ объемѣ ариѳметика входила въ первоначальное обученіе, но что она была уже въ употребленіи въ школахъ видно изъ витебскаго опредѣленія ариѳметики, находящаго въ некоторыхъ азбучникахъ.

Индійская, или т. н. арабская система письменнаго счисленія со своимъ замѣчательнымъ принципомъ мѣсто и нулемъ оказывается получившею полное право гражданства во всѣхъ дошедшихъ до насъ математическихъ рукописяхъ XVII вѣка. Слѣды прежняго употребленія древней греко-славянской системы встрѣчаются только въ древнѣйшихъ изъ нихъ, да и то въ такія слабо выраженныхъ формахъ, какъ поясненіе и въѣдъ XVII вѣка.

*) Существовали и отдѣльныя рукописи по геометріи, Карамзинъ приводит заглавіе, имѣвшагося у него экземпляра рукописи половины XVII вѣка: «Книга именуемая Геометрія, или Землемѣрье радикомъ и циркулемъ».

значенія арабскихъ цифръ соответствующими славянскими. Рукописи второй половины XVIII в. не содержатъ въ себѣ даже и этихъ незначительныхъ слѣдовъ. Арабскія цифры начинаютъ появляться въ славяно-русскихъ печатныхъ книгахъ съ 1611 года и прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, въ тѣхъ изъ нихъ, которые вышли изъ западныхъ типографій. Но арабская система распространялась весьма медленно и была извѣстна первоначально только въ кругу людей, занимавшихся ариметикою. Медленность этого ознакомленія была настолько велика, что у многихъ изъ нашихъ ученыхъ *) появилась ошибочная мысль о введеніи въ Россію арабскихъ цифръ только въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія и притомъ чрезъ посредство печатныхъ книгъ «Ариметика Магницкаго 1703 года или «книги морскаго плаванія 1701 года. **) Такъ какъ типографія въ м. Евю, содержащая виленискимъ братствомъ, была одною изъ первыхъ, основанныхъ въ Россіи, то г. Бобыкинъ считаетъ 1638-й годъ годомъ введенія арабскихъ цифръ въ русскія типографіи. О существованіи руководствъ по ариметикѣ въ XVII вѣкѣ видно и изъ предисловія къ ариметикѣ Магницкаго, изданной въ 1703 г., въ которомъ говорится о старопереводныхъ ариметикахъ съ языковъ греческаго, латинскаго и польскаго, которыми пользовался авторъ при составленіи своего руководства.

Обратимся теперь къ азбуковникамъ. «Ариметика» въ нихъ имѣетъ пространное предисловіе, въ которомъ перечислены случаи, гдѣ знаніе ариметики необходимо и почему собственно научаетъ эта мудрость. О своемъ имени она говоритъ, что «Еллинскимъ языкомъ Ариметика нарицаема, сладчайшимъ же мнѣ, рекши Русскимъ языкомъ, числительница». Она исчисляетъ широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, управляетъ всѣми дѣлами, царскими и боярскими, уставляетъ всему правильную мѣру и всѣ чиновныя числа, и

*) Какъ думали Тредьяновскій, митрополитъ Евгений, Сопиковъ, Берть.

**) Какъ полагалъ Соколовъ.

мѣры, и вѣсы соединяетъ и раздѣляетъ, слагаетъ, вычитаетъ, и до доли раздѣляетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все въ дробь раздробляетъ; оно имѣетъ неразрывную связь съ геометрией и астрономіей, а въ музыкѣ устанавливаетъ степенни, стоянія, стопы и движенія; она необходима для грамматики, риторики и диалектики. Изобрѣлъ ее отъ селлинъ мудрый Пифагоръ. Цѣль ея — счисленіе всѣхъ возможныхъ величинъ и измѣреній: пространство оно считаетъ локтями, инаициу мѣрами, вино чашами, палки тысячами и сотнями». Изъ предисловія этого ясно видно, что въ XVII вѣкѣ ясно сознавали значеніе ариметики и вѣроятно преподавали ее въ некоторыхъ школахъ, но въ какомъ объемѣ трудно сказать; изъ азбуковниковъ этого не видно. Можно допустить, что въ большинствѣ школъ знакомили съ четырьмя арифметическими. Геометрія, шестое изъ свободныхъ художествъ, имѣетъ въ школьныхъ азбуковникахъ то значеніе, какого уже въ настоящее время не имѣетъ: въ объясненіи ея сбиваются то на космографію, то на математическую географію, то на географію политическую; однимъ словомъ, здѣсь понимаютъ буквально, что геометрія есть землемѣріе во всѣхъ отношеніяхъ. После предварительнаго вступленія раскрывается самое назначеніе геометріи, ея важность и предметъ, т. е. польза и цѣль ея знанія. Дѣтямъ, конечно, преподавались только начальныя понятія объ этой мудрости. Азбуковникъ, наконецъ, говоритъ и объ астрономіи. Астрономія сама сознается, что не здѣсь, не въ азбуковникѣ, можно найти ея содержаніе, но гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ какой-то «въ книгѣ своей шестіемъ и двідіемъ явлюся всяко». Что это за книга рѣшить трудно; можетъ быть здѣсь просто намекается на какое-нибудь руководство по астрономіи. Азбуковникъ же имѣетъ цѣлью не преподавать астрономію, а только возбудить желаніе заняться этой высокой мудростью. И въ Микѣвидимъ, говоритъ г. Мордовцевъ*), содержаніе полного азбуковника довольно разнообразно и имѣетъ свои

*) О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. стр. 65.

достоинства, которыя выигрываютъ въ нашихъ глазахъ еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что азбуковникъ этотъ служилъ только вспомогательной книгой при другихъ руководствахъ, употребляемыхъ въ школахъ; что свѣдѣнія собираемыя въ немъ, не были окончательными итогами обученія юношества, а оно приобрѣтало познанія болѣе обширныя; училось еще многому, чего нѣтъ въ азбуковникѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста его. Азбуковникъ этотъ читался ученикамъ, что называется между дѣломъ, какъ читались и другія книги разнообразнаго содержанія и читались во всякое свободное отъ ученія время (во время, напр. хлѣбодѣнія и отъ ученія престаія), читались и учителями, и старостами, за отсутствіемъ учителя. А ученіе шло своимъ чередомъ, и юношество въ урочные часы училось грамотѣ, письму, славянской грамматикѣ, риторикѣ и ариметикѣ; занималось силлогизмами со всѣми хитростями тогдашняго обученія; изучало целябы, знаніе которыхъ считалось необходимымъ для виршеслагательства; знакомилось съ нововведеннымъ тогда приемомъ, находя его у доскональнаго каноника Симеона Полоцкаго *) узнавало «степени стихотворныя мѣры» и единъ на десять родовъ стиха и иройскій, и ивѣйскій, и сафійскій и гликонскій и пр. наконецъ, какъ надо полагать, училась сочинять сначала сентенціи и двустипхи, потомъ «привѣтства» преимущественно же посланія въ стихахъ и въ прозѣ, что все подтверждается разнообразными статьями школьных азбуковниковъ.

Азбуковникъ полный называется еще иначе на первомъ листѣ его значится: «Азбуковникъ, его же должно естъ добрымъ учителемъ повседневно прочитовати въ наказаніе ученикомъ». Значитъ учитель обязанъ былъ ежедневно читать этотъ азбуковникъ для своихъ учениковъ. Положимъ, этому дословно вѣрить нельзя, азбуковникъ слишкомъ великъ, чтобы его можно было прочитывать отъ начала до конца, тѣмъ болѣе, что кромѣ въ школахъ учились и другимъ предметамъ,

*) Изъ азбуковника, изданнаго въ Соловецкой обители.

кроме азбуковника; но верно то, что хотя по частямъ, онъ читался въ школахъ; и содержаніе его было извѣстнымъ учащимся и, какъ кажется, они знали его наизусть. Въ азбуковникѣ сказано, что если въ школахъ найдутся и невнимательные мальчики, которые нерадиво будутъ слушать читаемое, или даже ничего не услышать, то все таки учителю вѣщено въ обязанность не обращать на это вниманія, а читать, потому что дѣти немсленны, не понимаютъ своихъ польсъ, и учителя это не должно печалить; если иные учащіеся, сказано отъ «грубости разума, и несладостно слушаютъ ниже внемлютъ» то учитель не долженъ отчаиваться въ ихъ исправленіи и въ пользѣ для нихъ своего ученія: «прочитовой, сказано, твое бо есть тоцію ежесѣяти» и что, какъ бы они ни были невнимательны къ нему слушатели, все же когда-нибудь, хоть навывкомъ, они узнаютъ то, что имъ читаютъ, и даже безъ желанія учиться, выучатся тому, что имъ будутъ повторять изъ азбуковника ежедневно. Здѣсь, очевидно, указывается на большое педагогическое значеніе и силу частаго повторенія.

Въ одномъ изъ азбуковниковъ (третьемъ) есть статьи, относящіяся до обученія юношества каллиграфіи, что у насъ принято теперь называть прописями, и что въ азбуковникѣ названо надписями. Въ XVII вѣкѣ прописи существовали только рукописныя, за неимѣніемъ литографированныхъ, и состояли изъ краткихъ двустижій нравственно-религіознаго содержанія. Изъ азбуковника видно, что учитель долженъ былъ прежде самъ писать эти прописи, а ученики уже списывали съ нихъ, примѣняясь къ его почерку. Это руководство каллиграфіи носить особое названіе «Азбуковника покаятельнаго» и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ или «наказаній», въ каждомъ такомъ наказаніи заключается по четырнадцати сентенцій или двустижій, по два двустижія на каждую букву алфавита. Такъ, напр. наказаніе первое о непрочитающихъ своихъ родители и о воспоминаніи добра своихъ благодѣтелей вмѣщаетъ въ себѣ двустижія на первыя семь буквъ азбуки т. е. до ж. включительно.

Изъ сканаго видно, что школьные азбуковники XVII в. весьма важны для исторіи педагогіи, такъ какъ въ нихъ мы находимъ не только указанія на способъ обученія учащихся, школьную дисциплину и порядки, но до нѣкоторой степени на объемъ и методъ преподаванія предметовъ. Можно пожалѣть только, что послѣ изслѣдованій г. Мордовцева (1856 г.) не появилось болѣе обстоятельныхъ, новыхъ изслѣдованій азбуковниковъ, да и самое изслѣдованіе г. Мордовцева, какъ видно изъ примѣчанія въ концѣ его статьи, не закончено. Изъ азбуковниковъ видно, что въ школахъ съ половины XVII в. не ограничивались уже обученіемъ грамотѣ, письму, часослову и псалтырю, но стремились давать первоначальныя свѣдѣнія по славянской грамматикѣ, риторикѣ, диалектикѣ, ариметикѣ и геометріи. Объемъ свѣдѣній по ариметикѣ и геометріи остается невыясненнымъ, но на основаніи существующихъ рукописныхъ сочиненій XVII в. по ариметикѣ можно думать, что въ XVII в. уже основательно были знакомы съ главнѣйшими арифметическими дѣйствіями и что въ школахъ знакомили, по крайней мѣрѣ, съ первыми четырьмя арифметическими дѣйствіями. Къ сожалѣнію, въ азбуковникахъ мы не находимъ точныхъ указаній, гдѣ названные азбуковники употреблялись и поэтому мы и не знаемъ точно мѣстопребыванія школъ. Весьма вѣроятно, что азбуковники употреблялись въ Чудовской и Спасской школахъ, а съ открытіемъ славено-греко-латинской Академіи и умноженіемъ образованныхъ людей число такихъ школъ, гдѣ обученіе было выше элементарнаго, возросло къ концу XVII вѣка.

Источники и пособия: Главнымъ пособиемъ, на основаніи котораго и написана эта глава, служило изслѣдованіе Д. Мордовцева: О русскихъ школьныхъ книгахъ. Москва. 1862. — Затѣмъ: А. Карповъ. Азбуковники, или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой бібліотеки.

Казань. 1877.—А. Бобынинъ. Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. Вып. I. Москва. 1886.

Глава XXII.

Епифаній Славинецкій.

Если существованіе Чудовской школы, гдѣ былъ ректоромъ Епифаній Славинецкій, подвергается сомнѣнію и требуетъ новыхъ доказательствъ, то несомнѣнно, что самъ Епифаній Славинецкій былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка.

Въ 1649 году бояринъ Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ устроилъ близъ Москвы преображенскую пустынь, вызвалъ туда братію изъ разныхъ кievскихъ и другихъ южно-русскихъ монастырей и въ то же время рѣшился завести тамъ ученое братство для перевода разныхъ полезныхъ церковныхъ книгъ. Съ этою цѣлью онъ обратился съ просьбою къ митрополиту Сильвестру Коссову, который, снисходя къ благочестивому желанію просвѣщеннаго боярина, избралъ между прочими и Славинецкаго и отправилъ его въ Москву. Въ 1649 году въ приказной записи о прїездѣ Епифанія говорится, что въ Москву прїехалъ отъ Кіевского митрополита старецъ Ѳеодосій, а съ нимъ для риторскаго ученія старцы кievлянежь, Арсеней да Епифаней. Призваніе въ Москву кievскихъ ученыхъ монаховъ въ 1649 году, говоритъ г. Пѣвницкій, намъ кажется началомъ новой эпохи въ исторіи сѣверно-русскаго просвѣщенія: съ этого времени явился въ Москвѣ свѣжій упорядочивающій и просвѣщающій элементъ, который съ теченіемъ времени началъ расти болѣе и болѣе, расширяться далѣе и далѣе. Хотя и до этого времени были въ сѣверо-восточной Руси, болѣе или менѣе образованные и отмѣчавшіе себя въ исторіи литературной и просвѣдательной дѣятельностью, но

до приѣзда въ Москву кіевскихъ ученыхъ не было здѣсь людей, которые бы образовали изъ себя нѣчто въ родѣ вліятельнаго учено-литературнаго центра, собирающаго къ себѣ любознательные и способные умы. Уединенно стоятъ и тускло свѣтятъ немногіе писатели первой половины XVII в.; читающій людъ довольствуется старою письменностью, засоренною и запрещенною отъ небреженія и недостатка образованія. Съ приходомъ кіевскихъ ученыхъ являются новые запросы и новые интересы. Новые люди хотятъ очистить ходячую письменность отъ ошибокъ и заблужденій, они стремятся водворить въ Россіи науку, расчистить для нея необходимую почву. И среди этихъ людей, безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежитъ Епифанію Славинецкому. Намъ очень мало извѣстно свѣдѣній о его жизни. По окончаніи курса наукъ въ Кіево-могилянской коллегіи, онъ, для дополненія свѣдѣній, отправился за границу, какъ это было въ обычаѣ въ юго-западной Руси и затѣмъ, по возвращеніи въ Россію, принялъ монашество и сдѣлался учителемъ въ кіево-братскомъ училищѣ. Отсюда, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ другими учеными монахами былъ вызванъ въ Москву, въ 1649 году. Здѣсь онъ, по распоряженію патр. Никона, сдѣланъ главнымъ справщикомъ книгъ и, можетъ быть, былъ начальникомъ патриаршей чудовской школы. Въ Москвѣ онъ трудился для духовнаго просвѣщенія 26 лѣтъ.

Ученое братство преображенской пустыни, куда оно первоначально было помѣщено, — первый образчикъ у насъ ученаго общества. Ртищевъ и Никонъ были его покровителями, Епифаній Славинецкій — его главою и самымъ способнымъ дѣятелемъ. Вліяніе этого общества скоро распространилось въ Москвѣ; при немъ образовались и къ нему пристали многіе учены и изъ великороссовъ. Исторія, говоря о трудахъ Епифанія, между сотрудниками его упоминаетъ Евсемя, одного изъ самыхъ преданныхъ и самыхъ усердныхъ учениковъ Славинецкаго, и Моисея, чудовскихъ монаховъ: священника Никифора, Михаила Радостамова и Флора Герасимова.

У современниковъ Епифанія Славинецкаго пользовался

славою ученѣйшаго человѣка, авторитетъ его они цѣнили очень высоко. Это видно изъ разныхъ, современныхъ ему, отзывовъ о немъ. Всюду, гдѣ только заходила о немъ рѣчь, ему сыпали самыя роскошныя похвалы. По словамъ одной старинной записки, онъ такой многоученый мужъ, что въ его время не было другого, подобнаго ему «аще кто инъ таковъ во времени семъ, не токмо грамматики и реторики, но и философіи и самыя еіологіи извѣстный бытъ испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный претолковникъ еллинскаго, славянскаго и польскаго діалектовъ*)». По словамъ другого современника «онъ былъ мужъ въ благочестіи знатный и ученый». И вообще всегда, когда современникамъ приходилось говорить объ Епифаніи, они говорили о немъ съ великимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ не только великой учености и мудрости, но и ревнителѣ православія. Въ немъ вмѣщалось все, современная ему, мудрость: кромѣ славянскаго, онъ зналъ основательно еще три языка: польскій, латинскій и греческій, которые дѣлали ему доступными всѣ сокровища тогдашней мудрости. Современники приписываютъ ему знаніе грамматики и реторики и называютъ его изящнымъ дидакаломъ въ философіи и богословіи. Никонъ весьма цѣнилъ Епифанію и давалъ ему различныя ученныя порученія. Особенно Епифанія любили и цѣнили за то, что онъ былъ знатокомъ греческаго языка, благодаря чему въ подлинникъ читалъ и изучалъ православныхъ восточныхъ св. отцовъ церкви. Епифаній читалъ и книги латинскія, но онѣ не были для него вредны и опасны, потому что все идущее съ запада провѣрялось у него православнымъ, греческимъ. Во время Славинецкаго на Москвѣ выдавался уже Симеонъ Полоцкій; но онъ уступалъ Епифанію и въ познаніяхъ и въ дарованіяхъ. Современникъ, восхвалявшій Епифанію какъ мужа многоученаго и философа, тутъ же говоритъ и о Симеонѣ: «бы же и инъ нѣкто іеромонахъ, Симеонъ Полоцкій, зовемый, пришедшій изъ града Полотска, державы краля Польскаго. И

*) Словарь историч. Часть I, ст. 178.

той учивыйся, но не толико; не бо бысть философъ, и то токмо учися, яко обычай есть полякомъ и литвякомъ по-латински и по полски, греческаго же писанія ничто же знаише*). Въ Епифаніи Славинецкомъ мы видимъ ученаго XVIII вѣка, всецѣло преданнаго книжному дѣлу и погруженнаго въ свои занятія. Его, очень богатая по своему времени, бібліотека доставляла ему самое благородное развлеченіе и самое любимое наслажденіе**). Среди уединенныхъ работъ, далекой отъ суеты житейской, Епифаній Славинецкій далъ своей умственной жизни характеръ отвлеченный и созерцательный. Его образование было широко и многосторонне, если измѣрять его тѣмъ объемомъ, въ какомъ существовала тогда наука. Главныя свѣдѣнія его были богословскія; онъ былъ большимъ знаткомъ св. писанія и св. отцовъ церкви. И потому на всякій случай у него готово свидѣтельство изъ какого-нибудь отца церкви; при чтеніи его проповѣдей можно изумляться отчетливому его знанію отцовъ церкви. Но, кромѣ нихъ, онъ ссылался въ своихъ сочиненіяхъ свѣтскихъ писателей: Плутарха, Плинія, Демокрита, Гомера и пр. Главное и весьма важное значеніе Славинецкаго въ исторіи нашего просвѣщенія состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ развить, поддержать и усилить умственное движеніе, начавшееся въ Москвѣ въ XVIII вѣкѣ, и доставилъ полное удовлетвореніе появившимся умственными запросамъ. Славинецкій привезъ съ собою въ Москву знанія, какихъ тамъ не было, и способствовалъ (учительствомъ), чтобы эти знанія сообщались другимъ, развивались и цвѣтели. Вліяніе его собрало къ нему лучшихъ людей XVIII в., онъ образовалъ какъ бы ученую школу, изъ которой вышло потомъ нѣсколько просвѣщенныхъ людей и литературныхъ дѣятелей. Славинецкій, будучи исключи-

*) См. у Каптерева, стр. 632. О греко-латин. школахъ въ Москвѣ.

**) Во «Временникѣ Императ. Москов. Общ. Исторіи и Древн. Россійск. Книга 5. Москва. 1850» мы находимъ интересный «расходъ книгамъ денгамъ водотымъ, и всякой рухледа старца Епифанія». Здѣсь, напр., между прочимъ, упоминаются слѣдующія книги: книги семь томовъ Великое Зрѣлище Житія человеческого (латинская), книги Плутарха (греко-латинская), книга Дилектива, рукописная латинская, Книга Философія ратіоналисъ, рукописная, латинская, Книга Аристотелева, греко-латинская и т. д.

только кабинетнымъ ученымъ, не стремился играть роли общественнаго дѣятеля, не прибѣгалъ ни къ какимъ проискамъ и интригамъ и это помогло ему сохранить чистоту своихъ убѣжденій и намѣреній, а вмѣстѣ съ тѣмъ со всѣми жить въ мирѣ и пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Отъ начала и до конца двадцатипестилѣтней дѣятельности Епифанія въ Москвѣ, имя его оставалось почетнымъ и безупречнымъ. Онъ одинъ изъ двухъ на соборѣ противъ Никона не присталъ къ обвинителямъ патріарха, дѣйствовавшимъ по страсти.

Литературная дѣятельность Епифанія была обширна, разнообразна и плодотворна. Прежде всего мы видимъ его за переводомъ отеческихъ греческихъ книгъ и исправленіемъ текста богослужебныхъ. Это собственно официальная работа Славянецкаго, — это трудъ, для котораго вызваны были ученые изъ Кіева, и для котораго организовалось въ Москвѣ цѣлое общество. Здѣсь Славянецкій имѣлъ своими сотрудниками Арсенія Сатановскаго, Дамаскина, Птицекаго, пріѣхавшаго съ нимъ изъ Кіева, архимандрита Діонисія, пріѣхавшаго съ Аѳона, грека Арсенія, послѣ Евѳимія, Моисея и другихъ. Но Славянецкій не ограничилъ своей дѣятельности предѣломъ, ему указаннымъ. Онъ вынудилъ еще для себя позволеніе исправить славянской текстъ Библии и хотѣлъ знакомить русское общество своими переводами съ разными сочиненіями по части свѣтской науки. Самостоятельное авторство Епифанія было дополненіемъ къ этой кропотливой работѣ, но по своему времени оно было очень замѣчательно и обнаруживалось въ составленіи церковныхъ словъ, теоретикѣ богословскихъ трактатовъ, историческихъ сочиненій и даже церковныхъ службъ и каноновъ. Епифаній съ своими сотрудниками переводилъ болѣе важные и болѣе цѣнные произведенія св. отцовъ, правила св. апостоловъ, правила всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, правила св. отцовъ, принятые восточною церковью; проповѣди Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и пр. Этими переводами книгъ разомъ дано было много многосодержательныхъ книгъ по разнымъ частямъ духовнаго образованія; разомъ создана была богословская литература, долженствовавшая

положить начало самостоятельному развитію ея на русской почвѣ и удовлетворять до времени потребности наставленія въ дѣлѣ вѣры.

Исправленіе текста богослужебныхъ книгъ есть, несомнѣнно, большая заслуга Славинецкаго для русской церкви. Епифаній былъ именно тѣмъ необходимымъ лицомъ, котораго ждала и искала Церковь въ то время. Максимъ Грекъ въ XVI вѣкѣ поднялъ вопросъ о текстѣ богослужебныхъ книгъ, Епифаній Славинецкій въ половинѣ XVII в. его рѣшилъ. С нимъ явилось въ Москвѣ основательное знаніе греческаго языка, безъ котораго шагу нельзя было сдѣлать въ дѣлѣ исправленія; съ явленіемъ его почувствовалась потребность имѣть подъ рукой древнія греческія рукописи, безъ которыхъ не было чѣмъ было сверить ходячій текстъ славянскихъ книгъ, съ теченіемъ времени искаженный, и, конечно, не безъ участія Славинецкаго состоялось второе отправление Суханова на Востокъ. Далѣе, только теперь, когда были въ Москвѣ люди, разбирающіе греческую грамоту, греческія книги могли быть полезны и могли ожидать то дѣйствіе, каковаго отъ нихъ естественно было ожидать. Ученый грекъ не могъ замѣнить здѣсь Славинецкаго, потому что между греками трудно было сыскать такого, который бы съ знаніемъ своего языка соединялъ основательное знакомство съ чуждымъ славянскимъ языкомъ, не употреблявшимся въ славянскихъ земляхъ. Когда возвратился Арсеній Сухановъ съ Востока, въ Москву и привезъ съ собою множество древнихъ греческихъ книгъ и рукописей, дѣло исправленія книгъ быстро пошло въ ходъ. Славинецкій повѣрялъ въ текстѣ ихъ слово за словомъ и пунктъ за пунктомъ, обращаясь для проверки его къ греческимъ книгамъ, и замѣчательнѣйшимъ изъ славянскихъ рукописей. Каждый годъ Славинецкій представлялъ для изданія по двѣ или по три правленныя книги. Сравнительно Виблія московской печати, изданную въ 1663 году при Никонѣ, и острожскую съ греческимъ текстомъ, отъ населя въ обиходъ русскихъ изданій много ошибокъ и сильно настаивалъ на томъ, чтобы ему дозволено было сдѣлать новый переводъ Библіи.

«Величайшій грѣхъ, говорилъ онъ, намъ православнымъ славянамъ и укоризна и крайнѣйшее безчестіе отъ иностранныхъ народовъ, что мы не имѣемъ хорошо переведенной Библии, и что даже въ священномъ Евангеліи у насъ весьма много погрѣшностей». Слова мудраго и православнаго Епифанія мало-по-малу дошли до слуха самого Алексѣя Михайловича, и въ 1674 году онъ съ священнымъ соборомъ архіереямъ приказалъ Епифанію Славинецкому переводить всю Библию съ греческаго текста, поручивъ надзоръ за этимъ дѣломъ Павлу, митрополиту сарскому и подонскому, исправившему тогда должность патріарха. Епифаній ревностно принялся за переводъ Библии, къ сожалѣнію, хорошо задуманное дѣло осталось только въ зародышѣ. Епифаній успѣлъ перевести только новый заветъ, и того не исправилъ окончательно, а изъ Ветхаго завета только Пятикнижіе Моисеево. Смерть его остановило дѣло, и всѣ предварительныя труды его пропали даромъ. Послѣ него почти цѣлое столѣтіе должна была ждать наша Библия исправленнаго новаго изданія.

Переводческая дѣятельность Епифанія не ограничивалась одною церковною и богословскою отраслью письменности. Между переводами его называютъ много свѣтскихъ сочиненій, и притомъ по равнымъ частямъ знанія. Видно, что онъ стремился сообщить своимъ соотечественникамъ и современникамъ совокупность всѣхъ наиболее полезныхъ свѣдѣній. Выборъ серьезныхъ сочиненій свидѣтельствуетъ о серьезномъ направленіи его духа. Славинецкій перевелъ: «Уставы граждано-правительственныя отъ Фукидидовой исторіи, книги первыя; конецъ же отъ Плинія второго панегирика къ Троюну — тетрадей 75 и «Географіи двѣ части; — Европу и Азію, — съ латинской и «Винну» врачебную анатомію съ латинскаго, отъ книги Андрея Вессалия «Брунселенска» и «о убіеніи краля Ангельскаго (короля англійскаго) съ латинскаго» и наконецъ весьма интересную педагогическую книгу «Гражданство и обученіе врановъ (дѣтскихъ)». По этимъ переводамъ видно, какъ широка

*) Весьма сожалѣемъ, что послѣднимъ сочиненіемъ мы не могли воспользо- ваться въ подлинникѣ. М. Д.

и разнообразна была дѣятельность Славинецкаго, а дѣсь, все есть и исторія, и географія*), и подитика, медицина и педагогика.

Его дѣятельность филологическая выразилась составленіемъ двухъ словарей: лексикона греко-славено-латинскаго и лексикона филологическаго, въ которомъ объяснены церковныя слова и опредѣлены ихъ смыслъ, на основаніи греческихъ отцовъ церкви. Для переводчиковъ такіе словари должны были служить настольною книгою; въ нихъ они находили необходимое пособіе и руководство для знакомства съ произведеніями иностранной литературы и для вѣрной передачи ихъ на отечественный языкъ. Россія не изобидовала словарями въ XVII в. и для предковъ нашихъ греко-славено-латинскій лексиконъ, содержацій въ себѣ до 7000 словъ, казался громадною работою. Потому, говоря о трудахъ и учености Епифанія, для увеличенія его ученыхъ услугъ, они указывали на то, что онъ «великій лексиконъ триглассонъ» написалъ. Въ заглавіи собранія сочиненій Славинецкаго, принадлежащихъ Кіевской лаврѣ, стоитъ также выраженіе: «иже и великій лексиконъ триглоссонъ написа» и въ этомъ случаѣ оно имѣетъ цѣлью также зарекомендовать сочиненія Занятія Епифанія по переводу и исправленію книгъ и его лексическіе труды не были единственными, онъ тотчасъ же чался также даромъ слова. Патриаркъ Никонъ воспользовался талантомъ Епифанія и сдѣлалъ его обязательнымъ проповѣдникомъ, официально поручивъ ему проповѣдываніе слова Божія съ церковной кафедры. Появленіе Епифанія на церковной кафедрѣ въ Москвѣ съ живымъ проповѣдническимъ словомъ было дѣломъ важнымъ, потому что до него здѣсь читались съ кафедры одни отеческія поученія. Для самостоятельнаго проповѣдничества не доставало способныхъ людей

*) Въ Синодальной библиотекѣ хранится рукопись подъ № 779 Космографія, которая почитается собственноручною, черновой Епифанія Славинецкаго. Печать въ статьѣ о достоинствѣ Европы говорится: «Сіе к тому, въ ея хвали не мало творит, яко ученій художествъ свободныхъ же и не свободныхъ и въжествъ всѣхъ мѣти, и питательница опасѣвшая».

потому что власть даже запрещала простымъ пастырямъ церкви свободное разсужденіе въ храмѣ, о предметахъ вѣры и благочестія. Епифаній такимъ образомъ былъ первымъ проповѣдникомъ въ Москвѣ.

Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные случаи, церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ словъ, которые были написаны, вѣроятно, не для произнесенія съ кафедры и какъ образцы для общаго употребленія, таковы, напр., три слѣва къ священникамъ, одно къ монахамъ, три слова противъ раскола и три слова о милосердіи. Проповѣди Епифанія носятъ отвлеченный характеръ. Для него на первомъ планѣ стояла истина съ ея глубокими тайнами, а потому уже народъ, которому онъ говорилъ. Проповѣди его имѣютъ главной задачей раскрытіе правилъ христіанской нравственности, вотъ почему онъ говоритъ то о соблюденіи заповѣдей Божиихъ, то о любви къ ближнимъ, то о любви къ врагамъ, то о самоотверженіи, то о постѣ и т. п. Въ руководители свои онъ всегда беретъ отцовъ церкви и ихъ авторитетомъ повторяетъ и доказываетъ свои мысли. Но его проповѣди, по замѣчанію г. Пѣвницкаго, удовлетворяютъ болѣе христіанской пытливости, чѣмъ нравственной назидательности. Метафорическіе обороты — любимыя обороты Епифанія. У него льется иногда рѣвлый потокъ образныхъ выраженій и къ одной метафорѣ подбираетъ много другихъ, чтобы украсить свое слово равными узорами. Онъ, напр. приглашаетъ слушателей «изъбѣчь душевредное стволіе неправды богоизощреннымъ същивомъ покаянія, искоренить изъ сердець пагубоносный волчедъ лукавста, сожечь умовредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небесныхъ дождемъ евангельскаго ученія, наводнить ее слезными водами, возраститъ на ней благопотребное быліе кротости воздержанія, милосердія, братолюбія, украсить благовоинными цвѣтами всякихъ добродѣтелей и воздаты благой плодъ правды». Болѣе просто написаны тѣ слова, которыя не назначались для произнесенія съ церковной кафедры. Въ од-

номъ поученіи отъ іерея дѣтямъ духовнымъ онъ помѣщаетъ такое наставленіе, которое протолковникъ долженъ былъ давать послѣ исповѣди: «пецйся и промыслиай всѣмъ сердцемъ и душею, елика твоя сила, увѣщевати царя и прочія могущія, еже устроить училища вездѣ ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, наче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получиши оставленіе». Здѣсь говоритъ учитель и умный, для котораго образованіе и проsvѣщеніе выше всего и который хорошо созналъ значеніе школы для проsvѣщенія.

Языкъ въ проповѣдяхъ Епифанія чисто-славянскій, въ немъ нѣтъ польскихъ словъ, нѣтъ и темныхъ просто-народныхъ фразъ, не получившихъ, правда, гражданства въ литературѣ. Замѣтна по мѣстамъ чужая конструкція и не-свойственная духу русскаго языка разстановка словъ.

Въ 1676 году Славинецкій скончался и погребенъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ. Надъ могилою его положена слѣдующая надпись: «Здѣ бо лежитъ мудрѣйшей отецъ Епифаній, претолковникъ изящный священныхъ писаній, философъ и іерей въ монасѣхъ честный».

Пособія: Главнымъ пособіемъ, на основаніи котораго написана эта глава, служила статья г. Пѣвницкаго: «Епифаній Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей духовной литературы въ XVII в.» Труды Киев. дух. акад. 1861. Ч. 2 и 3. — Каптеревъ Н. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія слав.-греко-латин. Академіи. 1889. — Аскаоченскій В. Киевъ съ древнѣйшимъ училищемъ Академіею 1856. Другія пособія указаны въ текстѣ.

Глава XXIII.

Симеонъ Полоцкій и его педагогическіе взгляды.

Симеонъ Петровичъ Ситановичъ, прозванный во время жизни своей въ Москвѣ Полоцкимъ, родился въ декабрѣ 1629 года. По всей вѣроятности, родиной его должно быть признанъ городъ Полоцкъ. О своемъ образованіи самъ Полоцкій сообщаетъ, что онъ «негли же двѣ (седмица) лѣтъ» языкомъ училися, даже дидакаль быти сподобихся. Первою школою, гдѣ Симеонъ получилъ начало высшаго своего образованія, была, безъ сомнѣнія, знаменитая уже въ его время кіево-могилянская коллегія. На образованіе Полоцкаго въ коллегіи указываютъ тѣ связи, какия онъ имѣлъ между мало-російскими учеными своего времени: Лазаремъ Барановичемъ, Ипполитомъ Гизелемъ и Іоанниемъ Галатовскимъ. Отношенія Симеона къ этимъ лицамъ были самыя дружественныя и онъ дѣятельно поддерживалъ ихъ даже во время жизни своей въ Москвѣ. По сопоставленію нѣкоторыхъ данныхъ, говоритъ Татарскій, можно полагать, что ученіе Симеона въ Кіевской коллегіи продолжалось до двадцатилѣтняго возраста, то есть до 1650 года; затѣмъ въ 1656 году мы встрѣчаемъ Симеона въ Полоцкѣ. Можно думать, что нѣкоторую часть времени между этими годами Симеонъ употребилъ на посѣщеніе польскихъ католическихъ коллегій. Въ предисловіи къ своему сочиненію «Вертограду многоцвѣтному» Полоцкій съ торжественностью говоритъ о себѣ, что «онъ есть рабъ Божій. Его божественною благодатию сподобившійся странихъ ідіомать пребогатоцвѣтныя вертограды видѣти посѣтити и тѣхъ пресладостными и душеплезными цвѣтами усладженія душеживительнаго вкусити». Вотъ почему, впоследствии, противники Симеона въ Москвѣ и говорили о немъ, что онъ учился такъ «якоже обычай есть полякомъ и литвякомъ, по-ларински и по-польски».

Въ 1656 году Симеонъ принялъ монашество въ Полоц-

комъ Богоявленскомъ монастырѣ на 27 году отъ рожденія: «Выхъ же азъ инокъ» говорить онъ въ одномъ мѣстѣ въ четвертой седмицы лѣтъ моихъ токмо кромѣ единицы». Судить о мотивахъ, руководившихъ Полоцкимъ при избраніи такого рѣшительнаго шага въ жизни, трудно съ несомнѣнною достовѣрностію, но кромѣ общаго почетнаго положенія, которое доставляло въ то время монашеское званіе образованнымъ людямъ, его побуждала къ тому, между прочимъ, и личная горячая преданность къ наукѣ и литературной дѣятельности. Жизнь въ мірѣ и, въ особенности, жизнь семейная, казалась совершенно несомвѣтимою съ такимъ расположеніемъ. По его мнѣнію, оно налагаетъ на человѣка многіе труды и обязанности рѣшительно противодѣйствующія интересамъ научной дѣятельности: «ибо не будетъ мощно съ книгами сидѣти, удалить отъ нихъ жена, удалить и дѣти!»

По принятіи монашества съ именемъ Симоона, Полоцкій сдѣлался дидакаломъ въ братскомъ училищѣ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря, какъ пишетъ объ этомъ г. Татарскій. По всей вѣроятности, кругъ его ученія не выходилъ изъ рамокъ обычнаго тогда элементарнаго преподаванія. Известно несомнѣнно, что по случаю разныхъ церковныхъ и общественныхъ торжествъ, Симоонъ имѣлъ обыкновеніе писать стихи, заставляя отроковъ своей школы произносить ихъ публично подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ. До нашего времени сохранилось большое количество стихотвореній, писанныхъ Симоономъ, именно, въ періодъ учительской дѣятельности его въ Полоцкѣ и назначенныхъ, болѣею частью, для произнесенія питомцами братской школы. Стихотворенія эти Симоонъ писалъ на бѣлорусскомъ нарѣчьи, будучи самъ бѣлоруссомъ и имѣя предъ собою бѣлорусское общество. Судя по языку, это были первыя произведенія Симоона, такъ какъ очевидно, что при ихъ написаніи онъ совсѣмъ еще не имѣлъ знакомства съ тѣмъ чистымъ литературнымъ языкомъ, которымъ тогда писали въ Москвѣ.

Скоро, однакожъ, случилось обстоятельство, выдвинувшее литературную дѣятельность Симоона, связанную съ его учи-

своимъ званіемъ, далеко за предѣлы Полоцкой брати и общества. Въ 1656 г. прибывъ въ Полоцкъ, по случаю объявленія войны шведамъ, царь Алексѣй Михайловичъ и пребылъ здѣсь десять дней Симеонъ, при первой встрѣчѣ, представилъ предъ лицо царя въ качествѣ дидака, съ двѣнадцатью отроками своего училища и въ лицѣ ихъ привѣтствовалъ его торжественными стихами. Стихи эти, вѣроятно, обратили на себя вниманіе царя и Симеонъ Полоцкій сдѣлался лично ему извѣстнымъ. Съ этого же времени Симеонъ ревностно принялся за изученіе церковно-славянскаго языка, употреблявшагося въ литературѣ московской Руси. Въ изученіи церковно-славянскаго языка литературная деятельность Симеона приобрѣла болѣе значительный и важный характеръ. Скоро ему представился счастливый случай побывать въ Москвѣ, и онъ воспользовался имъ, чтобы бласловить своимъ стихотворнымъ искусствомъ при дворѣ, притомъ уже не на варварскомъ и исполненномъ провинциализмъ языкѣ, а на чисто церковно-славянскомъ. Въ февралѣ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ многочисленный соборъ для сужденія о дѣлѣ патриарха Никона, оставившій престолъ патриаршій «своею волею». Въ составъ арх. Игнатіемъ Тевлевичемъ, приѣхавшимъ на этотъ соборъ, принимались и Москвитинъ Полоцкій. Однако же Симеонъ не всталъ на этотъ разъ въ Москвѣ; 20-го сентября того же года Полоцкая брати государственнымъ указомъ отлучена была домой; въ тотъ же день возвратился и Симеонъ. И только послѣ того какъ Полоцкъ снова былъ занятъ поляками, Симеонъ рѣшился совершенно переселиться въ Москву и сдѣлалъ это въ 1664 году.

Неудивительно, что многие изъ ученыхъ принадлежатъ Симеону Полоцкому открытію Спасской школы. Ему, собственно, пресвѣщенникъ бывшему дидакалу, это было самое вдохновенное дѣло. Объ этой школѣ академикъ Д. Н. Майковъ пишетъ: «По прибытіи въ Москву, Симеонъ на-
чалъ въ ней школу въ той же манерѣ, какъ

*) Майковъ Д. Н. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Симеонъ Полоцкій, стр. 19. 1868 г.

чалъ, по царскому указу, обучать нѣкоторыхъ лицъ Альвару, то есть латинской грамматикѣ по учебнику, написанному португальскимъ иезуитомъ Альварецомъ (1526—1533). Обучение это было заведено въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, гдѣ жилъ Симеонъ, и первыми его учениками были молодые люди приказа тайныхъ дѣлъ, т. е. собственной кабинетной канцеляріи государя. По приходу—расходнымъ книгамъ приказа видно, что школа эта была учреждена для того, чтобы учиться въ ней «по латынямъ» и для грамматичнаго ученія» и можно было думать, что курсъ ученія въ ней соотвѣтствовалъ не только условіямъ элементарнаго, а скорѣе средняго, и даже отчасти высшаго образованія. Можно быть увѣреннымъ, что при самомъ учрежденіи Закономъ Спасской школы Симеонъ внесъ въ нее порядки и направленіе Кіевской коллегіи. Главнымъ предметомъ изученія была латынь при пособіи темнаго и многословнаго руководства Альвареца; напротивъ того, греческій языкъ едва ли былъ преподаваемъ, такъ какъ самъ Симеонъ, по свидѣтельству современниковъ, «греческаго писанія ничтоже знаяше». За то, несомнѣнно, ученики Спасской школы обучались шитикѣ и риторикѣ и упражнялись въ сочиненіи виршъ и ораціи: извѣстно, что Симеонъ еще своимъ полоцкимъ ученикамъ давалъ такого рода занятія».

Почти тоже самое, что и г. Л. Н. Майковъ, говорить въ своемъ сочиненіи: Симеонъ Полоцкій и Г. А. Татарскій. Онъ говоритъ: «Школа (Спасская) какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала духовнымъ потребностямъ своего времени и могла возникнуть изъ желанія Государя расширить нѣсколько то элементарное образованіе, приобретаемое, преимущественно путемъ чтенія, которое господствовало тогда въ московскомъ обществѣ и о неудовлетворительности котораго онъ получалъ неоднократныя представленія. Очевидно, что курсъ преподаванія въ этой школѣ, несмотря на учрежденіе ея въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, соотвѣтствовалъ именно требованіямъ высшаго, или, по крайней мѣрѣ, средняго образованія. Несомнѣнно, что и въ свою

школу Полоцкій внесъ духъ и порядки Кіевской коллегіи и польскихъ школъ. У него было ученіе «по латынямъ» по руководству Альвара. Кромѣ изученія латыни, ученики Спасской школы обучались въ ней риторикѣ и піитикѣ, упражнялись подѣ руководствомъ своего наставника въ составленіи разнаго рода виршъ и орацій.»

Г. Соколовъ въ своей статьѣ о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ*) говоритъ, что въ Спасской школѣ учили не только «піитикѣ и риторикѣ, но и богословію, исторіи, философіи и диалектикѣ» утверждаетъ, что «ради упражненія учениковъ своихъ въ диалектическихъ тонкостяхъ, Полоцкій нерѣдко устраивалъ между ними примѣрные диспуты, къ которымъ такъ привыкъ онъ во время пребыванія въ Кіевской академіи».

Мы видѣли выше,**) что г. Н. Каптеревъ всѣ эти соображенія считаетъ недостаточными и самое существованіе Спасской школы подвергаетъ сомнѣнію. Признавая съ своей стороны возможность существованія такой школы, мы указали, что для того, чтобы такое существованіе сдѣлать достовѣрнымъ, нужны новыя и болѣе тщательныя изслѣдованія и разысканія.

Въ 1666 году въ Москву прибыли патріархи: Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій. Симеонъ Полоцкій, по ихъ порученію, произнесъ отъ лица ихъ слово въ день Рождества Христова, въ которомъ убѣждалъ царя и народъ русскій «взыскати премудрости» и, подобно Паисію Лигариду, призывалъ царя «училища такъ греческая, яко славянская и иныя назидати, спудеовъ милостію си и благодатію умножати, учителя благоискусныя взыскати, всѣхъ же честными на трудолюбіе поощрати».

Въ 1667 г. Симеонъ былъ призванъ къ новой дѣятельности—воспитанію старшаго царскаго сына, царевича Алексѣя Алексѣевича. Когда же въ 1669 г. скончался царевичъ

*) См. Чтен. Общ. Любит. духов. просв. 1886 г. июнь ст. 592—593.

***) См. главу XIX этого сочиненія.

Алексѣй, Симеонъ перешель въ качествѣ наставника къ брату его Θεодору. Подъ Симеоновымъ же вліяніемъ воспиталась и умная Софія. При этомъ, однако, на Полоцкаго не былъ возлагаемъ трудъ первоначальнаго обученія; грамоту и письмо преподавали царевичамъ другіе учителя, менѣе высокаго образованія, чѣмъ Симеонъ; и напротивъ того, когда впослѣдствіи, въ 1679 году, пришло время обучать царевича Петра, то взятый къ нему учитель, Никита Зотовъ, самъ былъ порученъ надзору Полоцкаго, и подъ наблюденіемъ Симеона изданъ былъ тогда же новый букварь*). Предметы, которыми Симеонъ Полоцкій обучалъ царскихъ дѣтей были: латинскій языкъ, піитика съ риторикой и богословіе; царевичъ Алексѣй въ особенности успѣвалъ по латыни, а царевичъ Θεодоръ обнаружилъ успѣхи преимущественно въ русскомъ стихотворствѣ; онъ даже перевелъ стихами, подъ руководствомъ Симеона, два псалма: 132 и 145-й. Такимъ образомъ Полоцкій сталъ главнымъ наставникомъ и руководителемъ образованія въ царской семьѣ. Эту постоянную учебною дѣятельностью Симеона въ царской семьѣ объясняется происхожденіе нѣкоторыхъ сочиненій его, имѣющихъ педагогическій характеръ. Таковы напр.: Житіе и ученіе Христа и Бога нашего», «Вѣнецъ вѣры каеолическія» и «Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехизическихъ», которыя, какъ кажется, имѣли цѣлью служить пособіями при его учебныхъ занятіяхъ въ царскихъ палатахъ.

Ближайшія связи свои со дворомъ, естественно возникшія изъ учительства царскихъ дѣтей, Симеонъ старался расширять и закрѣплять различными литературными произведеніями, имѣвшими прямое отношеніе къ лицамъ и событіямъ въ царской семьѣ. Первенствующее значеніе здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, имѣли разнообразныя стихотворныя произведенія, которыми Симеонъ, по примѣру прежняго времени, продолжалъ украшать различныя придворныя торжества. Какъ въ первые годы жизни своей въ Москвѣ, такъ и во

*) Разобранный нами подробно въ главѣ XX этого сочиненія.

все послѣдующее время, онъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ неизмѣнно являлся во дворецъ и произносилъ здѣсь исполненныя преувеличенной лести краткія стихотворныя привѣтствія. Привѣтствія эти, разбѣянные во множествѣ въ рукописяхъ Симеона, были обращаемы имъ не только къ царю и царевичамъ, но простирались и на женскую половину царской семьи. Вообще видно, что Симеонъ Полоцкій, принявъ на себя однажды роль придворнаго стихотворца, относился къ этой обязанности чрезвычайно старательно.

Дѣло собранія своихъ стихотворныхъ произведеній Симеонъ началъ въ 1678 году и издалъ сборникъ подъ заглавіемъ «Вертоградъ многоцвѣтный». Въ предисловіи къ нему онъ говоритъ, что трудъ этотъ предпринять имъ «того ради, да риѣмотворное писаніе распространяется въ нашемъ славенскомъ книжномъ языкѣ, еже въ инѣхъ велію честь имать и ублаженіе и творцемъ си достойнаго не лишаетъ Бога и отъ челоувѣкъ возмездія и славы». При этомъ Симеономъ имѣлось въ виду и удобство болѣе пріятнаго и легкаго усвоенія читателемъ различныхъ назидательныхъ мыслей, когда онѣ выражены въ сосредоточенной стихотворной формѣ.

Какъ «Вѣнецъ вѣры» сплетенъ былъ Симеономъ изъ разныхъ цвѣтовъ богословскихъ, такъ въ Вертоградѣ собраны цвѣты изъ разныхъ вертоградовъ чужеземныхъ, то есть, изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій и сборниковъ поучительнаго и занимательнаго содержанія. Главный предметъ виршъ «Вертограда» составляетъ разъясненіе религіозныхъ истинъ и духовно-нравственное наставленіе; но то и другое авторъ постоянно сопровождаетъ обильными примѣрами изъ исторіи древней и новой, а также разказами о разныхъ житейскихъ случаяхъ, заимствованными изъ «Римскихъ Дѣяній», «Зерцало Великаго» и другихъ подобныхъ произведеній, составлявшихъ любимое чтеніе въ средніе вѣка во всей Европѣ. Между тѣмъ какъ въ проповѣдяхъ своихъ Симеонъ много говоритъ о воспитаніи дѣтей, въ «Вертоградѣ» онъ касается этого предмета сравнительно мало; но и здѣсь, какъ въ про-

повѣдяхъ, онъ высказываетъ свой взглядъ на необходимость наказанія

«Шлевелы отъ пшеницы жезлъ твердь отбиваетъ, —

Розга буйство изъ сердець дѣтскихъ прогоняетъ».

Вообще «Вертоградъ многоцвѣтный» имѣетъ характеръ энциклопедическаго сборника, какіе были въ ходу въ XVII вѣкѣ, въ которомъ религиозное нравоученіе соединяется съ разрѣшеніемъ запросовъ научной любознательности и съ удовлетвореніемъ интересовъ собственно литературныхъ. Въ этомъ развитіи свѣтскаго элемента въ литературѣ и заключается главнымъ образомъ значеніе «Вертограда».

Другой сборникъ стихотворныхъ произведеній Полоцкаго называется «Риѣмологіонъ и стихословъ»; онъ составленъ изъ разнообразныхъ привѣтственныхъ стихотвореній, произнесенныхъ главнымъ образомъ при дворѣ.

Симеону же Полоцкому принадлежитъ и такъ называемая «Псалтырь Риѣмотворная», изданная, какъ кажется, въ 1678 г. Подобно польскому поэту Яну Кохановскому, переложившему псалтырь въ польскіе стихи, и шотландскому гуманисту Георгу Буханану, сдѣлавшему латинскій переводъ псалмовъ, Полоцкій сдѣлалъ стихотворное переложеніе псалтыри на славянскій языкъ; въ предисловіи къ этому труду онъ объяснялъ, что былъ побужденъ къ тому какъ примѣромъ иностранныхъ литературъ, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ Бѣлой и Малой Россіи, и въ самой Москвѣ многіе полюбили «сладкое и согласное пѣніе польскіе Псалтыри, стиховно переложенныя» и поютъ польскія псалмы «мало или ничтоже знающе и тоцію отъ сладости пѣнія увеселеющеса духовнѣ». Стихотворный переводъ псалтыри Полоцкаго не избѣгъ упрековъ со стороны его противниковъ, которые опасались, что этотъ переводъ заключаетъ въ себѣ «многы прилоги и отъятія» противъ древняго славянскаго текста; но это, впрочемъ, не помѣшало Симеоновой псалтыри сдѣлаться въ послѣдствіи весьма популярною книгою въ средѣ русскихъ людей; извѣстно, что она была одною изъ первыхъ книгъ, прочитанныхъ Ломоносовымъ.

Но, безъ сомнѣнія, самыми важными для насъ являются

два объемистыхъ сборника проповѣдей Симеона Полоцкаго: «Обѣдъ душевный (1681 г.) и «Вечера душевная» (1683), такъ какъ въ нихъ во многихъ мѣстахъ проводятся его взгляды на воспитаніе.

Остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Воспитаніе, ученіе и обличеніе народныхъ суевѣрій были обычными темами его проповѣдей. Значить, были не только новыя потребности и запросы, но и были лица, способныя слушать и понимать. Симеонъ, пользуясь своей близостью къ царю и высокимъ положеніемъ воспитателя царевича, въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ, многочисленныхъ виршахъ и особенно въ вышеупомянутыхъ проповѣдяхъ постоянно защищалъ и прославлялъ науку и вообще книжное просвѣщеніе. Онъ особенно выставлялъ и прославлялъ тѣхъ святыхъ, которые заботились о воспитаніи своихъ дѣтей или подавали примѣръ неустаннаго исканія книжной мудрости. Главная его мысль, что «и зло и благо нисходятъ на чадъ отъ родителей не по «естеству», а отъ ученія» «Учитися, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ «комуждо достоить и монаху, и мірекому, ибо чтеніе божественныхъ писаній всякому полезно — и мужу, и женѣ. Но учити тому прилично, ему же дадеся ключъ разумѣнія и власть ученія».

«Лучи тму прогонять, и путь правый хожденію являютъ: а ученіе добродѣтельное, мракъ невѣжества относить отъ ума, и на стезю спасенія наставляеть» *).

Въ проповѣдяхъ своихъ Симеонъ часто говоритъ о значеніи поста, послушанія, милосердія и любви.

«Яко же дѣти не гордятся, не гнѣваются на долзѣ, не пѣянствуютъ, не блудодѣйствуютъ, не убиваютъ: тако намъ по разуму творити достоить, смиратися, прощати, трезвитися, чистымъ быти, и рущѣ держати отъ біенія **).

О значеніи поста Симеонъ замѣчаетъ. «постящуся паче всѣхъ приличествуетъ гнѣвъ отражати, кротости учитися и

*) См. Вечера душевная ст. 176. **) Обѣдъ душевный ст. 197 об.

человѣчеству, и сердце сокрушено имѣти, и скверныхъ похотей истребляти помышленіе *).

Симеонъ Полоцкій особенно много говоритъ о смиреніи, считая его началомъ добродѣтелей. «Лѣпота душъ христіанскихъ из смиренія яко из ничесого происходит. . . На основаніи того (т. е. смиренія) любви, чистота, милостыня, и вся инья добродѣтели полезно зиждутся: без него паки вся оны то суть, что планеты, и вся звѣзды без солнца. . . Кто бо цѣломудръ? смиренный. Кто истинны любитель? смиренный. Кто богобоязливъ? смиренный. Кто милосердъ, благоутробенъ, кротокъ, незлобивъ? смиренный. . . Ибо начало добродѣтелей в насъ есть смиреніе» **) въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Ибо якоже гордость всѣхъ злыхъ есть источникъ: тако смиреніе всяческихъ начало добродѣтелей ***) «Добродѣтелей постоянное основаніе есть смиреніе, еже аще оставляется, то добродѣтелей собраніе нѣсть, развѣ паденіе» †) «Есть же смиреніе сугубо, духовное и плотское. Смиреніе плотское есть востати предъ чловѣкомъ, слово глаголати пріятное. Смиреніе духовное, аще кто въ сердцѣ своемъ инога мнить лучша себе быти, сіе же есть совершенное ††).

На ст. 630—634 обѣда душевнаго Симеонъ подробно разбираетъ 12 степеней смиренія, при чемъ въ началѣ (ст. 630) говоритъ: «Сей камень смиренія аще и небрегомъ есть зиждущими, но во главу уха бываетъ, егда Бога соединяетъ чловѣкомъ и ближніа во единство любви приводитъ».

Что касается милосердіа, то о немъ онъ говоритъ: «Дѣло же милосердіа суть сугуба: тѣлесная и духовная. Тѣлесная суть семь: алчнаго напитати, жажднаго напоити, нагаго одѣти, к заключенному приходити, болнаго посѣтити, страннаго въ домъ пріяти, мертвыя погребати. Духовная такожде семь: грѣшника исправити, невѣжду научити, совѣта требующему здравый совѣтъ дати, о ближнихъ Господа молити, печалнаго утѣшати, обиды терпѣти и вины оставляти †††).

*) Об. душ. ст. 570. **) Обѣдъ душевный ст. 155—156. ***) Об. душ. ст. 624. †) Об. душ. ст. 629 об. ††) Об. душ. ст. 625 об. †††) Об. душ. ст. 835.

Особенно часты слова о неслуженіи мамонѣ (богатству) о необходимости милостыни ¹⁾).

Что касается значенія любви, то по Симеону: «любы есть величайшая добродѣтель. Любы долготерпѣть, милосердствовать, не завидить. Любы не превозносится, не гордится, ни безчинствуетъ . . . Вкратцѣ рещи, любы вся дѣсть Божественная, и есть всѣхъ добродѣтелей совершеніе ²⁾». «Любити же всячески должны есмы не точію братію согрѣшающую къ намъ, но и враги наша» ³⁾. «Ничто же бо тако Богу чловѣка уподобляетъ и сынотворитъ, якоже любы враговъ, яко прощеніе винъ и за злая вѣздаяніе благихъ ⁴⁾».

«Моляй бо ся о себѣ не благодати дѣло совершаетъ, но естества, кто бо о себѣ не молится? Моляй же ся о вразѣ своемъ, достойнѣ услышанъ бываетъ, яко благодати дѣло совершаетъ ⁵⁾»:

«Обаче любите враги ваша, и благотворите ⁶⁾».

На ст. 374 проводится та мысль, что мамона (богатство) вся злая творитъ «Не радуйтесь о множествѣ богатствъ, да не погрузятъ васъ тяготою своею, яко же корабль на мори купль множествомъ погружаемъ бываетъ ⁷⁾» «Корень бо всѣмъ злымъ, сребролюбіе есть ⁸⁾» «Се не серебро (ап. Павелъ) обхуждаетъ но сребролюбіе: ибо от сребролюбія растутъ похотѣнія вредная . . . ибо сребролюбіе на всякую злобу разрѣшаетъ, красти, разбивати, грабити, лихоимствовать, блудити, клеветати убѣждаетъ, и прочыя злобы совершати подущаетъ ⁹⁾».

Перейдемъ теперь къ собственно педагогическимъ мыслямъ и взглядамъ Симеона Полоцкаго: пользуясь словами I. сына Сирахова, Симеонъ говоритъ: «Конь неученъ сверѣпъ идетъ и сынъ самовольный блудникъ будетъ. Накожи чадо, и удивить тя: не играй с нимъ, да не сотворит ти печали. Не смѣйся с нимъ, да не поболити о немъ, и напоследокъ сотнеши си зубы. Не даждь ему власти во юности: сокруши ребра его, дондеже младъ есть, едакако ожестѣвъ, не поко-

¹⁾ Об. душ. ст. 277, 335, 336, 337. ²⁾ Об. душ. ст. 214. ³⁾ Об. душ. ст. 286 об.
⁴⁾ Об. душ. ст. 340 об. ⁵⁾ Об. душ. ст. 344 об. ⁶⁾ Об. душ. ст. 338. ⁷⁾ Об. душ.
ст. 377. ⁸⁾ Об. душ. ст. 383 и 480. ⁹⁾ Об. душ. ст. 480.

ритися*) Велія добродѣтель есть любви, но это только въ отношеніи любви духовной, не такова любовь плотская. «Точнѣ вредоносна есть любви и родителей ко чадомъ, аще излишествуетъ. И якоже вино мѣрно употребляемое веселить и здравить: безмѣрно паки пиемое, разума лишаетъ, и болѣзни бываетъ виновно: тако любви родителей ко чадомъ, аще есть по достойному полезна есть и рождшима и рожденнымъ. Аще же выше мѣры, и тѣлю вредъ творить, и овимъ: овы в развращеніе попускаетъ, тѣма же печаль, и болѣзнь о развращеніи овѣхъ содѣваетъ.» Въ подтвержденіи своихъ мыслей Симеонъ приводитъ мнѣ о Фаэтонѣ и говоритъ: баснь се есть пѣтическая, но родителемъ в наставленіе полезна, да не по всякому чаду прошенію соизволеніе творят, и да не попускаютъ имъ на конѣхъ Самовольства, на колесницѣ богатствъ си безъ управителя язденія дѣяти**) Но откуда честныхъ родителей чадо злонравіе стяжутъ? повѣмъ вамъ истинну, ради исправленія: отъ матерня ласкательства, отъ отца ненаказанія, отъ обою же пространновоспитанія. Блажить мати малаго сына малую злобу, а злоба въ сердцѣ аки терніе кореміе си утверждаетъ, и сыну растущу, срастетъ злоба паче. Егда же возрастетъ сынъ въ количество непреклонное, совозрастетъ злоба во нравъ неискоренимый***) . . . «человѣкъ, сосудъ сый скуделень, во юности нравъ воспріятый, хранитъ до смерти †) «Не возможно чистымъ соблюстися: ибо въ младенчествѣ си и видятъ, и слышать, и творятъ нечистоту невозбранно . . . И яко художникомъ нелѣпіе причитается вещей, неискусно ими содѣянныхъ, тако родителемъ приписуется вина злонравія чаду ихъ: и судъ примутъ яко в дѣтствѣ научиша, или попустиша имъ злобѣ навекати. ††)

Вы православніи людіе да не примете суда о злонравіи чада вашихъ, тщитесь воспитавати я добрѣ, храняще сія вещи, нуждныя благовоспитанію. Первая вещь есть жезлъ, его же потребу самъ Богъ всемогущій образно показаль есть (въ

*) Об. душ. 540. Сравни соотв. мѣсто въ Златоустѣ, Измарагдѣ и Домостроѣ.

) См. Об. душ. 542 об. *) ib. †) ib ст. 543: ††) Об. душ. ст. 543.

жезлѣ Аарона); о немъ же и приточникъ говоритъ: «не отрѣй младенца наказати, аще бо жезломъ бѣши его, не умереть отнего, ты же убо бѣя его жезломъ, душу его избавши от злы смерти» и паки: «иже щадит жезлѣ свой ненавидитъ сына своего. А любіей, прилѣжно наказуетъ.» *)

Въ другомъ мѣстѣ**), говоря о различныхъ людяхъ разслабленныхъ, Симеонъ добавляетъ: «еще суху имуть десницу нѣщныи родителіе, или разслабленну, иже злонравнымъ чадомъ си не возлагають ранъ на плещи, за преступленія достойныхъ: иже щадятъ жезлы своя отъ сломленія, не щадятъ душъ сыновнихъ отъ погибели вѣчныя». И затѣмъ на ст. 593 повторяетъ вышеприведенныя слова. «Что вы родителіе слышаще, не щадите жезловъ вашихъ, щадите паче чада ваша: не лобзаніемъ душевреднымъ, но бѣніемъ нравоисправительнымъ***).

«Вторая вещь есть, еже дѣтемъ злаго возбраняти общества: лукавыми дружитися не поущати (слѣдуетъ рядъ примѣровъ). Источникъ аще и велми чистъ сущъ, егда съ тиннымъ случается блатомъ, обыче блатенъ быти, и тины смрадъ издаяти. О баче съ добрыми общеніе да будетъ чадъ вашихъ. Тако общающіися благимъ; благостыни обучаются, или поне зла творити не навывкають. И собесѣдующіи мудрымъ умудряются, по глаголу приточника: ходяй съ премудрымъ, премудрымъ премудръ будетъ †).

Въ другомъ мѣстѣ Симеонъ говоритъ: «удобнѣй путь есть познанія чрезъ образы, нежели ученіемъ языка ††).

Примѣру Симеонъ придаетъ большое значеніе. «Блюсти же ся господемъ и госпожамъ прилѣжно, да не употребляють власти си на лукавая дѣянія, да не будутъ образъ рабомъ своимъ злобы, клятвы, татбы, отмщенія, брани, осужденія, убійства, или озлобленія коимъ либо обычаемъ.

Обычай есть домочадцемъ тацѣмъ быти, какови суть господіе, аще господинъ есть благъ, праведенъ и милосердъ, блази, прави,

*) Об. дум. ст. 543 об. **) Ib. 592 об. та же мысль на стр. 178. ***) Ib. ст. 543 об. †) Об. дум. 544. ††) Ib. ст. 624.

милосерди, и раби бывають. Аще господинъ золь, неправеденъ и хищникъ; зли, неправедни, хищницы и раби бывають... Да блюдется убо всякъ господинъ и госпожа развращати рабы своя: паче же да прилѣжитъ наставляти на всяко дѣло благо: да от благаго Бога, благу маду восприметь. Да любитъ же благія рабы яко братіи, яко чада, паче же яко душу свою*). Тѣмъ болѣе, конечно, важенъ примѣръ въ воспитаніи «Третія вещь есть, еже злаго по себѣ образа не являти чадомъ: ибо якоже пѣиць, что видитъ человекѣи творящія абіе то тщится дѣяти: подобнѣ чада, дѣла родителей своихъ видяще, подражателіе имъ бывають. Блаженни убо суть родителие, ихже житіе добродѣтельное, есть чадомъ образъ благодѣланія, зеркало исправленія и правило дѣланій благихъ...

Блюдитесь убо о родителие, да не будете душегубцы чадъ вашихъ соблазну житія вашего. Да вѣсте же, яко отецъ долженъ есть быти въ дому аки солнце, мати же аки луна, чада яко звѣзда.

Четвертая вещь и послѣдняя есть, еже родителемъ, от младыхъ ногтей, от сосцу матерню страху Божію обучати младенцы своя, да паче растутъ въ добродѣтели, нежели въ количество плоти. Чинъ же ученія ихъ буди сицевъ: первѣе, да учать прежде всѣхъ словесъ, глаголати Господню молитву, и архангельскій гласъ ко Богородицѣ. Второе знати яко Богъ есть единъ существомъ во Троицѣ ипостасей: и да учатся символу вѣры христіанскія. Третіе, еже заповѣди Божія знати и хранити, наипаче десятословіе.... Затѣмъ (осмое), да обучаютъ дѣти своя или рукодѣлію нѣкоему, или иному честному коему упражненію: да не во празднествѣ живуще, приобыкнутьъ злбомъ: праздность бо есть питательница тымъ...»*).

«Вечера душевная» представляетъ рядъ словъ на праздники господскіе, богородичныя и нѣкоторыхъ святыхъ. Въ предисловіи къ читателю сказано «обычай есть странствующимъ въ мірѣ человекѣомъ общій, еже не точію обѣдомъ плоти

*) Об. душ. ст. 153. **) Об. душ. 546.

своя учреждати: но къ тому и вечерами насыщати, дабы имъ чрезъ нощное во ослабленіе не прийти цоприще.»

Въ словѣ въ день Св. Мары, матери св. Симеона столпника (избранъ текстъ изъ Іисуса сына Сирахова «суть ли ти чадо, накажи я, и преклони от юности выю ихъ») говорится: «въ самѣхъ человѣцѣхъ различніи нравы, ученіемъ художныхъ родителей или учителей, в совершенство доброты приводится обыкома. Въмъ же, яко естество правило глаголетъ (по свѣдѣтельству златословесна учителя) яко не можетъ быти еже от благихъ родителей злымъ раждатися, или от злыхъ благимъ: но каковы бяху родителіе, таковы будутъ и рожденніи: Зане, якоже древо отъ плода познается, и плодъ чрезъ древо показуется: Тако родителіе познаваеми бывають въ сынѣхъ, и сынове чрезъ родители: обаче художество, естества скудость исполняеть, и во древесѣхъ и въ человѣцѣхъ: ибо и на бесплодныхъ древесѣхъ, благія плоды изводит, и злыхъ родителей чада, блага творить... Истиненъ сей глаголь есть: обаче ни злоба, ни благость по естеству от родителей низходит на чада, но по ученію, по образу родителей: по воли же, и навыкновенію рожденныхъ, по свѣдѣтельству его же самага, вегда глаголати ему лице: не естества, но воли есть злоба и доброта: ибо аще бы было естества, всяко зліи, злыя бы раждали, и добріи добрыя. Но занеже избранія и воли есть, еже чтиву или нечтиву быти, того ради часто злымъ родителемъ блази сынове, и лѣнивымъ сыномъ тщаливиіи суть родителіе, да не естеству, но воли, всегда сія приписуемъ. Воля убо благихъ чадъ благопохвална добрая, и злыхъ злая гажденія достойна. Родителіе паки добріи, за добраго образа и ученія подаяніе чадомъ, дѣло суть квалителни: зліи же за соблазнъ и ненаказаніе, гажденія и казни достойни отъ человѣкъ и отъ Бога. Добрыхъ убо родителей чада обычно бывають блага, аще добрый по себѣ образъ житія являюще имъ, и словомъ к тому наказуютъ я и дѣломъ, и преклоняють отъ юностивыя ихъ. Якоже бо древо, камо и како в тонкооти юности си преклонится, тако и тамо растеть до старости и одобелѣнія. Подобнымъ обычаемъ и отрасли че-

ловѣческія, якоже наставлены будутъ во юной верстѣ своей: тако возрастутъ и состарѣются, по оной притчи: егоже тука сосудъ новый напѣтся, той из него никогда весьма измыется. Аще же и блази суть родителіе сами, но чадомъ подобающаго не дають наказанія, вся имъ по воли юности попускають, не оскорбляютъ ихъ словомъ цвѣтанія, и язвъ за безчинія не налагають, не благая будутъ благихъ родителей чада; золь плодъ сотворится, от благаго древа рожденный: и сотворятъ лицеваго воспитанія чада родителем, в сладости мѣсто горестъ, за радость печаль, вмѣсто утѣхи сѣтованіе, и в славы мѣсто безчестіе *). Приведа библейскій примѣръ Или, Симеонъ Полоцкій, подобно Іоанну Златоустому, восклицаетъ: «Родителіе, не падите жезла, аще хочете о чадѣхъ веселитися вашихъ: жезлъ бо есть злобы искренитель, и насадитель добродѣтелей. Мало сына оскорбиши, но много пользуеши его **). . . . Бій первѣе словомъ, таже жезломъ и отженеши жестосердіе его, и яко плевелы отбіеши злонравіе. Аще же благопокорива ти чада суть, благодари Господа, и правительствуй житіе ихъ любовью на путь благій. Буди имъ образъ житіемъ ти, ко всякой добродѣтели, да не зрять око ихъ ничтоже развратно в тебѣ, да не слышать ушеса ихъ скверныхъ и неподобныхъ глаголь от тебе». Образъ твой есть сынъ, какова тя видитъ и слышитъ: тако самъ образуется ***).

О необходимости труда въ юности Симеонъ говоритъ (на 2 ксть пр. Іереміи «благо есть мужу, егда воздвигнетъ яремъ (господень) во юности своей»): «Въ юности не хотай труждатися, во старости злѣ постраждет, ибо яко кто не оретъ, и не сѣетъ во юности лѣта, яже есть зима, и хладъ и гладъ стродати долженствуетъ: тако во юности жизни своей, не показавый трудолюбія в дѣлѣхъ, не приметъ во старости плодовъ упокоенія: Твудъ бо юности покой старости приносит. И противнымъ обычаемъ, лѣность юности, трудъ старости

*) См. Вечер. душев. ст. 8—9. **) Іб. ст. 11. ***) Іб. ст. 11. Это мѣсто, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ особаго вниманія читателей. М. Д.

и безпокойство плодотворить» *). Чесо ради родителіе чадолюбивіи, должны суть юность рожденныхъ собою ко трудомъ душеполезнымъ прикланяти, и от младыхъ ногтей, добрымъ дѣломъ приучати я: ему же приобыкнетъ младость, то безтрудно носить старость **). «Единъ от учителей искусныхъ, подаетъ намъ образъ преполезный дѣтскія юности наставленія сицевъ: Въ первомъ глаголетъ седмилѣтїи, да учать родителіе чада си, благая и чистая словеса, а не худая и скверная глаголати: праведная, а не ложная вѣщати: ибо имже тукомъ новъ сосудъ исполненъ будетъ, того вони из себе, никогда избудеть. Во второмъ (глаголетъ) седмилѣтїи, да учать я коему либо художеству, да возмогутъ тѣмъ нужная житію, стяжати. Изряднѣе же, да соблюдаютъ я от видѣнія скверныхъ: ибо, яко же нѣсть лѣно юнымъ скверная глаголати, тако и видѣти. Даетъ вину Аристотель: яко вся первая наипаче суть любима: и того ради, яже во первыхъ зрятся, тѣмъ съ вящимъ удивленіемъ присматриваются юни, и твердо содержать ее въ памяти. По второмъ же (глаголетъ) седмилѣтїи, егда примутъ разумъ и благъ и доволенъ, да учима будутъ страху Божію, и мудрости, еже како Богу жити, разумвѣнію же и искусству, како често гражданствовати въ мірѣ. Въ сія триседмичная лѣта, [чесому юноша приложится, того и во старости удержится, по оному словеси: юноша по пути своему ходяй, аще и состарѣется, не отступитъ от него». Суть плодове во оградѣхъ, на нихже что желѣзомъ напишется младыхъ, то въ старости и вящше, и свѣтлѣе, на себѣ изявляютъ... И каковыми яко дресва на весну цвѣты процвѣтуть: таковы во старости плоды сотворять» ***).

Въ другомъ мѣстѣ Симеонъ говоритъ: «И яко лучшее есть неплодное древо, нежели злая и вредная приносящее плоды: тако блаженнѣйшии суть родителіе, чадъ неродившии нежели родившии злая. Тѣмже убо тщаніе родителемъ должно есть присное имѣти, да плодъ ихъ благъ будетъ: ибо не яко во дресвахъ, по естеству плодъ, или сладокъ, или горекъ

*) Вечера душев. ст. 189 об. 140. **) Ів. ст. 140. ***) Вечер. душев. ст. 141.

рождается, но по наказанію рождшихъ, и по обыкновенію и воли рожденныхъ, или добронравіе, или зло обыкновение в сердца ихъ вкореняется. Премудрый Платонъ, воску сердца юношеская уподобляетъ, зане якоже воскъ всякія печати на себѣ воображеніе приѣмлетъ, за удобство мягкости своея: тако юныхъ сердца, всякій правъ удобоприѣмлютъ мягкосердіяради *). На томъ воскѣ, напечатаетъ ли кто цѣлаго и незлобиваго голубя, выну пребудетъ человѣкъ то цѣль и незлобивъ яко голубь. Напечатаетъ ли кто орла высокопарна и свѣтолюбива, присно той человѣкъ вышняя имать мудрствовати и свѣтлая. Напечатаетъ ли кто землеточиву кроторію, или блаторачителя вепря, поистиннѣ той человѣкъ до смерти пребудетъ земныхъ любитель, и блата грѣховна искатель. Напечатаетъ ли кто лютаго льва, или волка хищнаго, выну будетъ человѣкъ той жестокъ яко левъ, и хищливъ яко волкъ. Напечатаетъ ли кто трудолюбиво вола, выну имать той человѣкъ во трудѣхъ пребыти. Напечатаетъ ли кто лѣниваго осла, всегда въ лѣности той человѣкъ имать жити. Напечатаетъ ли кто гнѣвливаго медведя, хитраго лиса, или лающаго пса, до кончины живота си той человѣкъ пребудетъ гнѣвливъ, хитръ, и лаятель честныхъ. Аще же напечатаетъ кто смиреннаго агнца, или чистаго горностаю, той человѣкъ до послѣдняго издыханія будетъ смиренія любитель, и чистоты хранитель **). Инъ философъ ***), умы отрокъ юныхъ, уподобляетъ скрижали не написанной, на ней же учитель что либо хошетъ написати, можетъ: точнѣ во умѣхъ юношескихъ, что либо хошещи вообразится, или добро или зло, и вынмъ пребываетъ, и прибываетъ. Подобнымъ обычаемъ, яко на дыни во оградѣ растущей, аще мало на малѣй вообразится писаніе, велико возрастетъ с возрастнѣемъ ея... Юныхъ сердца наипаче, суть скрижали, не

*) Изъ этого мѣста нельзя заключать, что Симеонъ Полоцкій былъ знакомъ въ подлинникѣ съ Елатономъ; скорѣе всего это мѣсто взято имъ изъ какого-нибудь энциклопедическаго сборника того времени. Въ «Древней русской печати» В. Семенова. Спб. 1893 г. ст. 166 читаемъ: «якоже печать прилѣпляется къ мягкуму воску, такоже и учение мудрыхъ въ младыхъ дѣти образуется.»

**) Вечер. душев. ст. 239.

***) Локъ М. Д.

каменные, но плотяныя, на них же еще кто Христово напишет посланіе, то требуетъ выну. Аще же кто демонскую начертаетъ букву, неудобь сотремися можетъ. Инъ еще любомудрецъ, уподобляетъ юныя отроки, новому сосуду скуделному, воць же аще что вліется в новости, того вони не лишится до старости: тако во истинну и [юни, к чесому во юности верстѣ вѣка си приучени будутъ, того до кончины си не забудутъ... Зрите убо родителіе, како должны есте воспитовати чада ваша: добрая словеса, и образы дѣлъ благихъ на томъ воску печатайте; божественная словеса, а не скверная и кощунная на тѣхъ скрижалѣхъ, и законъ Господень пишете. Мирѡ благовонное ученія душеполезнаго в тыя новыя сосуды скуделныя вливайте *)).

Мы прослѣдили здѣсь довольно внимательно и привели здѣсь всѣ важнѣйшіе педагогическіе мысли и взгляды Симеона Полоцкаго. Хотя Симеонъ, отдавая дань времени, говорить о наказаніяхъ, но въ общемъ его педагогическое ученіе проникнуто любовью и кротостью и содержитъ не мало здравыхъ мыслей. Главная его мысль та, что и зло и благо нисходятъ на дѣтей отъ родителей не по естеству, но по ученію, по образу родителей. Пороки дѣтей происходятъ отъ материнскаго ласкательства и отчаго ненаказанія. Слѣдуетъ удалять дѣтей отъ дурного общества и не показывать имъ дурныхъ примѣровъ: «блюдитесь, о родиліе, да не будете душегубцы чадъ вашихъ соблазнію житія вашего», напротивъ представляйте имъ образецъ добродѣтельной жизни «добрая словеса и образцы дѣлъ благихъ на томъ воску печатайте». Проповѣди Полоцкаго также витіеваты, какъ и Епифанія Славинецкаго.

Симеонъ Полоцкій скончался 25-го августа, 1680 г.

Источники и пособія: главными источниками служили сборникъ его проповѣдей: Обѣдъ душевный, издадеса въ великомъ градѣ Москвѣ, в типогр. верхнѣй: въ лѣто от со-

*) Вечер. душев. ст. 240.

творенія міра 7190, от Рождества же по плоти Бога Слова 1681» ст. 688. Вечеря душевная, издад. въ великомъ градѣ Москвѣ, в типографіи верхній: въ лѣто от сотворенія міра 7191, от Рождества по плоти Бога Слова 1683» ст. 522. Пособіями были: I. А. Татарекій: Симеонъ Полоцкій.—Майковъ Л. Н.: Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій.

Глава XXIV.

Педагогическія сочиненія XVII вѣка.

Несмотря на то, что въ XVII в. въ Московской Руси уже не мало возросъ интересъ къ просвѣщенію и педагогіи, специальныхъ педагогическихъ сочиненій мы находимъ очень мало. По прежнему педагогическіе взгляды проводятся въ новыхъ спискахъ Измарагдовъ, Златоустовъ и Домостроя, но это повтореніе стараго. Изъ сочиненій специально педагогическихъ, безъ сомнѣнія, должно остановить наше вниманіе сочиненіе: «О царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ» и педагогическій сборникъ конца XVII вѣка, означенный въ печатномъ «Описаніи Славяно-Россійскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстого (Москва 1825 г.) въ отд. II подъ № 251 на ст. 409, а въ каталогѣ Публичной Библиотеки въ отд. I № 327. Первое сочиненіе опубликовано Е. В. Пѣтуховымъ*), все что сохранилось отъ второго Н. А. Лавровскимъ.**)

Сочиненіе «О царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ» въ подлинникѣ (рукописи) находится въ рукописномъ синодикѣ

*) Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе «О царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ.» Сообщение Е. В. Пѣтухова. Памят. Древ. Письм. ХСШ. 1893.

***) Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чтеніе въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Поврем. изданіе, 1861, июль — сентябрь (отд. III матеріалы славянскіе).

Императ. Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ Ф. I. 324, Толст. I. 184, писанномъ полууставомъ и скорописью XVII в.

По мнѣнію Е. В. Пѣтухова, сочиненіе это относится къ началу XVII в.

На лл. 70—83 об. рукописи находится сочиненіе безъ заглавія, трактующее о царствіи небесномъ и л. 84—86 заключаетъ въ себѣ увѣщанія къ родителямъ о томъ, какъ надо воспитывать дѣтей, чтобы вѣрнѣе приготовить ихъ къ полученію царствія небеснаго; лл. 87—88 представляютъ краткую замѣтку «къ читателю», въ которой авторъ передаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о своей жизни и характеризуетъ себя со стороны умственной и нравственно-религіозной.

Г. Пѣтуховъ предполагаетъ, что всѣ три части названнаго сочиненія принадлежатъ одному и тому же автору и такимъ авторомъ считаетъ князя Ивана Андреевича Хворостинина. По даннымъ, добытымъ г. Платоновымъ, кн. И. А. Хворостининъ немало потрудился, по порученію московскаго правительства, въ должности воеводы въ разныхъ городахъ и въ качествѣ полководца въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ. Отношенія его къ верховной власти, при смѣнѣ правительствъ, были различны и для него весьма тревожны: онъ навлекъ на себя неудовольствіе властей и обвиненіе въ измѣнѣ и въ намѣреніи отъѣхать на Литву, а съ другой стороны, подвергшись иноземнымъ и иновѣрнымъ вліяніямъ, не разъ подавалъ поводъ обвинять себя въ еретичествѣ; былъ двукратно заточенъ въ монастырь и освобожденъ въ послѣдній разъ только въ 1624 году. Умеръ онъ 28-го февраля 1625 года.

Въ сочиненіи о царствіи небесномъ авторъ, воодушевленный мечтой о благахъ небеснаго царствія, которое ожидаетъ всякаго праведника, горячо призываетъ къ помышленію о будущей жизни, какъ единственному пункту, который достоинъ нашихъ заботъ, стремленій и ожиданій, — и затѣмъ далѣе идетъ обширное изображеніе царствія небеснаго, причемъ авторъ пользуется преимущественно приемомъ сравненія послѣдняго съ земною жизнью: то, что является здѣсь въ формахъ несовершенныхъ и въ зачаткѣ, тамъ явится въ видѣ полномъ

и превосходящемъ всякую мѣру того совершенства, о которомъ только мы здѣсь можемъ помышлять. Естественно, что мысль о царствіи небесномъ, пребываніе въ которомъ исполнено будетъ величайшаго блаженства, заставляеть автора смотрѣть на настоящую земную жизнь весьма мрачно*).

Средствомъ для достиженія небеснаго царствія служить главнымъ образомъ просвѣщеніе, ученіе; авторъ говоритъ, что ученіе полезно не только для этой цѣли, но и въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ: въ особенности указываетъ онъ на необходимость царямъ и владыкамъ имѣть при себѣ умныхъ и ученыхъ друзей и совѣтниковъ, которые послужатъ для нихъ опорой въ критическихъ обстоятельствахъ жизни. Авторъ высказываетъ свое глубокое убѣжденіе въ преимуществахъ просвѣщенія надъ богатствомъ, и потому совѣтуетъ родителямъ не столько заботиться о томъ, чтобы доставить своимъ дѣтямъ богатство, сколько о томъ, чтобы просвѣтить и направить къ добру ихъ умъ и сердце (это мысль еще І. Златоустаго). Говоря о заботахъ родителей касательно дѣтей, авторъ указываетъ что главнѣйшею ихъ заботою должно быть стремленіе доставить дѣтямъ царствіе небесное.

Мы приведемъ важнѣйшія мѣста: Изъ «Предисловія и слововѣщанія ко читателемъ імуща нѣчто к родителем о воспитаніи чадъ**).

Всяко писаніе богодухновенно есть и полѣзно и слово Христово да всѣляется в васъ богатно... (ст. 48). Яко аще утвѣрженіе основаніе доброписаніи моемъ обрящетъ, то есть чада церкви восточныя, яко же убо всякъ нерадивый о томъ муку приемлет и накажутъ себѣ и чада своя в наказаніи і во учении Господнѣмъ. Свирѣпо есть челоуѣку наученіе, яко конь и ликъ не имуще бразды востѣгновѣніе. Сѣдина есть челоуѣку мудрость, а возрастъ старость житіе несквѣрно, якоже рѣче премудрый Соломонъ. Также рѣче и великий

*) Е. Пѣтуховъ ст. 6—7.

**) Е. В. Пѣтуховъ; ст. 48. При этомъ слова сокращенныя и подъ титломъ будемъ писать полностью, какъ и раньше это дѣлали. М. Д.

Василей: не изъ возрастъ младъ, но иже умомъ не совършенъ, съ юнѣйший есть. Такождѣ и Григорей тѣзоимянитый богословъ рѣче: единъ есть благочадия предѣл добродѣтел уподоблѣние, чадная добродѣтел есть отчая слава. Иоанна Златаустаго свидѣтельство: сѣдина есть нѣ власы, но добродѣтель душевная мужества и учения. Отцы, иж о благочестии не обыкають и не радяще о своихъ дѣтяхъ во учении, лютому осуждѣнню прѣдаются; таковии дѣтем своим убилицы бывають и своей душѣ, что равно еже устроити душу и назидати юннаго мысль, ибо всякаго живописца и образотворца, иж таковое умѣющему художество, опаснѣйши прилѣжати подобаеть, но мы ни единож о семъ творимъ слово. Чесо ради, рцы ми, не подражайте дрѣвнихъ, но и паче подобае и женѣ ревнивыхъ мужества зрѣти. Аще родится отроча, подражай Анну; научися, что сотвори оная: приведѣ абие во церков. Кто отъ насъ нѣ бы восхотѣлъ Самойломъ быти, яко же восхотѣ сыну своему быти простцемъ, а нежели царемъ вселенныя? И тако вамъ невозможно, рѣку, быти таковымъ. Чесо ради невозможно? Занѣ не хоцемъ ниже прѣдаемъ его во учение, научаете его могущимъ в богатствѣ жити, а не в Бозѣ житѣйствовати творите их . . . Аще навикнет философъ быти изначала, богатство стяжалъ есть всякаго богатства болши і славу множественную, ищуть вси бо его, почитати будутъ (ст. 50) . . . По истиннѣ всякъ крѣпкий всѣученый, всякъ единомышленный градъ прославленъ есть блггоразумѣющему владыце; бѣзумен же не внимаетъ его. Того ради да не убо смотряемъ, яко да богатыя оставимъ дѣти, но яко да добродѣтельны и проведны Богу представимъ. Аще бо на богатство надѣятися будутъ, то ни о чесомъже прилѣжати будутъ другим . . . Да не убо оставини богатство, да оставини добродѣтель, ибо послѣднего безумия есть богатство . . . Подобаеть убо царямъ и владыкамъ призывать мудрыя, мног бо пространѣние (sic) творят . . . (ст. 51).. По истиннѣ убо учение истинна есть и истиннии восхищаютъ его. Учение есть блггоразумие просвѣщая очи сердечныя, опалая нѣвѣстовство самохотныхъ стрѣмлѣнни: свѣща бо ото

огня просвѣщенна есть входящая озаряет в храминѣ; очи благоученныя просвѣщаютъ всякого к добродѣтели грядуща, и языкъ правѣденъ влѣчет ко спасенію . . (ст. 52).

Такимъ образомъ главная мысль автора, что надо заботиться не о томъ, чтобы оставить дѣтей богатыми, но «яко да добродѣтельны и праведны Богу представимъ». Ученіе ведетъ къ истинѣ, отъ него происходитъ всякая правда и благоразуміе, оно просвѣщаетъ очи сердечныя и удерживаетъ отъ неистовства самоволія.

Но гораздо болѣе богатъ мыслями и важенъ въ педагогическомъ отношеніи рукописный педагогическій сборникъ конца XVII в., предисловіе къ которому издано Н. А. Лавровскимъ.

По мнѣнію Н. А. Лавровскаго «это драгоценный педагогическій сборникъ конца XVII в. *), служившій, безъ сомнѣнія, руководствомъ не только для старинныхъ русскихъ воспитателей, но и для дѣтей**). Это работа книжнаго чело-вѣка конца XVII вѣка, какимъ былъ почтенный воспитатель князя П. М. Черкаскаго, работа самостоятельная по крайней мѣрѣ, по размѣщенію большею частию уже готоваго педагогическаго матеріала и по примѣненію послѣдняго къ данному частному случаю» ***).

Н. А. Лавровскій не указываетъ, кто былъ авторомъ указаннаго педагогическаго сборника и только предполагаетъ, что такимъ авторомъ могъ быть кто-нибудь изъ кievскихъ ученыхъ, жившихъ въ концѣ XVII в. въ Москвѣ. Самый же сборникъ Лавровскій относитъ ко 80-мъ годамъ XVII столѣтія. «Вообще должно сказать, заключаетъ Н. А. Лавровскій, что весь этотъ педагогическій сборникъ даже въ томъ случаѣ, когда бы наибольшая часть содержанія самого предисловія оказалась въ

*) Сочиненіе нравственнаго содержанія, раздѣленное на 4 главы, изъ коихъ остался начальный листъ первой и вся послѣдняя; все же прочее утрачено. Въ началѣ помѣщены стихи о Словѣ Божіи, еже есть хлѣбъ животный и предисловіе въ пречестнѣйшему вязю Петру Михайловичу Черкасскому, въ чину ученичества возлежащу, отъ его учителя. Скорописная рукопись конца XVII вѣка на 58 листахъ.

.) Памят. ст. рус. вос. ст. 32. *.) ib. ст. 58.

послѣдствіи прямо-заимствованною изъ какихъ-нибудь, неизвѣстныхъ намъ теперь, источниковъ, будетъ имѣть величайшую важность для характеристики стариннаго русскаго воспитанія и занимать весьма почетное мѣсто въ бѣдной до сихъ поръ русской историко-педагогической литературѣ *).

Читая «Памятники стариннаго русскаго воспитанія», нельзя не остановиться на педагогическомъ сборникѣ XVII в. (такъ мы будемъ называть для краткости рукопись № 327 И. П. Б.), и хотя педагогическіе взгляды, высказанные въ немъ, нельзя назвать вполнѣ самостоятельными, такъ какъ подобнаго рода мысли, хотя въ зародышѣ, встрѣчаются въ другихъ древне-русскихъ сборникахъ: Пчелахъ, Измарагдахъ, Златоустахъ и Домостроѣ **), но всетаки они достаточно оригинальны и особенно по развитію и по строенію. Остается доказать, что они, дѣйствительно оригинальны и нигдѣ раньше не были высказываемы. Изученіе и изслѣдованіе (имѣющее быть въ подробностяхъ опубликованнымъ нами отдѣльно) «Обѣда душевнаго» и «Вечери душевной» Симеона Полоцкаго привело насъ къ несомнѣнному убѣжденію, что предисловіе къ педагогическому сборнику XVII в., приводимое Н. А. Лавровскимъ въ его Памятникахъ есть ничто иное какъ сводъ педагогическихъ взглядовъ и мыслей Симеона Полоцкаго, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ «Обѣда душевнаго» и «Вечери душевной».

Въ виду важности факта мы приведемъ здѣсь подробное содержаніе предисловія къ педагогическому сборнику ***)) и укажемъ соотвѣтственныя мѣста въ сочиненіяхъ Симеона Полоцкаго.

Педагогическій сборникъ XVII вѣка начинается «Стихами о словѣ Божіи, еже есть хлѣбъ животный (см. Обѣдъ душев-

*) Пам. ст. рус. вос. ст. 71.

**) Такъ напр. уподобленіе сердець юношескихъ воску (по Платону) находится еще въ Пчелѣ (см. Древне-русская Пчела. В. Семанова. 1893г. Спб. ст. 166); о необходимости и важности жезла почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ говорится какъ въ педагогическомъ сборникѣ XVII в., такъ въ Златоустахъ, Измарагдахъ и Домостроѣ.

***)) Съ указаніемъ страницъ по «Памятникамъ» Н. А. Лавровскаго.

ный ст. 4). Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ, княже пречестный и учениче благочестивый, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ» такъ говоритъ предисловіе къ пед. сбор. «Брашно укрѣпляетъ плоть, слово Божіе душу; брашно есть нужно въ путь житейскій; слово Божіе въ путь духовный» (П. ст. р. в. ст. 33, Обѣдъ душевный ст. 7). Далѣе слѣдуетъ обширное разсужденіе о значеніи премудрости, которая дороже камня многоцѣннаго. При этомъ мудрость раздѣляется на: плотскую или мірскую и божественную. Мудрованіе плотское смерть есть, когда Божію слову не повинуются, оно буйство у Бога... Кто же весь разумъ свой слову Божію покоряетъ и дѣлается поборникомъ правды, тотъ мудрствуетъ не мірски, а божественно. Эту то духовную мудрость можно раздѣлить на: сердечную, устную и дѣльную. (Памят. ст. 36 и 37. Симеонъ Полоцкій въ тѣхъ же словахъ говоритъ о мудрости въ «Вечери душевной» ст. 224—225 и 228). Затѣмъ предисловіе говоритъ о необходимости привыкать къ труду измлада, воздвигать яремъ въ юности своей, ибо «юноша яко лѣторасль, а може хоцещи преклонитися можетъ». Поэтому дѣтей нужно рано отдавать учителямъ «да трудолюбія налогъ примуть во младости», ибо ей же работѣ пріобыкнуть въ верстѣ юности, та имъ сладко будетъ, а не стужить и во предѣлѣхъ послѣдней ветхости (Памят. ст. 39. Вечера душевная ст. 132).

Родители должны пріучать дѣтей своихъ «отъ младыхъ ногтей» къ добрымъ дѣламъ (Памят. ст. 39. Веч. душ. ст. 139 об.—140.) По словамъ одного учителя (имени котораго не упоминается) надо въ первомъ семилѣтіи обучать дѣтей говорить «благая и чистая словеса, а не худая и скверная». Во второмъ семилѣтіи пусть дѣти учатся какому-либо «художеству», особенно же слѣдуетъ оберегать ихъ отъ дурныхъ примѣровъ. Затѣмъ уже въ третьемъ семилѣтіи дѣти должны быть обучаемы «страху» Божію и мудрости, еже како Богу жити, разумѣнію же и искусству, како честно гражданствовати въ мірѣ (Памят. ст. 40. Веч. душ. ст. 140—141). Сравнивая юношей съ древесными плодами, педагогическій сбор-

никъ предостерегаетъ родителей, чтобы они имѣли присное тщаніе, да плодъ ихъ благъ будетъ «ибо не яко во древесѣхъ, по естеству, плодъ, или сладокъ, или горекъ рождается, но по наказанію рожденныхъ и по обыкновенію и воли рожденныхъ». Затѣмъ приводится уподобленіе философа Платона сердцецъ юношескихъ воску. «Подобно воску сердца юншей всякій нравъ удобоприемлють». На томъ воскѣ напечатаетъ ли кто незлобиваго голубя, высокопарнаго орла, лютаго льва или трудолюбиваго вола, то навсегда до конца жизни своей пребудутъ таковыми (Памят. с. р. в. ст. 42. Вечера душевная ст. 239—240).

По словамъ другою мудреца, юноша подобенъ новому сосуду скуделному, въ который что вольтетя вновѣ, того запахъ удержитъ надолго. Поэтому смотрите, родители, какъ слѣдуетъ воспитывать дѣтей вашихъ: «добрыя слова и образы дѣлъ благихъ печатайте на вашемъ воскѣ, божественныя слова, а не скверныя и кощунныя, миро благовонное душеполезнаго ученія въ тѣ скуделныя сосуды вливайте». При этомъ приводятся примѣры древнихъ, которые очень заботились о томъ, чтобы доставить своимъ дѣтямъ хорошихъ учителей (Пам. ст. 44, Веч. душ. ст. 241 об.)

По словамъ I. Златоустаго отъ благихъ родителей не могутъ рождаться злыя дѣти и самое главное, каковы будутъ родители, таковы и ихъ дѣти. Истиненъ сей глаголь: обаче ни злоба, ни благодь по естеству отъ родителей нисходитъ на чада, но по ученію родителей: по воли же и на выкновенію рожденныхъ, ибо «не естества, но воли есть злоба и доброта» (Памят. ст. 45 и 46 Вечера душев. ст. 8—9). Но если и благіе родители, а дѣтямъ не даютъ должнаго воспитанія, все предоставляютъ ихъ свсеволю, не подаютъ имъ совѣта, не наказываютъ за худыя поступки, то золь плодъ сотворится и у благихъ родителей будутъ злыя дѣти. Поэтому педагогическій сборникъ подаютъ совѣты, какъ слѣдуетъ воспитывать и учить дѣтей: первая вещь есть жезль, необходимый для наказанія непослушныхъ дѣтей «жезль бо есть злобы искоренитель и насадитель добродѣтели», вторая вещь — не позво-

лять дѣтямъ вести знакомство со злыми «злаго возбраняти общества». Третья вещь — не показывать дурного примѣра «злаго по себѣ образа не являти чадомъ». Блюдитесь убо, о родителие да не будете душегубцы чадъ вашихъ соблазнію житія вашего. Да вѣсте же, яко отецъ долженъ быть въ дому аки солнце, мати же аки луна, чада яко звѣзды (Памят. ст. 50—51 Обѣдъ душевный ст. 543—546).

На третьемъ правилѣ прерывается предисловіе къ педагогическому сборнику XVII в., конецъ его утраченъ. Но мы съ увѣренностью можемъ его возстановить, взявъ изъ Обѣда душевнаго (ст. 546 и 547) слова: «Четвертая вещь и послѣдняя есть, еже родителемъ, отъ младыхъ ногтей, отъ сосцу матерню страху Божию обучати младенцы своя» и весь чинъ ученія, состоящій изъ десяти правилъ. Мы увѣрены, что этимъ оканчивалось утраченное предисловіе къ педагогическому сборнику XVII вѣка, такъ какъ другихъ педагогическихъ мыслей у Симеона Полоцкаго нигдѣ не находимъ.

Отступленія отъ текста Обѣда душевнаго и Вечери душевной въ предисловіи педагогическаго сборника весьма незначительны. Такъ это мы замѣчаемъ на ст. 34 Памятниковъ по сравненіи съ 7 ст. «Обѣда душевнаго». Изрѣдка замѣчается разница въ правописаніи. Педагогическій сборникъ пишетъ «во брани гражданствѣй» (ст. 34), «отъ младыхъ ногтей» (ст. 39) премудрый Плато (ст. 42) «мягкосердіе»; Симеонъ Полоцкій: «во брани гражданстей» (Об. душ. ст. 7) «отъ младыхъ ногтей» (Веч. душ. ст. 140) «премудрый Платонъ» (Веч. душ. ст. 139) «мягкосердіе».

Такимъ образомъ для насъ является несомнѣннымъ, что авторомъ предисловія къ педагогическому сборнику конца XVII вѣка, хранящемуся нынѣ въ Импер. Пуб. Биб. въ С.-Петербургѣ (рукоп. № 327) былъ никто иной какъ Симеонъ Полоцкій. Весьма вѣроятно, что и самый педагогическій сборникъ составленъ тѣмъ же Симеономъ Полоцкимъ. Можно думать, что дѣло обстояло такимъ образомъ. Родители князя П. М. Черкаскаго пригласили известнаго уже въ то время Симеона въ качествѣ воспитателя своего сына

и Симеонъ, принявъ на себя эту обязанность, счелъ нужнымъ составить для знатнаго ученика разобранный нами педагогическій сборникъ. А для составленія предисловія Симеонъ не утруждалъ себя и воспользовался готовымъ уже матеріаломъ, заключавшимся въ «Обѣдѣ душевномъ» и «Вечери душевной», которые къ тому времени, если еще и не были напечатаны въ Верхней Типографіи, навѣрное существовали уже въ рукописи. Симеону Полоцкому оставалось только извлечь изъ нихъ всѣ педагогическіе взгляды, высказанные имъ разновременно, что онъ и сдѣлалъ, ничего не принеся новаго въ предисловіе къ педагогическому сборнику, а только повторивъ старое. Словомъ, Симеонъ Полоцкій въ данномъ случаѣ поступилъ такъ, какъ совѣтовалъ Іоанникій Галатовскій проповѣднику: «Изъ слова на св. великомученика Георгія ты можешь составить на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и другихъ мучениковъ: та же будетъ тема: тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конлюзія, только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй св. Димитрія, Евстафія и др.*). Такъ поступилъ и Симеонъ, выписавъ всѣ педагогическіе взгляды изъ «Обѣда душевнаго» и «Вечери душевной» и замѣнивъ только обращеніе, вмѣсто «слушателие православніи» «людіе православніи» — «родителие» или «родителие чадолюбивіи».

Такимъ образомъ считаемъ несомнѣннымъ, что педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго, высказанные разновременно и на разные случаи въ его «Обѣдѣ душевномъ» и «Вечери душевной» цѣликомъ перешли въ предисловіе къ педагогическому сборнику XVII в., и на которое можно смотрѣть какъ на сводъ педагогическихъ взглядовъ Симеона Полоцкаго.

Что касается самага педагогическаго сборника, то утвердительно сказать, кѣмъ онъ и какъ былъ составленъ, мы не можемъ, такъ какъ онъ почти весь утраченъ. По всей вѣроятности, онъ также весь составленъ былъ Симеономъ Полоцкимъ.

*) Ключъ разумѣнія ч. II, листы 125—127.

Приведемъ нѣкоторыя сохранившіяся мысли изъ него (по Памятникамъ Н. А. Лавровскаго ст. 56): «Любимича долженствуемъ стяжавше памятовати того: Пещися. Хранити тайны. Совѣтовати во всемъ. Долженствуемъ благотворити врагомъ. Любити. Не ругатися. Вѣрити имъ никогда же. Рабы должны служатъ господа чествовати. Послушаніе, боязнь, раби должны служатъ владыкамъ. Рабомъ Господаре должны служатъ благодать. Любовь. Мзду безъ умаленія. Мѣру равну имѣти. Судъ проведенъ и безъ продолженія имѣти. Сѣдаго долженствуемъ чествовати. Нищія должны служатъ милovati. Каются беззаконія и не стыдѣтися».

Источники и пособія: Сообщение Е. В. Пѣтухова «Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Пам. Др. Пис. ХСШ. 1893. — Н. А. Лавровскаго. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чт. въ Имп. Об. ист. и Др. Рос. 1861. Июль-сентябрь. Сочиненія Симеона Полоцкаго: Обѣдъ душевный и Вечера душевная, указанная въ предыдущей главѣ.

Глава XXV.

*Московская Эллино-Греческая Академія (1685—1700.) —
Дѣятельность братьевъ Лихудовъ.*

Несомнѣнно, что къ концу XVII вѣка не только возросъ интересъ къ просвѣщенію въ Московской Руси, но и признана была мысль о необходимости заведенія высшей школы для поддержанія и развитія просвѣщенія. Существованіе греческаго типографскаго училища признано было недостаточнымъ; явилась мысль объ устройствѣ Академіи.

Весьма вѣроятно, что мысль эта принадлежит Симеону Полоцкому и не безъ его вліянія составлена была извѣстная привилегія на учрежденіе Московской Академіи.

По общему характеру своему, какъ справедливо замѣчаетъ Л. Н. Майковъ*), проэктъ (привилегія) довольно близко соответствуетъ образу мыслей Полоцкаго и можно думать, что первоначально проэктъ былъ составленъ еще Симеономъ и что лишь по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ замедлилась при его жизни утвержденіе грамоты царемъ». «При составленіи грамоты, говоритъ г. С. Смирновъ, руководствовались уставами западныхъ университетовъ и академій. Представителемъ западнаго образованія былъ у насъ при царѣ Феодорѣ Алексіевичѣ наставникъ его іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, учившійся въ Польскихъ академіяхъ и имѣвшій большую силу при Дворѣ. Его вліяніемъ только и можно объяснить, что западныя академіи взяты были въ примѣръ при устройствѣ Академіи Московской; сочинителемъ грамоты, кромѣ его, признать некого. Митрополитъ Евгеній въ Слов. Писат. духов. чина и Надеждинъ въ статьѣ о Палладіѣ Роговскомъ признаютъ составителемъ грамоты Симеона. Сему, повидимому, противорѣчитъ годъ, въ который подписана царемъ грамота (1682), ибо Симеонъ Полоцкій умеръ въ 1680 году. Но грамота могла быть написана ранѣе и подписана послѣ, такъ какъ извѣстно, что мысль завести Академію въ Москвѣ явилось у царя еще при жизни Полоцкаго... Сильвестръ Медвѣдевъ въ стихахъ, поднесенныхъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, восхваляетъ сочинителя грамоты, какъ ученикъ и другъ Симеона Полоцкаго:

Академіи привиліи тебѣ вручаю
Иже любезнымъ ти братомъ
созданъ есть Повелѣніемъ чинно
написанъ есть (Древ. Рос. Вивл. ч. VI)**). Г. Мирковичъ авторомъ привилегіи также считаетъ Симеона Полоцкаго.

Г. Н. Каптеревъ отрицаетъ возможность, чтобы привиле-

*) Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій.

**) С. Смирновъ. Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи.

гія на Московскую Академію была написана Симеономъ, «что Симеонъ Полоцкій не былъ авторомъ привилегіи это видно изъ слѣдующаго: во первыхъ привилегія помѣчена 1682 г., а Симеонъ умеръ въ 1680 г.; во вторыхъ привилегіи нѣтъ въ бумагахъ Симеона (а между тѣмъ извѣстно, что онъ тщательно сохранялъ все, что писалъ) и странно было бы не сохранить привилегіи, которая должна бы занять самое видное мѣсто въ его произведеніяхъ. Въ третьихъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, преклонявшійся предъ ученостью, мудростью, и заслугами своего учителя, нигдѣ ни разу не говоритъ, чтобы привилегія была написана Симеономъ Полоцкимъ, хотя ему и приходилось нарочито говорить объ ея написаніи. Не говорятъ объ этомъ ничего и Лихуды (ст. 655 и 656).

Разсматривая содержаніе привилегіи необходимо придти къ такому заключенію, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые ея параграфы не только не были написаны Полоцкимъ, но составлены по поводу событій, имѣвшихъ мѣсто уже послѣ смерти Полоцкаго, и что нѣкоторые изъ нихъ направлены, если уже не прямо лично противъ его послѣдователей и вообще сторонниковъ т. н. латинскаго ученія. . По прямому свидѣтельству Лихудовъ не Полоцкій, а Медвѣдевъ молилъ царя Феодора Алексѣевича объ открытіи въ Москвѣ Академіи (ст. 662). Такимъ образомъ въ то самое время, когда патріархъ Іоакимъ и сторонники греческаго ученія, воспользовавшись прибытіемъ въ Москву іеромонаха Тимоѳея, поспѣшили открыть въ Москвѣ греческое училище, сторонники латинскаго ученія, съ Медвѣдевымъ во главѣ, употребляли всѣ усилія побудить царя открыть въ Москвѣ Академію и пригласить для нея учителей изъ южно-руссовъ, т. е. стремились водворить въ Москвѣ съ помощью ученыхъ южно-руссовъ т. н. латинское ученіе (ст. 663). Но Медвѣдевъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Проектъ Академіи необходимо перешелъ на предварительное разсмотрѣніе патріарха, а слѣдовательно и окружавшихъ его сторонниковъ греческаго ученія. Послѣдніе, съ своей стороны, постарались внести въ проектъ такой пунктъ, который подрывалъ всѣ надежды Медвѣдева и его сторонни-

ковъ на призваніе въ Москву для учительства въ Академіи южно-русскихъ ученыхъ (ib.). Г. Каптеревъ находитъ несомнѣннымъ, что привилегія написана не Полоцкимъ, а принадлежитъ сторонникамъ греческаго ученія, такъ какъ въ ней рѣшительно высказывается тенденція въ пользу греческаго языка, латинскому же языку отводится второстепенное мѣсто»*) (ст. 67.)

Взвѣсивая всѣ эти мнѣнія, мы приходимъ къ тому заключенію, что весьма вѣроятно, что мысль объ открытіи Академіи принадлежитъ Полоцкому, онъ же намѣтилъ въ главныхъ чертахъ и привилегію, но привилегія эта написана не имъ или же, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи значительно измѣнена. Симеонъ Полоцкій не допустилъ бы ограниченія для малорусскихъ ученыхъ, которыхъ онъ высоко уважалъ. Это было уже дѣло велико-русской партіи.

Привилегія эта заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться. Мы приведемъ изъ нея выдержки**).

«Знающе же убо едину оныхъ и прочихъ царскихъ должностей родительницу, и всякихъ благъ изобрѣтательницу и совершительницу быти мудрость: ибо оною паче иныхъ всѣхъ образовъ слава Божія умножается, православная наша восточная Вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости сохраняется и расширяется; варварскіе народы богознаніемъ просвѣщаются; иновѣрная царствія ко благовѣрью обращаются. . . . Тоюжде вся царствія благочинное расположеніе, и твердое защищеніе и великое распространеніе приобрѣтаютъ. Сокращеннѣ же да речемъ: мудростью во вещѣхъ гражданскихъ и духовныхъ познаваемъ злое и доброе. Злое, да отъ него уклонимся, доброе же, да ему послѣдуемъ. . . . (Посему) ни о чесомъ же тако тщаніе наше сотворяемъ, яко же о изобрѣтеніи пвемудрости, съ него же вся благая отъ Бога людямъ дарствуются (ст. 399) . . . И благоволимъ въ царствующемъ

*) Н. Каптеревъ. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ. 1889. СПб. Св. Отц. въ рус. пед. Книжка IV.

***) Привилія на учрежденіе Академіи напечатанъ въ Древней Россійской Визитачекъ т. VI. изд. 2-е. Москва. 1788. Изд. Н. Новикова.

нашемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ . . на взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости, и собраніе общаго ради отъ благочестивыхъ и въ писаніи божественномъ благоискусныхъ дидаскаловъ, изошренія разумовъ, храмы чиномъ Академіи устроить; и во оныхъ хоцемъ сѣмена мудрости, то есть науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословія учащей вещей божественныхъ, и совѣсти очищенія постановити. . .

При томъ и ученію правосудія духовнаго и мірскаго, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, или же цѣлость Академіи, сирѣчь училища, составляетъ быти (ст. 402.)

Въ пятомъ параграфѣ привилегіи сказано: «Сему нашему отъ насъ, Великаго Государя, устроенному училищу быти общему».

«А иже имутъ, говорится въ привилегіи «изъ Литовскія страны и изъ Малыя Россіи и изъ иныхъ странъ ученые люди пріѣзжати, и онымъ безъ подлиннаго о нихъ извѣстія и достовѣрныхъ благочестивыхъ людей свидѣтельства словѣсѣмъ ихъ не вѣрити и въ блюстители и во учителя ихъ не устроить, аще бы кто изъ нихъ и писаніемъ правду вѣры нашея восточныя удостовѣрялъ *)».

Блюститель и учителя Академіи должны быть, по требованію привилегіи, цѣловать крестъ, что будутъ крѣпко и нерушимо содержать православную вѣру, охранять и защищать ее отъ вторженія всѣхъ другихъ вѣръ и ересей; въ случаѣ же нарушенія крестной присяги, полагалось наказывать ихъ лишеніемъ чина и званія, а въ случаѣ хулы на православную вѣру, «безъ всякаго милосердія» сожигать. Лучшимъ ученикамъ обѣщалось, по окончаніи курса свободныхъ наукъ, достойное мздовоздааніе; они, по словамъ привилегіи «будутъ пожалованы въ приличныя ихъ разуму чины». Всѣ ученые иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію для поступленія по царскую службу, должны быть испытываемы въ Академіи, и по-

*) Древ. рос. вѣдѣіе. Ч. VI; ст. 406—407.

лучившіе одобреніе принимаются на службу, не получившіе же одобренія изгоняются изъ государства. Блюститель и учителя должны наблюдать также, чтобы никто не держалъ у себя польскихъ и латинскихъ, лютерскихъ и кальвинскихъ еретическихъ книгъ, а также волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всѣхъ вообще, возбраненныхъ церковью. Государственная бібліотека передавалась блюстителю Академіи съ учителями на вѣчныя времена.

При чтеніи привилегіи нельзя не замѣтить высокаго уваженія къ мудрости «царскихъ должностей родительницъ и всякихъ благъ изобрѣтательницѣ, черезъ которую въ вещахъ гражданскихъ и духовныхъ познаемъ доброе и злое». Ради этой мудрости устрояется Академія, въ которую вводятся науки гражданскія и духовныя. Философія, согласно привилегіи Московской Академіи, онредѣляется какъ логика, физика и этика. Логика заключаетъ въ себѣ всю филологическую часть человѣческаго знанія (грамматику, риторику съ піитикой и діалектику). Физика или «философія естественная» заключаетъ въ себѣ всѣ науки естественныя. Этика или «философія нравная» заключаетъ въ себѣ всѣ науки юридическія, экономическія и общественныя, вѣнецъ которыхъ составляетъ политика «Царственная мудрость». Такимъ образомъ въ понятіи о единой философіи заключается зародышъ факультетскаго раздѣленія образованія, которое, однако, не лишается чрезъ то значенія общаго образованія, оно существенно едино, какъ тройственное правленіе единой мудрости.

Въ курсъ Академіи были введены языки: славянскій, греческій, латинскій и польскій. Такимъ образомъ, согласно привилегіи, Академія должна была быть высшимъ учебнымъ заведеніемъ съ общеобразовательнымъ курсомъ, который подготавливалъ бы молодыхъ людей на всѣ пути общественной дѣятельности; вообще же привилегія видѣла въ учрежденіи Академіи дѣло «богоугодное церкви Божіей и намъ, великому государю, и всему нашему царствію полезное и душамъ вѣрнымъ спасенное», а потому отъ водворенія образованія «мудрости» ожидалось преуспѣяніе духовное и гражданское. Но

главнымъ образомъ, конечно, Академія должна была способствовать утверженію и распространенію православной вѣры и охраненію ея отъ ересей.

Смерть царя Θεодора Алексѣевича, а затѣмъ бунтъ стрѣлецкой и волненія раскольниковъ, происшедшія тотчасъ послѣ его смерти, помѣшали открытію Академіи. Но что ея равно интересовались какъ великорусскіе, такъ и малорусскіе ученые видно изъ того, что ученикъ Славинецкаго Каріонъ Истомина (1683 г.) и потомъ ученикъ Полоцкаго, извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ (1685 г.), представили царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ свои стихотворныя просьбы объ открытіи Академіи, по мысли царя Θεодора. Но ихъ хлопоты не увѣнчались успѣхами, вѣроятно, потому, что въ это время уже ожидали учителей изъ Греціи и до прибытія ихъ, открытіе Академіи считали преждевременнымъ.

Просьба о присылкѣ учителей къ греческимъ патріархамъ была послана Θεодоромъ Алексѣевичемъ чрезъ окольникяго Чирикова въ 1681 г. Случилось такъ, что къ этому времени (въ мартъ 1683 г.) прибыли въ Константинополь два ученые брата Іоанникій и Софроній Лихуды. Испытавъ ихъ въ ученіи православной церкви и поближе узнавъ ихъ, патр., константинопольскій Діонисій, съ согласія другихъ трехъ патріарховъ, рекомендовалъ ихъ русскому послу, царямъ и патріарху, какъ людей обучившихся «во священномъ ученіи довольнѣ», которые «объяти быша философскими же и богословскими науками толико, яко силу имѣти довольную и учениковъ научати, и Священное Евангеліе проповѣдати благочестивымъ христіанамъ православно и благочестиво.*) Охотно принявъ предложеніе ѣхать въ Россію, братья Лихуды 3-го іюля 1683 г. оставили Константинополь, получивъ отъ Восточныхъ патріарховъ грамоту, удостовѣрявшую ихъ православіе и ученость. По приѣздѣ въ Москву (6-го марта 1685 г.) Лихуды, при депростѣ, передали свою біографію, которую потомъ изложили въ одномъ изъ своихъ сочиненій, извѣстномъ подъ названіемъ

*) Мечеть духовный, ст. 37.

Мечеть Духовный. Изъ показаній ихъ видно, что они происходили отъ очень древняго знатнаго рода. Предки ихъ, князья Лихуды, въ царствованіе различныхъ греческихъ императоровъ были первыми сенаторами въ Константинополѣ.

Сами Лихуды учились девять лѣтъ въ Падуанскомъ университетѣ, гдѣ получили докторскіе дипломы. Возвратившись на родину, въ 1670 г. они приняли монашество: старшій подъ именемъ Іоанникія, младшій — Софронія. Отрѣшившись отъ міра, Лихуда предалися наукѣ и педагогическому дѣлу и такъ зарекомендовали себя въ этомъ отношеніи, что констант. патріархъ счелъ ихъ вполне достойными для отправки въ Россію съ просвѣтительной миссіей.

Прибывъ въ Москву и поселившись въ Богоявленскомъ монастырѣ, Лихуды уже въ концѣ 1685 г. приступили къ учебному дѣлу. На первый разъ школа ихъ была невелика и состояла изъ 5 учениковъ типографскаго училища. Потомъ присоединилось къ нимъ еще два. Но такая дѣятельность была слишкомъ узка и Лихуды усиленно хлопотали объ открытіи задуманной раньше Академіи. Благодаря дару іер. Мелетія (2 т. руб.) и содѣйствію могущественнаго въ то время при дворѣ князя В. В. Голицына*), удалось въ теченіе одного года выстроить зданіе для Академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Когда зданіе было готово, самъ патр. Іоакимъ съ великимъ торжествомъ со священнымъ соборомъ соблаговолилъ присутствовать при открытіи его. Онъ приказалъ Лихудамъ переселиться въ него и начать ученіе. Такимъ образомъ открыто было въ Московской Руси первое высшее заведеніе. Въ исторіи его различаютъ нѣсколько періодовъ: первый простирается отъ Лихудовъ до Палладія Роговскаго (1685—1700 г.)**); въ этомъ періодѣ замѣтно преобладаніе греческаго образованія, и Академія называлась Еллино-Греческою; второй отъ Палладія Роговскаго до времени митр. Пал-

*) Котораго Лихуды называли своимъ заступникомъ, защитителемъ, помощникомъ, покровомъ и приближеннымъ.

***) Такъ какъ она помѣщалась въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, то называлась также Заиконоспасской школой.

тона (1700—1775 г.), когда преобладало образованіе латинское и Академія называлась латинскою или славяно-латинскою. Третій отъ времени митр. Платона до преобразованія Академіи и перемѣщенія ея въ Троицкую Лавру (1775—1814 г.) — Академія славяно-греко-латинская. Въ исторіи сѣверо-восточнаго образованія Московская Академія приобрѣла такое же значеніе, какъ въ исторіи юго-западной Россіи Академія Кіевская.

Съ открытіемъ Заиконоспасской Академіи число учениковъ быстро возрастало. Прежде всего сюда были переведены всѣ ученики Типографскаго училища, затѣмъ, по указу царей, къ нимъ присоединены болѣе 40 боярскихъ дѣтей, и, наконецъ, охотниками явились нѣкоторые священники, іеродіаконы, монахи и всякаго чина царствующаго града Москвы.*)

Лихуды первыхъ своихъ учениковъ въ Богоявленскомъ монастырѣ учили одному только греческому языку: но съ открытіемъ Академіи, они открыли полный курсъ ученія свободныхъ наукъ на обоихъ языкахъ, отдавая, однако, преимущество греческому языку предъ латинскимъ. Академическая программа была весьма обширна, повелѣвалось учить «всѣмъ свободнымъ наукамъ», но для выполненія ея были непреодолимые трудности. Не было прежде всего учебниковъ, по которымъ можно было изучать таковыя науки. Лихуды приняли на себя это трудное дѣло и по мѣрѣ того какъ приготовляли тотъ или другой учебникъ открывали тотъ или другой классъ.

Первый классъ, грамматику, открыли они въ 1687 году, въ которомъ готовъ былъ уже краткій учебникъ; затѣмъ постепенно открывались слѣдующіе классы: піитика, риторика, логика и физика. Грамматика и піитика преподавались на одномъ греческомъ языкѣ, а риторика, логика и физика—на греческомъ и латинскомъ. Учебники, составленные Лихудами, свидѣтельствуютъ, что они много труда и рвенія отдали педагоги-

*) Въ показаніи истины противъ Сильвестра Лихуды пишутъ о своихъ ученикахъ: ученицы инии суть священники, іеродіаконы и монахи, инии князи мальчики, стольники и всякаго чина сего царствующаго града. (У Смир. ст. 25).

ческому дѣлу. Ученики ихъ на столько успѣвали въ наукахъ, что въ три года могли свободно говорить по латыни и по гречески и дѣлать переводы съ обоихъ языковъ на славянскій. Изъ школы Лихудовъ вышло немало достойныхъ учителей, которые съ честью поддерживали славу Академіи. «Мудрѣйшіе учителя», какъ говоритъ г. Мирковичъ, не жалѣли своихъ силъ, трудовъ и времени; они хотѣли выполнить всю программу академическую, для чего съ особенною поспѣшностью издавали учебникъ за учебникомъ. Даже и въ Венеціи, куда Іоанникій отправился въ 1688 г., интересы Академіи стояли на первомъ планѣ и Іоанникій написалъ учебникъ психологіи и физики. Онъ пробылъ въ Венеціи два года и во все это время преподаваніемъ въ Академіи занимался только одинъ Софроній и, однакъ, успѣлъ прочитать риторику на греческомъ и латинскомъ языкахъ и началъ читать логику. Патр. іерусалимскій Досифей, узнавъ о такой ревности и трудолюбіи Лихудовъ, писалъ къ нимъ въ 1692 году «Радуюся о преуспѣяніи, еже Господь вами сотвори и творить». И въ Москвѣ цѣнили ихъ труды: жалованья полагалось имъ, кромѣ кормовыхъ, 15 алтынъ на день, сумма довольно значительная по тому времени.

Учебныя руководства, составленныя Лихудами, нѣкоторыя писаны на одномъ греческомъ, другія на латинскомъ, а инныя на обоихъ языкахъ. Изъ шести учебниковъ, написанныхъ Лихудами въ промежутокъ времени съ 1686 г. по 1693 г. видно, что, какъ образованіе учителей, такъ и методъ ихъ преподаванія въ Академіи, имѣли схоластическій характеръ. Въ этомъ отношеніи Московская Академія походила на Кіево-могилянскую коллегію. Главнымъ авторитетомъ въ риторикѣ, логикѣ и физикѣ былъ Аристотель, обойтись безъ котораго въ то время было невозможно. По словамъ Лихудовъ, этотъ философъ «яко свѣтильникъ вселенную, невѣжествомъ одержимую, просвѣти»; уже нѣсколько вѣковъ всѣ почти академіи избрали его какъ бы «вождемъ и главою философіи» вслѣдствіе того и мы, говорятъ они, намѣрены слѣдовать ему». Лихуды написали: грамматику (краткую и пространную гре-

ческую и латинскую), пѣтику, реторику, логику, психологію и физику.

Краткая греческая грамматика составлена въ 1687 году по руководству К. Ласкара (изд. въ Венеціи въ 1673 г.), но нѣсколько сокращена. Первая часть грамматики начинается общими опредѣленіями качества буквъ; потомъ слѣдуетъ глава о именахъ, о родахъ, видахъ и принадлежностяхъ и т. д. Вторая часть грамматики озаглавлена: *περί συντάξεως* и начинается изложеніемъ правилъ о согласованіи частей рѣчи; дѣле слѣдуетъ глава о видахъ глаголовъ. Третья часть грамматики толкуетъ объ удареніяхъ, о частицахъ энклитическихъ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ измѣненіи словъ. Пространная греческая грамматика написана Лихадами въ 1705 г. въ Ипатскомъ монастырѣ для учениковъ класса реторики, въ первой части (437 стр.) подробно и въ обыкновенномъ порядкѣ изложены правила о восьми частяхъ рѣчи; формы склоненій и спряженій изложены въ значительной полнотѣ; при каждой формѣ приложены діалектическія особенности и примѣры взяты изъ классиковъ, и по мѣстамъ изъ Новаго Завѣта. Во второй части Лихуды сравниваютъ синтаксисъ съ искусствомъ домостроенія: «что за польза говорятъ они, собрать камни, песокъ, известь, желѣзо и другіе матеріалы для построенія дома, а къ самой стройкѣ не приступать?» Въ синтаксисѣ подробно и ясно излагаются правила о согласованіи частей рѣчи. Латинская грамматика (рукопись М. Д. А. № 330) написана на основаніи греческихъ и итальянскихъ руководствъ. Она написана простымъ и понятнымъ языкомъ, приспособительно къ дѣтскому возрасту. Несмотря, впрочемъ, на простоту и краткость правилъ, первая часть грамматики знакомитъ уже учащихся съ именами лучшихъ классическихъ писателей и приводитъ краткія изреченія изъ Цицерона, Вергилія и другихъ.

Пѣтика (рукоп. М. Д. Академіи №№ 331, 332 — о пѣтическомъ или стихотворномъ искусствѣ) написана на одномъ греческомъ языкѣ и изложена по вопросамъ и отвѣтамъ. Одинъ экземпляръ относится къ 1693 г., другой на-

писанъ позже. Питика раздѣляется на двѣ книги: въ первой говорится о свойствѣ слоговъ, о поэтическомъ видоизмѣненіи всѣхъ частей рѣчи, о стопахъ и стихосложеніи; вторая книга содержитъ прибавленія о различныхъ видахъ стопъ. Изложеніе питики, при всей краткости, отличается ясностію: авторъ ничего не говоритъ о родахъ стихотворныхъ произведеній, его дѣло — научить учениковъ писать стихи ἐπιμέτρος καὶ εὐκόσμως. Поэтому онъ даетъ имъ понятіе о размѣрѣ стихотворной рѣчи, о стихосложеніи сафическомъ, анакреонтическомъ, говоритъ о Пиндаровыхъ строфахъ, антистрофахъ и эподахъ и т. п. Примѣры для объясненія правилъ взяты по мѣстамъ изъ Гомера, но большею частію приводятся стихи духовнаго содержанія, изъ коихъ многіе принадлежатъ самимъ Лихудамъ; таковы, напр., четверостишія къ Пресвятой Дѣвѣ, приложение тропарей на преполовленіе, на день святителя Николая.

Что касается реторики, то есть, нѣсколько учебниковъ ея, принадлежащихъ Лихудамъ*). При сличеніи всѣхъ экземпляровъ реторики оказывается, что они содержатъ одно и то же, за исключеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ. По свидѣтельству Поликарпова, Лихуды читали реторику на двухъ языкахъ: греческомъ и латинскомъ, а переводъ на русскій языкъ сдѣланъ уже по удаленіи Лихудовъ изъ Академіи въ 1698 году. Курсъ реторики первоначально написанъ Софроніемъ. При изложеніи ея онъ слѣдовалъ главнымъ образомъ Аристотелю, но пользовался также τέχνη Ῥητορικῆς Франческо Скуффи; изд. въ Венеціи въ 1681 г., но нельзя не признать, какъ говоритъ г. Смирновъ, въ изложеніи реторики оригинальной самодѣтельности автора; онъ старается приспособить ее къ понятіямъ и національнымъ особенностямъ слушателей, отъ того реторика его отличается и отъ древнихъ руководствъ и отъ западно-европейскихъ учебниковъ того времени. Зная, что интересъ религиозный и преданность Госу-

*) Рукоп. М. Д. А. №№ 329 и 324, Рукоп. Рум. Муз. № 245, Рукоп. въ библіот. царс. № 77.

дарю выше всѣхъ интересовъ для русскаго, наставникъ постоянно выставляетъ на видъ высоту этихъ потребностей и рѣдко обращается за примѣрами къ языческой древности, показывая тѣмъ, что сама Русь богата предметами, достойными художественнаго слова. Въ самомъ началѣ Софроній представляетъ раздѣленіе краснорѣчія на божественное, героическое и человѣческое. Божественное краснорѣчіе содержится въ Св. Писаніи, въ богодохновенныхъ глаголахъ пророковъ и апостоловъ: «небесная риторика, говоритъ онъ, совсѣмъ не такъ дѣйствовала, какъ пѣснь баснословнаго Ореея; она переродила волковъ въ агнцевъ и въ звѣрскихъ душахъ язычниковъ воспламенила любовь къ благочестію, цѣломудрію и кротости. Это краснорѣчіе есть языкъ ангеловъ». Краснорѣчіе героическое заключено въ твореніяхъ св. отцовъ церкви; а человѣческое — въ сочиненіяхъ Демосеена, Цицерона и другихъ ораторовъ. Послѣ этого предлагаются общія вступительныя понятія о стихіяхъ риторики, о достоинствѣ и пользѣ ея, и потомъ о частяхъ, которыхъ насчитывается пять: изобрѣтеніе, краснорѣчіе, расположеніе, соображеніе и произношеніе. Это дѣленіе взято изъ риторики Скуффи. Въ первой книгѣ предлагается ученіе о мѣстахъ топическихъ, которыхъ два рода: внутреннія и внѣшнія; каждая изъ этихъ послѣднихъ подраздѣляется на 16 отдѣловъ; существуютъ своего рода подраздѣленія и т. д. Въ книгѣ второй говорится о тропяхъ, фигурахъ словъ и мыслей, о періодахъ и хріяхъ. Въ третьей разсуждается о расположеніи и частяхъ ораторской рѣчи, о вступленіи, повѣствованіи, силлогизмѣ, поведеніи, эпилогахъ. Четвертая книга о памяти или соображеніи въ риторикѣ Лихудовъ выпущена, и вмѣсто нея поставленъ трактатъ, въ которомъ преподаются правила, какъ писать похвальныя слова — панегирики, слова благодарственныя, на побѣду надъ врагами, на прибытіе пословъ, коронованіе царей, и слова надгробныя. Надобно отдать честь Софронію, говоритъ г. Смирновъ, за чрезвычайно ясное изложеніе науки, за чистый и живой языкъ и за самое направленіе, господствующее въ учебникѣ. Риторическія понятія Аристотеля, проведенныя

чрезъ строгія формы философскаго мышленія, въ реторикѣ Лихуда чужды излишней отвлеченности и выражены просто и удобопонятно». Указавъ, что называютъ реторикой Платонъ и Аристотель, Софроній опредѣляетъ реторику какъ науку или искусство, обучающее говорить хорошо (*καλῶς*), правильно (*εὐμετρώως*) и красиво (*διαχεχοσμημένως*).

Для поясненія правилъ реторики приведено множество примѣровъ изъ Св. Писанія, библейской исторіи, твореній св. отцовъ и учителей церкви, а иногда и изъ русской церковно-гражданской исторіи. Логика*) представляетъ частью коментаріи на логику и аналитику Аристотеля, изложенные притомъ сокращенно и на введеніе въ логику Порфирія и состоитъ изъ тѣхъ же многочисленныхъ дѣленій и подраздѣленій. Во введеніи идетъ разсужденіе о логическихъ терминахъ, о предложеніяхъ, о соединеніи понятій и объ умозаключеніяхъ. Умозаключеніе раздѣляется на четыре вида: силлогизмъ, введеніе, примѣръ и энтимему. Ученіе о силлогизмахъ взято изъ аналитики Аристотеля. Введеніе заканчивается изложеніемъ правилъ, коими должно руководствоваться въ діалектическихъ спорахъ. Наставникъ учить въ спорахъ наблюдать приличіе и благородство. За введеніемъ слѣдуютъ: «предварительные вопросы относительно всей логики Аристотеля». Въ этомъ трактатѣ рѣшаются вопросы о раздѣленіи логики, о значеніи ея, какъ знанія, о предметѣ логики, о характерѣ знанія. Авторъ раздѣляетъ логику на дидактическую и прикладную и доказываетъ, что она есть знаніе теоретическое. Основаніе этого ученія находится въ послѣднихъ аналитикахъ Аристотеля. Далѣе Софроній предлагаетъ «объясненія и вопросы на введеніе Порфирія» и говоритъ, что это введеніе полезно не только для объясненія категорій Аристотеля, но и для познанія всей философіи. О логикѣ Софронія должно замѣтить, что по изложенію она имѣетъ много общаго съ учебниками XVII в., наполненными схоластическими формами. Касательно содержанія слѣдуетъ сказать, что она основана

*) Рунп. Моск. Д. А. № 300.

главнымъ образомъ на Аристотелѣ, но Софронію были извѣстны и комментаріи на Аристотеля. Такъ онъ ссылается на Іоанна Грамматика, Филопона, Аверросса и др. иногда не соглашается съ ихъ толкованіями и приводитъ собственные. Въ логику Лихуда вошло нѣчто и изъ лекцій Герасима Влаха. Первый опытъ логики на русской почвѣ заслуживаетъ во всякомъ случаѣ похвалы и одобренія.

Психологія *) представляетъ толкованіе на книгу Аристотеля о душѣ по Томѣ Аквинату, Герасиму Влаху и др., составленное Іоанникіемъ. Самъ Іоанникій пишетъ: что «у различныхъ философскихъ писателей написано о семъ предметѣ пространно, я собралъ и изложилъ кратко съ возможною ясностью». Психологія, впрочемъ, въ академіи не преподавалась.

Физика же въ Академіи читалась; объ этомъ говоритъ Поликарповъ въ своей исторіи Академіи и патр. Досіеѣй въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Лихуды, говоритъ онъ, забавляются около физики и философіи».

Комментаріи на физику Аристотеля были написаны Іоанникіемъ въ 1689 году для того же Валентина, для котораго написана и психологія; но по возвращеніи своемъ въ Москву, эти записки онъ предложилъ ученикамъ Академіи и читалъ ихъ послѣ логики.

Лихуды однако не успѣли прочитать всей физики и объяснили только двѣ первыя книги *φυσικῶν* Аристотеля и девять главъ второй. Форма изложенія та же, что и въ логикѣ, именно сперва объясняются вопросы изъ Аристотелевой физики, потомъ слѣдуетъ полемика.

Въ основу своихъ сужденій наставникъ часто беретъ св. Писаніе и этимъ оружіемъ поражаетъ древнихъ физиковъ и атомистовъ — Фалеса, Анаксагора, Демокрита, Эпикура и позднѣйшихъ толкователей Аристотеля; не падить порой и самаго Аристотеля.

Толкованіе начинается вступленіемъ, въ которомъ наставникъ разсуждаетъ о предметѣ естественной философіи,

*) Рукоп. Моск. Дух. Ак. № 310 и № 316.

объ отношеніи физики къ метафизикѣ и о раздѣленіи науки. Въ 9-ти главахъ первой книги содержится критическое ученіе о началахъ вещей естественныхъ, именно объ Аристотелевыхъ: матеріи, формѣ лишенія (*ξέρσις*) и о стихіяхъ, какъ началахъ, по ученію древнихъ. Во второй книгѣ о природѣ, искусствѣ и дѣйствіяхъ невольныхъ, о причинахъ: матеріальной, формальной, дѣйствующей и конечной. Въ третьей главѣ говорится о движеніи, дѣйствіи и страданіи.

Изъ разсмотрѣнія учебниковъ, написанныхъ Лихудами, можно видѣть, что они получили широкое, многостороннее образованіе и дали этому образованію религіозное направленіе. Нельзя упрекать ихъ даже въ томъ, что наука у нихъ была скована формами схоластики; кто изъ ученыхъ въ продолженіе десяти вѣковъ былъ свободенъ отъ нихъ? Однако же, надо отмѣтить, что въ Лихудахъ замѣтно стремленіе избавить науку отъ этого рабства: они опускаютъ множество вопросовъ, которые составляли предметъ бесплодныхъ споровъ въ средніе вѣка; и приспособляясь къ понятіямъ своихъ питомцевъ, хотя примѣрами стараются разрѣшить узелъ схоластическихъ вопросовъ. Аристотелю, правда, они слѣдовали, да и нельзя было не отдать дани уваженія величайшему мыслителю всѣхъ временъ*), но надо замѣтить, что поклоненіе ихъ предъ Аристотелемъ не было слѣпымъ, рабскимъ. Въ предисловіяхъ учебникамъ они обыкновенно заявляли «возслѣдуемъ», но «въ сокращеніи и въ малѣ воспріявши изречемъ» или «постараемся преподавать ее (физику) согласно съ ученіемъ Аристотеля, но будемъ остерегаться отъ всякаго мудрованія, несогласнаго съ нашею религіею и православіемъ». Такъ они, дѣйствительно, и дѣлали. То, что у Аристотеля было изложено слишкомъ обширно, они для облегченія учениковъ представляли кратко, сжато, притомъ въ строго православномъ духѣ.

Такимъ образомъ ученые греки, хотя преподавали науки

*) Ученія Бэкона и Декарта еще не успѣли проникнуть въ школы и приобрести большое вліяніе.

въ Академіи по схоластическому методу, но не дали у насъ въ Россіи схоластикѣ полного развитія. Они первые подали примѣръ живого отношенія къ наукѣ, и этимъ принесли русской наукѣ несомнѣнную пользу. Необходимо выставить на первый планъ, что Московская Академія, какъ и Кіевская коллегія явилась школой не профессиональной, даже не духовной, а общей (§ 5 привил. сему нашему училищу быти общему), чѣмъ то въ родѣ древне-русскаго университета. Въ § 5 привилегіи прямо сказано «сему нашему училищу быти общему, и всякаго чина, сана и возраста людемъ, точию православныя христіанскія восточныя вѣры приходящимъ ради наученія, безъ всякаго зазора свободному; въ немъ всякія отъ церкви благословенныя благочестивыя науки да будутъ». Въ такомъ видѣ, какъ заведеніе открытое для всѣхъ, Академія явилась и на самомъ дѣлѣ. Когда на нее обратилъ вниманіе царь Петръ, онъ тоже высказался о ней, какъ о царской школѣ съ общимъ образованіемъ, изъ которой должны были выходить люди «во всякія potreбы, — въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское врачевское искусство».

При такихъ дѣятельныхъ наставникахъ, каковыми явились братья Лихуды, неудивительно, что учащіеся оказывали быстрые успѣхи. Поликарповъ свидѣтельствуетъ, что на четвертомъ году по открытіи Академіи ученики перваго класса такъ хорошо ознакомились съ греческимъ и латинскимъ языкомъ, что перевели нѣсколько книгъ на русскій языкъ. Больше другихъ отличались дарованіями и трудолюбіемъ самъ Поликарповъ и Николай Головинъ, которые заняли послѣ Лихудовъ мѣста наставниковъ въ Академіи.

«Составъ классическаго ученія при Лихудахъ не можетъ быть обозначенъ во всей подробности: замѣтна только постепенность въ сообщеніи ученикамъ научнаго знанія. Ученіе начиналось грамматикой и ее читали въ трехъ классахъ: первый назывался *infima* и раздѣлялся на два отдѣленія *infima inferior et superior*; второй классъ назывался *media* —средній, а третій *suprema* —высшій. Въ этомъ послѣднемъ классѣ читали

грамматику въ такомъ видѣ, чтобы приготовить учениковъ къ реторикѣ. Изучившимъ грамматику преподавали пиитику, реторику, затѣмъ логику и физику. Всѣ эти науки преподавались Лихудами въ теченіе восьми лѣтъ (съ 1686 г. по 1694 г.), исключая физики, которой была прочитана только часть *). Съ новооступившими учениками занимались воспитанники Академіи, дошедшіе до философіи. Несомнѣнно, что въ Академіи старшими учениками руководили младшіе. Учениковъ занимали риторическими и стихотворными упражненіями: въ 1690 г. они написали привѣтственную рѣчь патр. Адриану. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ учащіеся собирались въ аудиторію и слушали проповѣди или толкованія библейской исторіи. Въ извѣстное время они вели диспуты между собою и подвергались испытанію въ приобретенныхъ свѣдѣніяхъ. Патриархъ іерусалимскій писалъ (въ 1694 г.), чтобы учениковъ каждый воскресный и праздничный день заставляли вступать въ ученые споры для того, чтобы лучше изучали діалектику.

Преподаваніе Лихудовъ въ Академіи было прервано въ 1694 г., когда недовольный ими патр. Досиѳей, узнавъ, что они ввели въ Академію преподаваніе латинскаго языка (а можетъ быть, и по другимъ причинамъ), потребовалъ удаленія ихъ изъ Академіи. Лихуды переселились въ типографію. Здѣсь они начали учить желающихъ италіанскому языку; причемъ до 1697 г. обучали частнымъ образомъ; а затѣмъ 15-го мая 1697 г. состоялся офиціальныи указъ, который приказывалъ имъ учить италіанскому языку дѣтей бояръ и иныхъ чиновъ. Это первое, дошедшее до насъ, правительственное распоряженіе о распространеніи знанія европейскихъ языковъ, вызванное, впрочемъ, политическими соображеніями. Въ предполагавшейся въ то время войнѣ Россіи съ Турціей, Россія искала союза съ Венеціей, а для сношенія съ нею требовались знатоки италіанскаго языка. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ самими Лихудами, видно, что у нихъ училось 10 чел.

*) Смирновъ. Исторія М. С. гр.-лат. Ак. ст. 67.

Въ 1698 г. патр. Досіеѣй обвинилъ Лихудовъ въ политической неблагонадежности, вслѣдствіе чего изъ типографіи ихъ сначала перевели въ Новоспасскій монастырь, а потомъ въ 1701 или 1702 г. сослали въ заточеніе въ Ипатьевскій Костромской монастырь. Къ счастью, нашлось лицо, которое приняло участіе въ судьбѣ Лихудовъ, то былъ Іовъ, митроп. новгородскій. Желая завести училища въ своей епархіи, онъ упросилъ Государя освободить Лихудовъ изъ заточенія и перевести ихъ въ Новгородъ. Это было въ 1706 г. Лихуды, тотчасъ по приѣздѣ въ Новгородъ, занялись учебнымъ дѣломъ со всѣмъ «благодушіемъ и усердіемъ», что съ ихъ стороны было благодарностью Іову за оказанное благодѣяніе. На первыхъ же порахъ они открыли въ Новгородѣ школу съ двумя отдѣленіями, которыя м. Іовъ называлъ двумя школами: одну эллино-славянскою, а другую — просто славянскою. Школа пошла такъ хорошо, что м. Іовъ не могъ нахвалиться и учителями и учениками, и вообще школьнымъ дѣломъ. «Словестнѣйшіи учителя честнѣйшіи іеромонаси Іоанникій и Софроній Лихудіевы, писалъ онъ арх. Сильвестру, «во истину выскоучени суть, добри же и вѣрны, трезвы и бодры, и поучени усердни. Непрестанно бо на кійждо день учениковъ греческимъ, славенскимъ и латинскимъ письменомъ безъ всякаго сокрытія вседушно обучаютъ».

Въ январѣ 1708 г. состоялся приказъ Государя возвратитъ Лихудовъ снова въ Москву. Софроній, вѣдвѣвшій въ Москву по дѣламъ типографіи, былъ даже удержанъ тамъ для преподаванія греческаго языка. Іоанникій, по просьбѣ м. Іова, былъ временно оставленъ въ Новгородѣ; но затѣмъ и онъ перешелъ въ Москву, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ до смерти занимались преподаваніемъ въ греческой школѣ, которую они содержали на казанскомъ подворьѣ. Въ Академію они болѣе не возвращались. Іоанникій умеръ 7 авг. 1717 г. Софроній 15 іюля 1730 г. Но и по удаленіи изъ Академіи Лихудовъ дѣло ихъ, благодаря ихъ ученикамъ, вѣрцло и развивалось и Академія положила хорошее начало русскому высшему (научному) образованію.

Изъ учениковъ Лихудовъ замѣчательны: Феодоръ Поликарповъ, бывшій наставникомъ въ Академіи и справщикомъ въ типографіи, Николай Головинъ, также наставникъ, потомъ справщикъ, Феологъ, монахъ Чудова монастыря, Каріонъ Истоминъ, стихотворецъ и справщикъ, Козма Святогорецъ, іеродіаконъ Чудова монастыря Іовъ и іеромонахъ Палладій Роговскій, впоследствии наставникъ Академіи.

Источники и пособія: Источникомъ служила Древняя Россійская Виеліоѣйка т. 6-й изд. 2-е. Москва 1788. Изд. Н. Новикова.—Главнымъ пособіемъ С. Смирновъ, Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, Москва. 1855.—Другія пособія: Мирковичъ. О школахъ и просвѣщеніи въ патриаршій періодъ. Ж. М. Н. П. Часть СХСѴІІІ. 1876 г. — Н. Каптеревъ. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія Славяно-греко-латинской Академіи. Приб. къ св. Отцовъ 1889. Кн. IV.

Глава XXVI.

Состояніе просвѣщенія въ Московской Руси XVII вѣка. Дѣятели просвѣщенія. Заключение.

Въ главѣ XIX этого сочиненія отмѣчено стремленіе къ просвѣщенію въ Сѣверо-восточной Руси первой половины XVII вѣка. Здѣсь остается показать, въ какомъ именно состояніи было просвѣщеніе въ XVII вѣкѣ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на книги, находившіяся въ обращеніи въ русскомъ обществѣ того времени. Въ XVI в. встрѣчаются по преимуществу миинеи служебныя и праздничныя, тріоды цвѣтныя и постныя, паремьи, псалтири слѣдованныя, апостолы, служебники, житія святыхъ, пчелы изма-

рагды и златоусты. Эти книги изобильны и въ XVII вѣкѣ, но рядомъ съ ними существуютъ уже рукописныя арифметики, космографіи, азбуковники, лѣчебники, по большей части представлявшіе переводы съ иностранныхъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго, греческаго, италіанскаго и преимущественно съ польскаго. Кругъ свѣдѣній видимо расширяется: прежнія знанія признаются недостаточными; въ обществѣ возникаютъ другіе вопросы, помимо религіозно-нравственныхъ и богословскихъ. Являются такіе люди какъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго ученые иностранцы называли великимъ, и царевна Софія; сами государи Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ являются любителями и покровителями просвѣщенія. Неудивительно поэтому, что у такого государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, способствовавшаго расцвѣту нашей умственной жизни, были и такіа дѣти, какъ Ѳеодоръ, Софія и Петръ Великій.

Славившая въ XVI вѣкѣ въ Западной Европѣ Космографія Меркатора была переведена по указу царя Михаила Ѳеодоровича (1637 г.) переводчиками посольскаго приказа Лыковымъ и Дорномъ. Переведенъ былъ *Orbis terrarum* Меркатора, сирѣчь «Образецъ или четыре всего свѣта земель». Е. Славинецкій, какъ извѣстно, перевелъ «Уставы граждано-правительныя отъ Ѳукидидовой исторіи», «Географіи двѣ части Европу и Азію съ латинска», «Книгу врачевскую анатомію съ латинска» и «Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ». Извѣстны еще двѣ космографіи, русскій переводъ которыхъ относится къ концу XVII в. авторъ одной — италіанецъ Джіовани Ботеро; другая подъ названіемъ «Сказаніе о глаголемой космографіи. Сложена отъ древнихъ философовъ и переведена съ греческаго и римскаго на славянскій языкъ, сирѣчь на русскій, и пишетъ о земли всего свѣта книги сія».

Первая географическая карта Московскаго государства была составлена при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Это такъ называемый «Большой чертежъ земли русской», дополненный при Годуновѣ и возобновленный при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1626 г.), причемъ присоединено было изъясненіе подъ названіемъ «Книга

Большой чертежъ». Вторичное исправленіе карты было при Ѳеодорѣ Алекѣевичѣ (1680 г.) Изъясненіе или описаніе расположено по путямъ сообщенія, т. е. по дорогамъ и рѣкамъ, и написано простымъ, удобопонятнымъ языкомъ.

Изъ грамматикъ находились въ обращеніи грамматика Мелетія Смотрицкаго, въ первый разъ напечатанное въ Москвѣ въ 1648 г. Юрій Крыжаничъ написалъ «Грамматично изказаніе», представляющее первый опытъ общеславянской грамматики. Въ XVIII в. является и первый опытъ библиографіи. Онъ принадлежитъ Сильвестру Медвѣдеву, который составилъ «Оглавленіе книгъ, и кто ихъ сложилъ»^{*)}. Первую попытку систематической обработки лѣтописныхъ сказаній представляетъ «Краткое повѣствованіе» дьяка Ѳеодора Грибоѣдова, написанное во второй половинѣ XVII вѣка и послѣдовательно излагающее событія русской исторіи отъ Владимира до воцаренія Ѳеодора Алексѣевича. Первымъ учебникомъ русской исторіи, находившимся въ школьномъ употребленіи до историческихъ трудовъ Ломоносова и потому издававшимся многократно былъ «синѡсисъ» Гизеля. Изъ историческихъ сочиненій былъ очень распространенъ хронографъ или лѣтописецъ отъ сотворенія міра и до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, составленный Сергѣемъ Кубасовымъ, по византійскимъ хронографамъ, русскимъ лѣтописямъ и другимъ источникамъ до Іоанна Грознаго, съ царствованія котораго Кубасовъ писалъ отъ себя «что самъ существенно видѣлъ и что слышалъ отъ другихъ очевидцевъ (написаніе вкратцѣ о царехъ московскихъ, о образѣ ихъ, и о возрастѣ ихъ и о нравѣхъ).» Къ лѣтописнымъ сочиненіямъ XVII в., кромѣ отдѣльных лѣтописныхъ сказаній, (лѣтопись о мятежахъ, повѣсть о самозванцахъ) относятся два лѣтописныхъ сборника: Никоновскій и Воскресенскій. Никоновскій списокъ составленъ при пособіи тѣхъ рукописей, которыя собраны были Никономъ, во время исправленія книгъ. Въ немъ сохранились весьма важ-

^{*)} Издано Ундольскимъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1846 № 3. Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славяно-русской библиографіи.

ныя свѣдѣнія о древнихъ временахъ, заимствованныя изъ такихъ рукописей, которыя нынѣ утрачены. Лѣтописныя свѣдѣнія дополнены посланіями, поученіями, біографіями. Разсказъ оканчивается 1630 г. Воскресенскій списокъ весьма важенъ для исторіи Московскаго государства въ XV и XVI в. Онъ оканчивается 1560 г. Кромѣ этихъ сборниковъ, замѣчательны: «Сказаніе объ осадѣ Троицкой лавры» Авраамія Палицына (1624 г.) и «Записки о стрѣлцкомъ бунтѣ» Сильвестра Медвѣдева (1682 г.); іером. Тимоѳей Каменевичъ Рвовскій написалъ исторію славяно-греко-латинской академіи.

Медицинскія познанія перестаютъ считаться колдовствомъ и входятъ въ кругъ нашей письменности, что видно изъ разныхъ статей и книгъ медицинскаго содержанія, въ родѣ слѣдующихъ: «Книга, глаголемая Прохладный Вертоградъ . . . о различныхъ врачевскихъ вещахъ ко здравію человѣческому пристоящихъ, въ которой находится 341 глава: о кровопусканіи, о птицахъ всякихъ, къ лѣкарству угодныхъ, о мясѣхъ всякихъ, о водахъ, о рыбахъ рѣчныхъ и морскихъ, о пчелѣ и о меду и о воскѣ, о заморскихъ и о русскихъ зеляхъ, и о древесехъ, и о травахъ, и о водахъ, изъ травъ перепущенныхъ, «о укусе, о маслехъ, о соলেখъ, о сахарехъ, о сыропехъ и пр. и пр.», гдѣ находятся свѣдѣнія по гигиенѣ, фізіологии, форманологіи и фармакогнози, а также и по другимъ естественнымъ наукамъ: о приготовленіи лѣкарствъ, о дѣланіи красокъ и т. п. родѣ технологіи и фармакопей и отрывки лѣчебника. «Проблемата . . . великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденнымъ, такожде и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ такожде и о звѣриныхъ». «Лѣчебникъ съ раскрашенными изображеніями травъ» и нѣсколько общедоступныхъ лѣчебниковъ.

Въ это же время чаще начинаютъ являться статьи, въ которыхъ видны новые литературныя потребности и запросы въ обществѣ: это переводы сказокъ, повѣстей, романовъ и т. п. — литературныхъ произведеній другихъ народовъ; въ это время мы встрѣчаемъ переводы, напр., басень Эзопа (писаніе философа Эсопа Индѣянина), переводъ произведеній персидскаго

поэта Шихсади *). Появляются и оригинальные повѣсти: «Исторія о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Нардина Нащокина, Аннушкѣ».

Къ важнымъ литературнымъ сочиненіямъ ХУП в. относятся: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» Котошихина и «Русское государство въ половинѣ ХУП вѣка» Юрія Крыжанича.

Сочиненія эти достаточно изучены и о нихъ довольно полныя свѣдѣнія даются даже въ курсахъ исторіи русской словесности, поэтому мы остановимся надъ ними постольку, поскольку они касаются интересующаго насъ предмета.

Котошихинъ былъ дьякъ посольскаго приказа и занимался письмоводствомъ при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами. Спасаясь отъ непріятностей по службѣ, онъ убѣжалъ около 1664 г. въ Польшу, потомъ странствовалъ по Пруссіи, наконецъ поселился въ Стокгольмѣ и написалъ сочиненіе о Россіи. Положеніе Котошихина, писавшаго виѣ Россіи и, слѣдов., не связаннаго никакими официальными отношеніями, позволяло ему прямо говорить о всѣхъ недостаткахъ русской жизни. Разказъ Котошихина вездѣ простъ, кратокъ и ясенъ; онъ говоритъ довольно безпристрастно, выражаетъ свои сужденія открыто и смѣло. Онъ рассказываетъ объ отсутствіи науки и образованія въ высшихъ сферахъ, о невѣжествѣ родовитыхъ бояръ, о ихъ спеси и чванствѣ, а, между тѣмъ, многіе изъ нихъ, засѣдая въ думѣ, часто ничего не могли отвѣтить на вопросы царя, потому что многіе изъ нихъ грамотѣ неученые; изображаетъ вредныя послѣдствія мѣстничества и другія нестроенія нравовъ. По поводу того, что польскіе послы не были допущены съ дарами, Котошихинъ даетъ такое объясненіе: «Для того, говоритъ онъ, что московскаго государства женскій полъ грамотѣ неученый, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры не смышлены и стыдливы; понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ

*) См. под. у Д. Мордовцева. О русскихъ школьныхъ книгахъ, ст. 95.

въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родствен-ныхъ, чужіе люди, никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ. И потому должно дознаться отъ чего бы имъ быти гораздо разумными и смѣлыми». Короткими словами, но живо Котошихинъ рисуесть все тогдашнее общество, и хотя въ XVII в. явились уже значительные умственные запросы, были и видные дѣятели просвѣщенія, но, въ общемъ, въ массѣ господствовала косность и апатія, женщина же, запертая въ теремъ, не принимала участія въ общественной жизни, была необразованна и мало могла содѣйствовать правильному воспитанію и образованію. Главная мысль, которую высказываетъ Котошихинъ повсюду въ своемъ сочиненіи, заключается въ томъ, что невѣжество, отсутствіе науки и недостатокъ просвѣщенія древней Руси, происходящіе вслѣдствіе ея отчужденія отъ «иныхъ государствъ», т. е. отъ Европы — служатъ главнѣйшею причиною всѣхъ бѣдствій русскаго народа и правительства». Но, въ общемъ, сочиненіе Котошихина имѣетъ характеръ простаго историческаго разсказа и не задается мыслью, какими способами улучшить и измѣнить русскую жизнь. Эту цѣль, напротивъ, преслѣдуетъ Юрій Крыжаничъ, родомъ хорватъ, пріѣхавшій въ Россію въ 1658 г. и сосланный въ 1661 г. въ г. Tobольскъ.

Юрій Крыжаничъ всю жизнь свою положилъ на заботу о политическомъ объединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ и въ Россіи видѣлъ главный оплотъ противъ вреднаго, чужеземнаго вліянія. Онъ хотѣлъ, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей Политикѣ, пробудить въ русскихъ сознание своей славянской народности и познакомить ихъ съ единоплеменниками, и для этой цѣли 1) исправить и очистить славянскій языкъ и написать для него «добру грамматику и лексиконъ»; 2) написать исторію всего славянскаго народа и 3) обличить «обманы» иностранцевъ относительно славянъ вообще и въ частности русскихъ.

Сосланный въ Tobольскъ, какъ можно думать за свой рѣзкій осужденіе недостатковъ русскихъ, онъ прожилъ тамъ 15 лѣтъ, написалъ между прочимъ: Граматично Изказаніе и

Политику (изд. Безсоновымъ подъ заглавіемъ «Русское государство въ половинѣ XVII в.») Это самое важное сочиненіе Крыжанича, въ которомъ выражены всѣ его задушевныя мысли, чувства и стремленія. Вся Политика раздѣляется на три части: 1) о народномъ и державномъ благѣ и богатствѣ, 2) о силѣ державной и 3) о мудрости державной. Въ первой части Крыжаничъ разсматриваетъ источники богатства государства: торговлю, ремесла, земледѣліе, горные промыслы. Предлагая нѣсколько средствъ для улучшенія торговли, онъ между прочимъ, считаетъ полезнымъ, чтобы правительство не дозволяло никому открывать лавки съ товарами, пока не выучатся письму и счету. Замѣтивши, что русскія женщины ничего не умѣютъ дѣлать, Крыжаничъ, для распространенія рукодѣлій, совѣтуетъ заводить для дѣвочекъ школы, въ которыхъ учили бы разнымъ рукодѣліямъ и хозяйственнымъ занятіямъ. При выходѣ замужъ такія воспитанницы должны показывать свидѣтельство о своемъ обученіи и успѣхахъ. Земледѣліе, говоритъ Крыжаничъ, всему богатству корень и основаніе. Для усиленія земледѣлія онъ совѣтуетъ перевести съ иностранныхъ языковъ полезныя о немъ сочиненія, изслѣдовать почву во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи и узнать, что и въ какихъ мѣстахъ лучше можетъ расти. Нужно также позаботиться о разведеніи полезныхъ растений, о пчеловодствѣ, скотоводствѣ, о разведеніи шелковичныхъ червей, сорочинскаго пшена и табаку». Такимъ образомъ, уже у Юрія Крыжанича находятся дѣльныя мысли о поднятіи промышленности и земледѣлія Россіи, мысли осуществленныя только гораздо позже Петромъ Великимъ.

Въ третьей части своей Политики Крыжаничъ разсуждаетъ о мудрости вообще и въ частности о мудрости политической, при чемъ говоритъ: «Высшій даръ человѣка есть разумъ; дѣятельность разума выражается въ мудрости; мудрость же приобрѣтается ученіемъ и книгами. Книги нужны для всѣхъ: онѣ не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью; книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истину». Крыжаничъ думаетъ, что теперь то и настало время

насадить мудрость и ученіе въ Россіи, и опровергая боязнь, чтобы ученіе не навлекло новыхъ ересей, говорить, что Магометъ не былъ мудръ, а наплодилъ же большую ересь; «а на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ некнижныхъ мужиковъ? Отъ мудрости ереси искореняются, а отъ невѣжества пребываютъ... Святые отцы были мудры, а не зачинали ересей, но ратовали противъ нихъ *). Относительно просвѣщенія народа Крыжаничъ высказываетъ такого рода мысли: «Только дѣти высшихъ классовъ, и то не всё, а самыя богатыя, могутъ учиться греческому и латинскому языкамъ, исторіи, философіи и политикѣ, а люди низшіе и убогіе должны заниматься полезными науками, такъ назыв. трудовыми: математикой, астрономіей, медициной и пр. Философія, говоритъ онъ еще въ другомъ мѣстѣ, если станетъ общимъ достояніемъ народа, то повлечетъ за собою многіе вопросы и волненія, будетъ отвращать людей отъ труда къ праздности, что мы и видимъ у нѣмцевъ. Не должно всё кушанья подправлять медомъ, потому что медъ производитъ тошноту; точно также и философію не слѣдуетъ передавать всему народу, а только сословію благородному и нѣкоторымъ изъ черни для того призваннымъ, насколько это нужно для службы государю, иначе достойнѣйшій предметъ пошлѣтъ, и жемчугъ мечется передъ свиньями **). Эти мнѣнія Крыжанича весьма характерны для XVII в. и не разъ впоследствии повторялись въ литературѣ.

Въ 1671 году прибылъ въ Москву на службу въ посольскій приказъ Николай Спаарій. Патріархъ Досіеей далъ о немъ Государю самую лучшую рекомендацію, рекомендовалъ его, какъ «человѣка премудраго въ латинстѣмъ и славенскомъ, а наипаче въ еллинскомъ языцѣхъ, и русскаго скоро можетъ выучить и готовъ есмь переводити, дивенъ есть добрымъ писаніемъ, а болши всего что есть благочестивый христіанинъ... многіе государства и царства прошелъ ученія ради и есть

*) Рус. Госуд. ч. I ст. 105—112.

**) Приведено у И. Порфирьева. Исторія русской словесности Ч. I. 1886. ст. 679.

яко громографъ (хронографъ), въ которомъ содержатся всякія дѣла вселенныя, хотя бы искать такого человѣка съ великими трудами, но не найтуть, а Богъ его посылаетъ и придетъ онъ самъ къ вашему царствію... Прикажете ему переводити и толковати и писати исторіи и книги съ какова языка изволите» *).

Бояринъ Матвѣевъ воспользовался знаніями Спаарія и пригласилъ его учить сына «по гречески и по латыни лите-рамъ малой части». И дѣйствительно, это былъ человѣкъ весьма образованный, по своему времени. Николай Милеску (Спаарій) изъ рода молдавскихъ бояръ, получилъ образованіе въ Константинополѣ и въ Италіи *); игралъ довольно видную роль на родинѣ, состоя спааріемъ при молдавскомъ госпо-дарѣ; послѣ неудачной интриги противъ послѣдняго ему былъ «урѣзанъ» носъ и онъ покинулъ родину. Между переводчи-ками въ Москвѣ онъ занялъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто и принялъ дѣятельное участіе въ составленіи книгъ «строив-шихся» въ приказѣ для царя Алексѣя Михайловича по ини-ціативѣ Матвѣева, можетъ быть не безъ вліянія со сто-роны Спаарія, который явился главнымъ дѣятелемъ по со-ставленію этихъ книгъ; въ 1671 г. участвовалъ въ составле-ніи «Государственной книги», въ 1672 г. составлены: Хрис-мелогіонъ, Мусы, Сивиллы, Ариемологіонъ 1673 г., Василиоло-гіонъ 1674 г. приготовлено описаніе церкви Св. Софіи и т. п. Въ 1675 г. Спаарій былъ посланъ въ Китай. Кромѣ статей-наго списка, онъ велъ дневникъ путешествія, составилъ опи-саніе Китая и перевелъ сочиненіе Мартина De bello Tartarico.

Исполнивъ возложенное на него царемъ Алексѣемъ Ми-хайловичемъ порученіе, Спаарій прибылъ въ Москву 5-го ян-

* Гречес. статейные списки № 7 гл. 277 (Москов. арх. минист. иност. дѣлъ). Прив. у Каптерева. О греко-лат. шк. ст. 623.

** Въ Константинополѣ онъ усвоилъ языки эллинскій, новогреческій, ту-рецкій и арабскій и прослушалъ курсъ богословія, философіи, литературы и исто-ріи; позже свои знанія пополнилъ въ Италіи изученіемъ наукъ естественныхъ и математическихъ и, вѣроятно, латинскаго и италіанскаго языковъ. Современники его называли «vir polyglottus» «instruct aux langues», «всѣмъ языкамъ научен-нымъ» и указывали на его спеціальныя познанія по исторіи.

варя 1678 года, когда на престолъ вступилъ уже Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Вскорѣ Спафарія обвинили въ неумѣнны вѣсти посольскія дѣла и въ превышеніи власти, но процессъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій, и онъ, по прежнему, оставался въ посольскомъ приказѣ.

Въ 1694 г. мы находимъ Спафарія въ хлопотахъ на пользу просвѣщенія русскаго юношества: онъ заготовляетъ къ печати греческія и латинскія азбуки для славяно-греко-латинской академіи и ходатайствуетъ о высылкѣ съ Востока въ Московскую типографію справщиковъ «понеже трудъ надъ книгами великій». Награду за посольство онъ получилъ уже по смерти царя Ѳеодора Алексѣевича. О дальнѣйшей жизни Спафарія есть лишь скудныя извѣстія: умеръ онъ, вѣроятно, въ 1709 г.

Для насъ особенно важна «Ариемологія» Спафарія, полное заглавіе ея слѣдующее*): «Ариемологія, сирѣчь численословная книга, въ ней же изчисленіемъ описуются вещи достопамятныя и къ веденію весьма нуждныя: вползу любомудрымъ тщателемъ, упражняющимся въ прочитаніи и во ученіи книжнемъ, издадѣся и на три части раздѣмѣся, іхже первая исчисляетъ вещи, о нихже самое Божественное Писаніе и Святая Церковь научаетъ: второе, о нихъ же философи любомудрствуютъ, третія же, въ нихъ же иеическое содержится ученіе». А въ послѣсловіи сказано «Совершися и преведѣся новая сія книжица ариемологія отъ мудраго мужа Николая Спафарія въ лѣто 7181 сеньтевріа въ 26 день». Въ другихъ же спискахъ**) заглавіе короче; «Ариемологія сирѣчь числовіе всѣхъ яже насъ учити могутъ, числомъ объемлемое» въ послѣсловіи же пропущено «ариемолוגія» и «мудраго мужа».

Состоитъ Ариемологія изъ предисловія, двухъ частей ариемологіи собственно и третьей, какъ бы приложенія, иеики, «сирѣчь нравы царственныя, се есть знаменіе царемъ и кеса-

*) По двумъ спискамъ Н. Кедрова и Императ. Публичной Библиотеки изъ собранія Богданова (по каталогу И. А. Вычкова № 118).

**) Въ спискахъ Флорищевой Пустыни № 148 (140) Архангельской семинаріи № 229 (1036), Антоніева Сійскаго монастыря (неправильно названъ у преем. Филарета ариеметикой) и Тверскомъ музеѣ № 3168.

ремь. Все содержаніе ариемологiи состоитъ изъ множества мелкихъ группъ; каждая группа состоитъ изъ отрывочныхъ мыслей, соединенныхъ въ одно цѣлое подь одну общую мысль, при чемъ количество отрывочныхъ мыслей «исчисленіемъ описуется» то есть считается; на примѣръ, три начальницы страстей: славолубіе, сластолюбіе, сребролюбіе, или шесть всѣмъ общая суть: 1 храмы или церкви, 2 палаты судебныя, 3 училища, 4 торжища, 5 часы, 6 бани, или три сія весьма суть смѣятельная: 1 глаголати со своимъ образомъ, 2 братися съ тѣнію своею, 3 совѣта творите со безумнымъ и т. д. Отъ этого то исчисленія отрывочныхъ мыслей, соединенныхъ подь одну общую и закрѣпленныхъ при ней численною формулою и самая энциклопедія получила названіе Ариемологiи.

Въ предисловіи развивается та мысль, что необходимо, чтобы заповѣди «Философiи иѳини, какъ основанія гражданскія философiи домашніи и зрительныя» были крѣпко подкрѣплены въ насъ, что для этого зѣло непоследнее, ниже безъ пользы зримое есть объяти числомъ «ея положенія» или «увѣщанія» «особенно младымъ умомъ», потому что «аще изрядная реченія краткимъ числомъ объемяются, въ памяти имѣти ихъ удобнѣе».

Изложить содержаніе двухъ частей ариемологiи довольно затруднительно; легче сдѣлать подробный перечень. Начинается первая часть исчисленіемъ девяти чиновъ ангельскихъ, девяти музъ, семи свободныхъ искусствъ пяти чувствъ, трехъ благодатей, семи мудрецовъ, трехъ адскихъ мучительницъ, семи планетъ, четырехъ стихій или элементовъ, четырехъ частей лѣта, т. е. годы и т. д. При этомъ перечисленіи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлаются объясненія.

Вторая часть озаглавлена «Ариемологiя нравовъ отъ различныхъ творцовъ», и въ первой своей половинѣ заключаетъ рядъ «увѣщаній» житейской мудрости. Третья часть представляетъ дословный переводъ сочиненія Nicolai Reissneri Leopini Symbologum Imperatorum Franef. 1627, въ коемъ приводятся девизы различныхъ императоровъ и толкованіе этихъ девизовъ.

Г. Н. Кедровъ считаетъ «Ариемологию» лучшую школьною энциклопедіею XVII вѣка и по замыслу, и по выбору содержанія, и по методу изложенія, энциклопедіею, которая, удовлетворяя и нравственно-религіозному настроенію читателей своего времени, и естественному стремленію ума къ реальному познанію природы, была въ то же время свободна отъ тѣхъ суевѣрій, какія такъ обыкновенны въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ того времени. «Въ «Ариемологии» вполне выразился характеръ тѣхъ дидактическихъ сочиненій, которыя были любимыми книгами русскаго народа не только въ XVII в., но и значительно раньше и даже позже этого вѣка. Съ пробужденіемъ потребности къ образованію, предки наши не столько нуждались въ такихъ спеціально научныхъ книгахъ, какъ Альгоризма, сколько въ такихъ, изъ которыхъ можно было бы въ короткое время узнать, какъ можно болѣе вещей.»*)

Дѣйствительно, содержаніе «Ариемологии» весьма разнообразно. Кромѣ свѣдѣній богословскихъ, кромѣ наставленій нравственныхъ и правилъ житейскаго опыта, въ этомъ трудѣ Спаарія много свѣдѣній изъ классической міеологии, свѣдѣній естественно-историческихъ (напр. «свойства нѣкимъ животнымъ») и, вообще, свѣдѣній научныхъ. Но, задумавъ воспользоваться числомъ, какъ мнемотехническимъ средствомъ, Спаарій не вездѣ могъ «описать» тѣ «разнообразныя вещи достопамятныя и къ веденію нужныя», какія онъ приводитъ, хотя бы и въ первыхъ двухъ частяхъ, а третья этого «численно-словнаго» приема въ себѣ совсѣмъ не заключаетъ. Мѣстами встрѣчаются противорѣчія, повторенія и непослѣдовательность въ объясненіи мыслей. Быть можетъ, и самый замыселъ принадлежитъ не Спаарію, а оригиналу, съ котораго «переведенъ этотъ трудъ.» Подлежитъ также сомнѣнію, чтобы «Ариемология» была составлена спеціально для школы.

Изъ обзора «Ариемологии» и другихъ книгъ, переведившихся и строившихся, преимущественно, для дворца и посоль-

*) См. Н. Кедровъ. Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. CLXXXIII. 1878 г.

скаго приказа мы видимъ, что, вслѣдствіе пробудившейся потребности знанія, особенно нуждались въ такихъ книгахъ, изъ которыхъ можно бы было поскорѣе узнать какъ можно болѣе необходимыхъ вещей. Для взрослыхъ людей, хотѣвшихъ быть и слыть образованными, всего нужнѣе были краткіе учебники и энциклопедіи, чтобы изъ немногихъ книгъ узнать какъ можно больше. Но, если старикъ Морозовъ въ разговорѣ съ учеными иностранцами горько жаловался, что въ молодости не получилъ образованія, то люди, подобно Морозову, которыхъ становилось все больше и больше, необходимо должны были прійти къ мысли дать образованіе своимъ дѣтямъ. Поэтому неудивительно, что сперва во дворцѣ, а потомъ и въ домахъ вельможескихъ мы видимъ при дѣтяхъ наставниковъ, людей, способныхъ изъ многихъ книгъ собрать разнаго рода знанія и живымъ, легкимъ способомъ передать ихъ молодымъ людямъ, и при этомъ, главное, сообщить имъ средство, самимъ потомъ продолжать, ученіе, т. е. сообщить имъ знаніе иностранныхъ языковъ. Первыми и, сначала, исключительными наставниками царевичей были подъячіе, которые учили ихъ грамотѣ, читать и писать.

Разумѣется, изъ подъячихъ выбирались для этого безуречные чтецы и краснописцы и также люди нравственные, пріятной наружности и съ хорошими манерами, т. е. чтобы умѣлъ «крестъ сполна класть по писанному и поклонъ вести по ученому». Учителемъ царевича Феодора Алексѣевича былъ подъячій посольскаго приказа Памфилъ Бѣляниновъ *). Но одними подъячими въ царствованіе Алексѣя Михайловича уже нельзя было довольствоваться. Нужны были наставники съ болѣе широкимъ, энциклопедическимъ образованіемъ. Такими людьми явились Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и Николай Спаарій. Симеонъ Полоцкій былъ образцомъ домашняго учителя, какой требовался у насъ въ XVII вѣкѣ.

Такимъ образомъ, на Москву, съ одной стороны, вліяла юго-западная Русь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей,

*) С. Соловьевъ, Исторія Россіи т. 13-й.

а, съ другой, Западная Европа при помощи литературы и постоянного прилива ремесленниковъ, торговцевъ, офицеровъ и пословъ. Въ XVII вѣкѣ западные европейскіе обычаи, хотя слабо, но уже замѣтно проникаютъ въ высшее московское общество. Когда Ордынъ-Нащокинъ управлялъ посольскимъ приказомъ, въ Москвѣ появились первыя русскія газеты, или куранты (рукописныя), впрочемъ, исключительно назначенныя для двора; въ нихъ помѣщались переведенныя изъ иностранныхъ газетъ извѣстія о европейскихъ событіяхъ. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича личнымъ расположеніемъ царя и наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ пользовался бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, отличавшійся своимъ образованіемъ и приверженностью къ европейскимъ обычаямъ, которые тогда, понемногу, начали проникать въ высшее русское общество; послѣ Ордына-Нащокина онъ завѣдывалъ посольскимъ приказомъ. Подъ вліяніемъ его при Московскомъ дворѣ положено было начало театру. Пріѣзжіе нѣмцы, въ присутствіи царя, царскаго семейства и придворныхъ, разыграли нѣсколько мистерій. Представленія такъ понравились царю, что онъ поручилъ Матвѣеву устроить постоянный театръ, отдать въ ученіе нѣмцамъ нѣсколько русскихъ и выписать изъ Германіи новыхъ актеровъ. Пастору Грегори съ товарищами дано въ обученіе комедійскому искусству 26 мѣщанскихъ и подъяческихъ мальчиковъ. Когда Грегори умеръ, дѣло это поручается Степану Чижинскому, года два бывшему учителемъ Кіево-братской школы, и у него уже «комедійскому дѣлу» училось «80 человекъ всякаго чину людей». Такимъ образомъ положено было начало русской театральной школѣ.

Сперва увеличеніе числа иностранцевъ въ Москвѣ возбуждало сильный ропотъ, жалобы священниковъ, иноземцевъ выдѣлили, переселили и въ особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась отъ нѣмцевъ, но это могло только казаться такъ.

Русь трогалась съ востока на западъ, и западъ выставилъ ей на пути, какъ свою представительницу, нѣмецкую

слободу. Историческій чередъ былъ за нѣмецкой слободой, и скоро старая Москва преклонится передъ тою слободою своею, какъ нѣкогда старый Ростовъ преклонился передъ пригородомъ своимъ Владимиромъ» (С. Соловьевъ).

Въ нѣмецкой слободѣ была школа и къ ея учителю Ягану Понціусу Федоръ Алексѣевичъ отправилъ (въ ноябрѣ 1678 г.) изъ аптекарскаго приказа двоихъ русскихъ учениковъ для обученія «латинскому и цесарскому языкамъ», чтобы имъ можно было въ совершенствѣ постигнуть «аптекарское и алхимистское дѣло». Жалованье ему было обѣщано, и при этомъ строго наказывалось: «А учить ему тѣхъ учениковъ со великимъ прилежаніемъ и радѣніемъ: и буде они станутъ лѣниться или ослушаться, учинить имъ наказаніе, какъ въ школахъ, по винѣ смотря» *). Такимъ образомъ видимъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, любившій развлеченія, посылалъ въ нѣмецкую школу русскихъ мальчиковъ обучаться театральной потѣхѣ, а его болѣзненный сынъ Федоръ пробуетъ обучать ихъ тамъ же иностраннымъ языкамъ, необходимымъ для медицины.

Источники и пособія: Мордовцовъ. О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. 1862 г. — И. Порфирьевъ. Исторія русской словесности. Ч. I. Казань 1866. — Приготов. къ печати трудъ И. Н. Михайловскаго: «Обзоръ литературной дѣятельности Н. Спафарія». — Н. Кедровъ. Николай Спафарій и его ариемологія. Ж. М. Н. Пр. Часть CLXXXIII. 1876 г. — С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. 13-й. — Д. Цвѣтковъ. Первые нѣмецкія школы въ Москвѣ. Православ. Обзорніе. 1890. Кн. IV.

*). Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1888. IV. № 1450.

Заключеніе.

Въ заключеніе приведемъ вкратцѣ тѣ главнѣйшія положенія, которыя мы развивали въ первой части нашей исторіи русской педагогіи.

1. Древне-русская педагогія начинается со времени Владимира Святого и Ярослава Мудраго.

Школа XI и XII вв. носила церковный характеръ, она являлась для малыхъ дѣтей предверіемъ храма Божія.

2. Византія дала намъ вѣру, гражданственность и литературу и, въ общемъ, имѣла благотворное вліяніе на древнюю Русь.

3. Храмы, особенно монастыри, явились у насъ первыми разсадниками христіанскаго народнаго просвѣщенія, они были школами нравственности.

4. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи древне-русскаго человѣка. Самостоятельному чтенію книгъ придавалъ онъ большее значеніе, чѣмъ школъ.

5. Въ поученіи Владимира Мономаха, какъ бы въ зародышѣ, находятся тѣ педагогическія начала, которыя предстояло развить русской педагогіи.

6. Въ XIII и XIV в. особенно процвѣтала монастырская педагогія.

7. Въ XV в. существовало довольно частныхъ элементарныхъ школъ.

8. Максимъ Грекъ важенъ не только своими сочиненіями, но и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, тѣмъ учительствомъ, которымъ онъ способствовалъ образованію нѣкоторыхъ русскихъ людей.

9. Арх. Геннадій новгородскій и Стоглавый соборъ поставили на очередь вопросъ о заведеніи училищъ.

10. Идеальный образъ Юліаніи Лазаревской, живш. въ XVI в., могъ воспитывающимъ образомъ дѣйствовать не только на родныхъ дѣтей, но и вообще на подрастающее поколѣніе, поучавшееся ея житіемъ.

11. Древне-русскіе сборники: Пчелы, Златоусты, Измарагды и Домострой имѣли въ древне-русской жизни важное педагогическое значеніе. Они были проводниками христіанскихъ идей о любви къ ближнему, милосердіи, послушаніи и т. п. Въ постоянномъ чтеніи ихъ древне-русскіе люди почерпали силы для благочестивой и нравственной жизни.

12. Братскія школы юго-западной Руси положили начало наукѣ.

13. Уставъ Луцкой школы свидѣтельствуеъ о повышеніи уровня педагогическихъ знаній и требованій. Образованность и гуманность въ немъ высоко цѣнятся.

12. Начало любви и уваженія къ наукѣ было прочно положено въ Кіево-могилянской коллегіи.

13. Существованіе Чудовской школы Епифанія Славинецкаго и Спасской Симеона Полоцкаго, хотя и вѣроятно, но не доказано и требуетъ для своего подтвержденія новыхъ изслѣдованій.

14. Число низшихъ школъ значительно возросло въ XVII вѣкѣ. Появляются уже въ достаточномъ числѣ печатныя азбуки, изъ нихъ болѣе извѣстны: азбука Василя Бурцова (1634), азбука, напечат. въ верхней типографіи (1679 г.) и азбука Каріона Истомина (1694 г.) Кругъ ученія въ школахъ состоялъ изъ азбуки, псалтыри, часослова, письма и пѣнія. Самыми необходимыми школьными книгами были псалтырь и часословъ «безъ нихъ и ученія не бываетъ».

15. Дѣятели юго-западнаго просвѣщенія XVII в. (какъ Галатовскій, Барановичъ и др.) носятъ на себѣ явные слѣды пребыванія въ Кіево-могилянской коллегіи.

16. Въ первой половинѣ XVII в. въ Московской Руси замѣтно оживленіе умственныхъ интересовъ. Пріѣзжаютъ иностранцы изъ Западной Европы; вызываются ученые греки и кіевляне для исправленія книгъ.

17. О способахъ и объемѣ элементарнаго образованія въ школахъ XVII в. можно судить по букварямъ. Азбука считалась преддверіемъ (дѣйствицею) къ изученію часослова, псалтыри и другихъ божественныхъ книгъ, а потому и сама про-

никнута религиознымъ характеромъ. Для обученія письму служили скорописныя азбуки, писанныя столбцомъ. Изреченія и афоризмы, находимыя въ азбукахъ XVII в., почти всегда отличаются религиознымъ и нравственнымъ содержаніемъ.

18. Школьные азбуковники свидѣтельствуютъ, что въ XVII в. были школы, гдѣ преподавались и нѣкоторые свѣтскіе предметы (ариѳметика, грамматика).

19. Эти азбуковники весьма важны для исторіи педагогій, такъ какъ въ нихъ мы находимъ указанія не только на способы обученія учащихся, школьную дисциплину и порядки, но, до нѣкоторой степени, на объемъ и методъ преподаванія предметовъ. Они были сборниками статей, назначенныхъ частью для чтенія ученикамъ, уже грамотнымъ, частью же для руководства самихъ учителей. Азбуковники проникнуты религиозно-нравственнымъ содержаніемъ, нѣкоторые изъ нихъ уже говорятъ о семи мудростяхъ.

20. На основаніи дошедшихъ до насъ рукописныхъ сочиненій XVII вѣка по ариѳметикѣ, можно думать, что въ XVII в. уже основательно были знакомы съ главнѣйшими ариѳметическими дѣйствіями и что въ нѣкоторыхъ школахъ знакомились съ первыми ариѳметическими дѣйствіями.

21. Симеонъ Полоцкій былъ не только ревнителемъ просвѣщенія, но и внесъ нѣкоторые новые педагогическіе взгляды и идеи, разбѣянные въ различныхъ мѣстахъ его «Обѣда душевнаго» и «Вечери душевной». Главная мысль, которую онъ проводитъ по І. Златоусту, что и зло и благо нисходятъ на дѣтей отъ родителей не по естеству, но по ученію, по образу родителей.

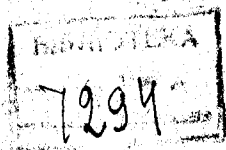
22. Свои педагогическіе взгляды Симеонъ Полоцкій собралъ въ педагогическій сборникъ (хранящійся нынѣ въ Имп. Пуб. Биб. № 327), который предназначался для князя П. М. Черкаскаго. На предисловіе къ этому сборнику слѣдуетъ смотрѣть, какъ на сводъ педагогическихъ взглядовъ Симеона Полоцкаго.

23. Мысль объ открытіи Московской Академіи принадлежитъ, вѣроятно, Симеону Полоцкому, но самая привилегія

составлена не имъ, или, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи подверглось значительной передѣлкѣ. Привилегія на Московскую академію проникнута высокимъ уваженіемъ къ мудрости. Ради этой мудрости устрояется Академія, въ которую вводятся науки гражданскія и духовныя согласно привилегіи, Академія должно была быть высшимъ учебнымъ заведеніемъ съ общеобразовательнымъ курсомъ. Ея главная задача способствовать утвержденію и распространенію православной вѣры и охраненію ея отъ ересей. Братья Лихуды ревностно трудились на пользу Академіи; своимъ преподаваніемъ и учебниками положили начало наукѣ въ Московской Руси.

24. Число книгъ и особенно переводовъ съ иностранныхъ языковъ растетъ во второй половинѣ XVII вѣка. Появляются кромѣ религіозно-нравственныхъ книгъ и книгъ свѣтскія. Несмотря на то, что въ массѣ еще не пробудились умственные интересы, появляются уже люди просвѣщенные и любители науки.

Конецъ первой части.

НБ ПНУС

7294